439

452

Александръ Аѳанасьевичъ
Мицуловъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ

П. И. Георгіевскаго,

ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго университета.

Второе изданіе.

Часть I.

В
179

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденная Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.
1893.

26/III 89

452

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ

П. И. Георгіевскаго,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Второе изданіе.

Часть I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденнаго Товарищества Я. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.
1893.

Прев. 1956
Пр.

„Пров 38"

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2353
26

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ первому изданію.

Читая лекціи по политической экономіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, мы считали себя обязанными приготовить къ печати пособіе, которое облегчало бы нашимъ слушателямъ усвоеніе читаемаго курса и которымъ они могли бы пользоваться при приготовленіи къ испытаніямъ въ государственной экзаменаціонной коммисіи; между тѣмъ, подготовляя къ печати нашъ настоящій трудъ, мы предприняли, въ пользу общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета, изданіе перевода (подъ нашей редакціей) сочиненія проф. Левассёра Précis d'économie politique, которое и рекомендовали нашимъ слушателямъ какъ полезное пособіе при изученіи политической экономіи, хотя по многимъ существеннымъ вопросамъ науки мы держимся иныхъ взглядовъ, чѣмъ проф. Левассёръ, на что и указали въ предисловіи къ переводу. Съ осени 1889 г. было начато печатаніе настоящей книги, которая, какъ показываетъ самое заглавіе, не представляя собою *полнаго* курса политической экономіи, предназначается служить только пособіемъ для университетскихъ слушателей. Система расположенія матеріала науки, а равно и нѣкоторые отдѣлы являются результатами самостоятельной разработки; относительно другихъ мы слѣдовали главнѣйшимъ образомъ изложенію науки, даваемому лучшими представи-

телями историко-этическаго направленія, какъ Рошеръ, Книсъ, Шмоллеръ, А. Вагнеръ, Конъ и др. Мы имѣли въ виду исключительно изложеніе общей части науки о народномъ хозяйствѣ, но, въ видахъ удовлетворенія программѣ экзаменаціонныхъ требованій, въ концѣ пособія, въ видѣ приложенія, нами данъ краткій очеркъ главнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства, для основательнаго изложенія каждой изъ которыхъ нуженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, такой же томъ, какъ настоящее пособіе.

П. Г.

$18\frac{29}{IV}90$.

Къ второму изданію.

Вошедшіе въ настоящую *первую часть* курса отдѣлы коренной переработкѣ, сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, не подверглись; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе нѣкоторыхъ дополненій, объемъ увеличился почти на 3 печатныхъ листа (вмѣсто 13 въ 1-мъ изд.—16 листовъ въ настоящемъ, 2-мъ).

П. Г.

$18\frac{30}{IV}93$.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

стран.

Понятіе науки. Дѣленіе наукъ на естественныя, историческія и духовныя. Методъ. Понятіе закона въ наукахъ естественныхъ и общественныхъ. Трудности, съ которыми приходится бороться при изученіи общественныхъ явленій. Историческое и статистическое наблюденіе. Относительная только вѣрность выводовъ, полученныхъ путемъ наблюденія. Возможность воздѣйствія на общественныя явленія со стороны общества. Необходимость изученія этихъ явленій. Связь общественныхъ наукъ между собою, въ особенности связь науки народнаго хозяйства съ науками о правѣ и государствѣ . . . . . 1—15

Современное народное хозяйство является продуктомъ постепеннаго историческаго развитія. Ступени экономическаго быта. Періодъ охотничій, пастушескій и осѣдлый (земледѣльческій, ремесленно-торговый и промышленный) . . . . . 15—24

Глава I. Предварительныя понятія.

Потребности. Возобновленіе и ростъ ихъ. Полезности. Цѣнности. Трудъ. Хозяйство Состояніе. Богатство. Запасъ потребленія и капиталъ. Капиталъ народный и частный. Различные виды хозяйствъ. Народное хозяйство и условія, его опредѣляющія. Всемірное хозяйство. Начала, организующія народное хозяйство. Ихъ взаимодѣйствіе . . 24—51

Глава II. Основы современнаго экономическаго строя.

1. Свобода личности. Появленіе рабства. Его источники Культурное значеніе рабства. Нравственныя, политическія и экономическія причины отмѣны рабства. Крѣпостническія отношенія и признаніе свободы личности . . . . . 51—56

2. Свободная частная собственность. Основанія и способы возникновенія собственности. Право собственности на землю. Общинное землевладѣніе. Переходъ отъ общности владѣнія землей къ частной личной собственности. Крупная, средняя и мелкая поземельная собственность. Право собственности на движимость. Несостоятельность требованій коммунизма и соціализма . . . . . 56—80

СТРАН.

Глава III. Субъектъ народнаго хозяйства.

Населеніе въ состояніи покоя. Численность, плотность, составъ населенія (по признакамъ естественнымъ и соціальнымъ). Движеніе населенія механическое и физіологическое. Значеніе эмиграціи Рождаемость и смертность. Приростъ населенія. Законъ Мальтуса. Значеніе его для жизни. Понятіе разумнаго распорядка въ хозяйствахъ. Роль общества и государства въ этомъ отношеніи. Литература . . . . . 81—96

Глава IV. Процессы, изъ которыхъ слагается народное хозяйство.

Отдѣлъ первый. Производство цѣнностей . . . . . 97—160

Понятіе производства. Главные виды производства. Различеніе по цѣли. Факторы производства. Ихъ роль въ зависимости отъ условій мѣста и времени, и отрасли производства (97—100).

1. *Природа.* Элементы этого фактора производства (100—107). 2. *Трудъ.* Виды труда. Трудъ физическій и интеллектуальный. Значеніе послѣдняго и вознагражденіе за него. Интеллектуальный капиталъ. Значеніе для хозяйства, воспитанія и образованія (107—118). 3 *Капиталъ.* Постепенное выясненіе этого понятія. Виды капитала. Происхожденіе и увеличеніе капитала (118—123). 4. *Общественная организація производства.* Взаимоотношеніе факторовъ производства. Производительность труда и капитала. Виды дѣленія труда. Его выгоды. Границы для проведенія дѣленія труда Невыгодныя послѣдствія дѣленія труда. Простая и косвенная (въ пространствѣ и времени) кооперація (123—137). 5. *Предпріятія.* Полныя и неполныя. Конъюнктура. Функція предпринимателей. Дѣленіе предпріятій. Важнѣйшія формы ихъ. (Единоличное предпріятіе, полное товарищество, коммандитное общество, акціонерное общество, хозяйственныя товарищества) Литература. (137—160).

Отдѣлъ второй. Обращеніе цѣнностей . . . . . 161—235

Понятіе обмѣна. Условія возникновенія обмѣна Рынокъ. Товаръ. Мѣновая цѣнность. Цѣна. Деньги. Условія, опредѣляющія оживленность обмѣна (161—163). 1. *Общія условія обмѣна.* Спросъ, его элементы. Предложеніе, его элементы. Понятіе издержекъ производства, значеніе ихъ для установленія цѣнъ. Двѣ главныя категоріи товаровъ. Рыночныя цѣны и таксы (163—170). 2. *Деньги.* Необходимость денегъ. Главнѣйшія функціи денегъ. Смѣна товаровъ, выполняющихъ функціи денегъ, по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства. Основанія предпочтенія, отдаваемаго благороднымъ металламъ въ качествѣ денегъ. Цѣнность денегъ; значеніе измѣненія ея для народнаго хозяйства. Чеканка монеты—частная и государственная. Фейнъ и лигатура. Remedium. Монета полноцѣнная и билонъ. Монетная система: основной металлъ и основная единица. Монета сборная и дробная. Простая (золотая или серебряная) монетная система и двойственная (биметаллизмъ). Невозможность всеобщаго признанія послѣдней. Добыча золота и серебра съ 1493 года по 1891 г. Измѣненія въ соотношеніи цѣнности золота и серебра и причины этого. Измѣненія цѣнъ товаровъ (170—189). 3. *Кредитъ.* Понятіе кредита, необходимость и значеніе кредита для

народнаго хозяйства. Виды кредита по цѣли, по формѣ, по признаку времени, по роду обезпеченія, кредитъ прямой и косвенный. Переводный вексель (тратта), учетъ, индоссаментъ, вексельный курсъ, арбитражъ. Варранты гипотеки. Отношеніе правительства къ кредитнымъ сдѣлкамъ (189—204). *Банковый кредитъ.* Прежнія функціи банковъ. Кредитные банки. Важнѣйшія активныя и пассивныя операціи банковъ (ломбардная, учетная и др., депозитная, эмиссіонная и др.). Чеки. Расчетныя палаты. Банковые билеты. Свобода или регулированіе ихъ выпуска. Три системы обезпеченія размѣна банковыхъ билетовъ. Гипотечная операція. Понятіе кредитнаго хозяйства (204 — 215). *Бумажныя деньги.* Податное обезпеченіе. Цѣна (курсъ) и цѣнность бумажныхъ денегъ. Лажъ. Вліяніе выпусковъ бумажныхъ денегъ на народное хозяйство. Три пути устраненія бумажно-денежнаго хозяйства. Исторія бумажныхъ денегъ въ Россіи. Единицы мѣры и вѣса. (206—225). 4. *Средства сообщенія.* Пути сообщенія на водѣ и на сушѣ въ ихъ историческомъ развитіи. Вліяніе улучшеній средствъ и путей сообщенія на сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность, торговлю и на народное хозяйство вообще; вліяніе улучшеній на весь складъ общественной жизни. Значеніе примѣненія парового двигателя на водѣ и на сушѣ. Желѣзныя дороги; ихъ преимущества сравнительно съ прежними способами перемѣщенія лицъ и грузовъ; дешевизна и постоянство провозныхъ платъ, быстрота, правильность и возможность одновременнаго перемѣщенія громадныхъ тяжестей, увеличеніе безопасности и удобствъ. Слѣдствія развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ на все народное хозяйство. Системы завѣдыванія желѣзными дорогами. Отношеніе государственной власти къ путямъ сообщенія. Преимущества и необходимость сосредоточенія завѣдыванія желѣзными дорогами въ рукахъ государственной власти. Почта, телеграфъ, телефонъ, фонографъ. Литература. (225—256).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Человѣку съ его пытливымъ умомъ, съ той божественной искрой, которая горитъ въ немъ, всегда мало было добытаго знанія; присущее ему стремленіе къ истинѣ всегда влекло и влечетъ его неудержимо впередъ и впередъ къ разъясненію всего окружающаго, всего, что было, что есть и чего можно ждать отъ будущаго. Мало человѣку того, что уже открыты многіе законы въ области неорганической и органической природы, что все безконечное разнообразіе жизни, въ формѣ ли растеній или животныхъ, болѣе и болѣе приводится къ единству и передъ человѣкомъ рисуется величественная картина послѣдовательнаго развитія жизни на землѣ. Всего этого знанія было мало человѣку и, хотя долго онъ не могъ отрѣшиться отъ предразсудка, что онъ царь вселенной или, по крайней мѣрѣ, земли, что онъ одинъ вполнѣ свободенъ, понимая свободу въ смыслѣ полнѣйшей произвольности своихъ мыслей и дѣйствій, однако съ теченіемъ времени онъ подвергъ изученію и самаго себя и въ результатѣ пришелъ къ сознанію и своей, такъ сказать, подзаконности, хотя и не столь безусловной, какъ та, которая замѣчается относительно внѣшней физической природы. Затѣмъ оставалась еще цѣлая область явленій, совершенно особаго характера, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ прочихъ явленій жизни общественной, явленій соціальныхъ. И здѣсь человѣкъ постепенно подмѣчаетъ такія правильности, что приходится признать существованіе законовъ и въ этой области.

Однако, если это убѣжденіе постепенно и пріобрѣтаетъ все большую силу, то всетаки до настоящаго времени еще не рѣдкость встрѣтить если не прямое отрицаніе возможности общественной науки, то такое отношеніе къ окружающимъ человѣка явленіямъ, такія сужденія и дѣйствія, которыя ясно говорятъ, что сознаніе подзаконности явленій общественныхъ еще не вошло въ плоть и кровь даже интеллигентнаго меньшинства человѣческихъ обществъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время человѣкъ стремится обнять знаніемъ *все*, доступное его наблюденію, всю совокупность явленій, — явленія физической природы, явленія духовной стороны человѣка и, наконецъ, явленія соціальныя.

Однако обнять одному человѣку все знаніе, по мѣрѣ его развитія, становилось все болѣе и болѣе невозможнымъ, и вотъ мы видимъ — постепенно проводится дѣленіе, спеціализація сперва отдѣльныхъ отраслей знанія, а затѣмъ спеціализація идетъ далѣе, — являются особыя науки. Наука отличается отъ простого знанія тѣмъ, что она не ограничивается только узнаніемъ фактовъ, явленій, но стремится объяснить ихъ, найти причинную связь однихъ явленій съ другими, открыть *законы* явленій. Существуютъ различныя дѣленія наукъ, такъ, напр., различаютъ науки о внѣшнѣ физической природѣ и о человѣкѣ, о явленіяхъ неорганической, органической и надорганической природы и т. п. Болѣе основательнымъ представляется различеніе наукъ естественныхъ, историческихъ и духовныхъ. Предметомъ первыхъ является доступный нашимъ внѣшнимъ чувствамъ міръ матерьяльный, наоборотъ послѣднія наблюдаютъ, изучаютъ внутренній міръ человѣка, явленія духа, представленія. Между этими двумя рѣзкоразличными категоріями явленій находится третья, имѣющая сходныя черты съ каждой изъ только что указанныхъ: это — человѣческія дѣйствія, произведенія и зиждущійся на нихъ, ими обусловленный строй жизни человѣческаго общества. Съ одной стороны, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями, обнаруживающимися *вовнѣ*, доступными нашимъ внѣшнимъ чувствамъ; съ другой — подвергается изученію не одно только *внѣшнее*, но и то, что желалъ вложить въ нихъ духъ человѣка, что онъ въ нихъ находитъ. Изученіе причинъ этихъ явленій приводитъ необходимо къ области явленій духовной стороны человѣческой природы и, слѣдовательно, эти науки имѣютъ сходство и съ науками духовными.

Къ этой, третьей, категоріи относятся и науки объ обществѣ,

изучающія послѣднее съ разныхъ сторонъ его жизни, такъ, напр., наша наука — политическая экономія — имѣетъ своимъ предметомъ только хозяйственную сторону жизни народа.

Въ наукахъ духовныхъ наши сужденія имѣютъ дѣло съ нашей собственной психической, по внутренней необходимости протекающей дѣятельностью. Поскольку мы знакомимся съ аксіомами этой необходимости, постольку расширяется эта сфера нашего знанія. Всѣ выводы въ этихъ наукахъ дѣлаются изъ неизмѣнныхъ, строго-опредѣленныхъ посылокъ, слѣдовательно метода, которая здѣсь примѣнима, есть строгая дедукція. Въ виду безусловной обязательности получающихся выводовъ, эти науки называются — точными и метода ихъ — точной.

За предѣлами этой области возможность строгой дедукціи исчезаетъ; передъ всѣми явленіями, которыя изучаетъ человѣкъ, онъ стоитъ только съ гипотезой, принимаемой за аксіому, съ гипотезой всеобщей законосообразности, гипотезой существованія причинной связи во всемъ совершающемся. Дѣйствительно, мы можемъ *наблюдать* только явленія и уже, замѣчая постоянную послѣдовательность или сосуществованіе извѣстныхъ явленій, мы *заключаемъ только* о существованіи между ними причинной связи. Здѣсь прилагается индукція, но она стоитъ въ самой тѣсной связи съ дедукціей, такъ какъ привноситъ, даетъ смыслъ наблюдаемой послѣдовательности или сосуществованію явленій одна только дедукція. Общее предположеніе нашего мышленія, — необходимость всего совершающагося, — индукція стремится обосновать такимъ образомъ, чтобы каждое явленіе оказалось лишь единичнымъ выраженіемъ общаго правила. Съ этою то цѣлью и допускаются извѣстныя посылки, изъ которыхъ *логически* вытекали бы, *объяснялись* бы явленія.

Эти послѣднія представляются далеко не однородными и могутъ быть разбиты на двѣ, по существу, различныхъ, группы: явленія естественныя и явленія общественныя. Первыя могутъ быть названы *типическими*, такъ какъ каждому отдѣльному явленію присущи *всѣ* существенные, характерные признаки, встрѣчающіеся въ явленіяхъ даннаго рода, и потому выводы изъ наблюденій относительно составныхъ элементовъ частицъ вещества физической природы и проявленія физическихъ силъ остаются вѣрными для всѣхъ временъ и мѣстъ, всегда и вездѣ. Одинъ разъ сдѣланное правильно наблюденіе даетъ право дѣлать заключеніе

относительно всѣхъ другихъ случаевъ того же рода. Если, напр., опытъ указалъ, что воздухъ, вода и т. п. состоитъ изъ такихъ то элементовъ, въ такомъ то соотношеніи или если опытъ указалъ, что брошенное тѣло падаетъ на землю съ такою то скоростью въ зависимости отъ вѣса его и разстоянія и т. д., то повтореніе опыта можетъ имѣть своей цѣлью лишь провѣрку ранѣе полученнаго вывода, который, если не было допущено ошибокъ при первомъ опытѣ, долженъ имѣть силу относительно всѣхъ подобныхъ случаевъ того же рода. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „естественными законами“, *качественно* остающимися неизмѣнными и постоянными, не допускающими никакихъ исключеній. Человѣческая воля не въ силахъ ничего измѣнить въ нихъ самихъ, человѣкъ можетъ только, изучивъ ихъ, дать такое или иное *направленіе* силамъ физической природы. Законъ естественный можетъ быть опредѣленъ какъ выраженіе элементарнаго, постояннаго, всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ того же рода присущаго способа дѣйствія силъ. Неизмѣнность, абсолютность — первый необходимый признакъ законовъ этого рода.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ явленія общественныя вообще и въ частности явленія хозяйственной жизни человѣка, которыя мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду. Здѣсь каждое явленіе представляетъ собою функцію двухъ факторовъ реальнаго (матерьяльнаго) и личнаго (духовнаго); каждое явленіе имѣетъ своимъ источникомъ и необходимость, и свободное самоопредѣленіе человѣческой личности. Такимъ образомъ и хозяйственнымъ явленіемъ можетъ быть названо лишь такое, въ которомъ не одна физическая внѣшняя природа, но и человѣкъ въ своемъ свободномъ самоопредѣленіи, ради удовлетворенія потребностей, присоединяетъ, проявляетъ и свое дѣйствіе, т. е. необходимымъ для наличности *хозяйственнаго* явленія также оказывается участіе человѣка.

Но личный (духовный) факторъ не оказывается такой неизмѣнной, всегда себѣ равной, постоянной величиной, какъ факторъ матерьяльный, какъ вещество и силы внѣшней физической природы; напротивъ, здѣсь прежде всего должно быть обращено вниманіе на его различіе по мѣсту и времени, на его *постоянное развитіе*.

Сказаннаго должно быть достаточно, чтобы каждый самъ могъ сдѣлать выводъ, что тѣ *законы*, которые изслѣдуетъ наша наука

(а какъ всякая другая, и она стремится изучить *законы* явленій), представляются существенно отличными отъ законовъ естественныхъ, которымъ подчиненъ и самъ человѣкъ, поскольку онъ представляетъ собой матерію.

Однако общественнымъ наукамъ въ ихъ стремленіи къ открытію законовъ путемъ изученія общественныхъ явленій предстоятъ трудности, препятствія, съ которыми естествоиспытателю встрѣчаться не приходится. Въ этомъ отношеніи уже было указано, что различіе мѣста и времени, не вліяющее на вѣрность выводовъ въ наукахъ естественныхъ, наоборотъ требуетъ отъ изучающаго науки общественныя собранія обильнаго матерьяла для сопоставленія сходныхъ явленій въ разныя времена у разныхъ народовъ: лишь *все* прошлое и *все* настоящее даетъ право говорить о законахъ общечеловѣческаго развитія, о законахъ жизни человѣческаго общества.

Далѣе, для открытія причинной связи въ области явленій природы неорганической нѣтъ препятствій разлагать вещество на составные элементы и снова ихъ соединять. Въ области явленій органической природы мы встрѣчаемся уже съ большими трудностями, такъ какъ, напримѣръ, опредѣливъ составные элементы того или другаго растительнаго организма, возсоздать его, соединить эти элементы снова человѣкъ не въ состояніи; съ безконечно большими трудностями приходится бороться при изученіи явленій жизни человѣка.

Здѣсь кромѣ физической стороны жизни приходится имѣть дѣло и съ психической. Опредѣляющіе моменты скрыты отъ наблюдателя, ему доступны лишь тѣ факты, тѣ явленія, въ которыхъ обнаруживаются они *во внѣ*; но часто даже и эти явленія внѣшней жизни недоступны наблюденію непосредственно, не могутъ быть констатированы прямо. Напр., можно ли наблюдать, заключать непосредственно о развитіи нравственности въ народѣ? Конечно нѣтъ. О ней скорѣй можно заключить, e contrario, изъ того, что даетъ наблюденіе явленій безнравственныхъ (большею частію наказуемыхъ дѣяній). Какъ ничтожны эти знанія сравнительно съ той массой явленій, которая прячется отъ глазъ изслѣдователя! Вся внутренняя жизнь семьи, союзовъ свободныхъ и принудительныхъ и т. п.—все это почти совершенно недоступно наблюденію и тѣмъ еще болѣе увеличиваетъ и безъ того громадныя трудности открытія причинной связи въ этой области явленій.

Въ распоряженіи естествоиспытателя имѣется *опытъ*, производить который, конечно, тѣмъ труднѣе, чѣмъ выше сложность явленій, но который за то оказывается неоцѣненнымъ пособникомъ при открытіи законовъ, а между тѣмъ имъ вовсе нельзя пользоваться при изученіи явленій общественныхъ, здѣсь онъ совершенно неприложимъ. Если иногда и говорятъ, что то или другое мѣропріятіе государственной власти проводится въ видѣ *опыта*, то здѣсь это слово употребляется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: всегда имѣется въ виду общественное благо и должны имѣться основанія расчитывать, что принимаемая мѣра дастъ желательный результатъ; но такъ какъ всетаки существуетъ сомнѣніе, то этой мѣрѣ и дается названіе „опыта“.

Однако, примѣръ высокоразвитыхъ наукъ естественныхъ указываетъ, что успѣхъ въ исканіи объясненія явленіямъ общественнымъ должно искать на томъ же осторожномъ пути индукціи, а не въ смѣлыхъ полетахъ фантазіи, не въ построеніи системъ, представляющихъ собою стройное цѣлое тезисовъ, можетъ быть, вполнѣ логически выведенныхъ, но изъ посылокъ, мало обоснованныхъ, являющихся ненадежнымъ фундаментомъ, съ разрушеніемъ котораго естественно падаетъ и вся система. Путь, которымъ должна идти наука, изучающая явленія общественныя того или другаго рода, есть *наблюденіе* историческое и статистическое. Необходимо знаніе прошлаго для уясненія настоящаго, прошлаго и настоящаго для заключенія къ будущему.

Какъ самъ народъ, такъ, конечно, и отдѣльныя черты его физіономіи, — а такими именно и являются его обычаи и право, хозяйство, науки и искусства и т. п., — есть нѣчто исторически-сложившееся и постоянно измѣняющееся разно у разныхъ народовъ въ зависимости отъ условій естественныхъ, среди которыхъ проходитъ жизнь народа, отъ присущихъ ему самому свойствъ (національныя различія) и, наконецъ, отъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, общества и государства.

Отсюда слѣдуетъ, что теорія народнаго хозяйства не можетъ быть дедуцирована изъ какихъ либо гипотетическихъ тезисовъ, полагаемыхъ въ основаніе всей системы, не можетъ она быть построена и единственно на основаніи современнаго намъ, нынѣ существующаго хозяйственнаго строя, тѣмъ менѣе одного какого либо народа, — нѣтъ, для уясненія сущности народнаго хозяйства необходимо, во-первыхъ, точное историческое изученіе хозяйствен-

ныхъ явленій, т. е. знакомство съ развитіемъ ихъ, съ тѣми ступенями, черезъ которыя проходило каждое явленіе, которыя отдѣляютъ неизвѣстное намъ хозяйство доисторическаго человѣка отъ народнаго хозяйства настоящаго времени; затѣмъ необходимо возможно точное и полное ознакомленіе съ существующимъ въ настоящее время, т. е. въ томъ числѣ и съ различіями, замѣчаемыми у разныхъ народовъ, въ разныхъ странахъ.

Только при наличности указанныхъ условій является возможно прочное для каждаго даннаго момента основаніе, на которомъ могутъ строиться болѣе общія положенія теоріи народнаго хозяйства. Однако, никогда не должно упускать изъ вида, что всѣ эти положенія суть выводы изъ до сихъ поръ добытыхъ данныхъ, что всѣ они суть лишь предположенія, гипотезы, воплощающія въ себѣ лишь знаніе, доступное именно данному времени. Поэтому то всѣ эти предположенія должны быть постоянно провѣряемы дѣйствительными фактами, и если бы даже гипотеза подкрѣпилась данными настоящаго времени, то все таки свою *полную* силу она можетъ сохранять лишь для настоящаго времени, имѣя въ виду постоянное развитіе человѣческихъ обществъ, обусловленное постояннымъ развитіемъ духовной стороны человѣческой природы, т. е. того духовнаго элемента, безъ наличности вліянія котораго не можетъ быть рѣчи и о *хозяйственномъ* явленіи.

Для уясненія сказаннаго, чтобъ не ходить далеко, могу указать на всѣ научные термины хотя бы и нашей науки. Они являлись для каждаго времени выраженіемъ пріобрѣтеннаго знанія относительно хозяйственныхъ явленій. Болѣе ясное пониманіе послѣднихъ, болѣе обильный матерьялъ, надъ которымъ могъ оперировать человѣческій умъ, влекли за собою и постоянно влекутъ и измѣненія въ опредѣленіяхъ науки. Будущее скрыто отъ насъ, мы не знаемъ, живемъ ли мы въ началѣ или концѣ предназначеннаго человѣчеству періода жизни; поэтому можетъ оказаться, что многіе изъ тѣхъ признаковъ, которые мы встрѣчали почти во всѣхъ наблюдавшихся до сихъ поръ явленіяхъ даннаго рода и которые мы поэтому считали характерными для явленій этого рода, вовсе не будутъ встрѣчаться въ нихъ въ теченіи всего грядущаго времени и такимъ образомъ опредѣленіе этихъ явленій потребуетъ соотвѣтственнаго исправленія. Возможенъ и обратный случай.

Такимъ образомъ, чѣмъ выше развивается наука, по мѣрѣ

накопленія данныхъ дѣйствительной жизни, тѣмъ болѣе очищается зерно истины, къ которой стремится пытливый умъ человѣка, проявляя въ этомъ приближеніи къ истинѣ свое собственное развитіе.

Измѣнчивость одного изъ опредѣляющихъ факторовъ неизбѣжнымъ дѣлаетъ измѣнчивость и всѣхъ хозяйственныхъ явленій. Если прослѣдить ихъ на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія, открыть причины этихъ явленій и ихъ измѣненій, то вы будете имѣть уже *законы развитія* народнаго хозяйства, къ чему и должна стремиться наша наука, отказавшись отъ отысканія „точныхъ законовъ народнаго хозяйства“ *), которыхъ искали и еще ищутъ и теперь нѣкоторые экономисты, упуская изъ виду или не оцѣнивая вполнѣ вышеизложенное отличіе явленій внѣшней физической природы отъ явленій общественныхъ. Въ этой области наблюденіе явленій можетъ привести, самое большее, къ установленію законовъ эмпирическихъ, къ признанію причинной связи явленій въ виду наблюдавшейся постоянно *до сихъ поръ* послѣдовательности или сосуществованія явленій. Здѣсь „законы“ являются выраженіемъ того, что однородныя силы вообще стремятся произвести (или и производятъ) опредѣленныя однородныя слѣдствія. Если уже сохранить за наблюдаемыми въ этой области явленій правильностями названіе законовъ, то можно сказать, что это суть законы относительные, временные, имѣющіе силу только при наличности извѣстныхъ, опредѣленныхъ условій; измѣненіе послѣднихъ, напр., переходъ общества на высшую ступень развитія, развитіе чувства общественности, тотчасъ дѣлаетъ необходимымъ и соотвѣтственное исправленіе въ формулированіи закона. Если бы когда нибудь было время, что человѣкъ руководился бы въ своей жизни исключительно чувствомъ эгоизма, то можно было бы сказать, что теорія народнаго хозяйства, построенная на одномъ этомъ началѣ, имѣла бы силу для того времени и что объясненіе всѣхъ экономическихъ явленій заключалось бы въ эгоистическомъ стремленіи человѣка; но коль скоро вы находите, что рядомъ съ чувствомъ личнаго интереса человѣкъ можетъ руководиться и дѣйствительно руководится въ своей хозяйственной

*) Весьма основательное разсмотрѣніе этого вопроса въ Tübing. Zeitschr. 1892, 3 H., *Neumann*, Naturgesetz und Wirthschaftsgesetz (особенно критика воззрѣній Menger'a) и въ *Wagner*'a Lehr- und Hand-Buch der Polit. Oek. 3 Aufl. 1892 г., стр. 225 и сл.

дѣятельности и многими другими мотивами, прежняя теорія утрачиваетъ свою силу и требуетъ соотвѣтственнаго исправленія.

Все вышеизложенное уже достаточно опредѣляетъ нашу основную точку зрѣнія на общественныя науки вообще и на науку народнаго хозяйства въ частности. Мы признаемъ, что въ этой области явленій воля человѣка можетъ измѣнить то, что есть, и потому то общество должно считаться до извѣстной степени отвѣтственнымъ за существующее, за то или другое состояніе народнаго хозяйства, такъ какъ оно можетъ измѣнять его, развивая согласно идеямъ морали, справедливости, законности. При этомъ, чѣмъ выше развивается знаніе, чѣмъ вѣрнѣе умъ человѣка въ состояніи оцѣнить значеніе той или другой мѣры, того или другаго явленія, чѣмъ болѣе отдаленныя послѣдствія онъ въ состояніи предвидѣть, тѣмъ болѣе вліятельнымъ становится и дѣятельность отдѣльнаго человѣка для цѣлаго общества.

Такимъ образомъ обществу и государству не слѣдуетъ сложить руки и предоставлять жизни хозяйственной идти своимъ путемъ, въ убѣжденіи, что, при полнѣйшемъ съ ихъ стороны невмѣшательствѣ, получатся наилучшіе для человѣческаго общества результаты, въ виду существованія неизмѣнныхъ экономическихъ законовъ, противъ которыхъ ни обществу, ни государству бороться нельзя; напротивъ, нѣтъ такихъ хозяйственныхъ явленій, которыя совершались бы безъ участія воли человѣка и, слѣдовательно, тѣмъ, что онъ откажется отъ воздѣйствія на нихъ, онъ уже окажетъ извѣстное, въ его волѣ стоящее, вліяніе на ходъ экономическихъ явленій. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ онъ долженъ сперва изучить явленія, ожидаемыя послѣдствія и затѣмъ, согласно тому, достиженіе какихъ результатовъ представляется желательнымъ, или дѣйствовать, вліять на явленія, или воздерживаться отъ этого.

И такъ, для успѣшности воздѣйствія надо изучить явленія. На разсмотрѣніи вопроса объ основаніяхъ, по которымъ представляется желательнымъ возможно широкое изученіе общественныхъ явленій, считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Какъ ни привлекательно изученіе окружающей насъ внѣшней природы, законовъ, управляющихъ всѣми явленіями этой внѣшней природы, но при этомъ знакомствѣ человѣкъ остается почти исключительно, такъ сказать, постороннимъ зрителемъ. Напримѣръ, онъ стремится разгадать прошлое нашей планетной системы, онъ

узнаетъ законы, по которымъ совершается движеніе небесныхъ тѣлъ, даже онъ оказывается въ состояніи предсказать и довольно отдаленное будущее: черезъ сколько, напримѣръ, десятковъ лѣтъ пройдетъ передъ нашими глазами та или другая комета. Но на этой роли зрителя, зрителя безучастнаго, онъ и долженъ остановиться. Вмѣшаться, измѣнить что нибудь — онъ не въ состояніи. Конечно, болѣе близки человѣку явленія внѣшней физической природы на землѣ, они болѣе затрогиваютъ его, но и здѣсь 1) непреложность законовъ этихъ явленій и 2) сознаваемое человѣкомъ глубокое отличіе явленій этой области — природы неразумной, не одаренной сознаніемъ — отъ явленій жизни человѣческихъ обществъ, т. е. причины и объективная, и субъективная, обусловливаютъ съ одной стороны, болѣе пассивное отношеніе человѣка къ этой сферѣ явленій, а съ другой заставляютъ его противуполагать жизнь внѣшней физической природы своей человѣческой жизни, какъ существа свободно-разумнаго.

Ближе еще намъ исторія, тамъ мы имѣемъ дѣло съ людьми, съ человѣческимъ обществомъ; все, что оно пережило, какъ оно развивалось, все это говоритъ намъ о *нашемъ собственномъ* прошломъ, но именно о *прошломъ*, о томъ, какъ жили и дѣйствовали, что думали люди прежде. Намъ интересно знать, намъ важно знать это, но въ значительно большей степени потому, что это облегчаетъ намъ пониманіе *настоящаго*, и даетъ указанія для *будущаго*. То есть, какъ видимъ, особенно интересно намъ прошлое потому, что оно касается насъ самихъ, нашей *настоящей* жизни. Чѣмъ ближе къ нимъ стоитъ извѣстная область явленій, тѣмъ болѣе она насъ привлекаетъ, тѣмъ интереснѣе для насъ ея изученіе.

Вотъ почему область общественныхъ явленій, науки, имѣющія своей задачей изслѣдовать эту область, насъ тянутъ къ себѣ неудержимо, представляя для насъ особую привлекательность, особый интересъ. Каждому человѣку эти науки говорятъ: „de te fabula narratur“, о тебѣ рѣчь идетъ, о твоихъ близкихъ, согражданахъ или современникахъ, о живомъ человѣческомъ обществѣ.

Если человѣка интересуетъ, что дѣлалось и дѣлается за милліоны верстъ въ безконечномъ пространствѣ міровъ, что дѣлалось тысячи лѣтъ тому назадъ на землѣ, что происходитъ теперь въ области внѣшней физической природы, то насколько сильнѣе должно его привлекать изученіе того, что дѣлается вокругъ него,

въ той средѣ, къ которой принадлежитъ онъ самъ и тѣломъ, и душой.

Изученіе общественныхъ наукъ не только особенно интересно, потому что оно касается окружающихъ насъ явленій, но оно и особенно важно и необходимо для того, чтобы человѣкъ могъ сознательно, разумно отнестись къ тѣмъ общественнымъ явленіямъ, въ которыхъ онъ *по необходимости* принимаетъ болѣе или менѣе активное участіе. Здѣсь, въ этой области, человѣкъ уже не можетъ ограничиться ролью посторонняго зрителя,—нѣтъ, здѣсь онъ самъ дѣйствующее лицо. Здѣсь онъ стремится узнать не только то, что было или что́ есть, но и какъ, и что должно быть. Какъ существо свободно-разумное онъ долженъ и дѣйствовать разумно, т. е. быть въ состояніи отдать отчетъ, привести разумные доводы, почему онъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Вотъ для этого то ему и необходимо изученіе общественныхъ явленій, знакомство съ соціальными науками. Каждый членъ того или другаго общества, въ зависимости отъ организаціи этого послѣдняго и отъ своего личнаго положенія, принимаетъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе во всей жизни соціальнаго организма. Ему приходится высказываться устно или письменно по поводу тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій, предлагать или отвергать тѣ или другія мѣропріятія въ виду полезности или безцѣльности ихъ, по его мнѣнію. Какъ же онъ можетъ обойтись безъ изученія общественныхъ явленій? Должно однако замѣтить, что эта необходимость изученія наукъ соціальныхъ далеко недостаточно сознается даже весьма развитыми, образованными людьми. Если бы кто нибудь изъ насъ, не математиковъ-спеціалистовъ, вздумалъ вмѣшаться съ своимъ замѣчаніемъ въ разговоръ чистыхъ математиковъ, трактующихъ о свойствахъ, напр., какой нибудь кривой, то, конечно, крайне удивилъ бы „спеціалистовъ“ своей развязностью. Если бы человѣка, не имѣющаго понятія о химіи, попросили разложить воду на составные элементы, то, конечно, онъ-бы отвѣтилъ, что онъ не занимался химіей и не можетъ за это взяться. Вѣроятно, никто не нашелъ бы этого отвѣта страннымъ. Но стоитъ, хотя у тѣхъ же спеціалистовъ спросить мнѣніе о какомъ либо общественномъ явленіи, напр., о причинахъ паденія сельскаго хозяйства или торговли и о мѣрахъ, могущихъ устранить кризисъ, — едва ли многіе отвѣтятъ вамъ, что они не знаютъ, что они не подготовлены къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ, большинство же не

призадумается предложить цѣлый рядъ различныхъ мѣръ, могущихъ, по ихъ мнѣнію, отлично помочь въ данномъ случаѣ. Для простѣйшаго химическаго опыта признается необходимымъ предварительная подготовка, а для разрѣшенія вопроса относительно самыхъ сложныхъ общественныхъ явленій находятъ, повидимому, достаточнымъ имѣть то, что называется просто „здравымъ смысломъ“.

Вотъ съ тою цѣлью, чтобы участвовать въ общественной жизни такъ, какъ прилично свободно-разумному существу,—т. е. высказываться и отстаивать или отвергать тѣ или другія мѣропріятія, принявъ во вниманіе всѣ доступныя изученію наличныя условія, предвидя и взвѣсивъ всѣ возможныя послѣдствія,—и необходимо изученіе общественныхъ наукъ.

Наконецъ, привлекать побуждать къ изученію этихъ наукъ должна и, сравнительно съ другими, малая ихъ разработанность. Еще и теперь даже высказываются (если не на словахъ, то на дѣлѣ) сомнѣнія въ самомъ существованіи соціальныхъ законовъ; все еще проявляетъ живучесть прежнее воззрѣніе на человѣка, какъ на царя вселенной, которому все подвластно, онъ же вполнѣ свободенъ, неподчиненъ никакимъ законамъ. Такимъ образомъ область явленій, наиболѣе интересныхъ живому, мыслящему человѣку, наиболѣе ему близкихъ, оказывается наименѣе разработанною и этою то своей неизвѣданностью она влечетъ къ себѣ тѣмъ сильнѣе, что позволяетъ надѣяться на возможность открытія новыхъ важныхъ законовъ въ награду за потраченный трудъ.

Подобно тому, какъ постепенно дифференцировалось знаніе вообще, отграничивъ особыя области, такъ же точно изъ одной науки объ общественныхъ явленіяхъ постепенно образовалось нѣсколько, изъ которыхъ каждая изучаетъ общество только съ извѣстной, опредѣленной стороны. Уже изъ этого видна тѣсная связь отдѣльныхъ общественныхъ наукъ, такъ какъ каждая изъ сторонъ жизни народа обусловливаетъ до извѣстной степени другія стороны, въ свою очередь испытывая на себѣ ихъ воздѣйствіе.

Такое развитіе, связь и взаимодѣйствіе наукъ вполнѣ соотвѣтствуетъ историческому развитію жизни самаго общества. Каждое самое сложно-организованное общество развивается изъ клѣточки, какою является семья; въ ней, кромѣ ея спеціальной функціи—вскормленія и поднятія новыхъ поколѣній—вы замѣчаете въ зародышевомъ состояніи всѣ тѣ главнѣйшія отправленія, которыя

впослѣдствіи, въ болѣе развитомъ общественномъ организмѣ, переносятся на особыя учрежденія, представляя новыя стороны общественной жизни. Однако всѣ онѣ развиваются или, лучше сказать, въ самомъ своемъ существованіи, не только развитіи, обусловливаются наличностью уже достаточно развитой экономической, хозяйственной стороны жизни общества. Не было времени, когда-бы человѣкъ не „хозяйничалъ“ (употребляемъ это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ), такъ какъ въ основѣ хозяйства лежитъ стремленіе къ самосохраненію, инстинктъ общій человѣку со всѣми животными, стремленіе удовлетворить своимъ физическимъ потребностямъ—утолить голодъ и жажду, согрѣть и предохранить тѣло отъ вредныхъ вліяній окружающей человѣка физической природы и т. п. Только постепенно, на основѣ удовлетворенныхъ (главнѣйшихъ) физическихъ потребностей, развивается духовная жизнь человѣка, что, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на развитіе хозяйственной стороны жизни, и при такомъ взаимодѣйствіи различныхъ сторонъ общественной жизни идетъ развитіе человѣческаго общества.

Возьмемъ, напримѣръ, религіозную сторону жизни народа. Развѣ она не оказываетъ громаднаго вліянія на нравственность, обычаи, право, государственный строй и хозяйство народа? Отвѣтъ въ утвердительномъ смыслѣ не можетъ подлежать сомнѣнію,—стоитъ, напримѣръ, сравнить христіанство и исламъ. Необходимость постоянно имѣть въ виду тѣсную связь сторонъ народной жизни и изучающихъ ихъ наукъ обусловливается духовнымъ элементомъ (факторомъ) всѣхъ общественныхъ явленій: всѣ внѣшнія проявленія человѣческой воли, къ какой бы области они не относились, всегда представляютъ собою результатъ дѣйствія на человѣка *всѣхъ* присущихъ ему чувствъ и стремленій, равнодѣйствующую многихъ силъ, они являются, такъ сказать, фокусомъ, въ которомъ сходятся всѣ разнообразныя стремленія, присущія человѣку. Поэтому то, хотя мы признаемъ безспорно правильность и даже необходимость обособленія наукъ, задающихся изученіемъ *отдѣльныхъ* сторонъ народной жизни, такъ какъ такимъ образомъ при спеціализаціи можно надѣяться на болѣе успѣшную разработку матерьяла, тѣмъ не менѣе считаемъ совершенно невозможнымъ признать основательнымъ то возраженіе, которое дѣлается нѣкоторыми противъ объединенія общественныхъ наукъ, противъ поглощенія и политической экономіи *одной соціальной* наукой и ко-

торое заключается въ томъ, что вѣдь и вещество въ одно и то же время имѣетъ и физическія, и химическія свойства, однако это не мѣшаетъ же существованію отдѣльныхъ наукъ, изучающихъ либо одни, либо другія изъ этихъ свойствъ. Это возраженіе не выдерживаетъ критики потому, что въ области общественныхъ явленій нельзя указать такого, которое можно было бы сравнить то только съ физическими, то съ химическими явленіями; напротивъ, человѣкъ постоянно дѣйствуетъ какъ *одно цѣлое* и каждое его дѣяніе опредѣляется, носитъ на себѣ печать всей совокупности ему присущихъ чувствъ и стремленій.

Если остановиться только на наукахъ юридическихъ и политическихъ, то тѣсная ихъ связь съ наукой политической экономіи можетъ быть уяснена изъ слѣдующаго: никакое народное хозяйство не мыслимо безъ извѣстнаго правоваго порядка, который охраняется властью государственной и возстановляется ею въ случаѣ его нарушенія. Юридическія нормы указываютъ, отграничиваютъ сферы, въ которыхъ отдѣльныя лица могутъ безпрепятственно, по отношенію къ другимъ лицамъ и цѣлому обществу, давать преобладающее значеніе, преслѣдовать свои личные интересы. Случаи столкновенія послѣднихъ право стремится предупредить или разрѣшить мирнымъ путемъ, разъ они уже возникли. Но въ чемъ состоитъ большая часть тѣхъ интересовъ, которые нормируются и охраняются правомъ и государствомъ? Въ интересахъ хозяйственныхъ. Владѣніе, собственность, купля-продажа, дареніе и наслѣдованіе, наемъ, аренда и т. п. — вотъ главнѣйшіе вопросы, которыхъ приходится касаться праву. Въ значительно большемъ числѣ случаевъ право ограничивается *внѣшней*, формальной стороной, *содержаніе же* матерьяльная сторона относится къ области экономической. Государственная власть, кромѣ охраны правоваго порядка, во-первыхъ, какъ носительница идеи общественнаго блага, стремится обезпечить населенію такія условія, при которыхъ возможно было бы достиженіе высшей степени благосостоянія, а это въ значительной степени сводится къ пріобрѣтенію и обезпеченію извѣстныхъ матерьяльныхъ благъ; во-вторыхъ, государство само является одной, именно важнѣйшей, изъ общественныхъ формъ хозяйства. Я позволю себѣ по данному вопросу (о взаимномъ отношеніи права, хозяйства и государства) привести слова Рошера, который говоритъ: „Предметы ихъ дѣятельности почти однородны, съ тою только разницей, что они раз-

сматриваютъ ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Если каждое хозяйственное дѣйствіе, будь оно сознательно или безсознательно, предполагаетъ извѣстныя юридическія формы, то точно также значительное большинство законовъ и юридическихъ приговоровъ имѣютъ чисто хозяйственное содержаніе. Въ безчисленныхъ случаяхъ наука права объясняетъ намъ только чисто внѣшнее „*какъ?*“ и только политическая экономія присоединяетъ сюда несравненно болѣе глубокое „почему?“. А въ государствѣ? Кто, напримѣръ, можетъ оцѣнить политическое значеніе дворянства, не понимая хозяйственнаго характера поземельнаго дохода — ренты, или большой поземельной собственности; кто можетъ, далѣе, судить съ политической точки зрѣнія о нисшихъ классахъ, не зная хорошо условій задѣльной платы, умноженія населенія“ и т. д.

Уже изъ того немногаго, что было сказано выше, можно судить, какое важное мѣсто занимаетъ наша наука среди прочихъ общественныхъ наукъ, изучая хозяйственную сторону общественныхъ явленій, развивающуюся ранѣе другихъ сторонъ общественной жизни и обусловливающую до извѣстной степени развитіе этихъ послѣднихъ. Болѣе полная оцѣнка значенія нашей науки возможна лишь послѣ болѣе близкаго ознакомленія со всѣмъ хозяйственнымъ строемъ и законами его развитія.

Современное положеніе хозяйства передовыхъ культурныхъ народовъ явилось результатомъ весьма продолжительнаго развитія, причемъ это послѣднее не совершалось прямолинейно, но замѣчались уклоненія въ сторону, регрессъ, паденіе, такъ что многіе народы, содѣйствовавшіе развитію, сошли со сцены или утратили то значеніе вождей культуры, которое въ тотъ или другой періодъ выпадало на ихъ долю. (Финикія, Карѳагенъ, Греція, Римъ и др.). Такимъ образомъ, говоря о развитіи народнаго хозяйства до высшей, наблюдаемой въ настоящее время ступени, мы имѣемъ въ виду человѣчество въ его цѣломъ, а не каждый отдѣльный народъ или племя. И теперь еще можно указать на кочевниковъ, не поднимающихся на высшую ступень развитія втеченіе тысячи лѣтъ ихъ существованія, тогда какъ другіе народы, живущіе рядомъ съ ними, достигли высокой степени культуры.

И такъ, какія же стадіи можно подмѣтить въ исторіи развитія народнаго хозяйства вообще?

Что касается до времени первобытнаго человѣка, когда онъ еще питался исключительно растительной пищей, когда постепенно слагались племена и народы и развивалась человѣческая рѣчь, то по отношенію къ этому времени научное изслѣдованіе проливаетъ весьма мало свѣта.

Несомнѣнно однако, что въ своей хозяйственной дѣятельности человѣкъ немного отличался отъ высшихъ животныхъ, такъ какъ и стимулы къ дѣятельности — стремленіе удовлетворить первичнымъ потребностямъ — были тѣ же, да и силы духовныя и физическія не могли представлять значительнаго отличія отъ силъ высокоразвитыхъ животныхъ. Какъ тотъ, такъ и другіе являются одинаково вполнѣ зависимыми отъ физической природы: живутъ лишь тѣмъ, что она свободно даетъ имъ. Но затѣмъ постепенно сказывается и отличіе. Человѣкъ престаетъ пассивно относиться къ окружающей его природѣ, онъ привноситъ и свою дѣятельность, создаетъ новыя условія для этой дѣятельности и постепенно заставляетъ внѣшнюю физическую природу все болѣе и болѣе служить себѣ тою матеріею и тѣми силами, способность которыхъ удовлетворять его потребностямъ узналъ человѣкъ. Съ того времени, какъ человѣку стало извѣстно употребленіе огня и онъ уже началъ питаться животной пищей, различаютъ три главныя ступени съ точки зрѣнія состоянія экономическаго производства: періодъ охотничій, пастушескій и осѣдлый; послѣдній въ свою очередь различается какъ 1) земледѣльческій, 2) ремесленно-торговый и 3) промышленный.

Принимая во вниманіе, что развитіе хозяйства мыслимо лишь при раздѣленіи труда и основанномъ на немъ обмѣнѣ, нѣкоторыми изслѣдователями берется за основу дѣленія характерный способъ обмѣна и по этому признаку различаютъ: 1) хозяйство натуральное, 2) денежное и 3) кредитное. Второе дѣленіе представляется не вполнѣ правильнымъ по основаніямъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Періодъ охотничій. Дѣятельность человѣка сводится главнымъ образомъ къ *овладѣнію* тѣмъ, что дается природой. Она является главнымъ факторомъ производства, между тѣмъ степень культуры можетъ измѣряться именно тѣмъ, насколько болѣе выдающуюся роль играетъ трудъ человѣка и создаваемыя имъ орудія производства. На этой ступени трудъ человѣка идетъ лишь на овладѣніе

БИБЛІОТЕКА КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

тѣмъ, что уже есть, почти ничего не перерабатываетъ; орудія труда — весьма малочисленны и примитивны, такъ что значеніе ихъ не велико. Хозяйственная дѣятельность человѣка представляется изолированной. Дѣленія на классы по занятіямъ, обмѣна мы не находимъ.

Каждая семья заботится отдѣльно о завладѣніи тѣмъ, что для нея нужно. Главное занятіе, главный источникъ удовлетворенія потребностей — охота. Пищей служитъ дичь, дикія растенія; на обработку — труда почти не идетъ вовсе. Одеждой служатъ невыдѣланныя шкуры, листья или древесная кора или ее замѣняетъ раскрашиванье, татуировка. Жильемъ служатъ пещеры, въ которыя наношены листья, или лачуги изъ вѣтвей и палатки изъ шкуръ убитыхъ животныхъ. Трудъ затрачивался на приготовленіе оружія, но и оно — первобытное, изъ дерева, камней и костей животныхъ и рыбъ. Дѣленіе труда существуетъ въ предѣлахъ естественныхъ физическихъ различій — пола и возраста: охотой занимается взрослое мужское населеніе, а всѣ домашнія работы ложатся, главнымъ образомъ, на женщинъ, такъ какъ рабства на этой ступени развитія мы еще не находимъ. Военноплѣнные избиваются, иногда съѣдаются, но не обращаются въ рабство, такъ какъ для домашнихъ работъ рабы не нужны, а брать на охоту — небезопасно: придется дать рабу оружіе, которое онъ можетъ употребить противъ своего господина, а не противъ животнаго. Къ тому же прокормить лишняго человѣка въ это время стоитъ большаго труда. Этимъ отчасти объясняется встрѣчающееся у охотничьихъ племенъ господство многомужства (поліандрія), избіеніе новорожденныхъ дѣвочекъ и каннибализмъ. Послѣдній, повидимому, былъ распространенъ во всей Европѣ у современниковъ мамонта и пещернаго медвѣдя: объ этомъ можно заключать изъ находимыхъ при раскопкахъ вмѣстѣ съ разной домашней утварью человѣческихъ костей, расколотыхъ, вѣроятно, съ цѣлью извлеченія изъ нихъ мозга. Вмѣстѣ съ прочими условіями непредусмотрительность, которой отличаются охотничьи племена, дѣлаетъ невозможнымъ накопленіе сколько нибудь значительныхъ имуществъ: оружіе, домашняя утварь, кое какія украшенія, — вотъ все, чѣмъ владѣетъ охотникъ. Охотничій районъ считается собственностью племени и на его защиту или расширеніе, на защиту или для отмщенія за своихъ членовъ только и выступаетъ племя, какъ одно цѣлое. Для поддержанія существованія охотой требуется обшир-

ное пространство, а постоянный ростъ племени дѣлаетъ необходимымъ или постоянное расширеніе принадлежащаго племени района, или, когда это не удается, отдѣленіе части племени для отысканія себѣ новыхъ земель, новаго жилья. Сказаннымъ объясняется малая численность отдѣльныхъ охотничьихъ племенъ. Вся жизнь ихъ проходитъ въ борьбѣ, развивающей кровожадность, хитрость, выносливость, суровость. Физическое утомленіе, голодъ и забота объ его утоленіи или пресыщеніе послѣ удачной охоты — все это препятствуетъ сколько нибудь значительному развитію духовной стороны человѣческой природы. Чистыхъ охотничьихъ племенъ теперь немного: патагонцы, готтентоты и нѣкоторыя другія. Смотря по условіямъ территоріи, племеннымъ свойствамъ и вліянію сосѣднихъ народовъ, охотничьи племена переходятъ или къ скотоводству, или прямо къ земледѣлію.

Можно бы думать, что племена, занимающіяся рыболовствомъ, въ виду большей надежности главнаго источника удовлетворенія потребностей, должны стоять на болѣе высокой ступени развитія; однако у нихъ находимъ всѣ тѣ же характерныя черты, что и у охотниковъ. Дальнѣйшее развитіе зависитъ отъ тѣхъ же условій, только перехода къ исключительному занятію скотоводствомъ не замѣчается. Рыболовы скорѣе становятся торговцами или мореходами. Въ чистомъ видѣ нынѣ они встрѣчаются лишь въ холодныхъ странахъ, гдѣ климатъ позволяетъ только одинъ промыселъ — рыболовство.

Пастушескій періодъ. Прирученіе животныхъ представляетъ значительный шагъ впередъ, облегчающій дальнѣйшее развитіе. Побудительной къ тому причиной, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, было желаніе сберечь жизнь груднымъ младенцамъ, лишившимся матерей. Скотоводство обусловливаетъ большее разнообразіе продуктовъ, которыми однако пользуются все таки только посемейно. Рядомъ сохраняется и охота (и собираніе плодовъ и растеній), но она утрачиваетъ уже свой прежній характеръ исключительности. Трудъ человѣка здѣсь уже не идетъ на одно только завладѣніе даровъ природы: человѣкъ охраняетъ свои стада отъ дикихъ животныхъ и враговъ, заботится объ ихъ размноженіи, ходитъ за скотомъ, переработываетъ его продукты; но все таки главнымъ факторомъ производства остается природа. Скотоводство существуетъ лишь тамъ, гдѣ самой природой круглый годъ дается кормъ скоту, гдѣ существуютъ тучныя пастбища, человѣкъ же

самъ еще не разводитъ кормовыхъ травъ. По мѣрѣ истощенія пастбищъ, приходится переходить на другія земли. Отсюда постоянное кочеванье, причемъ жильемъ служатъ палатки или кибитки, постоянныхъ же поселеній мы не находимъ. Существенныя выгоды перехода на эту ступень: 1) сокращается необходимая для существованія площадь. По нѣкоторымъ вычисленіямъ, хотя бы и весьма приблизительнымъ, для прокормленія одного охотника нуженъ районъ въ 9.000 десятинъ, тогда какъ при занятіи скотоводствомъ достаточно $1^1/_2$ десятинъ на человѣка. 2) Трудъ легче и требуется его гораздо меньше; является досугъ; оказывается возможнымъ развитіе новыхъ потребностей, развитіе и духовной стороны человѣка. 3) Главное имущество — живой скотъ — допускаетъ накопленіе. Отсюда — появленіе имущественныхъ классовъ, рабовъ и развитіе ремеслъ. Имущественныя различія ведутъ и къ различіямъ соціальнаго характера: болѣе зажиточные рѣшаютъ вопросы о войнѣ и мирѣ, пользуются привиллегіями въ культѣ, изъ ихъ среды обыкновенно — выборный или наслѣдственный глава племени. Семью содержать легко — появляется многоженство (полигинія), болѣе мягкое отношеніе къ женщинамъ; плѣнныхъ не убиваютъ, а обращаютъ въ рабство: не трудно прокормить и можно безопасно воспользоваться ихъ трудомъ. Обѣднѣвшіе, напримѣръ, вслѣдствіе падежа скота, члены племени добровольно обращаются въ слугъ богатыхъ и сильныхъ, обезпечивая себѣ чрезъ то надежную охрану. Этимъ обусловливается и сносное положеніе рабовъ вообще. Трудъ послѣднихъ направляется на удовлетвореніе новыхъ потребностей: разнообразнѣе утварь, украшенія; вмѣсто шкуръ появляются тканыя одежды, находимъ и простѣйшую обработку металловъ. Но все таки производство ограничивается предѣлами расширившагося хозяйства, его именно потребностями, обмѣна же почти вовсе не существуетъ. Возможность большей концентраціи и интересы безопасности обусловливаютъ значительную численность отдѣльныхъ группъ кочевниковъ: не рѣдкость группы въ сотни тысячъ человѣкъ. Любовь къ свободѣ, храбрость, отсутствіе чувства любви къ родинѣ въ виду постояннаго (по необходимости) кочеванья и легкость послѣдняго объясняютъ склонность къ завоеваніямъ и переселеніямъ номадовъ.

Бо́льшій досугъ, обмѣнъ мыслей, да и самая обстановка жизни, безконечныя равнины подъ безконечнымъ небеснымъ сводомъ, бле-

щущимъ звѣздами, беззащитность противъ стихійныхъ явленій,— все это побуждаетъ къ вдумчивости, къ желанію уяснить себѣ окружающее. У номадовъ мы часто находимъ высокое развитіе религіи, зачатки поэзіи и науки (у халдейскихъ пастуховъ находимъ зачатки астрономіи). Дальнѣйшее развитіе приводитъ къ переходу на слѣдующую ступень постепенно: сперва начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ яровыхъ хлѣбовъ, чтобы занятіе земледѣліемъ не мѣшало кочеванью, а затѣмъ переходятъ и къ прочной осѣдлости, причемъ и охота, и скотоводство остаются, но утрачиваютъ уже свое первенствующее значеніе.

Осѣдлый періодъ, земледѣльческій. Главнымъ источникомъ для существованія является земля. Тѣсною связью съ землей обусловливается и осѣдлость. Постепенно, начиная съ хлѣба, человѣкъ узнаетъ и воздѣлываетъ все новыя и новыя пищевыя и промышленныя растенія. Такимъ образомъ средства для удовлетворенія потребностей становятся разнообразнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ зависимость отъ природы и трудъ человѣка начинаетъ играть уже иную роль: онъ направляетъ силы природы на производство извѣстнаго рода продуктовъ, увеличиваетъ дѣйствіе этихъ силъ приложеніемъ и своего труда. Существеннымъ послѣдствіемъ сказаннаго является большая доступность земли для поселенія: уже не одна природа рѣшаетъ этотъ вопросъ. Такъ какъ количество пищи съ того же пространства въ состояніи прокормить большее число лицъ, пища становится здоровѣе, разнообразнѣе и обезпеченнѣе, то замѣчается увеличеніе плотности населенія, которое, прекративъ кочеванье, обращается къ постоянной мирной работѣ. Въ землѣ при первоначальномъ разселеніи недостатку не было, но удобная раздѣлялась горами, лѣсами и т. п., такъ что племя должно было дѣлиться на общины, собственностью которыхъ и считалась занятая ея членами земля. Такимъ образомъ семейное хозяйство ведется въ общинѣ, которая и является связующимъ звеномъ. Ослабленіе зависимости отъ внѣшней природы выражается и въ постройкѣ прочнаго дома со службами, предохраняющаго человѣка и его имущество отъ вредныхъ вліяній физической природы. Осѣдлость и тѣсная связь итересовъ членовъ той же общины ведетъ къ развитію чувства любви къ родинѣ, къ сочленамъ, а общность интересовъ всѣхъ общинъ приводитъ къ еще большему развитію чувства общественности, къ единенію политическому. Дѣйствительно разсѣянность поселеній

и земледѣліе, требующее напряженнаго, труда, не позволяетъ, какъ прежде, на защиту общихъ интересовъ подниматься всему племени поголовно; для охраны отъ внѣшнихъ враговъ, отъ насилій отдѣльныхъ членовъ постепенно вырабатывается сложная организація, объединяющая отдѣльныя общины въ одно государство, органы котораго рѣшаютъ вопросы войны и мира, охраняютъ права личныя и имущественныя отъ посягательствъ внутри и нападеній извнѣ, возстановляютъ права нарушенныя. Военное дѣло, юрисдикція, полиція развиваются въ сложную систему.

Въ экономическомъ отношеніи черты хозяйства у разныхъ народовъ такъ же различны, какъ ихъ нравы и обычаи, государственное устройство и право, но всетаки можно подмѣтить и общія черты: 1) производство направлено главнымъ образомъ на сырье; 2) количество получаемой пищи больше, оно разнообразнѣе и обезпеченнѣе, такъ что опасность перенаселенія значительно уменьшается; 3) производство все еще ограничивается предѣлами семьи; обмѣнъ представляется исключеніемъ; 4) въ составѣ семей работаютъ и рабы, что оказывается выгоднымъ въ виду обилія и обезпеченности пищи и безопаснымъ въ виду охраны государственной власти; рабы и являются прежде всего ремесленниками; техника совершенствуется, проводится дѣленіе труда, создаются особые категоріи производителей; 5) самостоятельнаго торговаго класса нѣтъ, но съ теченіемъ времени свободные, наряду съ сельскимъ хозяйствомъ, ведутъ и торговлю, занимаются и ремеслами. Выше развиваются знанія, далѣе идетъ духовное развитіе — и торговля, и ремесла пріобрѣтаютъ самостоятельное положеніе: общество вступаетъ въ новую стадію развитія — періодъ *ремесленно-торговый*. И эта ступень отмѣчаетъ много различій у различныхъ народовъ. Характернымъ признакомъ ея является дѣленіе населенія на городское и сельское. Въ городахъ сосредоточиваются ремесленное и торговое сословія, которыя уже сполна отдаются своему дѣлу, такъ что сельское населеніе начинаетъ уже производить на сбытъ, въ обмѣнъ за продукты ремесленнаго производства и товары чужеземные, доставляемые торговлей. И такъ, здѣсь находимъ дѣленіе труда и правильный, организованный обмѣнъ. Дѣленіе не ограничивается крупными отраслями, — сельское хозяйство, ремесла, торговля, — но и въ каждой изъ нихъ проводится далѣе, по мѣрѣ развитія техники и въ свою очередь способствуя этому развитію. Продукты производства и потребле-

нія становятся разнообразнѣе, чему много способствуетъ развитіе торговли. Вообще на этой ступени изолированное производство становится общественнымъ, т. е. съ правильнымъ постояннымъ сбытомъ, приводящимъ къ установленію постояннаго мѣноваго посредника — деньгамъ. Такимъ образомъ производители становятся предпринимателями и здѣсь впервые являются наемные рабочіе. Существеннымъ отличіемъ этой ступени отъ слѣдующей является то обстоятельство, что капиталъ (кромѣ торговли) еще не играетъ той важной роли, которая за нимъ укрѣпляется позже.

На этой ступени развивается вещное и обязательственное право, по мѣрѣ развитія международныхъ сношеній — международное право; дѣятельность государственной власти въ сферѣ народнаго хозяйства становится болѣе энергичной и болѣе сложной. Для выполненія новыхъ задачъ государство нуждается въ средствахъ, которыя получаются или отъ самостоятельнаго веденія хозяйства (государственнаго), или путемъ налоговъ.

Существенно измѣняется и соціальная группировка: вліятельную роль играютъ не одни землевладѣльцы, не одно происхожденіе рѣшаетъ вопросъ, — выдающіяся способности и трудъ и въ области ремеслъ, и торговли даютъ возможность выдвинуться, пріобрѣсти состояніе и значеніе, что постепенно отражается и въ положительномъ правѣ: прежнія ограниченія отпадаютъ и все болѣе проводится начало равноправности. Жизнь массы лицъ, другъ подлѣ друга, естественно обусловливаетъ обмѣнъ мыслей; изобрѣтенія и работа мысли ради промышленныхъ цѣлей вызываетъ въ отдѣльныхъ лицахъ стремленіе къ болѣе глубокому изученію окружающихъ явленій, — развивается сильно наука. Она поднимаетъ уровень развитія всего населенія. Новыя идеи стремятся проникнуть въ жизнь и приводятъ къ высшимъ формамъ государственной жизни, къ высшему развитію морали, религіи, искусства. Все это, наряду съ развитой техникой, дѣлаетъ народы на этой ступени народами культурными. До нея доразвились Грецiя и Римъ и современные народы къ началу XIX столѣтія.

Разсматривать въ подробностяхъ черты *промышленнаго* періода здѣсь незачѣмъ, такъ какъ все дальнѣйшее изложеніе и будетъ посвящено ему; отличительныя же его черты таковы: капиталъ, какъ факторъ производства (машины), выдвигается на первый планъ, производство принимаетъ все болѣе крупные, почти сказочные размѣры, отчасти благодаря чрезвычайному развитію кре-

дита; въ техникѣ, въ дѣленіи труда замѣчается громадный шагъ впередъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ создается и новая соціальная группировка: другъ противъ друга стоятъ капиталисты и наемные рабочіе; развитіе наукъ, распространеніе образованія, большая независимость отъ опеки государственной власти — вотъ характерныя черты хозяйства этого періода.

Современное хозяйство культурныхъ народовъ стоитъ на такой высокой ступени развитія, которой никогда не достигали народы прежде, а между тѣмъ никогда еще не было времени, когда бы такъ ощущалась настоятельная потребность въ реформахъ, въ измѣненіи, улучшеніи экономическихъ условій быта, какъ это замѣчается въ XIX столѣтіи.

Заключающееся, повидимому, въ сказанномъ противорѣчіе объясняется во 1) тѣмъ, что коренныя измѣненія въ организаціи хозяйственной жизни, обусловленныя успѣхами техники и наукъ естественныхъ, открытіями и изобрѣтеніями, измѣненіями характера соціальнаго, а также иное опредѣленіе назначенія и задачъ государства, потребовали уже и требуютъ еще соотвѣтственныхъ измѣненій въ правовомъ порядкѣ, новыхъ учрежденій, установленія новыхъ руководящихъ началъ для дѣятельности какъ органовъ государственныхъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлаго общества; во 2) новыя условія производства и распредѣленія вызвали къ жизни новыя неприглядныя явленія, новыя опасности для здоровой жизни и развитія общества, которыя должно стремиться устранить, и 3) наука указала на возможность и обязанность (общественнаго) воздѣйствія на организацію экономическаго строя, а болѣе высокое духовное развитіе предъявляетъ все новыя требованія, возлагая на государство рѣшеніе все новыхъ задачъ.

Несоотвѣтствіе того, что есть и что, по мнѣнію общества, должно быть, возможно въ трехъ случаяхъ: 1) въ случаѣ ухудшенія условій экономической жизни настоящаго сравнительно съ прошлымъ; 2) при неподвижности послѣднихъ и прогрессѣ идей, и 3) при болѣе быстромъ прогрессѣ идей, чѣмъ условій жизни. Послѣдній случай мы и имѣемъ въ настоящее время. Фактически экономическія и соціальныя условія жизни у большинства культурныхъ народовъ стали не хуже, а лучше, но требованія права, морали, гуманности относительно экономическаго и соціальнаго положенія каждаго отдѣльнаго лица значительно возросли, почему и задачи государства и общества стали гораздо сложнѣе прежняго.

Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ явленіе противоположное замѣчаемому въ началѣ культурнаго развитія: тамъ духовное развитіе стояло въ зависимости отъ экономическаго, а здѣсь опережаетъ духовное развитіе и вызываетъ прогрессъ въ области хозяйственной жизни народовъ. Сказанное однако указываетъ, что въ настоящее время народное хозяйство находится на переходной ступени: тѣ существенныя основы, на которыхъ покоилась много вѣковъ экономическая жизнь народовъ, частью расшатаны, частью уже устранены, а новыя еще только вырабатываются. Трудно сказать, скоро ли наступитъ время, когда для потока, оставляющаго свое прежнее русло, выходящаго изъ береговъ, наконецъ создано будетъ новое русло и онъ снова потечетъ сравнительно спокойно въ теченіе многихъ вѣковъ. Что такъ можетъ быть, что такъ будетъ когда нибудь, — тому порукой все прошлое, но въ настоящее, полное ожиданій и требованій, полное событій время требуется тѣмъ болѣе усиленный трудъ для изученія общественныхъ явленій, для изученія законовъ развитія человѣческаго общества, чтобы быть въ состояніи оказать посильное содѣйствіе постепенному, мирному, безъ всякихъ потрясеній, переходу общества на новую ступень экономическаго развитія, которая обусловливается его духовнымъ развитіемъ и которая соотвѣтствовала бы этому послѣднему.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Для науки народнаго хозяйства, какъ исходнымъ, такъ и конечнымъ пунктомъ всѣхъ ея изслѣдованій, служитъ человѣкъ, живущій въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Каждому человѣку присущи безчисленныя *потребности*, подъ которыми должно разумѣть ощущеніе недостатка, лишенія и соединенное съ этимъ стремленіе устранить это ощущеніе. Потребности человѣка, возьмемъ ли мы отдѣльнаго человѣка даннаго времени или человѣка въ его историческомъ развитіи, *способны безконечно увеличиваться*, такъ какъ, по мѣрѣ удовлетворенія однихъ, *возникаютъ все новыя и новыя потребности*, причемъ желаніе подражать другимъ или выдаваться между прочими играетъ немаловажную роль; сверхъ того потребности, разъ удовлетворенныя, по

прошествіи нѣкотораго времени возникаютъ съ новою силою и снова требуютъ удовлетворенія.

Эти то потребности и являются стимуломъ, побуждающимъ людей къ неустанной, постоянной дѣятельности, болѣе подробное изученіе которой и составитъ нашу дальнѣйшую задачу. Перечислить потребности человѣка, какъ мы уже сказали, представляется невозможнымъ, но ихъ можно подраздѣлить на извѣстныя группы въ зависимости отъ той или другой точки зрѣнія, на которую становится изслѣдователь. На первомъ мѣстѣ должно поставить различеніе потребностей на *духовныя* и *матеріальныя*. Далѣе Рошеръ, напримѣръ, различаетъ 3 группы потребностей: 1) естественныя, вызываемыя природой человѣка; 2) потребности приличія, вызываемыя условіями общественной жизни, соціальнымъ положеніемъ человѣка и, наконецъ, 3) потребности роскоши. Другіе ученые различаютъ потребности необходимыя и свободныя (т. е. безъ удовлетворенія которыхъ можно обойтись), индивидуальныя и общія; потребности существованія и потребности культурныя; потребности настоящаго времени и будущаго. Это послѣднее различеніе представляется существеннымъ въ виду такъ называемыхъ страховыхъ затратъ, состоящихъ въ томъ, что человѣкъ, вслѣдствіе предусмотрительности, сокращаетъ удовлетвореніе потребностей въ настоящемъ, стремясь обезпечить себѣ возможно болѣе полное удовлетвореніе потребностей въ будущемъ. Существуютъ и другія подраздѣленія потребностей, но всѣ они не допускаютъ, въ видѣ общаго правила, точнаго опредѣленія границы, гдѣ оканчивается одна группа потребностей и начинается другая въ виду того, что не только у разныхъ народовъ, или у того же народа въ разныя стадіи его развитія, но и у отдѣльныхъ людей того же народа въ данное, извѣстное время и даже у отдѣльнаго человѣка въ разные періоды его жизни весьма многія потребности могутъ быть относимы къ различнымъ группамъ.

Вслѣдствіе сказаннаго точное численное измѣреніе, въ цѣляхъ сравненія, степени удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей отдѣльныхъ лицъ, классовъ, народовъ часто встрѣчается съ почти непреодолимыми препятствіями, такъ что, гдѣ такое сравненіе и оказывается возможнымъ, приходится ограничиваться величинами приблизительно точными.

Каждая новая, высшая ступень развитія человѣка характеризуется и появленіемъ новыхъ, разумныхъ потребностей, такъ что

постоянный ростъ послѣднихъ представляется вполнѣ естественнымъ и можно согласиться съ Рошеромъ, что воспитаніе въ большей своей части сводится къ возбужденію новыхъ потребностей при параллельномъ подготовленіи и средствъ къ ихъ удовлетворенію.

Только въ томъ случаѣ ростъ потребностей долженъ быть признанъ вреднымъ, когда этотъ переходъ совершается, такъ сказать, внезапно, когда рядомъ съ ростомъ потребностей растетъ и нежеланіе трудиться или, наконецъ, когда развиваются потребности безнравственныя.

Однако развитіе потребностей и не первой необходимости въ весьма значительной степени не является выраженіемъ индивидуальности человѣка, особенныхъ чертъ его характера, но устанавливается путемъ общественнымъ именно въ видѣ моды, обычая, отступленіе отъ которыхъ даже въ вещахъ далеко не первостепенной важности часто представляется для человѣка сопряженнымъ съ такимъ тягостнымъ, непріятнымъ чувствомъ, что онъ бываетъ готовъ отказать себѣ почти въ насущномъ хлѣбѣ, лишь бы не отстать отъ моды, отъ обычая, вообще отъ того, что еще лучше выражается словами: „такъ принято“ или „такъ не принято“.

Такимъ образомъ ростъ потребностей, являясь *вообще* элементомъ прогресса, въ извѣстныхъ случаяхъ представляется напротивъ того признакомъ уклоненія съ пути нормальнаго развитія и потому вовсе не желательнымъ. Такъ, напримѣръ, низшіе классы, не имѣя возможности видѣть и знать, насколько полно удовлетворяются классами болѣе зажиточными ихъ самыя насущныя потребности, обращаютъ вниманіе и стремятся подражать имъ въ той внѣшности, которая видна каждому, въ одеждѣ, въ украшеніяхъ, въ доставленіи себѣ удовольствій и т. п. Всѣ тѣ потребности, которыя вполнѣ разумно могутъ быть удовлетворяемы классами болѣе зажиточными, такъ какъ такое удовлетвореніе является въ порядкѣ правильной постепенности, лишь послѣ удовлетворенія потребностей болѣе насущныхъ, существенныхъ, — оказываютъ весьма невыгодное вліяніе на бюджетъ малоимущихъ классовъ, такъ какъ правильный распорядокъ въ удовлетвореніи потребностей по степени ихъ настоятельности и важности для здороваго развитія этихъ классовъ становится невозможнымъ въ виду ограниченности ихъ средствъ, изъ которыхъ за удовлетвореніемъ потребностей, вызываемыхъ стремленіемъ подражать клас-

самъ болѣе зажиточнымъ, останется слишкомъ мало на удовлетвореніе болѣе существенныхъ, разумныхъ потребностей. Это обстоятельство не можетъ не отозваться невыгодно на развитіи этихъ классовъ. Уже изъ сказаннаго видно, насколько необходимо человѣку произвести оцѣнку и группировку своихъ потребностей для правильнаго, разумнаго пользованія стоящими въ его распоряженіи средствами.

Средствами для удовлетворенія потребностей являются: 1) внѣшняя физическая природа и 2) человѣкъ со своими качествами, съ качествами себѣ подобныхъ и съ создаваемыми обществомъ учрежденіями. Всѣ эти средства называются *полезностями*. Рошеръ называетъ полезностями (Gut) „все то, что признано годнымъ служить для посредственнаго или непосредственнаго удовлетворенія *истинныхъ* человѣческихъ потребностей“. Съ этимъ опредѣленіемъ нельзя согласиться. Рошеръ въ виду имѣлъ съ одной стороны исключить изъ понятія „полезности“ все то, что служитъ средствомъ для удовлетворенія потребностей безнравственныхъ или неразумныхъ, а затѣмъ и придать этическій характеръ всей наукѣ о народномъ хозяйствѣ. Однако введеніе въ опредѣленіе слова „истинныхъ“ (потребностей) не достигаетъ поставленной цѣли. Понятіе потребности, а потому и полезности, представляется относительнымъ и зависитъ отъ нашихъ познаній, отъ мнѣнія общества. Самъ Рошеръ указываетъ, что талисманы, любовный напитокъ и т. п. утратили характеръ „полезностей“, какъ скоро исчезла вѣра въ ихъ силу; затѣмъ тотъ же, напримѣръ, ядъ можетъ служить для цѣлей нравственныхъ, какъ и безнравственныхъ, да и вообще все состояніе, богатство человѣка придется относить или не относить къ полезностямъ, смотря по тому, въ какихъ цѣляхъ онъ имъ пользуется. Это, очевидно, представляется совершенно невозможнымъ. Да и что будетъ опредѣлять нравственность или истинность потребности? Всякая существующая потребность тѣмъ самымъ уже становится истинной, вопросъ же о нравственности потребности должна рѣшать этика, а не наука о народномъ хозяйствѣ, которая вполнѣ можетъ сохранять этическій характеръ, обнимая въ своемъ изслѣдованіи всѣ средства для удовлетворенія всѣхъ человѣческихъ потребностей, называя всѣ эти средства „полезностями“, но ничуть не обязывая и этику сохранять за ними тотъ же самый терминъ.

Полезности могутъ быть подраздѣлены на *внутреннія* и *внѣш-*

нія, причемъ подъ первыми разумѣются тѣ, которыя человѣкъ находитъ въ самомъ себѣ или свободно въ себѣ воспроизводитъ. Сюда относятся, напримѣръ, мускульная сила, работа мысли и т п. Подъ *внѣшними* полезностями разумѣются средства, которыя человѣкъ получаетъ извнѣ для удовлетворенія своихъ потребностей. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія одного человѣка въ эту категорію должно войти и все то, что съ точки зрѣнія другаго является полезностями *внутренними*. Внѣшнія полезности въ свою очередь различаются какъ *даровыя (свободныя)* или *хозяйственныя*. Подъ первыми разумѣются тѣ, которыми человѣкъ имѣетъ возможность пользоваться безъ усилій съ его стороны, свободно, безвозмездно, — таковы напримѣръ воздухъ, свѣтъ солнца и т. п. Хозяйственными называются тѣ полезности, полученіе которыхъ обусловливается предварительной затратой человѣческаго труда или количество которыхъ ограничено, такъ что пользоваться ими слѣдуетъ экономно, хозяйственно. Въ зависимости отъ этого полезность и становится „хозяйственной“, въ отличіе же отъ даровыхъ полезностей она называется также *цѣнностью*. Двѣ указанныя группы полезностей не представляются однако рѣзко разграниченными, напротивъ, можно замѣтить постепенный переходъ изъ одной въ другую: именно, даровыя полезности могутъ быть подраздѣлены на 1) общедоступныя или безусловно свободныя, т. е. такія, которыя не допускаютъ присвоенія отдѣльными лицами или соединеніями ихъ, и 2) условно свободныя (или даровыя). Эти послѣднія хотя по существу и допускаютъ присвоеніе, но въ данное время въ данномъ мѣстѣ, въ виду чрезвычайнаго изобилія ихъ, не представляется побудительныхъ причинъ для ихъ присвоенія: каждый желающій можетъ и безъ того сполна удовлетворить своей потребности въ нихъ. Такова была первоначально земля вообще, но затѣмъ рядомъ съ увеличеніемъ населенія и его плотности совершается, на почвѣ права, постепенное ограниченіе такого свободнаго пользованія отдѣльными категоріями земельныхъ участковъ, пока наконецъ и вообще земля не пріобрѣтаетъ всѣхъ характерныхъ признаковъ хозяйственныхъ полезностей или цѣнностей. Можно различать также категоріи полезностей, смотря по тому, способны ли онѣ удовлетворять потребностямъ человѣка или еще требуютъ переработки, или еще предварительнаго созданія другихъ цѣнностей, которыя только и дѣлаютъ возможнымъ ихъ полученіе и переработку и т. д. Чѣмъ болѣе отдаленныя

категоріи привлекаются къ производству, тѣмъ болѣе богатые результаты получаются, такъ какъ природою дается менѣе полезностей въ готовомъ видѣ, чѣмъ въ непригодномъ для потребленія. Такимъ образомъ, прогрессъ въ производствѣ естественно и выражается въ переходѣ отъ экстензивнаго хозяйства къ интензивному*).

Послѣднія распадаются на три группы:

1) Лица и личныя услуги. У цивилизованныхъ народовъ съ отмѣной рабства (во всѣхъ его формахъ) „лица", конечно, перестаютъ быть цѣнностями. И здѣсь, слѣдовательно, положительное право въ его историческомъ развитіи кладетъ свою печать на явленія экономическаго характера. Личныя услуги во всякомъ случаѣ остаются „средствами для удовлетворенія человѣческихъ потребностей" и потому должны быть отнесены къ цѣнностямъ.

2) Вещи — наиболѣе общая форма цѣнностей, — т. е. матерьяльныя частицы внѣшней природы, которыя могутъ быть различены какъ движимыя и недвижимыя, и

3) Отношенія къ вещамъ и лицамъ (res incorporales). Здѣсь можно различать:

а) свободно устанавливающіяся отношенія, напримѣръ клієнтура адвоката, кругъ подписчиковъ на журналъ или газету, покупателя извѣстнаго магазина или фирмы. Здѣсь цѣнность представляетъ то довѣріе къ честности, доброкачественности товара и т. п., которое привязываетъ извѣстный кругъ лицъ, напримѣръ, къ извѣстному торговому дому;

б) отношенія, устанавливающіяся не свободно, но въ силу правовыхъ ограниченій: привиллегіи, монополіи и т. п., и

в) различныя учрежденія, которыя берутъ на себя обезпеченіе обществу извѣстныхъ услугъ. Таково прежде всего само государство и другія общественныя учрежденія.

Въ противуположность второй (2) группѣ цѣнностей, которыя могутъ быть названы *матерьяльными, вещественными,* группы (1-ая) и (3-ья) заключаютъ въ себѣ цѣнности — *невещественныя.* Вопросъ о томъ, относить ли къ цѣнностямъ лишь вторую группу или и первую съ третьей, остается открытымъ, а между тѣмъ отъ того или другаго рѣшенія его зависитъ: 1) опредѣленіе границъ нашей науки, которая имѣетъ дѣло съ *цѣнностями* и 2) признаніе *производительною* дѣятельности тѣхъ классовъ и учрежденій, которыми услуги оказываются.

*) Wieser. Handw. Gut. 225 стр. и сл.

Въ пользу непризнанія характера цѣнности за услугами приводятся слѣдующія соображенія: ими нельзя владѣть; изъ нихъ нельзя составлять запасовъ, ихъ нельзя накоплять; они проявляются лишь въ извѣстные моменты и требуютъ извѣстнаго активнаго участія самого того лица, которому оказываются, и т. п.

Если нѣкоторые доводы и нельзя не признать неопровержимыми, то только въ томъ отношеніи, что услуги отличаются отъ вещественныхъ цѣнностей, но потому то они и выдѣлены въ особую группу; нѣкоторые же доводы вовсе не выдерживаютъ критики: вѣдь и трудъ нельзя накоплять, такъ и его не слѣдуетъ въ такомъ случаѣ относить къ цѣнностямъ; извѣстное активное участіе необходимо и при пользованіи вещественными цѣнностями; скорая преходимость также замѣчается и относительно нѣкоторыхъ вещественныхъ цѣнностей.

Такъ какъ „средствомъ для удовлетворенія потребностей“ услуги должны быть признаны безспорно, а таково принятое нами опредѣленіе полезности вообще; далѣе, такъ какъ пользованіе услугами, въ видахъ удовлетворенія потребностей, обусловливается извѣстной затратой труда, то отнесеніе услугъ къ цѣнностямъ должно быть признано совершенно правильнымъ. Но такъ какъ всякая дѣятельность, направленная на производство цѣнностей, заслуживаетъ названія „производительной“, то таковой же должна быть признана и дѣятельность лицъ и учрежденій, оказывающихъ услуги, иначе пришлось бы, говоря словами Листа, признать производительнымъ трудъ человѣка, разводящаго свиней, и непроизводительнымъ — трудъ воспитанія людей.

Для полученія хозяйственныхъ полезностей человѣку приходится употребить извѣстныя усилія, связанныя съ ощущеніемъ тягости, непріятности, которыя называются *трудомъ*.

Дѣятельность человѣка, предпринимаемая согласно извѣстному плану, съ цѣлью удовлетворенія при помощи хозяйственныхъ полезностей соотвѣтственныхъ потребностей, и представляетъ то, что называется *хозяйствомъ*. При этомъ, въ виду безграничности потребностей и крайней, сравнительно, ограниченности силъ, которыми располагаетъ человѣкъ, а потому и невозможности удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, человѣкъ долженъ руководиться *экономическимъ принципомъ*, который, съ ограниченіями, обусловленными требованіями этики, и ложится въ основаніе *хозяйственной* дѣятельности его и который можетъ быть выраженъ слѣ-

дующимъ образомъ: *въ производствѣ — стремиться получить возможно большее количество цѣнностей при возможно меньшихъ затратахъ, а при потребленіи — возможно меньшимъ количествомъ цѣнностей удовлетворить возможно большему количеству потребностей, въ порядкѣ ихъ настоятельности.* Различіе потребностей, различіе пригодности отдѣльныхъ хозяйственныхъ полезностей служить къ удовлетворенію потребностей человѣка естественно проводитъ человѣка къ оцѣнкѣ хозяйственнаго значенія той или другой экономической полезности, которая, являясь слѣдовательно продуктомъ логическаго процесса, называется *цѣнностью*. Часто наименованіе качества переносится на самый объектъ и онъ самъ уже называется *цѣнностью*. Логическій процессъ оцѣнки хозяйственныхъ полезностей проходитъ слѣдующія стадіи: сперва человѣкъ классифицируетъ свои потребности по степени ихъ важности, настоятельности, затѣмъ подобнымъ же образомъ группируетъ хозяйственныя полезности по пригодности ихъ служить удовлетворенію различныхъ потребностей и, наконецъ, сопоставляетъ отдѣльныя полезности по степени ихъ способности удовлетворять одной и той же потребности.

Въ результатѣ такой оцѣнки хозяйственная полезность является въ видѣ *цѣнности въ употребленіи*, которая, въ свою очередь, въ значительной степени въ зависимости отъ цѣли хозяйничающаго субъекта, можетъ быть различаема какъ *цѣнность для производства и цѣнность для потребленія;* въ обоихъ случаяхъ, далѣе, цѣнности различаются на двѣ категоріи, смотря по тому, допускаютъ ли они *пользованіе*, т. е. способны ли они служить цѣлому ряду операцій, или же они прекращаютъ свое существованіе, какъ извѣстныя, данныя цѣнности, т. е. *потребляются*, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ употребленія.

Однако, въ силу указаннаго выше основнаго экономическаго принципа, человѣкъ не останавливается на указанной оцѣнкѣ степени пригодности полезностей удовлетворять потребности, но еще обращаетъ вниманіе и на то, легко или трудно получить полезность, какихъ усилій, напряженій *стоитъ* полезность и не придаетъ никакой цѣны, никакого экономическаго значенія даже и самымъ необходимымъ полезностямъ, какъ, напримѣръ, воздухъ, свѣтъ и т. п., если ими можно пользоваться въ какомъ угодно количествѣ и безъ приложенія какихъ либо усилій со стороны человѣка.

Такъ какъ человѣкъ хозяйничаетъ не одинъ, не одинъ произ-

водитъ онъ, что необходимо для удовлетворенія его потребностей, но въ общеніи съ себѣ подобными, съ которыми онъ обмѣнивается произведеніями своего труда на ихъ продукты, то каждая цѣнность пріобрѣтаетъ еще значеніе въ томъ отношеніи, сколько другихъ цѣнностей можетъ быть получено въ обмѣнъ на нее, и съ этой точки зрѣнія сама цѣнность называется *мѣновой цѣнностью* или *товаромъ*. Очевидно, каждый товаръ долженъ быть и цѣнностью (въ употребленіи) въ то же время, но нельзя сказать наоборотъ, что всякая цѣнность является въ то же время и мѣновою цѣнностью. Государство, его услуги являются величайшими цѣнностями, но не товаромъ. Изъ сказаннаго видно, что понятія *цѣнности въ употребленіи* и *мѣновой цѣнности* не суть понятія координированныя, а потому и противуполагаемы одно другому быть не могутъ. Необходимо имѣть въ виду, что понятіе мѣновой цѣнности обусловливается степенью культуры, на которой стоитъ человѣческое общество, и правовымъ строемъ даннаго народа. Гдѣ нѣтъ обмѣна, гдѣ каждый производитъ самъ все для себя необходимое, или гдѣ господствуетъ рабство и гдѣ хозяинъ при посредствѣ труда рабовъ удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ своимъ и своихъ близкихъ, тамъ, очевидно, нѣтъ и мѣновой цѣнности. Такимъ образомъ понятіе мѣновой цѣнности есть понятіе исторически-правовое, присущее только извѣстному времени и общественному строю. Величина мѣновой цѣнности стоитъ въ зависимости отъ 1) *цѣнности* товара *въ употребленіи* и 2) отъ трудности его полученія (абсолютной или относительной рѣдкости товара). Результатъ оцѣнки *въ обоихъ* указанныхъ отношеніяхъ и находитъ себѣ выраженіе въ мѣновой цѣнности. Цѣнность въ употребленіи обусловливается частью физическими свойствами объекта, частью потребностями, мнѣніемъ субъекта, производящаго оцѣнку. Напримѣръ, хлѣбъ пшеничный содержитъ сравнительно болѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ картофель, съ другой стороны табакъ, вино и т. п. для человѣка некурящаго и непьющаго не являются цѣнностями. Трудность полученія зависитъ отъ препятствій физическихъ и соціальныхъ (или комбинаціи ихъ), которыя необходимо преодолѣть для полученія цѣнности. Вы имѣете дѣло или съ абсолютной, или съ относительной рѣдкостью товара: картины Рафаэля, вино извѣстнаго сорта и т. п. могутъ служить примѣромъ первой, такъ какъ нельзя увеличить ихъ число или количество, какія бы усилія или затраты ни дѣлались; большая часть това-

ровъ однако обладаютъ только относительной рѣдкостью, т. е. количество ихъ можетъ быть увеличиваемо, причемъ увеличеніе нѣкоторыхъ связано съ преодолѣніемъ большихъ препятствій, чѣмъ какія представлялись при полученіи первоначальнаго количества (таковы продукты земледѣлія), увеличеніе же другихъ товаровъ не вызываетъ несоразмѣрно-большаго увеличенія усилій (продукты обработывающей промышленности, какъ таковые).

Совокупность цѣнностей, составляющихъ собственность того или другаго физическаго или юридическаго лица, за вычетомъ его долговъ и по причисленіи долговъ другихъ лицъ ему, представляетъ собою *состояніе* даннаго лица. Состояніе въ этомъ смыслѣ, какъ можно видѣть изъ опредѣленія, есть понятіе исторически-правовое: дѣйствующее право опредѣляетъ и понятіе *лица*, которое способно *владѣть*, и *объекты*, на которые можетъ простираться обладаніе, и *характеръ* наконецъ тѣхъ *правъ*, которыя допускаются. Смотря по субъекту, здѣсь можно различать состояніе *публичное* (государства, общины и т. п.) и *частное* (частныхъ лицъ и союзовъ). Однако въ нашей наукѣ говорится также о *состояніи*, о богатствѣ народовъ и въ этомъ случаѣ подъ нимъ разумѣется, въ отличіе отъ предъидущаго, совокупность цѣнностей вообще, въ извѣстный моментъ времени являющаяся источникомъ для непосредственнаго или посредственнаго удовлетворенія потребностей, т. е. понятіе чисто-экономическое. Въ этомъ смыслѣ и говорится о состояніи народа или даже и цѣлаго свѣта.

Терминъ „благосостояніе“ въ обоихъ случаяхъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: говорятъ, напримѣръ, о *степени благосостоянія* такихъ лицъ и классовъ, у которыхъ не бываетъ никакого состоянія и даже никакихъ средствъ къ удовлетворенію своихъ насущныхъ потребностей. Очевидно терминъ „благосостояніе“ употребляется въ самомъ широкомъ смыслѣ вообще для обозначенія отношенія средствъ даннаго лица или класса къ его потребностямъ. Въ другихъ случаяхъ тотъ же терминъ прилагается для обозначенія уже только *благопріятнаго отношенія* средствъ лица къ его потребностямъ: въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, можно говорить о вліяніи нужды или благосостоянія на заболѣваемость и смертность и т. п. Обладаніе большимъ количествомъ цѣнностей, *большимъ* состояніемъ — называется *богатствомъ*.

Чтобы имѣть право называться *большимъ* въ данномъ случаѣ состояніе должно быть *велико* 1) по сравненію съ потребностями

его обладателя, такъ чтобы потребности могли удовлетворяться однимъ доходомъ, безъ уменьшенія состоянія, и при маломъ участіи хозяина, и 2) по сравненію съ состояніемъ другихъ лицъ, живущихъ въ тоже время и въ томъ же мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, лицо, считающееся въ маленькомъ провинціальномъ городѣ богачемъ, въ столицѣ далеко не будетъ называться таковымъ и, наоборотъ, считающееся небогатымъ въ столицѣ — можетъ казаться богачемъ въ захолустьѣ, по сравненію съ окружающимъ его населеніемъ.

При оцѣнкѣ народнаго богатства нельзя останавливаться на опредѣленіи одной его мѣновой цѣнности, такъ какъ не всѣ *цѣнности* (какъ уже было указано) суть въ то же время и *мѣновыя*, между тѣмъ понятіе богатства обнимаетъ собою всѣ цѣнности, поэтому необходимо для опредѣленія народнаго богатства обратиться къ косвеннымъ признакамъ его. Такими представляются слѣдующія данныя: 1) сравнительно удовлетворительное матеріальное положеніе нисшихъ классовъ населенія: главный хлѣбъ, потребляемый массой и величина потребленія; размѣры потребленія мяса, чаю, кофе, сахару и т. п. Легче всего прослѣдить размѣры потребленія ввозныхъ продуктовъ, хотя и здѣсь необходима крайняя осторожность въ выводахъ, такъ какъ, напримѣръ, сокращеніе ввоза или можетъ послѣдовать при неизмѣнившихся средствахъ населеніе вслѣдствіе обложенія ввознаго товара пошлинами, или уменьшеніе окажется фиктивнымъ, если ввозившійся продуктъ сталъ производиться внутри государства, вслѣдствіе ли развитія его производства, или вслѣдствіе присоединенія къ территоріи даннаго государства тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ ранѣе товаръ ввозился. Реальная величина заработной платы, т. е. совокупность тѣхъ цѣнностей, которыя, при данныхъ цѣнахъ на товары, могутъ быть пріобрѣтены рабочимъ классомъ на ихъ заработокъ въ видахъ удовлетворенія потребностямъ, также является точкой опоры для уясненія вопроса. Данныя о заболѣваемости, о рождаемости и смертности, средняя продолжительность жизни, жилищныя условія (особенно относительно городскаго населенія), движеніе эмиграціонное или иммиграціонное, статистика нравственная и уголовная и т. п., все это еще болѣе точно позволяетъ нарисовать картину образа жизни и заключать о степени матеріальной обезпеченности главной массы населенія.

2) Значительныя издержки, дѣлаемыя народомъ добровольно, для

удовлетворенія болѣе возвышенныхъ потребностей. Еще въ 1872 г. доходъ одного англійскаго Библейскаго общества достигалъ почти 2 мил. руб. (по курсу) ежегодно; экспедиціи на отысканіе Франклина обошлись Англіи въ 10 мил. руб.; наконецъ, о богатствѣ англійскаго народа свидѣтельствуетъ и вотированная парламентомъ въ 1833 г. сумма въ 200 мил. руб. на освобожденіе негровъ отъ рабства. Значительный бюджетъ государства, если онъ безъ тягости переносится народомъ, также служитъ однимъ изъ признаковъ богатства народа.

3) Многочисленныя и дорогія сооруженія, зданія и каналы, желѣзныя дороги.

4) Ссуды, дѣлаемыя одной страной другимъ странамъ.

5) Состояніе сберегательныхъ кассъ и т. п. учрежденій.

6) Вліяніе колебаній въ цѣнахъ продуктовъ потребленія на движеніе населенія. Если, напр., въ одной странѣ даже незначительное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ вызываетъ сокращеніе числа браковъ и паденіе рождаемости при увеличеніи смертности, тогда какъ другая страна переноситъ безъ такихъ послѣдствій и болѣе значительныя измѣненія цѣнъ, то мы въ правѣ будемъ заключать, что богатство втораго народа выше, чѣмъ перваго.

Состояніе по той цѣли, для которой оно предназначается, можетъ быть или I) *запасомъ для непосредственнаго потребленія*, или II) *капиталомъ*. Этимъ послѣднимъ терминомъ обозначается совокупность цѣнностей, предназначенныхъ служитъ средствомъ для производства новыхъ цѣнностей.

Цѣнности, въ качествѣ *запаса потребленія*, могутъ или сполна сразу потребляться, или служить непосредственному удовлетворенію потребностей въ теченіе извѣстнаго времени; на основаніи этого можно различать *запасъ для немедленнаго потребленія* и *запасъ для пользованія*. Равнымъ образомъ и капиталъ можно различить по тому же признаку прочности, долговѣчности, на двѣ категоріи: или средства производства сполна переходятъ въ создаваемыя цѣнности и при сбытѣ продуктовъ, въ цѣнѣ ихъ, сполна возмѣщается ихъ мѣновая цѣнность, такъ что она снова оказывается въ распоряженіи хозяина, почему въ этомъ случаѣ капиталъ называется *оборотнымъ;* или же капиталъ лишь отчасти переходитъ въ создаваемыя при его содѣйствіи цѣнности и можетъ способствовать ихъ созданію въ теченіе цѣлаго ряда производственныхъ операцій. При сбытѣ цѣнностей, въ цѣнѣ ихъ возмѣщается лишь та доля

капитала, которая перешла въ нихъ, которая утратилась остающимся капиталомъ, такъ что возмѣщается этотъ капиталъ, какъ и переходитъ въ создаваемыя цѣнности, лишь послѣ цѣлаго ряда аналогичныхъ операцій. Въ этомъ случаѣ капиталъ называется *постояннымъ*. Къ первому — оборотному — относятся главнымъ образомъ матерьялы основные, побочные и вспомогательные, напримѣръ, пряжа, краски, смазочныя масла, уголь и т. п. при изготовленіи ткани; ко второму — капиталу постоянному — машины, орудія и т. п.

Таково понятіе капитала, какъ термина чисто-экономическаго, и въ этомъ смыслѣ капиталъ, хотя и не на первыхъ шагахъ хозяйства человѣка, но весьма рано во всякомъ случаѣ становится столько же необходимымъ участникомъ въ производствѣ, какъ природа и трудъ.

Капиталъ съ точки зрѣнія исторически-правовой — капиталъ „частный“ — есть та доля состоянія лица, физическаго или юридическаго, которая является для него источникомъ дохода. Необходимымъ условіемъ для существованія такого капитала является наличность правоваго порядка, допускающаго право частной собственности относительно орудій или средствъ производства и связанное съ этимъ полученіе дохода въ видѣ ренты или процентовъ. При господствѣ права частной собственности, капиталъ, какъ средство производства, обыкновенно проявляется въ формѣ капитала въ послѣднеуказанномъ смыслѣ; въ этомъ случаѣ собственники его являются въ качествѣ общественныхъ должностныхъ лицъ, несущихъ заботы по образованію и затратѣ народнаго капитала, причемъ наилучше въ техническомъ отношеніи, полнѣе и наиболѣе согласно съ основнымъ экономическимъ принципомъ могутъ быть удовлетворены и потребности цѣлаго народа, какъ то указываетъ исторія (А. Вагнеръ).

Отнесеніе цѣнности къ капиталу можетъ обусловливаться объективными свойствами цѣнности, такъ что съ утратой этихъ свойствъ утрачивается и экономическій характеръ полезности и цѣнность перестаетъ существовать—таковы, напримѣръ, машины, орудія.

Затѣмъ, для включенія цѣнности въ капиталъ (народный) въ смыслѣ средствъ производства, необходимо, чтобы цѣнность была потребна для производства новыхъ цѣнностей и чтобы она дѣйствительно была на это производство затрачена. Отнесеніе цѣнности къ „частному“ капиталу обусловливается назначеніемъ, ко-

торое дается цѣнности по волѣ ея хозяина. Такимъ образомъ, какъ можно видѣть изъ сказаннаго, понятіе народнаго и частнаго капитала не тождественны, хотя въ значительно большей части и могутъ совпадать. Понятіе частнаго капитала представляется шире главнымъ образомъ потому, что оно обнимаетъ собою: 1) и тѣ цѣнности, которыя для народа, какъ единаго цѣлаго, являются цѣнностями потребленія или пользованія, 2) правовыя отношенія ограничительнаго характера, которыя только въ тѣхъ случаяхъ могли бы подходить подъ понятіе народнаго капитала, если бы дѣйствительно являлись средствомъ для развитія даннаго производства, т. е. если послѣднее, не будь этихъ ограниченій, не развилось бы вовсе въ данной мѣстности. Сюда же можно отнести и особыя климатическія и почвенныя условія, которыя создаютъ монополію по отношенію къ производству извѣстныхъ продуктовъ, которая эксплоатируется страной чрезъ вывозныя пошлины, и 3) капиталомъ съ точки зрѣнія частнаго лица является общая сумма затратъ для полученія новыхъ цѣнностей, тогда какъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства капиталомъ будетъ лишь необходимая для производства часть затраченныхъ цѣнностей.

По экономическимъ и правовымъ признакамъ представляется необходимымъ различать и особыя „хозяйства“. Тогда какъ одни представляютъ въ этихъ отношеніяхъ самостоятельныя единицы съ единой руководящей хозяйствомъ волей, въ другихъ этихъ признаковъ не замѣчается. Первыя могутъ быть различены на *частныя* и *общественныя*, смотря по тому, преслѣдуются ли ими цѣли того или другаго рода. Такими хозяйствами являются — семейное (или лицъ одинокихъ), хозяйство компаній, предпріятій и общественныхъ единицъ — общины, земства, государства и т. п. Положительное право играетъ здѣсь громадную роль, такъ какъ имъ опредѣляются даже условія возникновенія большей части этихъ хозяйствъ, права и обязанности руководителя и членовъ хозяйства и т. д.

Противуположность этимъ хозяйствамъ представляетъ хозяйство народное въ томъ отношеніи, что въ немъ мы не встрѣчаемъ единства руководящей воли. Оно представляется „законченнымъ цѣлымъ, состоящимъ изъ самостоятельныхъ единичныхъ хозяйствъ, имѣющихъ другъ съ другомъ общеніе на почвѣ опредѣленнаго

экономически-правоваго порядка и принадлежащихъ одному народу, организованному въ особое государство или объединенному чрезъ посредство извѣстныхъ политико-экономическихъ мѣропріятій (Вагнеръ).

Народное хозяйство, подобно самому народу, представляетъ собою реальное самостоятельное цѣлое, причемъ отдѣльныя, единичныя хозяйства, его составляющія, являются, вслѣдствіе раздѣленія и соединенія труда, не простыми слагаемыми, а членами одного цѣлаго и, какъ таковыя, имѣютъ кромѣ своихъ частныхъ задачъ еще извѣстныя функціи въ интересахъ цѣлаго.

На характеръ и на развитіе народнаго хозяйства, какъ продукта исторіи, имѣютъ рѣшающее значеніе 4 категоріи условій: 1) заключающіяся въ природѣ внѣшней, 2) въ качествахъ, свойствахъ самого народа, 3) степень развитія техники въ приложеніи къ производству, но особенно — къ средствамъ сообщенія, и 4) условія политическія и правовыя, находящія себѣ выраженіе въ государственномъ и въ экономически-правовомъ строѣ.

Что касается условій первой категоріи, то намъ придется еще ниже подробно останавливаться на ихъ разсмотрѣніи, здѣсь же достаточно будетъ указать хотя бы на ту несомнѣнную зависимость большей сплоченности отдѣльныхъ хозяйствъ, которая обусловливается наличностью хорошихъ естественныхъ путей, связывающихъ отдѣльныя части территоріи, занимаемой даннымъ народомъ, на равнинный или гористый характеръ мѣстности, облегчающій или затрудняющій сношенія между отдѣльными хозяйствами и т. п.

Вліяніе второй категоріи условій вполнѣ естественно потому, что само народное хозяйство, развиваясь, какъ и самъ народъ, изъ семейнаго (единичнаго) хозяйства представляетъ собой лишь одну ихъ характерныхъ чертъ физіономіи народа. Общность происхожденія, языкъ, религія, науки и искусства, нравы и обычаи, право и государство, а также и хозяйство, — вотъ основы націи. Поэтому понятно, что народное хозяйство въ своихъ судьбахъ слѣдуетъ всегда за народомъ, съ нимъ оно растетъ, развивается, съ нимъ переживаетъ кризисъ, съ нимъ вмѣстѣ клонится къ упадку.

Состояніе средствъ сообщенія, въ частности путей сообщенія, налагаетъ свою печать на цѣлыя эпохи въ жизни всего человѣчества, не только отдѣльнаго народа (ж. дороги!). Техника производства — мускульная ли сила человѣка, или сила животныхъ,

или мертвыя силы природы привлечены къ работѣ, — также характеризуетъ развитіе народнаго хозяйства.

Вліяніе государства на образованіе и развитіе народныхъ хозяйствъ съ особенной ясностью выразилось въ теченіе 17 и 18 вѣка, на чемъ намъ придется остановиться еще ниже при изложеніи ученія о торговлѣ. Мы увидимъ, какъ государственная власть, при постепенномъ „собираніи земли“, давшемъ въ результатѣ территоріи современныхъ намъ государствъ (за нѣкоторыми исключеніями), стремясь къ централизаціи, къ объединенію разновременныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, пользовавшихся и отличными другъ отъ друга правами, постепенно устраняетъ эти различія, устраняетъ преграды, разъединявшія населеніе отдѣльныхъ мѣстностей, уже объединенное единствомъ государственной власти, и, параллельно съ проведеніемъ все большаго единства *внутри,* все рѣзче отграничиваетъ, обособляетъ въ экономическомъ отношеніи свой народъ *во внѣ,* въ отношеніи къ другимъ государствамъ, къ другимъ народнымъ хозяйствамъ. Только съ конца 18 столѣтія и до послѣднихъ десятилѣтій настоящаго выступетъ сперва въ теоріи, а потомъ переходитъ и въ жизнь *космополитическій* взглядъ на народное хозяйство, который однако за послѣднее время снова уступаетъ мѣсто *національному* направленію въ народномъ хозяйствѣ.

Въ правовомъ строѣ, въ экономическихъ (въ тѣсномъ смыслѣ) законодательныхъ и административныхъ мѣропріятіяхъ — во всемъ этомъ вліяніе государства на народное хозяйство сказывается съ несомнѣнной ясностью и чрезвычайной силой.

Кромѣ народнаго хозяйства, какъ на высшую ступень, можно указать на *всемірное хозяйство,* подъ которымъ разумѣется общеніе, экономическая связь единичныхъ хозяйствъ всѣхъ народовъ или народныхъ хозяйствъ. Въ извѣстные періоды можно замѣтить, что извѣстныя народныя хозяйства, ближе стоящія другъ къ другу по степени своего развитія, образуютъ какъ бы особое (болѣе) связное цѣлое, по сравненію ихъ съ другими народными хозяйствами. И въ этомъ смыслѣ говорится, напримѣръ о „міровомъ“ хозяйствѣ культурныхъ народовъ. Нѣкоторые писатели видятъ еще только зачатки всемірнаго хозяйства, другіе говорятъ уже о немъ, какъ о дѣйствительно-осуществившемся. Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ не такъ давно умершій австрійскій ученый проф. Neumann-Spallart, который свои взгляды, обоснованные

богатымъ статистическимъ матеріаломъ, развивалъ въ періодически выходившихъ „Обзорахъ всемірнаго хозяйства“ (Uebersichten der Weltwirthschaft) *).

Право на существованіе *всемірнаго* хозяйства неоспоримо, такъ какъ оно *коренится* прежде всего въ различіи независящихъ отъ воли человѣка условій: различіи физическихъ условій отдѣльныхъ мѣстностей, различіи національныхъ свойствъ отдѣльныхъ народовъ. Уже этимъ вполнѣ оправдывается международное дѣленіе труда и обмѣнъ. Сверхъ того основаніемъ, по крайней мѣрѣ, временнымъ должно признать и различіе въ экономическомъ развитіи отдѣльныхъ народовъ: общеніе съ народами болѣе развитыми не только можетъ сдѣлать доступнымъ менѣе развитому народу потребленіе продуктовъ высокоразвитой промышленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность быстрѣе развиваться, быстрѣе пройти то разстояніе, которое отдѣляетъ отставшую международную личность отъ другихъ, ея опередившихъ, а затѣмъ позволяетъ и стоявшему прежде позади народу принять равное участіе въ общечеловѣческомъ развитіи, доводя до высшей степени развитія качества и свойства, составляющія его характерную особенность, отличіе отъ другихъ народовъ.

Условіями, *содѣйствующими* развитію всемірнаго хозяйства, является фактическая и юридическая возможность легкаго, удобнаго общенія лицъ, перемѣщенія лицъ, товаровъ и извѣстій, т. е. сюда придется отнести развитіе путей сообщеній, свободу и безопасность передвиженія.

Стремясь къ открытію *законовъ*, наука тѣмъ самымъ предполагаетъ наличность условій, необходимыхъ для существованія извѣстной правильности въ явленіяхъ; но чѣмъ же она можетъ вызываться въ народномъ хозяйствѣ, не имѣющемъ даже присущей единичнымъ хозяйствамъ единой руководящей воли? Очевидно, здѣсь должны господствовать такія организующія начала, которыя вносили бы извѣстное единство въ тотъ хаосъ человѣческихъ дѣйствій, который получился бы естественно при преслѣдованіи каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, въ свободномъ самоопредѣленіи, самыхъ различныхъ интересовъ; очевидно, сама че-

*) Проф. Юрашекъ продолжаетъ это изданіе; впрочемъ, только одна спеціальная часть (7 вып.) появилась до сихъ поръ, но подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ.

ловѣческая воля должна опредѣляться въ свою очередь сходными для всѣхъ людей началами, организующими въ стройное цѣлое — въ народное хозяйство — всю совокупность входящихъ въ его составъ единичныхъ (частныхъ и общественныхъ) хозяйствъ, имѣющихъ каждое своего особаго руководителя. Какія же это начала?

До настоящаго времени этотъ каждый вопросъ еще далеко не можетъ считаться достаточно разработаннымъ, тѣмъ болѣе, что на разсмотрѣніи его стали останавливаться лишь изслѣдователи позднѣйшаго времени, къ тому же встрѣчавшіе мало сочувствія своимъ новымъ взглядамъ, въ виду господства школы послѣдователей А. Смита, признававшей, что отношенія лица въ сферѣ хозяйственной опредѣляются *неизмѣнно* однимъ только эгоизмомъ, однимъ стремленіемъ къ личному (матеріальному) интересу.

Заслуга въ отношеніи измѣненія этого взгляда главнымъ образомъ должна быть признана за исторической школой, которая не остановилась только на указаніи недостаточности принятія одного организующаго начала, но и выяснила невѣрность господствовавшей теоріи въ томъ отношеніи, что самъ „эгоизмъ“ не есть величина всегда сама себѣ равная, неизмѣнная, но напротивъ — развивающаяся, измѣнчивая, а потому и не могущая *неизмѣнно* опредѣлять всѣ отношенія хозяйничающаго лица.

Итакъ, на смѣну прежняго взгляда, имѣющаго многихъ защитниковъ и въ настоящее время, должно дать новый анализъ тѣхъ началъ, которыми организуется народное хозяйство, что мы и попытаемся теперь сдѣлать.

Первобытный человѣкъ, какъ мы уже знаемъ, не отличается значительно отъ животныхъ въ виду сходства и силъ, и потребностей. Послѣднія въ самомъ началѣ развитія суть почти исключительно физическія и одинаково у того и у другихъ обусловливаются инстинктомъ самосохраненія — заботой о сохраненіи жизни, о защищеніи себя отъ физическихъ страданій и лишеній. Какъ и среди животныхъ, насиліе играетъ весьма важную роль. Однако человѣкъ по самой природѣ своей есть существо общежительное, но никакое общеніе немыслимо безъ взаимныхъ уступокъ, безъ признанія извѣстныхъ правъ за другими подъ условіемъ взаимности такого признанія. Мы находимъ даже у нѣкоторыхъ животныхъ нѣчто подобное: такъ львы, и нѣкоторыя др. хищныя животныя и хищныя птицы признаютъ извѣстные районы какъ бы отмежеванными для пользованія тѣмъ или другимъ. Равнымъ об-

разомъ уже у самыхъ грубыхъ дикарей, въ интересахъ мирнаго сожитія, создается нѣкоторый порядокъ общественной жизни Мнѣніе членовъ поддерживаетъ его, ихъ сила охраняетъ отъ нарушенія. Сохраняющійся порядокъ съ теченіемъ времени отвердѣваетъ, въ немъ родятся новыя поколѣнія, взгляды своихъ родителей они всасываютъ съ молокомъ матери и, понятно, привыкаютъ считать унаслѣдованный строй жизни остественнымъ, необходимымъ, законнымъ. Онъ поддерживается общественнымъ мнѣніемъ, охраняется отъ нарушенія зачастую прямо физическимъ принужденіемъ, какъ уже установившійся *обычай*. Увеличивается численность населенія,— является и бо̀льшее различіе во взглядахъ, разномысліе среди членовъ той же общественной группы. Ради обезпеченія прочности общежитію, ради охраненія (отъ посягательствъ) извѣстныхъ началъ, признаваемыхъ за основы, необходимыя для существованія и развитія общества, послѣднее выдѣляетъ такія начала въ видѣ положительнаго права, обязательнаго для всѣхъ членовъ даннаго общенія, и обезпечиваетъ выполненіе требованій этого права физическимъ принужденіемъ по отношенію къ тѣмъ, которые не пожелали бы добровольно ихъ выполнить. За выдѣленіемъ этихъ важнѣйшихъ началъ общественное мнѣніе продолжаетъ требовать выполненія и многаго другаго, причемъ иногда примѣняетъ и физическое принужденіе, но въ видѣ общаго правила, можно сказать, за общественныхъ мнѣніемъ остается лишь значеніе внѣшняго нравственнаго принужденія, такъ какъ физическое усвоивается только закону положительному.

Однако, какъ обычаи, такъ и положительное право (на первыхъ ступеняхъ развитія) являются выраженіемъ взглядовъ людей средняго уровня даннаго народа, массы, такъ что вполнѣ естественно, что отдѣльныя лица, стоящія ниже — недовольны, не желаютъ подчиняться имъ, а стоящія выше массы, дальше смотрящія впередъ, не довольствуются признаваемымъ обычнымъ и положительнымъ правомъ, желаютъ и проповѣдуютъ измѣненіе тѣхъ и другихъ, улучшеніе. Они могутъ вліять лишь словомъ и своимъ примѣромъ, своей жизнью и, если ихъ требованія, взгляды прививаются, то здѣсь, въ этой области морали индивидуальной, дѣйствуетъ лишь одно принужденіе нравственное, внутреннее, — такъ сказать, принужденіе убѣжденія.

Каждый шагъ въ духовномъ развитіи общества закрѣпляется правомъ и обычаемъ, такъ что въ немъ выростаютъ уже новыя

поколѣнія и легко могутъ дѣлать новый шагъ впередъ, опираясь на духовныя пріобрѣтенія, на работу мысли всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. Подобно отдѣльнымъ лицамъ и право, выросши изъ обычая, само стремится вліять творчески путемъ укрѣпленія или созданія новыхъ житейскихъ правилъ и обычаевъ, причемъ существеннымъ отличіемъ отъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ является возможность примѣненія физическаго принужденія. Въ этомъ и сила, и слабость права: оно быстрѣе, легче, на болѣе обширномъ пространствѣ можетъ привить желательные обычаи, взгляды, если только почва оказывается подготовленной, благопріятной для ихъ воспріятія, но за то здѣсь же могутъ получиться, въ противномъ случаѣ, такія невыгодныя послѣдствія для развитія общественнаго и въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, которыхъ никогда не можетъ быть въ результатѣ дѣятельности отдѣльной личности. Даже одно это требуетъ крайне осторожнаго пользованія той громадной силой, которая въ видѣ принужденія находится въ распоряженіи государственной власти, являющейся хранителемъ и развивателемъ всякаго даннаго правоваго порядка.

Подводя итогъ вышесказанному, мы приходимъ къ заключенію, что вся хозяйственная жизнь народа слагается подъ вліяніемъ трехъ организующихъ началъ: свободнаго самоопредѣленія человѣческой личности, принужденія внѣшняго нравственнаго и физическаго.

И потребности индивидуальныя, и общественныя одинаково удовлетворяются человѣкомъ при наличности вліянія всѣхъ этихъ началъ.

Взаимное отношеніе ихъ всѣхъ трехъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Первое — свободное самоопредѣленіе человѣческой личности, есть величина сложная *). Соотвѣтственно различію физической и

*) Въ только что появившейся I-й части сочиненія А. Вагнера Grundlegung der Polit. Oekon. 3 изд., стр. 83 — 133, дѣлается попытка разложить эту величину на составные элементы, каковые сводятся Вагнеромъ въ 5 группъ руководящихъ мотивовъ, а именно: I. Эгоистическіе мотивы; 1) стремленіе къ собственной хозяйственной выгодѣ и боязнь собственной хозяйственной нужды; 2) страхъ наказанія и надежда признанія (заслугъ), награды, 3) честолюбіе, желаніе имѣть значеніе, власть и боязнь стыда и презрѣнія; 4) стремленіе къ дѣятельности, удовольствіе отъ сознанія дѣятельности, отъ самой работы и ея результатовъ, равно какъ боязнь послѣдствій бездѣйствія, и II. Не эгоистическій руководящій мотивъ — велѣніе совѣсти дѣйствовать нравственно, требованіе чув-

духовной стороны человѣческой природы можно различать и потребности матерьяльныя и духовныя, перечислить которыя нѣтъ

ства долга и боязнь угрызеній совѣсти, недовольства самимъ собой. Эту классификацію едва ли можно считать удачной. Уже самъ авторъ сознаетъ, что она не полна и говоритъ, что онъ въ каждой категоріи называетъ лишь главнѣйшіе мотивы; но и этой оговорки мало: имъ пропущенъ, напр., такой громадной важности мотивъ, какъ любовь, страсть. Въ какую изъ двухъ группъ его отнести, въ какую категорію изъ приводимыхъ Вагнеромъ? Далѣе категорія четвертая первой группы въ значительной степени можетъ быть отнесена ко второй группѣ и отчасти къ разнымъ категоріямъ первой группы. Не отрицаетъ возможности *совпаденія* этихъ мотивовъ самъ Вагнеръ, но намъ кажется, что здѣсь рѣчь можетъ идти о ближайшемъ или болѣе отдаленномъ мотивѣ: мнѣ пріятна дѣятельность (ближайшій мотивъ), но потому пріятна, что она доставляетъ внутреннее довольство; мнѣ пріятна работа, но потому, что она въ концѣ концовъ удовлетворяетъ честолюбію, устраняетъ презрѣніе и т. д Наконецъ, даже и двѣ главныхъ группы не выдерживаютъ критики. развѣ даже чистое стремленіе къ собственной хозяйственной выгодѣ и боязнь нужды не можетъ основываться на чувствѣ любви, на сознаніи долга, отвѣтственности за счастье и спокойствіе близкихъ, дорогихъ человѣку людей? Намъ представляется гораздо болѣе важнымъ, если ужь начинать разсмотрѣніе отдѣльныхъ руководящихъ мотивовъ, какъ это пытается сдѣлать Вагнеръ, остановиться на *подробномъ, обстоятельномъ* разсмотрѣніи того, какъ наростаютъ эти мотивы, какъ они исторически измѣняются и развиваются. Такое тщательное разсмотрѣніе выяснило бы, какъ рѣзко отличаются руководящіе мотивы въ разныя эпохи и, можетъ быть, заставило бы автора значительно измѣнить свои заключительныя положенія въ этомъ отдѣлѣ. Онъ именно находитъ возможнымъ различать: 1) общечеловѣческій моментъ, и 2) индивидуально измѣнчивый моментъ. Первый заключается въ самой природѣ человѣка, какъ таковаго. „Эта человѣческая природа и физически, и психически остается по существу той же самой, вопреки теоріи эволюціи или вѣрнѣе, фантазіи эволюціи: человѣчество (Menschheit) есть самостоятельный, постоянный естественный продуктъ, принципіально и физически, и психически отличный отъ животныхъ“... „Къ общечеловѣческому моменту относится и по существу неизмѣнный порядокъ психической мотивацiи“ (die wesensgleiche Art der psychischen Motivation). Второй моментъ имѣетъ, по его мнѣнію, большое, но не то рѣшающее значеніе, которое признается Вагнеромъ за первымъ. Мы не можемъ согласиться съ такимъ заключеніемъ. Человѣкъ, какъ всякое живое существо, какъ *таковое* подчиненъ неизмѣннымъ законамъ физической природы; но именно какъ *человѣкъ*, то онъ и измѣнчивъ: онъ есть продуктъ исторіи того общества, членомъ котораго онъ является, на высшихъ ступеняхъ развитія—продуктъ общечеловѣческаго развитія. Поэтому всѣ люди данной эпохи, даннаго мѣста имѣютъ сходныя черты, руководятся сходными мотивами и наоборотъ представляютъ отличія отъ людей другихъ временъ, другихъ народовъ. Но такъ какъ возможно и индивидуальное развитіе, то имъ то и обусловливаются индивидуальныя различія людей того же времени и мѣста; чѣмъ выше развивается знаніе, тѣмъ болѣе значительны могутъ быть индивидуальныя различія (сравни двухъ дикарей и двухъ людей нашего времени!), что отнюдь не препятствуетъ наличности сходныхъ чертъ въ жизни и дѣятельности тѣхъ же самыхъ людей, какъ продукта историческаго развитія того же общества.

возможности; даже у одного и того же человѣка то тѣ, то другія получаютъ преобладающее значеніе, опредѣляя такимъ образомъ его дѣйствія. Конечно, на первыхъ ступеняхъ развитія матерьяльныя потребности стоятъ на первомъ планѣ. Удовлетворять имъ требуетъ инстинктъ самосохраненія — голосъ физической природы, — но онъ дисциплинируется требованіями разума и чувства, развивающимися прежде всего подъ вліяніемъ общежитія. Инстинктъ побуждаетъ первобытнаго человѣка, какъ и животнаго, только къ удовлетворенію потребностей, не стѣсняясь средствами, и мы видимъ широкое распространеніе насилія. Совмѣстная жизнь многихъ въ одномъ мѣстѣ естественно приводитъ къ ограниченію послѣдняго — вотъ первый благотворный шагъ въ воздѣйствіи общества на отдѣльное хозяйничающее лицо. Въ общеніи съ себѣ подобными, достигая при ихъ содѣйствіи болѣе полнаго удовлетворенія потребностей физическихъ, человѣкъ оказывается въ состояніи развить и духовную сторону своей природы, т. е. ощущать и духовныя потребности и находить средства для ихъ удовлетворенія. По инстинкту человѣкъ убиваетъ дичь, обычай устанавливаетъ право собственности и требуетъ уваженія къ нему, охраняетъ собственника отъ насилія со стороны другихъ лицъ; по инстинкту устанавливаются сношенія между лицами разнаго пола, — обычаи устанавливаютъ семью и семейный очагъ и т. д. не только по отношенію къ такимъ крупнымъ явленіямъ общественной жизни, но и во всѣхъ мелочахъ, напр., какъ и когда ѣсть и пить, какъ одѣваться и т. п. Такимъ образомъ даже на самыхъ нисшихъ ступеняхъ культуры не остается чисто-естественныхъ дѣяній и явленій въ сферѣ экономической жизни: на всемъ видны слѣды вліянія общественнаго. Эта форма вліянія общества на отдѣльнаго человѣка неизбѣжна, неминуема для каждаго, позволяетъ признать каждаго, какъ человѣка извѣстнаго даннаго времени, сыномъ своего времени, произведеніемъ общества, и въ то же время она незамѣтна, такъ какъ, начиная дѣйствовать съ первыхъ дней жизни, она сливается съ индивидуальнымъ развитіемъ человѣка, переходитъ въ его плоть и кровь. Мы говорили уже, что каждый общественный строй закрѣпляетъ, такъ сказать, все духовное развитіе предшествующихъ поколѣній и даетъ возможность каждому своему члену воспользоваться всей этой работой мысли, духа, благодаря только тому, что это лицо является членомъ общества въ извѣстное данное время.

Хотя каждый человѣкъ въ самихъ своихъ потребностяхъ, матерьяльныхъ и духовныхъ, въ способахъ удовлетворенія ихъ находится въ извѣстной зависимости отъ общества, отъ той ступени развитія, на которой стоитъ общество въ то или другое время, тѣмъ не менѣе между отдѣльными членами его замѣчается различіе въ зависимости отъ различія индивидуальнаго умственнаго и нравственнаго развитія, такъ что весьма различны оказываются ощущаемыя каждымъ матерьяльныя и духовныя потребности, различна производимая каждымъ человѣкомъ оцѣнка значенія тѣхъ или другихъ, а потому различны были бы и дѣйствія человѣка, которыя онъ, по свободному самоопредѣленію, предпринялъ бы для удовлетворенія своихъ потребностей.

Всѣ потребности вытекаютъ изъ физической или духовной стороны человѣческой природы. Человѣкъ стремится удовлетворить всѣмъ имъ; но если это невозможно,—онъ сравниваетъ удовольствіе, которое достигается удовлетвореніемъ тѣхъ и другихъ, и отдаетъ преимущество обѣщающимъ чувство большаго довольства. По мѣрѣ развитія человѣчества, мы видимъ, что удовлетвореніе потребностямъ духовнымъ человѣкомъ ставится все выше и выше, такъ что постепенно не только, напр., свободу, но и вообще независимое отъ другихъ положеніе, деликатное, неоскорбительное для личности обращеніе, уваженіе, одобреніе со стороны сочленовъ онъ начинаетъ цѣнить дороже нѣкоторой доли матерьяльныхъ благъ, дающихъ возможность болѣе полнаго удовлетворенія матерьяльныхъ потребностей. Итакъ, самоопредѣленіе человѣка, на первый разъ, побуждаетъ его къ дѣйствіямъ, обѣщающимъ удовлетвореніе потребностей, болѣе цѣнимыхъ человѣкомъ. Однако здѣсь снова выступаетъ вліяніе общества въ двухъ формахъ,—вліяніе, ясно обнаруживающееся вовнѣ, именно въ видѣ обычаевъ, общественнаго мнѣнія и въ видѣ закона. Человѣкъ можетъ находить болѣе желательнымъ для себя то или другое дѣйствіе, но не слѣдовать своему рѣшенію въ виду того, что противъ этого возстаютъ обычаи, возстаетъ общественное мнѣніе. Здѣсь можетъ быть, что съ точки зрѣнія нравственности это вліяніе общества придется признать благотворнымъ, но можетъ быть и наоборотъ. Не должно забывать, что общественное мнѣніе есть обыкновенно мнѣніе людей средняго уровня развитія, массы, что обычаи обыкновенно опираются на свою давность, древность, что можетъ говорить такъ же хорошо противъ нихъ, какъ и за нихъ. Иногда

вы имѣете дѣло съ обычаями, утратившими право на существованіе въ виду измѣнившихся условій жизни, въ такомъ случаѣ, очевидно, хорошо, если человѣкъ имъ не слѣдуетъ; иногда мнѣніе общественное отстало, несогласно съ тѣми требованіями нравственности, которымъ хочетъ подчинять свою дѣятельность человѣкъ, но общественное мнѣніе возстаетъ, производитъ давленіе на человѣка и побуждаетъ его дѣйствовать согласно нравственному уровню массы. Хорошо, если человѣкъ, въ такихъ случаяхъ, въ силахъ, готовъ выдержать борьбу съ обычаями и съ общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ этими то людьми, иногда жертвующими не только своими интересами, но даже и своей жизнью, и двигается общество впередъ; но не всегда такъ бываетъ. Итакъ, возможенъ случай, когда обычаи, общественное мнѣніе оказываютъ невыгодное въ нравственномъ отношеніи вліяніе на человѣка. Противъ этого, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, борется и государственная власть, какъ представительница идеи общественнаго блага, имѣющая своей задачей содѣйствовать возможно полному матерьяльному и духовному развитію народа, а потому и устранять препятствія къ нему, какимъ въ данномъ случаѣ является общественное мнѣніе или устарѣвшій обычай.

Возможенъ, однако, и другой благодѣтельный способъ вліянія общественнаго мнѣнія. Имъ закрѣпляется, въ немъ выражается средній уровень нравственныхъ требованій, присущихъ массѣ на извѣстной ступени общественнаго развитія. Вслѣдствіе этого отдѣльнымъ лицамъ, не достигшимъ его, недоразвившимся до этого уровня, всетаки приходится сообразовать съ нимъ свои дѣйствія, удовлетворять этимъ требованіямъ нравственности, если не по внутреннему убѣжденію, то хотя бы подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Выше мы говорили о трудности открытія дѣйствительныхъ мотивовъ, вызывающихъ обнаруживающіяся вовнѣ, доступныя наблюденію, дѣйствія человѣка. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ наглядный тому примѣръ: человѣкъ не эксплоатируетъ своего ближняго такъ, какъ бы онъ могъ, не потому, что онъ этого не хочетъ, самъ по себѣ, но потому, что его самоопредѣленіе стоитъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, порицающаго безжалостную эксплоатацію ближняго; человѣкъ не хотѣлъ бы пожертвовать на погорѣвшихъ, голодающихъ, вообще страждущихъ, особенно не по своей винѣ, но онъ всетаки жертвуетъ часть своего достатка, потому что того требуетъ общественное мнѣніе. Ко-

нечно, трудно въ каждомъ частномъ случаѣ опредѣлить, какими мотивами обусловлено то или другое дѣйствіе человѣка, но не можетъ быть сомнѣнія, что стремленіе избѣгнуть осужденія и заслужить одобреніе со стороны общественнаго мнѣнія является безспорной опредѣляющей дѣйствія человѣка силой, притомъ силой чисто внѣшней, хотя и дѣйствующей чрезъ посредство внутренняго міра человѣка. Отличіе этой категоріи дѣйствій отъ дѣйствій, вытекающихъ изъ внутренняго свободнаго самоопредѣленія, ясно обнаруживается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ остается всегда себѣ вѣренъ, между тѣмъ, какъ въ первомъ случаѣ, если поступки остаются или могутъ, по мнѣнію субъекта, остаться неизвѣстны общественному мнѣнію, человѣкъ дѣйствуетъ непослѣдовательно, противорѣчитъ самому себѣ. Очевидно, въ извѣстныхъ случаяхъ, къ свободному самоопредѣленію присоединяется новая причина, опредѣляющая дѣйствія человѣка; такою мы и считаемъ давленіе на волю человѣка общественнаго мнѣнія или обычая. Такъ какъ они могутъ касаться какъ матеріальной, такъ и духовной сферы жизни человѣка, то они и должны оказывать вліяніе на обѣ категоріи человѣческихъ потребностей и вызываемыхъ ими дѣйствій человѣка.

Третья форма воздѣйствія общества на хозяйничающаго человѣка есть принужденіе физическое, или какъ возможность только, или и дѣйствительно осуществляемое. Въ первомъ случаѣ, ясно сходство съ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, такъ какъ давленіе дѣйствуетъ на волю человѣка, но уже ясно и отличіе: невыполненіе человѣкомъ требуемаго въ этомъ случаѣ приводитъ къ примѣненію физическаго принужденія и требованіе всетаки оказывается исполненнымъ, такъ что, въ видѣ общаго правила, извѣстный результатъ достигается во всякомъ случаѣ. Уже изъ сказаннаго видно, что эти требованія должны быть особенно важны, необходимы, когда выполненіе ихъ обезпечивается во что бы то ни стало; очевидно затѣмъ, они должны представлять собою интересъ общественный, а не только частный, если обезпеченіе ихъ беретъ на себя государственная власть — представительница интересовъ цѣлаго, а не отдѣльныхъ лицъ, какъ таковыхъ.

Однако, и каждое изъ обоихъ послѣднихъ организующихъ началъ находится, также какъ и первое, подъ вліяніемъ двухъ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, обычаи, общественное мнѣніе суть выраженія взглядовъ, нравственныхъ правилъ массы, людей средняго

уровня прошлаго и настоящаго времени, т. е. зависятъ отъ міровоззрѣнія индивидовъ. Этотъ уровень можетъ, какъ указываетъ исторія, и падать, и повышаться, какъ въ зависимости отъ вліянія отдѣльныхъ личностей, такъ и въ особенности подъ вліяніемъ государственной власти, пользующейся принудительной силой. Она (хотя и не одна) уничтожаетъ даже такія крупныя явленія экономической жизни, какъ рабство, общинное землевладѣніе и т. п., она же въ состояніи оказывается прививать обществу и новые взгляды и такимъ образомъ создавать обычаи, общественное мнѣніе, которые, въ виду присущаго имъ консерватизма, той же государственной власти часто только съ величайшимъ трудомъ удается измѣнить или уничтожить, когда она въ томъ усматриваетъ надобность.

Физическое принужденіе, какъ мы уже знаемъ, первоначально распространяется лишь на принятое уже общественнымъ мнѣніемъ, да и всегда законъ тѣмъ легче пускаетъ корни, чѣмъ болѣе онъ представляетъ собою лишь санкціонированіе того, что и безъ всякой санкціи уже имѣетъ, такъ сказать, право гражданства въ населеніи. Такимъ образомъ косвенно, чрезъ общественное мнѣніе, право стоитъ въ зависимости отъ міровоззрѣнія личности, но и кромѣтого свободное самоопредѣленіе личности отрицательно опредѣляетъ сферу примѣненія принужденія: поскольку потребности общественныя, матерьяльныя или духовныя, все равно, не удовлетворяются при господствѣ свободной дѣятельности личности, постольку, но и *только* въ этихъ предѣлахъ, умѣстно принужденіе. Развивается личность, извѣстныя общественныя потребности ею свободно удовлетворяются или могутъ быть удовлетворены, — принужденіе утрачиваетъ право на существованіе въ этой области; но, можетъ быть, въ то же время является у государственной власти сознаніе необходимости удовлетворить новымъ общественнымъ потребностямъ, возникающимъ вслѣдствіе болѣе высокаго нравственнаго и умственнаго развитія общества, удовлетворить которымъ частная свободная дѣятельность не въ состояніи, — является новая сфера для примѣненія принужденія. Послѣднее имѣетъ значеніе лишь по отношенію къ лицамъ, стоящимъ на нравственномъ уровнѣ нисшемъ противъ того, на которомъ стоитъ положительное право; по отношенію же къ болѣе развитымъ оно не является стѣсненіемъ ихъ свободнаго самоопредѣленія, напро-

тивъ — обезпеченіемъ таковаго *). И въ той области, гдѣ умѣстно принужденіе, мы встрѣчаемъ, какъ и при самоопредѣленіи личности, ту же равнодѣйствующую, обусловленную стремленіемъ удовлетворить потребностямъ матерьяльнымъ и духовнымъ, но только не отдѣльной личности, а коллективнаго цѣлаго, причемъ интересы первой, особенно при узкомъ пониманіи ихъ, иногда могутъ стоять въ противорѣчіи съ интересами цѣлаго, почему принужденіе со стороны государственной власти, какъ представительницы идеи общественнаго блага, и оказывается для извѣстнаго времени необходимымъ.

Вышеуказанныя начала приводятъ къ единству всѣ разнообразныя единичныя хозяйства, организуютъ ихъ въ единое *народное хозяйство.*

Удовлетвореніе своимъ матерьяльнымъ потребностямъ единичное хозяйство доставляетъ, напр., путемъ веденія предпріятія единоличнаго или въ соединеніи съ другими лицами, имѣя въ виду полученіе чистаго дохода, и дающаго средства для удовлетворенія потребностей; затѣмъ мы находимъ свободные союзы, имѣющіе въ виду удовлетвореніе духовныхъ потребностей, напр. религіозныя, ученыя общества, клубы и т. п. Ради удовлетворенія послѣднихъ, хозяйство затрачиваетъ и матерьяльныя цѣнности. Здѣсь такъ же ясно, понятно стремленіе личности удовлетворить духовнымъ потребностямъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ довольствуется сравнительно меньшимъ матерьяльнымъ вознагражденіемъ, имѣя въ виду одобреніе, почетъ, уваженіе со стороны окружающихъ, которое связывается съ несеніемъ извѣстнаго труда. Но подобное же наблюдаемъ и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ устраиваетъ школы, пріюты, богадѣльни и т. п. Разница только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ, удовлетворяя своимъ потребностямъ, въ то же время удовлетворяетъ и общественнымъ (матерьяльнымъ или духовнымъ) потребностямъ, но только обыкновенно другаго рода. Поскольку дѣйствія человѣка въ этомъ случаѣ обусловливаются свободнымъ самоопредѣленіемъ, — зависитъ отъ нравственнаго и умственнаго развитія личности: или яснѣе сознается связь личныхъ интересовъ съ общественными, или сильнѣе говорятъ требованія нравственности.

*) Англійскіе фабриканты, сознававшіе справедливость сокращенія рабочаго времени, просили объ изданіи закона, такъ какъ иначе они не были бы въ состояніи конкуррировать съ прочими, сокращенія не желавшими.

Такъ какъ, однако, удовлетвореніе общественныхъ потребностей не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ воли отдѣльныхъ лицъ и ихъ свободныхъ соединеній, то оно и обезпечивается принудительнымъ содѣйствіемъ всѣхъ членовъ общества. Очевидно, это принужденіе утрачиваетъ таковой свой характеръ по отношенію къ лицамъ и безъ того, по свободному самоопредѣленію, выполняющимъ, ради удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, требованія государственной власти, какъ органа, заботящагося о возможно полномъ удовлетвореніи общественныхъ потребностей; очевидно, опять-таки, что принужденіе умѣстно лишь поскольку эти потребности не удовлетворяются свободно. Такимъ образомъ, смотря по объему сознанныхъ и неудовлетворяемыхъ свободно общественныхъ потребностей, должна измѣняться въ историческомъ развитіи сфера примѣненія принужденія. Такъ какъ, однако, всякое народное хозяйство предполагаетъ наличность правоваго порядка, а удовлетворить потребности въ немъ свободно устрояющіяся хозяйства не въ состояніи, то принужденіе всегда останется однимъ изъ началъ, организующихъ народное хозяйство.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основами современнаго экономическаго строя являются: свобода личности и свободная частная собственность. На разсмотрѣніи ихъ историческаго развитія, ихъ значенія, достоинствъ и недостатковъ теперь и должно остановиться.

I.

Первое появленіе рабства должно быть признано безспорнымъ прогрессомъ, такъ какъ оно явилось на смѣну убійства: взятые въ плѣнъ непріятели, побѣжденные, умерщвлялись и часто шли въ пищу побѣдителямъ. Оставить жизнь побѣжденнымъ было опасно или безцѣльно, такъ какъ въ охотничій періодъ домашнія работы исполнялись членами семьи, причемъ отсутствіе обмѣна ограничивало размѣры производства потребностями семьи, занять же плѣннаго охотой — опасно, такъ какъ пришлось бы снабдить его тѣмъ же оружіемъ, которое въ рукахъ и у господина.

Пастушескій бытъ смягчаетъ нравы, облегчаетъ содержаніе

рабовъ и даже, можно сказать, употребленіе запасовъ на содержаніе рабовъ является наиболѣе пріятнымъ для хозяина. У него оказывается болѣе свободнаго времени, развиваются новыя потребности, а съ ними и различныя отрасли промышленности и дѣленіе труда. Еще большая потребность въ рабахъ является у осѣдлыхъ народовъ, занимающихся земледѣліемъ и пользующихся для лучшей эксплоатаціи земли приложеніемъ труда рабовъ. „Рабство является важнѣйшей первой правовой формой, въ которой единичное хозяйство привлекаетъ къ себѣ рабочія силы, необходимыя для производства“.

Источниками рабства является во 1) война, затѣмъ 2) стѣсненное матерьяльное положеніе и 3) наслѣдственность.

Побѣдители обращаютъ въ рабовъ плѣнныхъ, завоеванная земля если оставляется въ рукахъ прежняго населенія, то всетаки хозяевами являются побѣдители, отъ которыхъ населеніе становится въ зависимость. Изъ послѣдней постепенно развивается часто полное рабство. Затѣмъ насиліе въ видѣ похищенія, все равно—взрослыхъ или дѣтей, также является источникомъ рабства.

Бѣдность, вызванная несчастьемъ (напр., падежъ скота), несостоятельность по уплатѣ долга, недостаточная обезпеченность слабосильныхъ отъ насилія болѣе могущественныхъ,—все это также вызываетъ рабство. Слабѣйшіе добровольно служатъ болѣе сильнымъ, переходятъ въ число ихъ рабовъ, обезпечивая себя чрезъ это отъ насилія прочихъ.

Наконецъ, наслѣдственность рабскаго состоянія, даже и въ томъ случаѣ, когда только одинъ изъ родителей былъ рабомъ, обусловливала размноженіе рабовъ.

Благодаря рабству, оказалось возможно бо̀льшее дѣленіе труда, развитіе и удовлетвореніе новыхъ потребностей, чѣмъ въ концѣ концовъ обусловливался прогрессъ цѣлаго общества.

Не должно думать, что въ то варварское время, когда вообще всѣ отношенія отличались суровостью, когда понятія человѣческаго достоинства, по крайней мѣрѣ, у нисшихъ классовъ почти не существовало вовсе,—чтобы въ это время рабство было особенно тягостно. При господствѣ натуральнаго хозяйства и отсутствіи развитаго обмѣна, переутомленіе рабовъ работою на хозяина и его семью почти не могло существовать вовсе. Притокъ свободныхъ въ рабство, ради обезпеченія себѣ средствъ къ существованію и самой жизни, смягчалъ рабство, а малое развитіе госу-

дарственной власти, которая могла бы охранить господъ отъ мести рабовъ, если бы они были доведены до крайности, заставляло сдерживаться господъ. Поэтому-то, съ дальнѣйшимъ развитіемъ сильной государственной власти и бо̀льшимъ развитіемъ сознанія личнаго достоинства, положеніе рабовъ должно было и дѣйствительно становилось тягостнѣе: уже одно послѣднее условіе заставляло *казаться* прежнее рабство болѣе тяжкимъ, а наличность перваго, устранивъ страхъ господъ передъ рабами, приводитъ еще къ *дѣйствительному* ухудшенію прежнихъ отношеній, къ деморализаціи господъ, какъ и рабовъ.

Постепенное смягченіе и совершенное устраненіе рабства обусловливается какъ постепеннымъ развитіемъ *умственныхъ*, развитіемъ *нравственныхъ* идей, проводимыхъ въ жизнь особенно церковью, такъ и измѣненіемъ условій *политическихъ* и *экономическихъ*, въ силу чего рабскій трудъ оказывался менѣе пригоднымъ, чѣмъ трудъ свободнаго человѣка.

Всякій успѣхъ въ техникѣ, въ умѣньи легче обращать природу себѣ на служеніе, дѣлалъ все менѣе нужнымъ рабство. Безъ плуга, напр., говоритъ Рошеръ, мы почти всѣ были въ сущности glebae adscripti. Рабъ древности обращается въ крѣпостнаго среднихъ вѣковъ и свободнаго поденщика новѣйшаго времени особенно благодаря все увеличивающейся приспособленности всѣхъ орудій, машинъ, цѣлесообразности пріемовъ. Именно развитіе машинъ, съ 1750 г., „впервые сдѣлало возможной замѣну феодальной свободы немногихъ законом̀ѣрною свободою многихъ“ (Шеффле).

Уже въ Греціи и Римѣ, особенно въ первой, съ теченіемъ времени замѣчается постепенное смягченіе рабства *). Напр., въ Аѳинахъ воспрещалось бить рабовъ, иначе рабъ могъ убѣжать, скрыться въ храмѣ и тѣмъ заставить продать себя. И въ Римѣ встрѣчаемъ градаціи рабовъ. Признаніе права пріобрѣтать собственность (peculium), развитіе такъ называемаго колоната (на счетъ рабства), пополненіе сословія обѣднѣвшими свободными,— все это указываетъ на смягченіе рабства.

Рошеръ признаетъ несомнѣннымъ, что только невысокое развитіе религіи не позволило этимъ государствамъ дойти до совершенной отмѣны рабства.

*) См. подробное изложеніе у *Wagner*'а Grundlegung 2 Aufl. стр. 401 и сл., *Roscher*, System, I, стр. 143 и сл., *Villard*, Histoire du prolétariat, стр. 118 и сл. и *Silberschlag*, Die sociale Gesetzgebung, стр. 2 и сл.

Вліяніе церкви въ этомъ отношеніи было громадно. Стоитъ припомнить хотя бы слова Ап. Павла, объединявшаго вѣрою въ Іисуса Христа всѣхъ: „рабъ и свободь, Эллинъ и Іудей“. Въ средніе вѣка вліяніе церкви выразилось по данному вопросу не только тѣмъ, что она проповѣдывала мягкое обращеніе съ рабами, освобожденіе ихъ какъ подвигъ, „ради спасенія души“, но и чрезъ соборныя постановленія (напр., воспрещеніе продавать рабовъ въ другія государства, предоставленіе исключительно суду права лишать раба жизни и т. п.). Даже совершенная отмѣна рабства въ Скандинавіи была дѣломъ церкви. Лондонскимъ церковнымъ соборомъ (1102 г.) было запрещено продавать рабовъ отдѣльно отъ помѣстья, къ которому они принадлежатъ.

Развитіе рыцарства также способствовало смягченію положенія рабовъ. Стремясь къ выдѣленію себя изъ остальной массы свободнаго населенія, рыцарская аристократія унижала нисшихъ свободныхъ до положенія рабовъ, при чемъ эта примѣсь всетаки смягчала рабство; вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мягкое отношеніе къ рабамъ со стороны рыцарской аристократіи вызывалось и сознаніемъ полной зависимости рабовъ и развитіемъ „рыцарскихъ“ болѣе возвышенныхъ гуманныхъ взглядовъ.

Равнымъ образомъ и государство вначалѣ своего развитія является покровителемъ нисшихъ сословій, защитникомъ и рабовъ, заручаясь союзниками для борьбы своей съ феодальной аристократіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ законѣ сказывается, конечно, и развитіе цивилизаціи. Во Франціи, напр., въ 1298 г. въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Филиппъ IV замѣняетъ на казенныхъ земляхъ крѣпостничество извѣстными податями. Въ 1349 г. въ Дофинэ всѣ такіе же крѣпостные отпускаются на волю безъ всякихъ уплатъ и т. п.

Въ Англіи тоже рабство постепенно смѣняется обязательными отношеніями по отбыванію извѣстныхъ работъ, которыя могутъ быть выполняемы и лицами, нанятыми крѣпостнымъ.

Не только однѣ указанныя причины приводятъ къ устраненію несвободныхъ отношеній, — важную роль играетъ и причина характера экономическаго.

Переходъ народнаго хозяйства отъ натуральнаго къ денежному, развитіе городскаго населенія и спроса на болѣе разнообразныя, лучшаго качества и въ большемъ количествѣ (въ виду роста и большей плотности населенія) произведенія сельскаго хозяйства

требовали приложенія болѣе интенсивнаго труда, какимъ никогда не могъ быть трудъ рабскій: у раба нѣтъ тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ свободнаго работника развивать свою энергію до высшей степени, и даже рабу невыгодно напрягать свои силы, такъ какъ большее количество работы, сдѣланное имъ одинъ разъ, побудитъ хозяина его требовать этого количества постоянно. Въ Вестъ-Индіи весьма обычно было расчитывать, насколько выгодно развить большее производство на сахарныхъ плантаціяхъ, которое будетъ стоить жизни (отъ переутомленія) многимъ неграмъ, больше ли выгадаетъ хозяинъ плантаціи на сахарѣ, чѣмъ потеряетъ на рабахъ!

Понятно, почему съ замѣной труда несвободнаго свободнымъ урожаи увеличиваются (напр., Рошеръ приводитъ, что вмѣсто урожаевъ ржи самъ 3, стали получаться самъ $8^3/_4$, овса самъ $2^2/_3$ — 8, ячменя самъ 4 — $9^1/_3$), доходы возрастаютъ во много разъ.

Промежуточныя стадіи между рабствомъ и свободой представляются довольно различными у разныхъ народовъ, но вообще отношенія смягчаются, причемъ замѣчается, ради улучшенія рабской работы, стремленіе заинтересовать раба предоставленіемъ ему извѣстныхъ правъ или даже обѣщаніемъ дать полную свободу. Въ тѣсной связи съ крѣпостничествомъ стоитъ въ большей части случаевъ домашняя прислуга. Первоначально крѣпостные были обязаны отдавать своихъ дѣтей даромъ или за небольшую плату „во дворъ“ господину, для услуженія, причемъ за хозяиномъ признается право тѣлеснаго наказанія. На высшихъ ступеняхъ развитія отношенія, постепенно смягчаясь, принимаютъ форму свободнаго спроса — предложенія услугъ. Стремленіе къ большей независимости, спеціализація въ трудѣ все болѣе уменьшаютъ классъ домашней прислуги прежняго тина, измѣняя ее на классъ наемныхъ рабочихъ, нанимаемыхъ для отправленія извѣстной, опредѣленной работы, напр. только носить дрова (или уголь) и воду, только натирать полы или только убирать комнаты и т. п.

Такимъ образомъ совершается постепенное признаніе полной свободы личности, характеризующее современный намъ строй.

Свобода личности выражается въ признаніи равноправности передъ закономъ, отсутствіи ограниченій свободы личной, въ свободѣ передвиженія, выбора мѣста осѣдлости, выбора занятій и, наконецъ, въ свободѣ договора.

II.

Появленіе собственности обусловливается прежде всего инстинктомъ самосохраненія,—вотъ почему извѣстныя зачатки ея мы находимъ уже и у животныхъ. Отсутствіе предусмотрительности дѣлаетъ естественнымъ, что хищникъ, заботясь объ удовлетвореніи только ощущаемаго голода, охраняетъ *свою* добычу, пока голоденъ и бросаетъ ее, коль скоро онъ удовлетворилъ этой потребности. Однако мы находимъ и животныхъ, составляющихъ себѣ запасы и охраняющихъ эти послѣдніе: таковы, напр., муравьи, пчелы, бѣлки; также лисицы зарываютъ въ землю свои запасы. Выше мы уже говорили, что нѣкоторые хищники (левъ, тигръ, хищныя птицы) *unguibus et rostro* защищаютъ отмежованный ими себѣ для охоты районъ, наказывая посягнувшаго на ихъ „право собственности". Человѣкъ, взятый въ отдѣльности, слабосиленъ: для успѣшности борьбы, слѣдуя чувству общежительности, онъ соединяется съ другими себѣ подобными; для увеличенія индивидуальной силы — онъ изобрѣтаетъ, создаетъ оружіе. Такимъ образомъ является понятіе права частной, личной собственности на дѣло рукъ отдѣльнаго человѣка — оружіе, которое какъ бы дополняетъ самую личность человѣка, не разстается съ нимъ обыкновенно при жизни и большею частью идетъ съ нимъ и въ могилу. Иное дѣло — охотничій районъ: территорія, занятая племенемъ, нужна всѣмъ, служитъ всѣмъ и охраняется всѣми членами племени, на нее отдѣльный членъ труда особаго не затрачиваетъ, поэтому она считается общею собственностью. Такимъ образомъ примѣры какъ коллективной, такъ индивидуальной собственности встрѣчаются уже у самыхъ грубыхъ дикарей.

Со стороны юриспруденціи давно уже дѣлались разнообразныя попытки объяснить происхожденіе и оправдать существованіе частной личной собственности, являющейся основою современнаго экономическаго строя. Политикоэкономы обратились къ разсмотрѣнію тѣхъ же вопросовъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ нападокъ сторонниковъ соціализма именно на институтъ частной собственности. Впервые въ курсѣ Политической Экономіи подвергъ изученію сюда относящіеся вопросы Книсъ, а послѣ него, и притомъ въ подробномъ и весьма обстоятельномъ историческомъ очеркѣ—Вагнеръ.

„Разсмотрѣніе вопроса о собственности составляетъ необхо-

димое начало всякаго ученія о народномъ хозяйствѣ, если это послѣднее имѣетъ въ виду болѣе глубокое уясненіе отношеній экономической зависимости, въ силу коихъ люди объединяются въ видѣ хозяйственныхъ группъ“ (Scheel).

Теоріи, имѣющія въ виду обоснованіе права собственности, суть слѣдующія.

Нѣкоторые философы (Фихте, Шталь) выводятъ право частной собственности изъ личности человѣка, которой необходимо господство надъ вещами для проявленія себя, какъ личности хозяйственной. Какъ возникла частная собственность, — для этой теоріи безразлично: частная собственность существуетъ, потому что она должна быть. Доказательство основнаго положенія не приводится и упускается изъ виду, что большинство людей отнюдь не имѣютъ той собственности, которую имѣетъ въ виду теорія, такъ что именно становясь на точку зрѣнія этой теоріи, и дѣлаются возраженія противъ существующаго права частной собственности, какъ таковаго, господство котораго лишаетъ значительное число членовъ народно-хозяйственнаго общенія возможности имѣть право собственности на объекты, необходимые для проявленія хозяйственной личности.

Трудовая теорія, впервые выдвинутая Локкомъ и весьма распространенная между экономистами, стремится обосновать, оправдать право частной собственности трудомъ, затраченнымъ человѣкомъ для полученія цѣнностей. Теорія эта грѣшитъ въ томъ отношеніи, что она упускаетъ изъ виду, что каждая цѣнность создается не отдѣльнымъ человѣкомъ, внѣ общества себѣ подобныхъ, но именно только при содѣйствіи общества и государства, которыя такимъ образомъ тоже участвуютъ въ созданіи цѣнностей. Уясненіе дѣйствительной доли участія въ производствѣ каждаго изъ факторовъ является идеальной цѣлью, къ которой должно стремиться, хотя бы и безъ надежды когда нибудь ее достигнуть.

Теорія захвата (res nullius cedit primo occupanti), выставленная Гуго Гроціемъ, которая пытается объяснить происхожденіе права частной собственности, становясь на почву исторіи, оказывается несостоятельной по отношенію къ особенно важной категоріи цѣнностей — именно земли, которая, согласно свидѣтельству исторіи, первоначально являлась коллективной, а не частной собственностью.

Чисто внѣшнимъ объясненіемъ существующаго права частной

собственности ограничивается легальная теорія (Гоббесъ, Монтескье), согласно которой власть государственная, признавая эту форму собственности цѣлесообразной, санкціонируетъ и охраняетъ ее. Этой теоріей оправданіе дается всякой частной собственности, а не только личной, какъ то имѣютъ въ виду теоріи предшествующія; если государство устанавливаетъ, то оно же можетъ ограничить или даже и отмѣнить то, что имъ установлено.

Эта теорія не объясняетъ собственности и не вѣрна въ томъ отношеніи, что собственность существовала уже ранѣе государства и его установленіемъ не можетъ считаться, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы государство не могло измѣнять право собственности.

Новѣйшее направленіе въ экономической наукѣ стремится объяснить существующее право собственности, какъ продуктъ историческаго развитія народнаго хозяйства и вообще народа, представляющійся наиболѣе цѣлесообразнымъ на извѣстной ступени культуры и поэтому сохраняющійся до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшее развитіе народа не вызоветъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не выразится въ иныхъ общественныхъ условіяхъ, въ иномъ экономическомъ и правовомъ строѣ. Полагая въ основаніе цѣлесообразность, необходимымъ представляется различеніе категорій цѣнностей и разсмотрѣніе порознь, какой изъ этихъ категорій какая форма собственности является наиболѣе соотвѣтствующей.

Тщательное изслѣдованіе Вагнера привело его къ заключенію, что для запасовъ потребленія и для большей части капиталовъ, какъ средствъ производства наиболѣе соотвѣтственной, на предвидимое время, является форма частной личной собственности.

Право собственности можетъ распространяться на лица, на продукты человѣческаго труда и на землю. Какъ совершилось постепенное исключеніе лицъ изъ категоріи имущественныхъ объектовъ, — было уже указано; поэтому здѣсь намъ придется указать лишь на ступени развитія права собственности на продукты труда и на землю. Остановимся сперва на послѣдней. При охотничьемъ и пастушескомъ бытѣ земля остается коллективной собственностью, но уже при самомъ зачаточномъ состояніи земледѣлія, по крайней мѣрѣ на время отъ посѣва до жатвы, хозяиномъ того или другаго участка признается лицо, затратившее на землю свой трудъ и капиталъ, безъ чего немыслимо и самое пользованіе землей. Само собой разумѣется, что безъ признанія та-

кого права не явилось бы и желающихъ обработывать землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ это право признается утраченнымъ, если земля нѣсколько лѣтъ къ ряду остается безъ обработки. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія населенія, оказывается необходимымъ все болѣе продуктовъ добывать съ прежняго пространства земли, а для этого человѣку приходится: 1) затрачивать въ землю все болѣе труда и капитала и 2) обращаться къ болѣе длинному ряду операцій, требующему для завершенія цикла болѣе продолжительнаго времени. Такъ, чтобы полнѣе, но и экономнѣе утилизировать производительныя силы почвы, человѣкъ переходитъ отъ хищническаго хозяйства къ трехпольному, а отъ послѣдняго къ плодопеременному и т. д. Понятно, никто не сталъ бы затрачивать въ почву капиталовъ надолго, никто не сталъ бы заботиться объ экономномъ пользованіи силами почвы, если бы не былъ увѣренъ въ прочности владѣнія землей на необходимое, иногда весьма продолжительное время. Напримѣръ, капиталъ, затраченный на осушеніе извѣстнаго участка, можетъ вернуться, можетъ быть, только чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ цѣнѣ продуктовъ, которые получатся съ осушеннаго участка; если бы на эти десятки лѣтъ не было увѣренности въ спокойномъ владѣніи землей, то не послѣдовало бы и капитальныхъ затратъ, потребныхъ для осушенія.

Такимъ образомъ частная собственность на землю находитъ себѣ объясненіе какъ въ затратахъ на нее капитала, такъ и въ прямомъ общественномъ интересѣ. Государственная власть, признавая право занявшаго на землю въ виду общественной пользы, въ тѣхъ же видахъ вносила и извѣстныя ограниченія этого права, соединяла съ нимъ извѣстныя обязанности по отношенію къ обществу. Феодальная система на западѣ менѣе рельефно выражаетъ это отношеніе, чѣмъ наша помѣстная система, согласно которой помѣстье, дарованное дружиннику, оказавшемуся затѣмъ неисправнымъ въ несеніи извѣстныхъ повинностей, могло у него отбираться и быть передано другому лицу. И въ настоящее время, напр., въ Англіи съ владѣніемъ землей соединяется несеніе издержекъ въ интересахъ общественныхъ: на поземельныхъ собственниковъ главнымъ образомъ ложатся издержки на церковь, по починкѣ дорогъ, содержанію бѣдныхъ и т. п.

Поземельная собственность представляетъ существенное отличіе отъ прочихъ видовъ собственности въ томъ отношеніи, что она не подлежитъ увеличенію, а потому сосредоточеніе ея въ

однихъ рукахъ настолько же лишаетъ другихъ лицъ возможности получить ее и въ свое распоряженіе; по отношенію къ продуктамъ человѣческаго труда этого не оказывается, такъ какъ сколько бы этихъ цѣнностей ни было у одного, это не лишаетъ другихъ возможности достичь того же. Если нельзя не признать вполнѣ вѣрнымъ взглядомъ Рошера, „что, по крайней мѣрѣ, на высшихъ ступеняхъ развитія хозяйства никакая работа и сбереженіе немыслимы безъ участія общества, и поэтому рядомъ съ правами собственника всегда стоятъ и обязанности по отношенію къ обществу, отъ которыхъ не можетъ быть свободной собственности“, — то это особенно вѣрно по отношенію къ поземельной собственности въ виду ея исключительнаго характера.

Въ историческомъ развитіи замѣчается постепенный переходъ — по отдѣльнымъ категоріямъ земельныхъ угодій — отъ общности владѣнія землей къ частной личной собственности. Пока земля обрабатывалась безъ значительной затраты капиталовъ, участки ея не представляли тѣхъ значительныхъ различій, которыя обусловливались впослѣдствіи именно неравномѣрной затратой на землю капиталовъ. Поэтому не встрѣчалось первоначально и препятствія для передѣловъ общинной земли, когда таковые вызывались значительнымъ измѣненіемъ въ числѣ членовъ общины. По мѣрѣ перехода къ болѣе интенсивной обработкѣ, при обособленности и владѣнія, и обработки, замѣчается удлиненіе сроковъ для передѣла, чтобы владѣлецъ могъ, такъ сказать, выбрать затраченный имъ въ землю капиталъ, могъ воспользоваться плодами этой затраты и не подвергаться опасности, вмѣсто своего хорошаго участка, получить дурной, запущенный, плохо обработанный. Если простое унавоженіе участка увеличитъ его плодородіе, скажемъ, на три года, та передѣлы должны были происходить не чаще, какъ черезъ три года; если же затраты становятся болѣе капитальными и могутъ вознаградиться лишь десятками лѣтъ, то и передѣлы должны были отодвигаться все далѣе; въ виду неодновременности затратъ на улучшенія и ихъ различія въ отношеніи продолжительности полезнаго дѣйствія ихъ, передѣлы должны были вовсе исчезнуть при обособленности обработки земли, и на смѣну коллективной собственности явилась частная личная. Однако въ этомъ процессѣ и государственная власть имѣла свою долю вліянія. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ ученія экономистовъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ личной свободы и

полной частной собственности, правительства содѣйствуютъ уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ общиннаго землевладѣнія, издавая направленные къ этой цѣли законы, учреждая кассы для выдачи крестьянамъ ссудъ съ цѣлью раздѣла земель и уничтоженія черезполосицы.

Различіе въ затратахъ труда и капитала на различныя земельныя угодья обусловливало и постепенность перехода отдѣльныхъ категорій земельныхъ участковъ изъ общиннаго пользованія въ частное. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ усадебная земля, т. е. земля подъ домомъ со службами, затѣмъ идутъ сады, огороды и пахота, далѣе — луга (покосы) и лѣса и наконецъ — выгоны (пастбища) и неудобная земля. Въ этой послѣдовательности и совершался переходъ земли въ частную, личную собственность. Еще до послѣдней четверти прошлаго столѣтія въ западной Европѣ на крестьянскихъ земляхъ общинное владѣніе лѣсами, пастбищами и пустырями было почти повсемѣстно; въ настоящее время изрѣдка встрѣчается только общность пастбищъ и неудобныхъ земель. У насъ, въ Россіи, находимъ еще общинное владѣніе съ передѣлами на всѣ категоріи угодій, исключая усадебной земли. На разсмотрѣніи этого способа пользованія землей теперь и остановимся, причемъ для большей наглядности мы возьмемъ отдѣльную общину, относительно которой нами были собраны свѣдѣнія на мѣстѣ. Характерныя черты общиннаго землевладѣнія при этомъ выяснятся достаточно, такъ что мы затѣмъ будемъ имѣть возможность судить о выгодныхъ и невыгодныхъ сторонахъ этого способа пользованія землей.

„Во всей Грузинской волости (Новгородской губ.) землевладѣніе общинное, но земля нарѣзывалась крестьянамъ не каждой деревнѣ отдѣльно, а нѣсколькимъ (до 7) сразу, а затѣмъ они должны были дѣлиться между собою, какъ знаютъ.

Такое надѣленіе нѣсколькихъ деревень сразу было и въ Грузинѣ съ деревнями Хотитово, Модня и Матылья, которыя называютъ себя вмѣстѣ „третью“ („сама треть“); имъ, какъ значится по владѣннымъ записямъ 1872 г. и по дополненію къ нимъ 1873 г., нарѣзано (правильнѣе сказать, оставлены прежнія границы, кромѣ лѣсного надѣла) 16,7 десятинъ усадебной земли, 640,2—пахатной, 870,2—сѣнокосной, 848,1—выгону, 117,6—неудобной, 166,6—лѣсной надѣлъ (1873 г.). Ревизскихъ душъ по владѣннымъ записямъ числится: въ Грузинѣ—133, въ Хотитовѣ—91, въ Моднѣ—

62, въ Матыльѣ—102. Всего 388 душъ, а земли на душу съ неудобной придется—6,8 десят. (безъ неудобной—6,5 десят.); изъ этого усадебной на душу—0,04, пахатной—1,65, сѣнокосу—2,24, выгону—2,18, неудобной—0,30, лѣсу—0,42.

Но деревни эти дѣлятъ свою землю на меньшее число „душъ", именно: Грузино на 125, Хотитово—90, Модня—60, Матылья—100, а всего получится 375 душъ, такъ что величина „душеваго" надѣла окажется нѣсколько больше, именно: усадебной — 0,04 пахатной—1,70, сѣнокосу—2,32, выгону—2,26, неудобной—0,31, лѣсу—0,44.

На сходѣ эти 4 деревни лѣсъ подѣлили между собой, а относительно прочей земли приговорили „владать каждой деревнѣ той землей, какой допрежь того владала, и 20 лѣтъ не передѣлять" (между 4 деревнями). Приговоръ составили на словахъ и никуда не записали. Собственно каждая деревня является здѣсь вполнѣ самостоятельной общиной, въ которой, мы видимъ, производятся передѣлы, жеребьевки, разверстки совершенно независимо отъ другихъ деревень.

Вотъ объ одной изъ этихъ 4 общинъ, именно селѣ Грузино, мы и представимъ собранныя свѣдѣнія. Грузинская поземельная община есть вмѣстѣ и сельское общество, т. е. поземельная единица по пространству совпадаетъ съ административной. Въ селѣ Грузинѣ числится 49 домохозяевъ, 133 ревизскихъ душъ, а такъ какъ въ немъ, какъ и въ окрестныхъ деревняхъ, женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ (около 1870 г. въ Грузинѣ было мужчинъ 101, женщинъ 107, въ Хотитовѣ мужчинъ 62, женщинъ 83, въ Моднѣ мужчинъ 46, женщинъ 59, въ Матыльѣ мужчинъ 70, женщинъ 97), то, считая 270 душъ, получимъ $5^1/_2$ душъ на семью.

Пользованіе землей подъ постройками наслѣдственно и въ распоряженіе общины поступаетъ лишь тогда, когда нѣтъ наслѣдниковъ или когда семья выселяется и продаетъ, напримѣръ, всѣ постройки лицу, не принадлежащему къ данному обществу; общество уже не позволяетъ ремонтировать купленныхъ зданій. Понятно отсюда, что передѣловъ дворовыхъ мѣстъ не можетъ быть. Иначе рѣшается дѣло относительно садовъ. Хотя они въ передѣлъ не идутъ, но вмѣсто нихъ отрѣзывается соотвѣтственное количество пахатной земли. Позади домовъ имѣются нарѣзанные по числу душъ, за какія несетъ тяготы домохозяинъ, огороды. Они уже передѣляются, но особеннымъ образомъ, именно

огороды передвигаются. Съ уменьшеніемъ числа тягольныхъ душъ въ одномъ концѣ деревни у одного домохозяина и съ увеличеніемъ настолько же числа душъ у другого, въ другомъ концѣ, приходится передвигать огороды по всей деревнѣ. Возьмемъ, напримѣръ, 3 дома: въ первомъ домохозяинъ держитъ 5 душъ, во второмъ—4, въ третьемъ—3 души. Если теперь съ перваго снимается одна душа и накладывается на третьяго, то часть огорода, соотвѣтствующая однодушевому надѣлу, съ краю отъ перваго прирѣзывается ко второму, а отъ этого съ краю отрѣзывается столько же и передается третьему.

За огородами лежитъ неудобная земля, которая занимается подъ гумна. Къ огуменнымъ землямъ примѣняется *захватный* способъ пользованія. Неудобной земли настолько много, что каждый подъ гумна съ ригами можетъ занимать столько мѣста, сколько хочетъ, причемъ эта земля ни въ какой передѣлъ не идетъ. Въ грузинской общинѣ ведется трехпольная система хозяйства. Пахатная земля дѣлится прогономъ (ширина саженъ до 30) на 2 части, изъ которыхъ лежащая по правую (отъ деревни) сторону, въ свою очередь, дѣлится на двѣ части широкой дорогой съ канавами (саж. 15). Эти 3 части и есть 3 поля, входящія въ смѣну и далеко не равной величины. Обозначимъ ихъ цифрами 1, 2, 3. Первое поле дѣлится на 4 продолговатыя полосы, называемыя крестьянами „грѣблами“ (гребло), которыя тоже неравной величины. 3-е гребло, считая отъ деревни, въ первомъ полѣ также носитъ у крестьянъ названіе „новаго села“. Каждое гребло дѣлится поперекъ на коны, или просто поля, число которыхъ обусловливается или качествомъ земли, или положеніемъ. Дѣленіе на коны вызывается у крестьянъ стремленіемъ къ равенству. Они стремятся къ тому, чтобы каждый конъ обнималъ землю того же самаго качества, другое качество земли—новый конъ. Отсюда понятно, что и коны не могутъ быть равной величины. Въ первомъ полѣ 1 и 2 гребло дѣлятся на 4 кона, а 3 и 4 на 3 кона. Такимъ образомъ въ полѣ оказывается 14 коновъ, изъ коихъ въ каждомъ домохозяинъ получаетъ полосу.

Во второмъ полѣ—3 гребла. Первое и второе изъ нихъ дѣлятся на 4 кона, а 3-е гребло—на 3 кона. Такимъ образомъ всего 11 коновъ. 3-е поле дѣлится на 3 гребла и вмѣстѣ съ тѣмъ на 5 коновъ, такъ что полоса каждаго домохозяина идетъ черезъ все поле, хотя и состоитъ изъ 3 частей (по одной въ каждомъ греб-

лѣ), раздѣляемыхъ другъ отъ друга двумя дорогами (шириной саженъ 5 каждая). И такъ возможно большее число полосъ послѣ передѣла, а значитъ и переѣздовъ, можетъ быть 25, когда 3-е поле оставляется подъ паромъ. Я не говорю, что это число точно бываетъ, такъ какъ крестьяне иной разъ прибѣгаютъ къ обмѣну (о немъ скажемъ ниже), и въ такомъ случаѣ число полосъ можетъ быть значительно уменьшено. „Многіе утверждаютъ, что чѣмъ сильнѣе черезполосность, тѣмъ болѣе теряется времени при обработкѣ отъ безполезной ходьбы взадъ и впередъ и отъ переѣздовъ съ одной полосы на другую. Это можетъ быть вѣрно по отношенію къ большимъ хозяйствамъ, а для таковыхъ, дѣйствительно, выгодно округленіе владѣній. Но выгоды, вытекающія изъ округленія владѣній для большихъ хозяйствъ, вовсе пропадаютъ для хозяйствъ малыхъ. Мелкій поселянинъ — будетъ ли это собственникъ, членъ общины или фермеръ, все равно — работаетъ на себя самъ; а потому ему, какъ единственному хозяину, судьѣ и радѣтелю своего дѣла, не за кѣмъ надзирать, и притомъ придется ли ему работать вблизи дома, или вдали отъ него — энергія и напряженность его труда не измѣнятся ни мало отъ этого обстоятельства. Затѣмъ, что касается до перерывовъ въ работѣ, неизбѣжныхъ при переѣздѣ съ одного мѣста на другое, то разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, какъ велики въ дѣйствительности эти переѣзды. Для большей убѣдительности въ этой потерѣ времени, обыкновенно умалчивается о разстояніи, какое принужденъ на самомъ дѣлѣ переѣзжать поселянинъ; если же не брать въ разсчетъ дѣйствительныхъ разстояній, то можно предполагать, что поселянинъ дѣлаетъ какіе либо необычайные переѣзды. На самомъ же дѣлѣ переѣзды съ одной полосы на другую занимаютъ самое ничтожное время. Если нашему общиннику придется переѣхать въ теченіе дня на три или четыре полосы, онъ совершитъ такіе переѣзды въ большинствѣ случаевъ въ нѣсколько минутъ, и притомъ эти переѣзды будутъ совершены имъ въ часы обычныхъ перерывовъ работы“ *).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію способа, какимъ отводятся полосы отдѣльнымъ хозяевамъ. Приступая къ дѣлежу земли, домохозяева грузинской общины сперва дѣлятся на 4 „десятка“. Десятокъ же можетъ заключать въ себѣ неопредѣленное количество земельныхъ душъ. Прежде въ каждомъ десяткѣ было 25, по-

*) Посниковъ. „Общинное землевладѣніе“, вып. II, стр. 137.

томъ 30, теперь 31, 31½ („тридцать полтора“, какъ говорятъ крестьяне). Для дѣленія на десятки все село дѣлится отъ одного конца до другаго*) на 4 части такъ, чтобы въ каждой было равное число земельныхъ душъ. Напр., если число земельныхъ душъ 100, то дѣлятъ такъ, чтобы въ каждомъ десяткѣ было 25 душъ. Если подъ-рядъ этого не выходитъ, то для уравненія крестьяне прибѣгали къ слѣдующему способу. Положимъ, подъ-рядъ уже имѣются 23½ души, а слѣдующій домохозяинъ имѣетъ 4 души, то или его обойдутъ, или исключатъ того, у кого 2½ души, чтобы получить ровное число 25. Раздѣлившись на 4 десятка**), домохозяева дѣлятъ и каждый конъ на 4 десятка. Берутъ колъ***) и назначаютъ парня, какой случится, отмѣривать, сколько коловъ ляжетъ въ ширину даннаго кона. Если колъ не уляжется ровное число, то его обломятъ. Раздѣливши конъ на десятки, начинаютъ кидать жребій. Для этого одинъ изъ десятка, обыкновенно у кого побольше душъ (по имени котораго и десятокъ иной разъ называется), кладетъ въ шапку свой жребій, напр., денежку закуситъ, прутикъ обломитъ, обрѣжетъ его какъ нибудь и т. п. Когда всѣ 4 жеребья положены, условливаются, въ какомъ направленіи отводить землю, напр., говорятъ: „скокъ со полудня“. Затѣмъ начинаютъ трясти шапку, и чей первый жребій выпалъ, того десятокъ получаетъ первую (съ юга или съ сѣвера, смотря по уговору) четверть кона, чей выпалъ вторымъ — вторую четверть и т. д. Земля каждаго десятка можетъ быть и неравна по количеству землѣ другого. Крестьяне обращаютъ вниманіе и на качество земли въ одномъ и томъ же кону и десяткѣ и даютъ „намету“ тому десятку и той полосѣ, у которыхъ земля оказалась похуже или пришлась подлѣ дороги. Затѣмъ приступаютъ къ дѣлежу земли между членами десятка. Ее дѣлятъ на столько приблизительно равныхъ полосъ, сколько душъ въ десяткѣ. Если кто нибудь заявляетъ, что вымѣрено не вѣрно, міръ повѣритъ и, въ случаѣ подтвержденія заявленія, производится перемѣръ. Послѣ раздѣла земли, каждый домохозяинъ кладетъ свой жребій (особенныхъ, по-

*) Гдѣ дома стоятъ по обѣимъ сторонамъ улицы, тамъ дѣленіе идетъ по линіямъ: сначала раздѣлятъ по одной сторонѣ, а потомъ по другой.

**) Списковъ никакихъ не ведется, но и такъ всякій знаетъ, кто въ какомъ десяткѣ. Разъ деревня подѣлена, — переходъ изъ одного десятка въ другой можетъ произойти только по передѣлу, а перемѣна жилья ничего не значитъ.

***) Кромѣ кола, мѣрой для пашни является „вѣха“, пространство, на которое разлетаются сѣмена, если ихъ бросятъ пястью (горстью). Вѣха = 2—3 шагамъ.

стоянныхъ значковъ у домохозяевъ нѣтъ) въ шапку, которую послѣ этого начинаютъ трясти и чей жребій первый выпалъ, тотъ получаетъ (начиная съ юга или сѣвера, смотря по тому, откуда „скокъ“) столько отрѣзковъ, сколько имѣетъ земельныхъ душъ. Ширина однодушевой полосы разнится въ разныхъ конахъ довольно значительно. Полученную часть кона домохозяинъ называетъ своей „полосой“, которая обыкновенно имѣетъ форму прямоугольника. Полосы заканчиваются сѣнокосными концами, аршина въ два длиной, которые называются „задолами“, „задольцами“. Ихъ „косить всякъ противъ своей полосы“. Если же среди пашень встрѣтится неудобное мѣсто, годное лишь для сѣнокоса, то оно идетъ въ передѣлъ, какъ вообще покосы. Причинами существованія задоловъ является негодность этихъ кусковъ подъ обработку и необходимость имѣть мѣсто, гдѣ стряхнуть соху и повернуть лошадь. У своихъ полосъ на дернѣ иные (не всѣ) вырубаютъ какой нибудь знакъ, напр., крестъ, а чаще всего номеръ дома. Ко всѣмъ полосамъ можно проѣзжать по дорогамъ, такъ какъ всѣ онѣ упираются въ нихъ задолами. Границами между полосами служитъ или 4—5 вершковъ запущенной земли, или чаще просто „ручейки“. До грунта поглубже захватываютъ сохой, такъ что границей остается только глина—это и называется „ручейками“. Благодаря тому, что между полосами находятся только или ручейки, или межи, не пропадаетъ много ни земли, ни сѣмени, при посѣвѣ, даромъ, а затѣмъ немного приходится поднимать дерну при передѣлахъ. За охраненіемъ межъ смотрятъ всѣ сообща. Разъ былъ случай запашки чужой полосы, за что и былъ наложенъ штрафъ въ 2 р. При такомъ порядкѣ надѣленія землей, число полосъ, полученныхъ каждымъ домохозяиномъ, могло бы быть очень значительно. Для избѣжанія большаго числа полосъ крестьяне иной разъ прибѣгаютъ къ обмѣну. Двое крестьянъ, осмотрѣвши землю и найдя, что она въ двухъ конахъ (въ одномъ полѣ, хотя бы и въ разныхъ греблахъ) приблизительно равнаго качества и количества на душу, условливаются заранѣе обмѣняться землей такъ, чтобы каждый получилъ лишь въ одномъ кону изъ двухъ и въ одномъ мѣстѣ. Для этого они при дѣлежѣ каждаго изъ этихъ двухъ коновъ кладутъ жребій на сумму ихъ душъ, а затѣмъ, когда имъ отведутъ полосы, уже кидаютъ жребій между собой, кому въ какомъ кону взять, если не могутъ иначе согласиться. Далѣе, для уменьшенія числа полосъ и увеличенія ихъ ширины, крестьяне

также прибѣгаютъ, когда возможно, къ слѣдующему способу: при дѣлежѣ земли одному десятку досталась, напр., земля въ двухъ мѣстахъ. Если дать по полосѣ каждому члену десятка и въ томъ кускѣ, и въ другомъ, то эти полосы будутъ очень узки, да и на каждаго придется въ двухъ мѣстахъ. Вотъ, чтобы избѣжать этого, крестьяне предлагаютъ желающимъ изъ десятка взять полосы только въ одномъ мѣстѣ. Такъ какъ здѣсь выгода общая, то согласіе обыкновенно достигается. Послѣ того, какъ подѣлятъ землю, принимаются городить. Поля огораживаются сообща. Сперва вымѣриваютъ, сколько коловъ ляжетъ тамъ, гдѣ должна быть изгородь, затѣмъ разверстываютъ полученное число между домохозяевами по числу душъ (земельн.) каждаго. То, что приходится на отдѣльнаго домохозяина, называется „прясломъ“. Затѣмъ, чтобы городили изгородь, смотрятъ и староста, и весь міръ. Если кто не городитъ, о томъ доводятъ до свѣдѣнія старосты, который уже созываетъ сходъ. Даютъ недѣлю сроку, приказавши городить, а если и послѣ этого ослушникъ не городитъ, то или принуждаютъ самого городить, или нанимаютъ на его счетъ.

Таковъ порядокъ передѣла вообще, но въ 1872 году, при выдачѣ владѣнныхъ записей дѣло сдѣлалось проще. Пахатной земли у крестьянъ въ этомъ году не прибавилось нисколько, возросло только число душъ, на которое надо дѣлить землю (это число увеличилось, по словамъ крестьянъ, такъ — 80, 100, 120, 125), а именно возросло съ 120 на 125, т. е., въ 2 десяткахъ стало по 31, а въ двухъ по 31½. Крестьяне, чтобы упростить дѣло, кинули жребій, какому десятку какая земля достанется, причемъ одному десятку досталась прежняя. Затѣмъ межи въ десяткѣ уже пришлось измѣнить. Здѣсь передѣлъ совершился обычнымъ способомъ. Всѣ полосы шли въ передѣлъ, и владѣльцы хорошо удобренныхъ полосъ не могли сохранять за собой своихъ прежнихъ полосъ. Одинъ изъ нихъ просилъ было объ этомъ, но міръ не согласился *). По словамъ крестьянъ, и частый дѣлежъ не заставилъ бы плохо навозить землю, такъ какъ приходится удобрять каждый годъ, чтобы самому то собрать. Такъ всѣ и дѣлаютъ. Есть

*) Въ деревнѣ „Графская Слобода“ (верстъ 5 отъ Грузина) былъ такой случай. Крестьянинъ С. уговорился съ крестьянами взять болѣе плохую, уже запущенную (но большую по пространству) землю вмѣсто надѣла, съ условіемъ пользоваться ею до общаго передѣла. Онъ получилъ всего куска по 2—3 въ каждомъ полѣ, прорылъ канавы, огородилъ и оказался въ барышахъ.

человѣкъ 10 плохихъ хозяевъ, которымъ хорошая земля и не дается, а они должны сидѣть на своей. Для этого тотъ, кому по жребію достается такая запущенная полоса, мѣняется ею съ запустившимъ на ту землю, какая досталась послѣднему. Изъ этихъ 10 человѣкъ около 5—бобыли, у которыхъ нѣтъ рабочихъ силъ, а потому они землю, оставленную имъ міромъ (какъ увидимъ, міръ снимаетъ часть земли съ тѣхъ, кому трудно ее обработывать), запускаютъ подъ покосъ, продаютъ сѣно—и тѣмъ платятъ повинности.

Земля грузинская, какъ сказано, дѣлится на 125 душъ, а ревизскихъ числится 133. Въ 1872 г. изъ 133 ревизскихъ душъ 3 жили въ Петербургѣ и платили только подушную подать, не пользуясь землей и не неся никакихъ другихъ повинностей; 1—принятая въ грузинское общество изъ Тверской губ., хотя и жила въ Грузинѣ, но землей не пользовалась (по частному уговору съ обществомъ), а платила только подушную. Затѣмъ вся сумма подушной подати за 129 ревизскихъ душъ, какъ и всѣ остальные платежи, разлагалась на 125 земельныхъ душъ. Хотя бы у кого въ семьѣ было 5 ревизскихъ душъ, при трехъ только земельныхъ,—онъ и подушную платилъ за 3 (причемъ эта подушная за души нѣсколько больше); наоборотъ, у кого въ семьѣ одна ревизская душа, да земельныхъ 3, тотъ и подушную платилъ за 3 души. Такимъ образомъ у крестьянъ всѣ повинности и тяготы тѣсно связываются съ пользованіемъ землей, потому что переводятся на землю. Эта связь видна изъ самаго названія земельнаго участка „душой“. Изъ-за этого порядка до 1872 г. возникали было даже пререканія по слѣдующему поводу. Зятья, принятые въ семью, перейдя изъ другого общества, не хотѣли платить подушной, говоря, что они вѣдь не получили земли. Но такъ какъ подушную требовали по числу ревизскихъ душъ, то платежъ за вновь принятаго (зятя) приходилось раскладывать на все общество. Если же и дали бы землю, то онъ платилъ бы опять-таки только одну подушную, входящую въ общую цифру платежа съ земельной души, а за него подушную все-таки пришлось бы платить обществу.

При распредѣленіи земли принимаются въ соображеніе рабочія силы каждаго домохозяина. Логическимъ послѣдствіемъ этого является разверстка, происходящая, смотря по надобности, хоть каждый годъ. Поводомъ къ ней является уменьшеніе*) или уве-

*) Болѣзнь, смерть, уходъ на заработокъ, взятіе въ солдаты кого нибудь изъ членовъ семьи.

личеніе *) рабочихъ силъ семьи. Съ кого нибудь снимутъ душу, 1/2 души, а дадутъ тому, кто посильнѣе сталъ. Это примѣняется и къ плохимъ хозяевамъ, запускающимъ свою землю; часть снимутъ и передадутъ другому. Для подростковъ и стариковъ накидываются въ семью 1/2 и 1/4 души, но отдѣльно не даются. Безплатныхъ участковъ не имѣется. Однако, часто повторяющаяся разверстка оказывается невыгодной въ томъ отношеніи, что въ случаѣ долгаго промежутка между двумя передѣлами, число небольшихъ полосъ, приходящихся на долю отдѣльнаго домохозяина и лежащихъ въ разныхъ мѣстахъ, можетъ значительно возрасти. Однимъ изъ побужденій къ болѣе частымъ передѣламъ, преимущественно у болѣе богатыхъ работниками домохозяевъ, является желаніе получить землю въ одномъ мѣстѣ, одной полосой. Послѣ разверстки получившіе надбавку должны условиться съ тѣмъ, отъ кого взяли, какую часть изгороди кто поправлять долженъ. Я говорю „поправлять“ потому, что разъ поставлена изгородь, жердей уже нельзя брать назадъ, и на обязанности получающихъ землю лежитъ только поправка изгороди.

Покосы дѣлятся по качеству вообще: на болотины, заливные луга и покосы въ лѣсахъ, называемые пожнями, расчисточками, горними лугами. Затѣмъ, по различію въ качествѣ травы, въ отдѣльныхъ мѣстахъ всѣ покосы дѣлятся на 8 частей. До владѣнныхъ записей 1872 года сѣнокосъ передѣлялся каждый годъ, а послѣ выдачи ихъ покосы раздѣлили между десятками (такимъ же способомъ, какъ поля), съ уговоромъ не передѣлять раньше 20 лѣтъ. Въ иныхъ десяткахъ покосы не передѣляются, а въ иныхъ передѣляются каждый годъ. При дѣлежѣ луговъ обыкновенно говорятъ: „надо отбрести полосу“, что заключается въ томъ, что отмѣриваютъ пространство косой и лаптемъ, втыкаютъ тычки или ивовыя вѣточки, что̀ и служитъ границей участка. Особеннымъ образомъ пользуются болотиной. Смѣривъ разъ, сколько приходится косъ и лаптей на душу, крестьянинъ, первымъ вздумавшій косить, отмѣриваетъ „о конъ“ (отъ границы) столько косъ и лаптей, сколько приходится на долю по числу его земельныхъ душъ, и коситъ. Кто придетъ вторымъ, тотъ отмѣриваетъ себѣ участокъ отъ границы перваго и т. д. Въ слѣдующемъ году, можетъ быть, кто нибудь другой начнетъ косить первымъ въ заднемъ ольшагѣ,

*) Женится кто нибудь, подростетъ, зятя въ семью примутъ.

и тотъ отмѣриваетъ себѣ „о конъ“, сколько слѣдуетъ косъ и лаптей и т. д. Во всѣхъ другихъ покосныхъ мѣстахъ такъ не дѣлаютъ, притомъ, если гдѣ передѣляютъ, то передъ Ивановымъ днемъ. Если какая нибудь полоса въ покосѣ поплоше, то дается одна, двѣ косы намѣту.

Инымъ способомъ пользуются крестьяне лѣсомъ. До 1873 года, т. е. до полученія лѣснаго надѣла, крестьянамъ отводили казенные лѣсничіе ежегодно лѣсные участки, величина коихъ находилась въ зависимости отъ числа душъ. Крестьяне отправлялись всей общиной въ отведенный участокъ, причемъ отъ каждыхъ двухъ душъ долженъ былъ быть выставленъ человѣкъ съ лошадью. Если у отдѣльныхъ домохозяевъ было нечетное число душъ, то они соединялись съ другими и выставляли требуемое число лошадей и работниковъ по обоюдному согласію. Въ участкѣ сообща вырубали строевой лѣсъ и, вывозя на пожни, тутъ же и дѣлили его между собою. Остальной дровяной лѣсъ и кустарникъ каждый крестьянинъ въ теченіе всего года могъ рубить столько, сколько ему было нужно для собственной надобности, но на продажу рубить не позволялось и за этимъ зорко смотрѣли всѣ крестьяне. Въ 1873 г. по дополненію къ владѣннымъ записямъ отрѣзано было 166,6 десятинъ лѣснаго надѣла съ платой по 114 руб. въ годъ. Весь этотъ участокъ тогда же всѣ деревни подѣлили между собой по числу земельныхъ душъ каждой, а затѣмъ каждая деревня должна была уже сама надѣлять своихъ членовъ. Грузинская община обыкновенно нарѣзала частички лѣса на душу ежегодно, смотря по надобности, но не дѣлила всего лѣса. Для разграниченія участковъ деревень служили просѣки, для разграниченія же лѣсныхъ полосъ, нарѣзываемыхъ членамъ данной общины (тоже по числу земельныхъ душъ, какъ поля и луга), каждый домохозяинъ вдоль своей полосы на деревьяхъ, граничащихъ съ сосѣдними полосами, вырубаетъ какой нибудь знакъ. Хотя отводятся теперь отдѣльные участки, однако, вырубать лѣсъ на продажу не позволяется, если на домохозяинѣ имѣются недоимки, если же недоимокъ нѣтъ, то можетъ рубить и на продажу. Кустарникъ же рубить не позволяется до тѣхъ поръ, пока его не подѣлятъ. Остается разсмотрѣть еще пользованіе пастбищемъ. У 4 деревень „ухожь“ съ 1872 г. остается не подѣленной. Здѣсь мы встрѣчаемся съ общимъ пользованіемъ ухожью 4 деревень. Сначала думали было опредѣлить границы ухожи каждой деревни,

да такъ какъ у всѣхъ деревень пастьба въ одномъ мѣстѣ и потому пришлось бы тратиться на изгородь, то рѣшили не разграничивать ухожи, а пользоваться ею сообща, хотя и выгонять скотъ съ разными пастухами.

Всѣми общинными дѣлами завѣдуетъ міръ въ лицѣ сельскаго схода. Если домохозяинъ въ отлучкѣ или почему либо не можетъ явиться, то вмѣсто него допускается оставшійся старшій въ семьѣ или, если такого нѣтъ — жена. Допускаются съ правомъ голоса и вдовы безъ взрослыхъ дѣтей, но ихъ голоса имѣютъ мало вліянія. Понятно, что на рѣшеніе схода большое вліяніе имѣютъ такъ называемые „міроѣды“, но во всякомъ случаѣ есть факты, когда сходъ рѣшалъ прямо наперекоръ міроѣдамъ. Для рѣшенія схода нужно согласіе большинства всѣхъ домохозяевъ, а не только явившихся на сходъ. Если получается абсолютное большинство, то, волей-не-волей, міроѣдамъ приходится покориться. Я позволю себѣ указать на одинъ случай. Одинъ крестьянинъ, имѣвшій надѣлъ на 5 душъ, началъ торговать на станціи „Волхово“, гдѣ и поселился, а землю свою отдавалъ въ аренду тремъ міроѣдамъ на очень выгодныхъ условіяхъ. Общество запретило послѣднимъ брать землю въ аренду, а взяло само ее на тѣхъ же условіяхъ, а именно: самъ крестьянинъ платитъ обществу, взявшему его землю, ежегодно 30 р. (насколько, значитъ, выгодна земля), за то онъ не знаетъ уже никакихъ больше платежей и не отправляетъ повинностей. Общество приплачиваетъ только около 10 р. Эту землю оно взяло въ аренду на 12 лѣтъ и само ежегодно сдаетъ въ аренду уже отъ себя.

Мірской сходъ завѣдуетъ ежегодной раскладкой податей, передѣлами и разверсткой. Съ заявленіемъ о необходимости послѣдней обращаются къ старостѣ, который созываетъ сходъ. Срокъ и способъ передѣла опредѣляетъ сходъ, но никакихъ приговоровъ не пишется, никакихъ книгъ, гдѣ кому досталась земля, не ведется. Сельскія власти никакого значенія при этомъ не имѣютъ и никакими преимуществами не пользуются. Иногда при дѣлежѣ выбираютъ довѣренныхъ лицъ; такъ было, наприм., при раздѣлѣ лѣса. Каждая деревня выбрала нѣсколько стариковъ, число не было опредѣлено, но оказалось, что отъ всѣхъ деревень пришло почти поровну. Никакого вознагражденія этимъ лицамъ не назначается, равно какъ и мѣрщикамъ, въ которые, какого нибудь парня, назначаетъ или одинъ изъ стариковъ, или староста, или

міръ. Разверстками, необходимость которыхъ вытекаетъ изъ желанія сохранять, по возможности, соотвѣтствіе между количествомъ земли и силами отдѣльныхъ домохозяевъ, сходъ занимается обыкновенно осенью, по окончаніи работъ. Разверстывается паръ и яровое, а съ яровымъ всегда вмѣстѣ идетъ и покосъ. Такъ какъ озимая рожь уже посѣяна, то платежъ дѣлится пополамъ между хозяиномъ озимаго и получившимъ яровое съ покосомъ и паромъ. Лѣсной участокъ остается у прежняго владѣльца, хотя бы съ него и сняли, напр., душу, а взявшему эту душу весной нарѣзывается участокъ соотвѣтственно числу душъ, взятыхъ имъ. Если какой нибудь членъ семьи пожелаетъ выдѣлиться (во что общество вовсе не вмѣшивается, если дѣло идетъ по согласію), то земля дается ему отъ домохозяина, изъ семьи котораго онъ выдѣлился, иногда сверхъ того, смотря по семьѣ, дается и отъ общества. Въ случаѣ убавленія рабочихъ силъ семьи, общество или оставляетъ надѣлъ за оставшимися, или можетъ снять, сколько найдетъ нужнымъ, хотя бы семья и желала оставить за собой всю землю, весь надѣлъ. Если кто пожелаетъ выйти изъ общества, долженъ уплатить всѣ недоимки, годичныя подати и получить отъ міра приговоръ. Землю выбывшаго отдаютъ желающимъ или накладываютъ, кому слѣдуетъ, по мнѣнію общества. Если принимаютъ новаго члена, которому надо дать землю (что дѣлается всегда очень неохотно), то снимаютъ, съ кого міръ найдетъ нужнымъ, съ одного, съ двухъ, съ трехъ и даютъ вновь принятому. Въ Грузинѣ есть примѣръ, что общество приняло одного крестьянина съ условіемъ, что онъ земли не потребуетъ. Спрашивается, потому ли такъ неохотно даютъ землю, что она доходна? Ничуть не бывало. Земля не даетъ иногда достаточнаго дохода, чтобъ покрыть даже платежи.

Почему же крестьяне такъ неохотно принимаютъ новыхъ членовъ, которымъ слѣдуетъ выдѣлять землю? Этотъ фактъ объясняется очень просто тѣмъ, что принятіе новаго члена отзывается повышеніемъ платежей, лежащихъ на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если вновь принятый получаетъ землю, то онъ, конечно, не пожелаетъ платить больше, чѣмъ всѣ остальные, а значитъ подушную за него придется разложить на всѣхъ, такъ какъ всѣ платежи переводятся на землю. Если же не дать земли принятому, то онъ не захочетъ вовсе ничего платить, какъ мы это видѣли въ случаѣ пріема въ семью зятя, и подушная всетаки ложится на всѣхъ. Далѣе, каждый домохозяинъ стремится увеличить свой

надѣлъ, такъ какъ издержки на обработку вовсе не увеличиваются пропорціонально увеличенію числа душевыхъ надѣловъ, а значительно меньше *). Напр., имѣющему 2 — 3 надѣла хозяину нужно имѣть лошадь, а имѣющій 7 надѣловъ, да нанимающій еще 4, держитъ всего 2 — 3 лошади. Наконецъ, допустивъ, что число душъ въ семьѣ, при 7 надѣлахъ, будетъ въ 7 разъ больше, чѣмъ при одномъ, издержки на ихъ содержаніе, очевидно, не возрастутъ въ 7 разъ. При настоящихъ платежахъ и малыхъ надѣлахъ, постоянно мельчающихъ, крестьянская жизнь обезпечивается только посторонними заработками. Хотя надѣлы мельчаютъ, но, какъ указывали сами крестьяне, благодаря общинному землевладѣнію, это совершается равномѣрно для всѣхъ.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи впервые у насъ поставленъ былъ на обсужденіе Императрицей Екатериной II въ 1765 г., въ ея обращеніи къ Вольно-Экономическому Обществу „Въ чемъ имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашца?“ „Иные полагаютъ, говорится здѣсь, чтобъ то состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомкамъ его съ пріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ, какого бы то званія ни было; другіе, напротивъ того, полагаютъ на одинъ участокъ земли 4 и до 8 человѣкъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ; изъ сего послѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ только то, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ“.

Затѣмъ вопросъ объ общинѣ былъ оставленъ и снова поставленъ на очередь лишь въ 40-хъ годахъ славянофилами. Западники видѣли въ сохранившейся у насъ общинѣ признакъ отсталости и ратовали за ея уничтоженіе. Отмѣна крѣпостнаго права заставила и правительство остановить свое вниманіе на общинной формѣ землевладѣнія. Редакціонная комиссія отнеслась весьма осторожно къ этому вопросу, но повидимому, и ею община считалась остаткомъ старины, не имѣющимъ будущаго и долженствующимъ постепенно исчезнуть.

Комиссія рѣшила: гдѣ что есть, тамъ то и оставить, не на-

*) И наоборотъ, отсюда слѣдуетъ, что вслѣдствіе постояннаго (хотя болѣе равномѣрнаго, чѣмъ при частномъ владѣніи) мельчанія (въ виду увеличенія числа душъ) душевыхъ надѣловъ, несоотвѣтствіе между издержками и доходомъ будетъ постоянно увеличиваться.

силуя установившихся формъ землевладѣнія, но и не препятствуя переходу общинъ къ личной частной собственности, если большинство $^2/_3$ общинниковъ выскажутся за такой переходъ, не мѣшая и отдѣльному домохозяину стать собственникомъ земельнаго участка, обусловивъ это взносомъ выкупной суммы, причемъ въ этомъ случаѣ участокъ долженъ быть выдѣленъ къ одному мѣсту. Возможность перехода къ общинной формѣ землевладѣнія даже вовсе не была предусмотрѣна.

Остановимся на разсмотрѣніи невыгодныхъ и выгодныхъ сторонъ общиннаго землевладѣнія, какъ они приводятся сторонниками и противниками общины. Такъ, указываютъ, что временное пользованіе землей препятствуетъ введенію улучшеній въ хозяйствѣ. Необходимо для правильной оцѣнки этого возраженія различать *индивидуальныя* и *общія* улучшенія. Послѣднимъ общинная форма нисколько не препятствуетъ. Если законъ разрѣшаетъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ даже перейти отъ общинной къ частной собственности, а вѣдь это безспорно, съ точки зрѣнія противниковъ общины, явилось бы улучшеніемъ, то почему же не можетъ быть дозволено тѣмъ же порядкомъ рѣшать и другія вопросы общаго характера, относящіеся до улучшенія хозяйства. Въ Англіи даже для частныхъ собственниковъ рѣшеніе большинства $^2/_3$ позем. собственниковъ относительно какой либо общей мѣры, напр. осушеніе и т. п., отъ пользованія результатами которой нельзя исключить того или другаго собственника произвольно, является обязательнымъ и для остальной трети лицъ заинтересованныхъ.

Облегченію введенія индивидуальныхъ улучшеній могли бы содѣйствовать: 1) удлиненіе сроковъ передѣловъ и 2) выдача вознагражденій за сдѣланныя (и еще не выбранныя) затраты по улучшенію хозяйства, по оцѣнкѣ экспертовъ. Опять-таки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи мы видимъ, что фермеры не останавливаются и передъ значительными улучшеніями въ увѣренности, что ихъ затрата будетъ имъ возвращена, если аренда почему либо прекратится. Далѣе указывается, какъ на существенный недостатокъ общинной формы землевладѣнія, на такъ называемую *принудительную обработку*, т. е. неизбѣжную обязательность для каждаго отдѣльнаго хозяина слѣдовать общепринятой сочленами системѣ хозяйства, что вызывается пастьбой скота на поляхъ послѣ жатвы и на паровомъ полѣ и черезполосностью, связанной съ правомъ проѣзда чрезъ чужія полосы къ своей и съ пра-

вомъ оборота плуга на чужихъ полосахъ. Что касается до пастьбы, то ничто не мѣшаетъ общинѣ въ цѣломъ перейти къ другимъ системамъ хозяйства, прекративъ пастьбу скота на своихъ поляхъ, отдѣливъ для того особые участки, которые и становятся постояннымъ выгономъ. Это, конечно, возможно лишь при условіи достаточности надѣловъ. Черезполосность вызываетъ принудительную обработку лишь при наличности необходимости проѣзда чрезъ чужія полосы къ своимъ и оборота на нихъ плуга, а это далеко не всегда встрѣчается, именно только въ томъ случаѣ, когда дороги проходятъ не по всѣмъ полосамъ и когда негдѣ иначе повернуть плуга, какъ на сосѣднихъ полосахъ. Мы видѣли, что въ Грузинѣ, напримѣръ, оборотъ плуга или сохи производится на „задолахъ", а поперечнаго паханья не встрѣчается. Дальнѣйшія невыгоды, указываемыя изслѣдователями: узкость полосъ, трата на межи, разростаніе на послѣднихъ сорныхъ травъ и т. п., какъ мы выдѣли на примѣрѣ Грузино отнюдь не являются необходимыми и затѣмъ противъ нихъ крестьянами принимаются весьма раціональныя мѣры.

Важнѣйшія выгодныя стороны общинной формы землевладѣнія состоятъ въ томъ, что благодаря ей не допускается концентраціи земельной собственности, что домохозяева, не имѣя возможности отчуждать свои части въ общинной землѣ, не подвергаются риску стать безземельными и бездомными батраками и пролетаріями, что подростающимъ сельскимъ поколѣніямъ дается возможность вырости и окрѣпнуть не подвергаясь всѣмъ невыгодамъ, случайностямъ и опасностямъ бродячей жизни между чужими людьми, по распутьямъ и городамъ, а въ старости и дряхлости обезпечивается прочная осѣдлость, пріютъ и кусокъ хлѣба, что, наконецъ, при неравномѣрности размноженія отдѣльныхъ семей всетаки долѣе удерживается относительное имущественное по крайней мѣрѣ (въ землѣ) равенство и такимъ образомъ отдаляется появленіе той опасной пропасти, которая уже теперь на западѣ раздѣляетъ населеніе на классы, едва не приближающіеся къ индійскимъ кастамъ. Производя оцѣнку общинной формѣ землевладѣнія, не слѣдуетъ останавливаться на одной точкѣ зрѣнія производственной: государственный интересъ не ограничивается однимъ производствомъ страны *).

*) Проф. Иванюковъ. Полит. Эконом. 1891 г. стр. 120—166, весьма подробно разсматриваетъ вопросъ общиннаго землевладѣнія и съ главными его положе-

Болѣе правильное сужденіе относительно умѣстности права частной собственности на землю можетъ быть получено при различеніи отдѣльныхъ категорій послѣдней. Такъ безспорно дороги въ интересахъ общественныхъ должны считаться государственной собственностью, горнодѣльческія пространства — тоже, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не разовьется частная предпріимчивость и частный капиталъ; относительно лѣсныхъ пространствъ умѣстно веденіе контроля, надзора за частнымъ хозяйствомъ, въ виду чрезвычайной важности правильнаго лѣснаго хозяйства для всего общества и для послѣдующихъ поколѣній, но совершенное устраненіе частной собственности казалось бы неумѣстнымъ даже прямо въ интересахъ общественныхъ. (Успѣхи облѣсенія значительныхъ пространствъ частными хозяйствами). Что касается до городскихъ земельныхъ участковъ, то здѣсь замѣна частной собственности общественной казалась бы совершенно умѣстной, особенно въ большихъ городахъ: въ пользу общественную поступало бы увеличеніе цѣнности земельныхъ участковъ, совершающееся независимо отъ какихъ бы то ни было заслугъ собственниковъ и тѣмъ не менѣе при частной поземельной собственности идущее въ ихъ пользу, устранена была бы также та спекулятивная купля-продажа участковъ и строительная горячка, которыми сопровождается подъемъ значенія города, напр. вслѣдствіе измѣненія условій политическихъ (Берлинъ!).

Наиболѣе сомнѣній можетъ возбуждать обработанная поверхность. Мелкіе и средней руки поземельные собственники имѣютъ важное значеніе, какъ консервативный, но и независимый и притомъ многочисленный классъ населенія; заботливость о передачѣ дѣтямъ того же благосостоянія, какимъ пользуется самъ, удерживаетъ отъ чрезмѣрнаго размноженія; небольшихъ размѣровъ собственность незамѣнима тамъ, гдѣ требуется особая тщательность обработки, усердіе, какъ, напр., при воздѣлываніи оливокъ, винограда и т. п. Среднихъ размѣровъ участки являются не только посредствующимъ связующимъ звеномъ, сглаживаютъ противуположность мелкой и крупной поземельной собственности, но и служатъ проводникомъ въ жизнь тѣхъ улучшеній, того примѣненія машинъ, новыхъ системъ, которыя вводятся, въ видѣ опыта, на

ніями трудно не согласиться. Имъ указываются и желательныя мѣры къ дальнѣйшей охранѣ этой формы. См. также Ходскій. „Земля и земледѣлецъ“ и Сазоновъ. „Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ“.

крупныхъ имѣніяхъ, владѣльцы которыхъ могутъ безъ гибельныхъ для себя послѣдствій перенести и тѣ случаи, когда опыты оказались бы неудачны. Въ только что сказанномъ заключается оправданіе крупной поземельной собственности, ея культурная роль. Поэтому, если хозяинъ таковой сдаетъ по частямъ свою землю въ аренду, а самъ хозяйства не ведетъ, то ничего нельзя возразить противъ заявленія, что то же самое могло бы дѣлаться и отъ имени государства и въ пользу такой крупной частной поземельной собственности нельзя привести доводовъ сколько нибудь вѣсскихъ. „Никакая здравая теорія частной собственности, говоритъ Милль, не предполагала, что собственникъ земли — человѣкъ, только пользующійся синекурой".

Такимъ образомъ изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать выводъ, что въ примѣненіи къ землѣ право частной личной собственности, по всей справедливости, можетъ быть подвергнуто такимъ значительнымъ ограниченіямъ, какія совершенно неумѣстны, не могутъ быть оправданы относительно движимости, продуктовъ человѣческаго труда. Между тѣмъ и для этихъ послѣднихъ коммунисты требуютъ коллективной собственности. Полная несостоятельность этихъ воззрѣній настолько ясна, что не требуется подробной критики. Въ стремленіи къ равенству, представители этого направленія пришли логически къ признанію, что науки и искусства — зло, что достаточно только умѣть читать, писать, считать и имѣть кое-какія свѣдѣнія изъ географіи (Бабёфъ). Экономическая сторона этого ученія прекрасно охарактеризована Прудономъ: „общеніе имуществъ — это ограбленіе сильныхъ слабыми". Гдѣ стали бы назначать работу по силамъ каждаго, а удовлетвореніе — по потребностямъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока люди не станутъ совершенными (а тогда и всякій строй будетъ хорошъ), — сразу у всѣхъ оказались бы силы весьма малы, а потребности — необъятны, и въ результатѣ пришлось бы обратиться къ подогнанію всѣхъ подъ одну мѣрку.

Представители соціализма допускаютъ право частной собственности на запасы потребленія и требуютъ изъятія изъ послѣдней земли и капиталовъ (орудій производства), которые должны стать коллективной собственностью.

Подробный разборъ соціализма долженъ быть данъ въ историческомъ обзорѣ соціально-экономическихъ ученій, тѣмъ болѣе, что требованія соціализма охватываютъ всю жизнь человѣческаго

общества, а не касаются одной ея экономической стороны; здѣсь же остановимся лишь на указаніи несостоятельности только что приведенныхъ требованій соціализма.

Въ основаніи этого направленія лежитъ невѣрная посылка, что доходъ капиталиста и предпринимателя представляетъ собою несправедливое присвоеніе той доли продукта труда, которая превышаетъ необходимое для оплаты труда количество. Коль скоро капиталъ перестанетъ быть частной собственностью, обѣщаютъ соціалисты, полный продуктъ труда будетъ принадлежать его представителямъ. Это невѣрно, такъ какъ, какой бы строй экономическій мы себѣ ни представили, — всегда необходимы будутъ функціи, нынѣ отправляемыя предпринимателями: изученіе — чего, гдѣ, когда и сколько нужно и соотвѣтственное этому направленіе производства страны; накопленіе капиталовъ и обращеніе цѣнностей именно въ производство, если не вполнѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ значительной степени зависитъ отъ воли хозяина цѣнностей и было бы немыслимо въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ это совершается нынѣ, благодаря тому, что капиталистъ поощряется къ производительной затратѣ цѣнностей ожиданіемъ вознагражденія. Если капиталъ безъ труда безсиленъ, то почти столь же безсиленъ въ настоящее время высоко развитой техники и крупнаго производства и трудъ безъ капитала. Поэтому столь же несправедливо признавать право на весь продуктъ за представителями труда, какъ несправедливо было бы противуположное признаніе права предпринимателей и капиталистовъ. Однако, признаніе права отнюдь не исключаетъ возможности злоупотребленій при дележѣ продукта со стороны болѣе сильнаго, какими могутъ быть въ разныхъ случаяхъ то капиталисты, то рабочіе. Итакъ, указанное обѣщаніе соціализма неосуществимо и несправедливо. Затѣмъ изъятіе капитала изъ сферы частной собственности отозвалось бы невыгодными послѣдствіями для цѣлаго общества, такъ какъ съ устраненіемъ побужденій, имѣющихся для хозяевъ цѣнностей нынѣ, послѣдовало бы если не абсолютное, то относительное уменьшеніе капиталовъ, а потому и производства, невозможность удовлетворять всѣмъ прежнимъ потребностямъ или въ прежнемъ размѣрѣ, и въ результатѣ получился бы несомнѣнный регрессъ. Если индивидуально-либеральная школа впала въ крайность, заботясь только о *производствѣ цѣнностей* и забывая при этомъ человѣка, то соціализмъ впадаетъ въ другую крайность,

обращая все вниманіе на *распредѣленіе цѣнностей*, упуская изъ вида, что надо сперва позаботиться о томъ, чтобы было что̀ распредѣлять. Наконецъ соціализмъ, не считаясь съ исторіей, желаетъ выбросить за бортъ весь исторически сложившійся экономически-правовой строй, признавая, между прочимъ, и полную несостоятельность права частной личной собственности, какъ будто бы форма, въ которую вылилось это начало, въ настоящее время есть наилучшая, не допускающая никакихъ улучшеній и измѣненій, что совсѣмъ невѣрно, такъ какъ нельзя не согласиться съ Миллемъ, что до сихъ поръ начало частной собственности еще не было проведено послѣдовательно и мы слишкомъ мало знаемъ, что̀ можетъ совершить индивидуальная дѣятельность въ своей лучшей формѣ.

Въ защиту свободы личности и частной личной собственности и тѣхъ правъ, которыя изъ нихъ вытекаютъ или ими обусловливаются (свобода выбора занятій, договора, распоряженія, завѣщанія и т. д.), приводится какъ историческій опытъ, такъ и слѣдующія соображенія. Для возбужденія энергіи личности до высшей степени необходима полная свобода, а работа по принужденію (рабство и соціализмъ) никогда не окажется столь же производительной, почему въ результатѣ, даже оставляя безъ вниманія сторону нравственную, въ невыгодѣ экономической окажется все общество. Безъ свободы и частной собственности (и на землю) не будетъ желанія ограничивать потребленіе ради созданія капиталовъ, не будетъ тѣхъ затратъ капитала и труда въ землю, которыя дѣлаются нынѣ, а въ концѣ концовъ получится паденіе производства со всѣми связанными съ нимъ невыгодными послѣдствіями. Свобода договора обезпечиваетъ возможность выгоднѣйшаго приложенія силъ, возможно большаго дѣленія труда и крупнаго производства; безъ права завѣщанія, не только не было бы существующаго нынѣ побужденія къ накопленію капиталовъ, ради обезпеченія близкихъ человѣку лицъ, но и въ корнѣ подрывались бы тѣ альтруистическія чувства, которыя, зарождаясь въ семьѣ, переносятся затѣмъ и на болѣе обширныя общественныя группы лицъ — сочленовъ общины, согражданъ и т. д. Мало того, при паденіи производства отъ уменьшенія капиталовъ можно еще опасаться чрезмѣрнаго размноженія, такъ какъ вмѣстѣ съ правомъ завѣщанія отпадетъ и побужденіе удерживаться, до извѣстной степени, отъ произведенія потомства. Въ итогѣ—менѣе бы-

стрый ростъ производства съ быстрѣйшимъ увеличеніемъ населенія и тѣмъ болѣе значительное несоотвѣтствіе потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію. Указанное обстоятельство заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что уже и размноженіе, замѣчаемое въ настоящее время у культурныхъ народовъ (около 7‰ ежегодно), представляется настолько значительнымъ, что умѣстнымъ является вопросъ: „не должно ли опасаться, и безъ особой склонности къ пессимизму, что неизбѣжны будутъ самыя тяжкія катастрофы, если размноженіе будетъ продолжаться попрежнему?“ (Рюмелинъ).

Главнѣйшими недостатками (до послѣднихъ десятилѣтій) должны быть по разсматриваемому вопросу признаны: слишкомъ формальное отношеніе къ указаннымъ началамъ, признаніе ихъ въ теоріи безъ соотвѣтственнаго обезпеченія осуществленія ихъ на практикѣ и почти полное игнорированіе значенія содѣйствія общества при достиженіи человѣкомъ его хозяйственныхъ цѣлей. Въ зависимости отъ этого, напр., свобода договора, свобода выбора занятій и т. п. часто оказывались простой фикціей; съ другой стороны, признавались за собственникомъ только права и никакихъ по отношенію къ обществу обязанностей, противъ чего, какъ мы видѣли, прекрасно возражаетъ Рошеръ.

Начало индивидуализма, неограниченной личной и имущественной свободы до послѣдняго времени представляло такую же крайность, какъ поглощеніе личности и имущества гражданъ государствомъ въ древней Греціи. Ограниченія были необходимы и они уже отчасти проведены въ жизнь въ видѣ всеобщей воинской повинности, принудительнаго начальнаго образованія, фабричнаго законодательства и обязательнаго страхованія, ограниченія свободнаго договора, свободнаго распоряженія имуществомъ (лѣсами), обложенія значительными пошлинами наслѣдствъ и т. п.

Можетъ быть, даже слѣдуетъ опасаться, не слишкомъ ли сильно и быстро идетъ расширеніе общественныхъ хозяйствъ насчетъ частныхъ, такъ какъ прочнымъ залогомъ развитія и прогресса это движеніе можетъ считаться лишь подъ условіемъ параллельнаго развитія религіознаго и нравственнаго, развитія чувства общественности, въ силу котораго смягченіе неравенствъ, смягченіе отношеній отдѣльныхъ классовъ совершалось бы, по возможности, добровольно, безъ принужденія однихъ и при все большемъ развитіи чувства справедливости въ сознаніи другихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Субъектомъ народнаго хозяйства является народъ, съ которымъ поэтому и должно познакомиться прежде, чѣмъ перейти къ изученію экономическихъ процессовъ.

Населеніе, какъ и все живое, постоянно измѣняется, находится въ непрерывномъ движеніи. Однако, подобно тому, какъ фотографія можетъ дать изображеніе водопада или рѣки, такъ и относительно населенія можно представить себѣ моментъ покоя и, собравъ разнообразныя, характеризующія населеніе данныя, пріурочивать ихъ къ этому моменту такъ, чтобы возможнымъ оказалось опредѣлить само населеніе, выяснить составъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, соотношеніе отдѣльныхъ частей. Повторяя подобныя операціи періодически и сравнивая полученныя данныя, мы будемъ имѣть результаты присущихъ населенію, какъ всему живому, постоянныхъ измѣненій за время, протекшее отъ одного наблюденія до другаго.

Итакъ, кромѣ движенія населенія, его можно изучать и въ состояніи (предполагаемаго) покоя. Что же дастъ намъ такое изученіе? Естественно прежде всего остановиться на абсолютной величинѣ населенія—его численности, но этого еще слишкомъ недостаточно. Если бы сказали, что населеніе Россіи около 100 мил., а Германіи—около 50 мил., то представленіе получилось бы весьма неполное, неясное. Первый шагъ, который, въ видахъ сравненія, можетъ быть сдѣланъ, это выясненіе отношенія численности населенія къ единицѣ пространства, что называется плотностью населенія; напримѣръ, въ Саксоніи плотность выразится величиной 212 жителей на 1 кв. километръ, тогда какъ въ Германіи вообще—87, а въ Россіи всего—17. Затѣмъ весьма различенъ можетъ быть составъ населенія. За основаніе могутъ быть взяты признаки естественные, напримѣръ, полъ, возрастъ и т. п., или соціальные, напримѣръ, гражданское состояніе, занятіе, степень образованія и т. п.

Остановимся сперва на дѣленіи населенія по признакамъ естественнымъ.

Въ высшей степени любопытнымъ представляется тотъ фактъ, что во всѣхъ мѣстностяхъ, относительно которыхъ только имѣются статистическія данныя, постоянно наблюдается приблизительное

равенство половъ, то съ небольшимъ перевѣсомъ женщинъ, какъ это замѣчается въ большей части Европы (52—50%), то, наоборотъ, съ перевѣсомъ мущинъ—въ другихъ частяхъ свѣта и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы. Этого вопроса мы еще коснемся, говоря о распредѣленіи новорожденныхъ по полу.

Громадное и для экономической стороны жизни значеніе имѣетъ возрастный составъ населенія. Въ дѣтствѣ и старости человѣкъ только потребляетъ; поэтому, чѣмъ большій процентъ населенія придется на эти возрасты, тѣмъ большее бремя ляжетъ на населеніе, стоящее въ производительномъ возрастѣ (который можетъ считаться приблизительно отъ 20 до 60 лѣтъ) и наоборотъ, такъ напримѣръ, во Франціи въ производительномъ возрастѣ находится 53% населенія, а въ Германіи всего 47%, въ Соединенныхъ Штатахъ даже только 45%, а вообще для всѣхъ государствъ, относительно которыхъ имѣются статистическія данныя, —48,5%.

Возрастный составъ имѣетъ большое значеніе и для криминалиста, и соціолога. Склонность къ преступленію (penchant au crime) достигаетъ наибольшей силы въ періодъ 21—30 лѣтъ, поэтому уже въ силу этого одного факта среди городскаго населенія сравнительно должно оказаться большее число преступленій, чѣмъ среди сельскаго, такъ какъ въ городъ на заработки собирается именно взрослое населеніе, на селѣ же остается бо́льшій процентъ дѣтей и стариковъ.

Однако, одинъ возрастный составъ еще не позволяетъ заключать о числѣ производительныхъ рабочихъ, о количествѣ работы, которая можетъ быть сдѣлана населеніемъ. Должно выдѣлить лицъ, страдающихъ тѣлесными и душевными недостатками. Главнымъ образомъ здѣсь имѣются въ виду слѣпые и глухонѣмые, съ одной стороны, и идіоты и умалишенные—съ другой. Если послѣдніе часто оказываются непригодны совершенно ни къ какой работѣ, за то первые, по мѣрѣ развитія науки и при большемъ содѣйствіи общества, все менѣе и менѣе могутъ считаться бременемъ для него, такъ какъ они становятся вполнѣ производительными работниками.

Обученіе слѣпыхъ чтенію и письму, обученіе глухонѣмыхъ говорить словами и понимать обыкновенную рѣчь по движенію губъ говорящаго, обученіе тѣхъ и другихъ различнымъ ремесламъ,—все это не только стремится устранить препятствія къ тому, чтобы эти несчастные могли стать полноправными и полезными членами

общества, но и часто заставляетъ признать иного слѣпаго или глухонѣмаго болѣе производительнымъ работникомъ, чѣмъ многіе изъ имѣющихъ глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать. Страдающіе указанными тѣлесными и душевными недостатками въ разныхъ государствахъ Европы составляютъ 21—67 на 10.000 человѣкъ населенія.

Такъ какъ каждый человѣкъ, вообще здоровый, можетъ хворать извѣстное время, то для опредѣленія числа лицъ, пригодныхъ къ труду, въ теченіе, напримѣръ, года, надо бы было еще знать число дней болѣзни всего населенія. Раздѣливъ это число на 365, мы получили бы число лицъ, на которое должно быть уменьшено все число лицъ, вообще способныхъ къ труду.

Изъ соціальныхъ признаковъ населенія остановимся прежде всего на гражданскомъ состояніи. Оказывается, что въ разныхъ государствахъ Европы 33—40% всего населенія (а изъ взрослаго — болѣе 55%) живетъ въ бракѣ, 50 — 63% — холостыхъ, остальные — вдовые и разведенные.

Гораздо большій интересъ представляетъ съ экономической точки зрѣнія дѣленіе населенія по роду занятій и по соціальному положенію (на самостоятельное и несамостоятельное), но въ виду трудности полученія сюда относящихся данныхъ вообще, неоднородности ихъ, вслѣдствіе того, что личный взглядъ лица, руководящаго собираніемъ и обработкой статистическаго матерьяла, часто оказывается рѣшающимъ, за неимѣніемъ опредѣленныхъ, безспорныхъ признаковъ для отнесенія лицъ къ той или другой группѣ,—мѣняется взглядъ,—мѣняется и группировка, эта часть демографіи оставляетъ еще желать очень многаго. Вотъ почему представляется возможнымъ сопоставленіе данныхъ лишь относительно нѣкоторыхъ государствъ, а именно Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Швеціи и отчасти соединеннаго Королевства и Венгріи.

Распредѣленіе населенія на самостоятельное, имѣющее доходъ, и несамостоятельное, живущее доходомъ перваго, причемъ къ этому послѣднему отнесены и лица, содержащіяся за счетъ общественной или частной благотворительности, представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: самостоятельное составляетъ отъ 43% (Швеція) до 57% (Италія), т. е. приблизительно настолько же великъ перевѣсъ населенія, живущаго своимъ доходомъ (или благотворительностью), въ однихъ государствахъ, насколько преобладаетъ въ

*

другихъ населеніе, живущее на счетъ дохода самостоятельнаго населенія. Распредѣлить все населеніе по роду занятій или по источнику дохода не представляется возможнымъ, такъ какъ ни относительно прислуги, ни относительно населенія несамостоятельнаго (впрочемъ, кромѣ Франціи и Германіи) вообще не дается регистраціей необходимыхъ свѣдѣній; данныя относительно самостоятельнаго населенія указываютъ *), что изъ него въ среднемъ сельскимъ хозяйствомъ занимается около 42%, горной и обрабатывающей промышленностью — 31%, торговлей и перевозочной дѣятельностью—7%, свободными профессіями — 5% и личнымъ услуженіемъ—9%, остальные 6% или живутъ доходами, или содержатся на средства другихъ лицъ и учрежденій.

Въ отдѣльныхъ государствахъ находимъ весьма значительныя уклоненія отъ приведенныхъ среднихъ. Такъ, напр., въ Венгріи болѣе 61% живетъ сельской промышленностью и только 26½%— остальными видами промысловаго заработка, въ соединенномъ Королевствѣ, напротивъ, занято не много болѣе 17% самостоятельнаго населенія, а 60½% живетъ промышленностью.

Число лицъ, занятыхъ свободными профессіями, составляетъ 6 — 7% во Франціи и соединенномъ Королевствѣ, 4 — 5%, въ Германіи и Италіи, 3—4% въ Австріи, Швеціи и Венгріи.

Въ промысловомъ населеніи представляется весьма любопытнымъ выдѣлить лицъ, экономически независимыхъ (хозяевъ) и наемныхъ лицъ (служащихъ и рабочихъ), что, однако, къ сожалѣнію, невозможно для соединеннаго Королевства и Венгріи; въ остальныхъ 5 государствахъ находимъ, что хозяева вообще составляютъ отъ 32% (Германія, Австрія и Италія) до 44—45% (Швеція и Франція), т. е. болѣе ½ и до ⅔ служатъ по найму у другихъ лицъ. Столь значительное различіе, повидимому, объясняется главнымъ образомъ характеромъ землевладѣнія, такъ какъ особенно въ сельскомъ хозяйствѣ оказываются существенны различія Франціи и Швеціи отъ другихъ государствъ. Въ первыхъ двухъ хозяева составляютъ 55% до 58½%, тогда какъ въ послѣднихъ—всего 28—38%; если также и въ горной промышленности находимъ въ первыхъ двухъ болѣе 8% хозяевъ противъ 1%—3% въ 3-хъ другихъ странахъ, то за то въ обрабатывающей промышленности Франція и Швеція (21—25% хозяевъ) значительно усту-

*) Въ Handwörterbuch der Staatswiss, соотвѣтственныя данныя значительно разнятся отъ приводимыхъ проф. Янсономъ.

паютъ Италіи и Германіи (35—37% хозяевъ), хотя и превосходятъ Австрію (19% хозяевъ). Торговля во Франціи, Германіи и Австріи даетъ, повидимому, наиболѣе благопріятное отношеніе хозяевъ и рабочихъ (50—58% хозяевъ).

Въ послѣднихъ 3-хъ государствахъ представляется еще возможнымъ выдѣлить персоналъ *служащихъ*, т. е. высшихъ исполнителей изъ общаго числа наемныхъ лицъ. Онъ оказывается весьма невеликъ: всего 5%, тогда какъ 95% являются простыми рабочими.

Крайне любопытно было бы прослѣдить измѣненія въ составѣ населенія по указаннымъ соціальнымъ признакамъ въ историческомъ отношеніи; но, къ сожалѣнію, это представляется почти невозможнымъ, въ виду различія группировки во времени данныхъ даже въ одномъ и томъ же государствѣ. Относительно рода занятій вообще можно указать, однако, на постепенное уменьшеніе въ западно-европейскихъ государствахъ процента населенія, занятаго въ сельскомъ хозяйствѣ*), и на появленіе все новыхъ группъ въ населеніи для удовлетворенія новыхъ потребностей.

Интересъ громадный представляло бы сравнительное изслѣдованіе о составѣ населенія по зажиточности въ историческомъ развитіи, но данныхъ по этому вопросу имѣется весьма немного. Напримѣръ, относительно населенія Пруссіи по даннымъ о подоходномъ налогѣ за 1876 г., 1888 г. и 1890 г. получаются слѣдующіе результаты:

	доходъ до 525 мар.		526—2.000 мар.		доходъ болѣе 6.000 мар.
	% насел.	доходъ на душу.	% насел.	доходъ на душу.	% насел.
1876 г.	25,65	208	67,82	258	. . . 0,97
1888 „	29,20	199	63,62	266	. . . 1,18
1890 „	28,62	197	63,81	276	. . . 1,25

Какъ видимъ, за первыя 12 лѣтъ процентъ бѣднѣйшаго населенія увеличился почти на 4%, да сверхъ того и средній доходъ на душу въ этой группѣ упалъ на 9 марокъ; дальнѣйшее паденіе дохода находимъ въ 1890 г.; уменьшилась въ населеніи группа, имѣющая сносный доходъ, который при этомъ въ среднемъ нѣсколько увеличился; напротивъ, группа, имѣющая большой доходъ, замѣтно и постоянно увеличивалась, причемъ общая сумма

*) Во Франціи, напримѣръ, въ 1851 г.—56,9%, 1861 г.—53,2%, 1866 г.—51,5%, 1880 г.—48,8% 1886 г.—47,8%. Измѣненіе группировки могло, конечно, вліять на отдѣльныя величины, но общая тенденція обнаруживается ясно.

дохода, получавшаяся этой группой и составлявшая отъ всего дохода населенія 12,2 % въ 1876 г., составила въ 1888 г.—14,9 %, а въ 1890 г.—15,86 %.

Данныя любопытныя, заслуживающія полнаго вниманія.

Движеніе населенія можетъ быть механическое (въ пространствѣ) и физіологическое (во времени). Подъ первымъ разумѣется переходъ временный на заработки или переселеніе. Особенно важное значеніе имѣетъ эмиграція. Напримѣръ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, за время 1820—80 г., получили изъ Европы около 11 мил. человѣкъ, стоявшихъ по преимуществу (болѣе 60 %) въ производительномъ возрастѣ и представлявшихъ собою, по оцѣнкѣ Юнга, капиталъ болѣе 7 милліардовъ долларовъ, не считая того, что они привезли съ собою. Въ періодъ 1880—89 г. туда же эмигрировало болѣе 5 милл. человѣкъ. Если принять, какъ дѣлается нѣкоторыми изслѣдователями, издержки на воспитаніе въ 1.100 руб. въ среднемъ, да около 200 р. на душу имущества, привозимаго съ собой, то окажется, что Соединенные Штаты получили съ 1820 г. изъ Европы около 20 милліардовъ рублей въ лицѣ эмигрантовъ и въ видѣ ихъ имущества. Эмиграція средняго по зажиточности класса (а нищимъ выселяться не на что) невыгодна для государства, такъ какъ увеличивается еще болѣе различіе имущественное въ остающемся населеніи, уменьшается умѣренный консервативный элементъ, ухудшается возрастный составъ: остается менѣе стоящихъ въ производительномъ возрастѣ, да къ тому же обыкновенно выселяются хорошіе работники, надѣющіеся на свои силы и потому разсчитывающіе устроиться лучше въ новой странѣ, чѣмъ какъ удалось имъ на ихъ родинѣ. Рабочія силы, знаніе, наконецъ капиталъ,—все получалъ Новый Свѣтъ отъ Стараго, не неся никакихъ соотвѣтственныхъ издержекъ. Что же удивительнаго, что онъ можетъ успѣшно съ нимъ конкуррировать!

Движеніе физіологическое обусловливается рожденіями и смертями. Взявъ разность колебаній, вызванныхъ въ населеніи тѣми и другими за извѣстный періодъ, мы получимъ въ итогѣ или приростъ, если рожденій было больше, или убыль населенія, если перевѣсъ былъ на сторонѣ смертей.

Въ Европѣ, приблизительно, ежегодно родится 12 мил., умираетъ 9 мил., остатокъ 3 мил., изъ которыхъ 500 тысячъ эми-

грируетъ, а $2^1/_2$ мил. составятъ приростъ населенія, равный 7,6 чел. на 1.000 жителей ежегодно, что обѣщаетъ удвоеніе населенія въ 90-ти лѣтній періодъ.

Послѣ факта приблизительнаго постоянства числа рожденій и смертей, замѣчаемаго изъ года въ годъ въ отдѣльныхъ даже небольшихъ мѣстностяхъ, что объясняется вообще медленнымъ измѣненіемъ среды, ихъ дающей, т. е. населенія, заслуживаетъ вниманія фактъ приблизительнаго равенства новорожденныхъ того и другаго пола. Около 150 лѣтъ тому назадъ было подмѣчено это явленіе, но до сихъ поръ ни физіологія, ни демографія не объяснили еще намъ его. Намъ кажется, поскольку дѣло касается послѣдней, что она избрала невѣрный путь, обращая главное вниманіе на частности. Дѣло въ томъ, что среди новорожденныхъ вообще оказывается нѣсколько болѣе мальчиковъ (около 106 мальчиковъ на 100 дѣвочекъ), число которыхъ затѣмъ, вслѣдствіе большей смертности, уменьшаясь быстрѣе, оказывается, приблизительно къ 15 годамъ, почти равнымъ числу женщинъ этого возраста, а затѣмъ наступаетъ уже перевѣсъ женщинъ, въ результатѣ чего для всего населенія и получается, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, тотъ фактъ, что болѣе 50% составляютъ женщины.

Изслѣдователи преимущественно останавливались на выясненіи причинъ, отъ которыхъ могъ бы зависѣть перевѣсъ числа мальчиковъ среди новорожденныхъ, тогда какъ важнѣе, кажется, было бы стремленіе уяснить самый фактъ равенства половъ. Намъ кажется, что отвѣта на вопросъ о причинахъ замѣченнаго явленія слѣдовало бы искать въ изученіи условій наслѣдственности вообще физическихъ признаковъ. При такой болѣе широкой постановкѣ вопроса, и средствъ къ его разрѣшенію въ распоряженіи демографіи можетъ оказаться значительно больше, такъ что скорѣе можно разсчитывать добиться удовлетворительныхъ результатовъ.

Въ видахъ сравненія въ пространствѣ и во времени число рожденій относятъ къ средѣ, ихъ давшей, т. е. къ населенію, высчитывая, сколько рожденій въ теченіе, напримѣръ, года приходится на 1.000 жителей. Полученная величина называется *рождаемостью*. Такъ какъ, строго говоря, не все населеніе даетъ рожденія, то для большей правильности выводовъ точнѣе приходится опредѣлять и среду, дающую рожденія, къ которой число послѣднихъ затѣмъ и относятъ.

Рождаемость или, какъ чаще говорится, коэффиціентъ рождаемости представляетъ весьма значительныя различія въ разныхъ странахъ, колеблясь (въ Европѣ) въ предѣлахъ отъ 25 до 50 на 1 000 жителей. Какъ на причины колебаній по мѣсту и времени, указываютъ на вліяніе климата, расы, рода занятій, высоты цѣнъ на предметы первой необходимости и т. д. Кромѣ того, значительно можетъ быть вліяніе воли человѣка и государства на рождаемость. За послѣднее время этотъ вопросъ обратилъ на себя особенное вниманіе французскихъ ученыхъ, задавшихся выясненіемъ причинъ низкой рождаемости во Франціи. Подобно числу рожденій, и число смертей, по тѣмъ же причинамъ, изъ году въ годъ измѣняется вообще весьма незначительно. Отношеніе числа смертей къ населенію даетъ величину относительную—коэффиціентъ смертности. На 1.000 жителей въ различныхъ государствахъ Европы приходится отъ 17 до 38 смертныхъ случаевъ въ годъ.

Причины смертности могутъ быть различены на естественныя и соціальныя. Если извѣстное число смертей и необходимо по самой природѣ, во всякомъ случаѣ, воздѣйствію общества открытъ широкій просторъ и мы видимъ, какъ постепенно, подъ вліяніемъ культуры, замѣтно падаетъ коэффиціентъ смертности, съ экономической точки зрѣнія представляющій собою въ большей своей части гибель безплодно затраченныхъ капиталовъ. Hoffmann вычислилъ, напримѣръ, что за 25 лѣтъ (1816—1841 гг.) въ Пруссіи умерло $4^1/_2$ милл. лицъ, въ возрастѣ до 15 лѣтъ; считая въ среднемъ затраты на каждаго изъ нихъ даже только по 100 талеровъ, онъ приходитъ къ выводу, что за это время безплодно погибъ капиталъ въ 450 мил. талеровъ.

Наиболѣе продолжительный періодъ времени обнимаютъ данныя относительно Швеціи, причемъ оказывается, что съ середины прошлаго столѣтія смертность, постепенно уменьшаясь, съ 27,6 упала до 17 на 1.000 къ серединѣ 80-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

Для общества, конечно, невыгодно (мы беремъ фактъ только съ одной экономической точки зрѣнія), чтобы умирали лица прежде, чѣмъ они успѣли бы, по крайней мѣрѣ, возмѣстить своими трудами сдѣланныя на воспитаніе ихъ затраты. Отсюда важность опредѣленія средней продолжительности жизни, хотя одна и та же величина, ее выражающая, можетъ имѣть для общества весьма

различное значеніе; напримѣръ, 15 лѣтъ можетъ получиться въ томъ случаѣ, если одинъ человѣкъ прожилъ 57 лѣтъ и, значитъ, 37 лѣтъ былъ производительнымъ работникомъ, а 3 прожили всего по 1 году, какъ и въ томъ случаѣ, когда каждый изъ 4 прожилъ всего по 15 лѣтъ и всѣ только потребляли, ничего еще не производя.

Если мы оставимъ въ сторонѣ движеніе механическое, то разность числа рожденій и смертей даетъ намъ приростъ населенія въ странѣ. Одинакій приростъ можетъ, конечно, получиться при весьма различной рождаемости и смертности, напримѣръ 40 и 30 или 30 и 20, но, само собою разумѣется, для общества выгоднѣе послѣдній случай, такъ какъ меньшее число смертей наноситъ обществу, не говоря о меньшемъ горѣ, меньшій матеріальный ущербъ. Въ виду указаннаго выше различія рождаемости и смертности, весьма различнымъ представляется и приростъ населенія, который колеблется отъ 2,5 (Франція) до 15 слишкомъ (Саксонія) на 1.000 жителей.

Въ связи съ вопросомъ о приростѣ населенія стоитъ, такъ называемый, „законъ Мальтуса“. Теорія, развитая этимъ ученымъ, заключается въ слѣдующемъ. Люди склонны къ весьма быстрому размноженію и, какъ указалъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, населеніе способно удваиваться черезъ каждыя 25 лѣтъ, т. е. ростъ его можетъ быть выраженъ геометрической прогрессіей 1, 2, 4, 8, 16 и т. д. Однако, въ своемъ стремленіи къ размноженію населеніе встрѣчаетъ препятствіе въ скудости доставляемыхъ природой средствъ къ существованію. Если еще въ первый періодъ удвоенія населенія можно разсчитывать получить съ того же участка земли удвоенное количество продукта, то затѣмъ ростъ будетъ идти все медленнѣе и медленнѣе, такъ что самое большее, что можно ожидать, увеличеніе продукта въ ариѳметической прогрессіи, т. е. 1, 2, 3, 4, 5, 6. Отсюда возникаетъ коллизія: населеніе или должно медленнѣе расти, или должно децимироваться. Въ зависимости отъ двухъ исходовъ и двѣ возможныхъ категоріи средствъ къ устраненію несоотвѣтствія: предупредительныя и репрессивныя. Къ послѣднимъ относятся, напр., убіеніе новорожденныхъ, войны, усиленная смертность отъ голода, нужды и вызванныхъ ими болѣзней; первыя распадаются на 1) нравственныя—воздержаніе отъ вступленія въ бракъ, отъ производства потомства, если средства не позволяютъ воспитать его и обезпечить ему положеніе не хуже того, какое самъ занимаетъ, и 2) безнравствен-

ныя — развитіе разврата, противуестественныхъ пороковъ и безнравственныя мѣропріятія, препятствующія обнаружиться естественной плодовитости человѣческаго организма.

Оставляя въ сторонѣ гипотезу относительно роста населенія и средствъ къ жизни именно въ видѣ геометрической и ариѳметической прогрессій, оставляя и вопросъ объ удвоеніи населенія именно въ теченіе 25 лѣтъ, такъ какъ все это служитъ лишь иллюстраціей основной мысли, нельзя не признать вѣрности разсужденій Мальтуса, но вѣрности чисто теоретической. Таково значеніе его теоріи не только для настоящаго времени, но и для того будущаго, которое съ нѣкоторой опредѣленностью можно предвидѣть настоящему поколѣнію.

Дѣло представляется въ дѣйствительности въ слѣдующемъ видѣ. Удвоенное количество труда и капитала надолго не можетъ давать и удвоеннаго продукта, поэтому, если вся земля уже занята, приходится по отношенію къ населенію этой мѣстности признать силу „закона Мальтуса“. Физическая природа кладетъ предѣлъ для роста населенія и для всего дальнѣйшаго развитія, поскольку послѣднее зависитъ отъ большей плотности населенія. При такихъ условіяхъ начинается борьба за существованіе, во-первыхъ, между самими людьми, а во-вторыхъ, борьба съ природой. Что касается до первой, то въ сферѣ борьбы общественной нельзя утѣшаться, какъ то возможно относительно прочей физической природы, что въ этой борьбѣ берутъ верхъ высшія организаціи, такъ какъ, во 1-хъ, здѣсь побѣдителями могутъ быть не лучшіе, а болѣе беззастѣнчивые, безнравственные, не стѣсняющіеся въ средствахъ, что въ результатѣ можетъ дать всеобщую деморализацію; во 2-хъ, могучимъ средствомъ борьбы являются создаваемыя людьми и ихъ учрежденіями условія характера соціальнаго, опять-таки обезпечивающія побѣду не лучшимъ, но тѣмъ, въ чьихъ рукахъ эти средства находятся, хотя бы и безъ всякихъ заслугъ съ ихъ стороны; въ 3-хъ, духовная сторона человѣческой природы возмущается, не можетъ успокоиться соображеніемъ, что „гибнутъ слабые“, если бы даже это было вѣрно, такъ какъ чѣмъ виноватъ слабый, больной ребенокъ, что онъ такимъ явился на свѣтъ, чѣмъ виноватъ человѣкъ, не получившій образованія не по своей винѣ, не получившій наслѣдства и т. д. Сверхъ того, прежде гибели предстоитъ вынести еще длинный рядъ лишеній и страданій. Христіанское общество съ этимъ помириться не можетъ.

Всѣ приведенныя соображенія требуютъ, чтобы общество и государство позаботились о смягченіи борьбы, о смягченіи участи побѣждаемыхъ. Болѣе правильное распредѣленіе богатствъ народа, конечно, имѣетъ значеніе, но, согласно Мальтусу, должно взять тотъ случай, когда средствъ *не хватаетъ* для поддержанія существованія наличнаго населенія, а потому, какъ бы равномѣрно ни было распредѣленіе, какъ бы государство ни поддерживало неимущихъ, кто нибудь или изъ нихъ, или изъ состоятельныхъ долженъ погибнуть. Естественный и ближайшій способъ разрѣшенія этого вида борьбы, это—превращеніе его въ борьбу противъ природы при взаимномъ содѣйствіи отдѣльныхъ общественныхъ группъ отдѣльныхъ мѣстностей. Достигнутыя уже улучшенія въ техникѣ оказываются столь значительными, что для отдѣльныхъ мѣстностей на долго возможнымъ оказалось болѣе быстрое увеличеніе производства, чѣмъ населенія; далѣе, обмѣнъ произведеній различныхъ странъ—торговля даетъ возможность населенію размножаться, не стѣсняясь недостаточнымъ производствомъ средствъ къ жизни внутри страны; такъ, напр., болѣе $^2/_3$ всего потребнаго для населенія Англіи хлѣба доставляется ввозомъ изъ другихъ странъ*). Наконецъ, пока еще стоятъ незанятыми громадныя пространства земли или пока таковыя не обработываются, при настоящемъ высокомъ развитіи средствъ сообщенія, эмиграція также еще на неопредѣленно долгое время не позволяетъ придавать практическаго значенія теоріи Мальтуса. Самымъ лучшимъ доказательствомъ вѣрности высказанныхъ соображеній можетъ служить та же страна, о ростѣ населенія которой говоритъ самъ Мальтусъ, это — Соединенные Штаты. Съ конца прошлаго столѣтія, когда появился „опытъ о законахъ народонаселенія“, до сихъ поръ населеніе Штатовъ продолжаетъ быстро расти, но при этомъ не только не наступаетъ несоотвѣтствіе средствъ къ жизни и потребности въ нихъ у кореннаго населенія, но средній уровень благосостоянія поднялся и оказалось возможнымъ еще принять и прокармливать около 15 милл. человѣкъ эмигрантовъ съ ихъ потомствомъ, да сверхъ того еще вывозить громадныя количества хлѣба въ государства Европы.

*) За послѣдніе 4 года истекшаго десятилѣтія собственное производство давало въ Соединен. Королевствѣ 7,2; 8,8; 8,5; 8,7 милл. кварт. пшеницы, тогда какъ ввозъ доставилъ 18,5; 17,9; 19,0 и 19,2 милл. кварт. Данныя взяты по сѣвооборотнымъ годамъ, такъ что послѣдній годъ 1889/90.

Все изложенное выше отнюдь не даетъ права отрицать значеніе теоріи Мальтуса (да этого и не имѣлось въ виду), отрицать тѣ опасности, которыя грозятъ населенію Европы, если ростъ его будетъ сохранять размѣры настоящаго времени; въ виду имѣлось только указать, что по отношенію къ человѣчеству вообще наступленіе указываемыхъ опасностей такъ отдаленно, что, хотя подумать о будущемъ никогда не лишне, невозможно представить себѣ условія жизни человѣческаго общества того времени и потому практическихъ выводовъ для настоящаго времени дѣлать нельзя.

Развитіе нравственное и умственное, которыя желательны сами по себѣ, можно думать, окажутъ тоже вліяніе на массы, которое и теперь оказываютъ на отдѣльныхъ лицъ: развитой человѣкъ удержится отъ основанія семьи, если средствъ, которыми онъ располагаетъ, хватаетъ только на удовлетвореніе его личныхъ потребностей.

Потребности народа, какъ субъекта народнаго хозяйства, и являются стимуломъ къ развитію народной хозяйственной дѣятельности, удовлетвореніе ихъ—цѣлью этой послѣдней. Какъ уже было указано, потребности представляются чрезвычайно разнообразными. Въ зависимости отъ возможности или невозможности удовлетворять тѣмъ или другимъ ихъ группамъ, можно различать различную степень нужды и благосостоянія въ населеніи. Конечно, задачей народнаго хозяйства прежде всего должно быть стремленіе довести производство цѣнностей до такихъ размѣровъ, при которыхъ было бы возможно удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей для всего населенія. При развитіи производства выше этого необходимаго minimum'а, возникаетъ вопросъ о разумномъ пользованіи этимъ излишкомъ, о правильномъ, разумномъ распорядкѣ въ удовлетвореніи потребностей народа. Средства, стоящія въ распоряженіи народа, можно разсматривать какъ дѣлимое; средства, выражающія возможную степень удовлетворенія потребностей, раціонъ — какъ дѣлитель; чѣмъ меньше „порція“, тѣмъ большее число людей можетъ содержаться тѣми же средствами и наоборотъ. Постепенное уменьшеніе этихъ „порцій“ можетъ отдалять границы, поставляемыя внѣшней природой размноженію населенія; но такое уменьшеніе не можетъ считаться желательнымъ, такъ какъ прогрессъ вообще (не только въ народномъ хозяйствѣ) долженъ выразиться увеличеніемъ, а не уменьшеніемъ

размѣра потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію. Но и при значительномъ производствѣ характеръ распредѣленія и распорядокъ въ удовлетвореніи потребностей могутъ быть таковы, что насущныя потребности нѣкоторой части населенія останутся безъ удовлетворенія и что на ряду съ удовлетвореніемъ потребностей изысканныхъ — потребности культурныя, потребности обстановки окажутся неудовлетворенными. Насколько можетъ быть оправдано и чѣмъ объяснено такое положеніе дѣла?

Имѣть мало потребностей вообще не можетъ считаться достоинствомъ, но и не всякое увеличеніе потребностей можетъ быть признано, съ точки зрѣнія экономической, признакомъ высшаго развитія. Если все увеличеніе производства идетъ на удовлетвореніе потребностей въ прежнемъ размѣрѣ, но только размножающагося населенія, то о высшемъ развитіи не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, не будетъ свидѣтельствовать о высшемъ развитіи населенія употребленіе всего увеличившагося дохода, напр., на потребленіе спиртныхъ напитковъ, которое теперь ежегодно обходится всѣмъ цивилизованнымъ народамъ въ 6—7 милліардовъ франковъ *). Необходимо, чтобы ростъ потребностей совершался согласно требованіямъ разума и нравственности. Такъ какъ, однако, развитіе цѣлаго ряда потребностей должно быть признано желательнымъ, между тѣмъ какъ удовлетвореніе всѣхъ ихъ невозможно, то необходимо установленіе порядка и размѣра удовлетворенія по степени важности потребностей.

Въ этомъ и долженъ заключаться разумный распорядокъ въ хозяйствахъ, при постоянномъ сообразованіи со средствами, которыми хозяйство располагаетъ. Образчикомъ такого разумнаго распорядка могутъ служить бюджеты государствъ, сводимые безъ дефицитовъ и безъ излишковъ.

Если бы собранныя относительно какого либо народа статистическія данныя обнаружили, что, напр., на увеселенія, роскошь тратится весьма много въ то время, когда не были бы удовлетворены въ должномъ размѣрѣ насущныя потребности всего населенія, то это свидѣтельствовало бы или объ отсутствіи разумнаго

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ на спиртные напитки въ теченіе 10 лѣтъ непосредственно издержано 7—8 милліардовъ франковъ. Алкоголь отправилъ 138.000 человѣкъ въ тюрьмы и рабочіе дома, вызвалъ 100.000 самоубійствъ, отправилъ 100.000 дѣтей въ пріюты и сдѣлалъ 200 000 женщинъ вдовами и 1.000.000 человѣкъ сиротами (Лавелэ).

распорядка въ хозяйствахъ, или о существованіи въ населеніи чрезвычайно рѣзкихъ имущественныхъ различій.

Причиной перваго можетъ быть обстоятельство, на которое уже приходилось указать,—стремленіе къ подражанію болѣе зажиточнымъ классамъ, что сильнѣе развито скорѣе у средняго, чѣмъ у нисшаго класса. Подражаніе ограничивается внѣшностью. Послѣдовательность въ удовлетвореніи потребностей (по мѣрѣ ихъ важности) богатаго класса скрыта отъ массы, но она видитъ бросающуюся въ глаза роскошь туалетовъ, пиры и балы, и въ этомъ тянется за богатыми. Въ результатѣ — нарушеніе равновѣсія въ бюджетѣ хозяйства.

Бороться съ указаннымъ недостаткомъ должно или прямо путемъ проведенія въ жизнь мѣръ, противудѣйствующихъ развитію вредныхъ потребностей, какъ, напр., велась борьба съ пьянствомъ въ Швеціи (Готтенбургская система), или косвенно—распространеніемъ въ населеніи правильной оцѣнки и правильнаго пониманія важности разумнаго распорядка въ удовлетвореніи потребностей, что достигается путемъ развитія образованія. Но всегда должно стремиться къ достиженію поставленной цѣли, по возможности, чрезъ посредство свободнаго сознанія населенія, если не хотятъ совершенной гибели личной свободы и полнѣйшей регламентаціи на подобіе „арестантскаго дома“ (Cohn).

Должно стремиться, чтобы понятіе „необходимаго“ minimum'а средствъ и потребностей постоянно прогрессировало, но именно въ смыслѣ разумно-необходимаго. Мы и теперь видимъ, что условія жизни американскаго или англійскаго рабочаго далеко не похожи на условія нашего работника, хотя обѣ нормы тѣми и другими считаются необходимымъ minimum'омъ. Въ отношеніи обезпеченія и поднятія этой нормы общество и особенно государство, какъ союзъ принудительный, могутъ и должны оказывать свое вліяніе путемъ обезпеченія населенію возможности удовлетворять признаваемымъ въ данное время, въ данномъ мѣстѣ, необходимымъ общественнымъ потребностямъ за счетъ общества, если не всѣмъ общественнымъ группамъ, въ виду имущественной недостаточности нѣкоторыхъ, можетъ быть доступно удовлетвореніе этихъ потребностей своими силами. Но только по отношенію къ этому minimum'у умѣстно обезпеченіе со стороны общества и государства удовлетвореніе потребностямъ неимущихъ на средства общегосударственныя, собранныя съ болѣе зажиточныхъ классовъ. Идти

далѣе, стремиться къ полному имущественному равенству было бы не только недостижимо, но и неразумно, такъ какъ полное равенство средствъ и потребностей было бы равносильно съ остановкой развитія общества, означало бы и полнѣйшій застой. Неравенство средствъ и потребностей должно признать залогомъ и необходимымъ условіемъ прогресса. Едва ли, однако, свидѣтельствуетъ о здоровьѣ организма, если различія такъ значительны, что для однихъ возможно удовлетвореніе самыхъ изысканныхъ потребностей роскоши, тогда какъ другіе, не по своей винѣ, не имѣютъ необходимыхъ средствъ къ существованію. Путемъ политики налоговъ государственная власть можетъ для устраненія подобныхъ случаевъ оказать большое вліяніе, хотя при этомъ должна быть постоянно рекомендуема крайняя осмотрительность съ одной стороны, чтобы не была чрезмѣрно стѣснена сфера частныхъ хозяйствъ, а съ другой—въ виду того, что одно ограниченіе свободы влечетъ за собою логически другое; такъ, напр., за обложеніемъ имущихъ налогомъ для содержанія бѣдныхъ слѣдовало бы стѣснить свободу бѣдныхъ производить потомство, такъ какъ иначе первоначальная цѣль никогда достигнута не будетъ. Изученіе хозяйства государства и дѣятельности общественной и государственной, въ видахъ обезпеченія населенію удовлетворенія извѣстныхъ потребностей, является задачей наукъ финансоваго и полицейскаго права, почему въ дальнѣйшемъ изложеніи рѣчь будетъ идти главнѣйшимъ образомъ о хозяйствахъ частныхъ.

Литература: Roscher. System der Volkswirthschaft. B I (1887 г.), II (1888 г.) и III (1887 г.). Knies Die Politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, 1883. Wagnes. Lehrbuch der polit. Oekonomie. Grundlegung. 2 Aufl., 1879; 3 Aufl.. I Th 1892. Schaffle Bau und Leben des socialen Korpers 2 Aufl 1881. Его же. Das Gesellschaftliche System 3 Aufl. 1873. Cohn Grundlegung der National-Oekonomie. 1885. Stein. Lehrbuch der National-Oekonomie 3 Aufl. 1887. Sax. Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. 1887. Schönberg Handbuch der polit. Oekonomie. 3 Aufl. 1890—91. Conrad, Lexis, etc. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1889—93. Philippovich Grundriss der polit. Oekonomie. 1893.

Block. Les progrès de la science économique. 1890. Gide Principes d'économie politique. 3 éd. 1891. Cauwès. Cours d'économie politique. 2 éd. 1882 Levasseur. Précis d'économie politique 1883 Molinari. Notions fondamentales d'économie politique. 1891. Его же. Précis d'économie politique et de morale. 1893. Baudrillard. Des rapports de l'économie politique et de la morale 2 éd. 1883. Leroy-Beaulieu. L'état moderne. 1890. Villey. Du role de l'état dans l'ordre économique. Ives Guyot. La science économique. 1890. L. Say. Dictionnaire d'économie politique. 1890—92.

А. Смитъ Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ (переводъ). 1866 г Рикардо Сочиненія (переводъ). 1882 г. Мальтусъ Опытъ о законѣ населенія (переводъ). 1866 г Миллъ. Основанія политической экономіи (переводъ). 2 изд. 1874 г Бунге. Основанія политической экономіи. 1870 г. Капустинъ. Чтеніе о политической экономіи. 1879 г. Шторхъ. Курсъ полит. экономіи (переводъ) Горловъ. Начало полит. экономіи. 1862 г 1881. Вреденъ Курсъ полит экономіи, 2 изд. 1880 г. Ходскій. Полит. экономія, 2 изд. 1887 г. Иванюковъ. Политическая экономія, 3 изд. 1891 Чупровъ. Политическая экономія 1892 г. Моревъ. Руководство полит. экономіи. 1892 г. Антоновичъ. Курсъ полит экономіи. 1886 г Шихно. Основанія полит. экономіи, 1 вып. 1890 г.

Кромѣ указанныхъ выше сочиненій общаго характера, названія которыхъ мы не будемъ приводить при всѣхъ послѣдующихъ отдѣлахъ, во избѣжаніе излишнихъ повтореній, хотя они и относятся ко всѣмъ имъ, въ частности для перваго отдѣла укажемъ еще на слѣдующія сочиненія: Миллъ. Система логики (переводъ) 1867 г. Schmoller. Einige Grundfragen des Rechts und der Wirthschaft. 1875. Hermann. Staatswirthschaftliche Untersuchungen. 2 Aufl. 1874. Rümelin Reden und Aufsätze (Ueber den Begriff eines socialen Gesetzes, Zur Theorie der Statistik и др. Quételet Physique sociale. 1869. Schäffle. Gesammelte Aufsatze (Mensch und Gut in der Wirthschaft, Die ethische Seite der nationalökonom. Lehre vom Werthe etc.). 1885. Neurath. System der socialen und politischen Oekonomie, L 1 1889, Schmoller. Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Socialwissenschaften 1888. Brentano Die klassische Nationalökonomie. 1888 Miaskowski. Die Anfänge der Nationalökonomie. 1891. Ingram. Die nothwendige Reform der Volkswirthschaftslehre (переводъ). 1879. Sax. Das Wesen und die Aufgaben der Nationalokonomie. 1884. Berghoff-Ising. Ueber die historisch-ethische Richtung in der Nationalökonomie. 1889. Sax. Die neuesten Fortschritte der nationalokonomischen Theorie. 1889. Philippovich. Ueber Aufgabe und Methode der polit Oekonomie. 1886. Menger. Zur Methodologie der Socialwissenschaften. 1883. Его-же. Die Irrthümer des Historismus. 1884. Его-же. Zur Kritik der politischen Oekonomie. 1887 Schmoller. Zur Methodologie der Staats- und Sozialwissenschaften (Jahrbuch f. Gesetzgebung etc) 1883. Dargun. Egoismus und Altruismus in der Nationalökonomie. 1885. Neumann. Naturgesetz und Wirthschaftsgesetz (Tübing. Zeitschrift) 1892. Schäffle. Quintessenz des Sozialismus. 12 Aufl. 1890. Schaefer, Die Unvereinbarkeit des sozialist. Zukunftstaates mit der menschl. Natur. 4 Aufl. 1890. Schäffle. Die Aussichtslosigkeit der Sozialdemokratie. 1887 Янсонъ. Сравнительная статистика населенія. 1892 г. Георгіевскій. Обезселеніе Франціи. Его же. О соотношеніи числа новорожденныхъ по полу. (Труды О. Охр. Нар. Здрав.). Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской позем. общины 1880 г. Посниковъ. Общинное землевладѣніе. Вып. I и II. 1876 и 1877 гг. Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики, т. I, 1892 г. Георгіевскій. Очеркъ быта сельской общины. (Журналъ „Слово“ 1879 г.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Совокупность процессовъ, изъ которыхъ и слагается народное хозяйство, обыкновенно разсматривается въ четырехъ отдѣлахъ—*производства, обращенія, распредѣленія* и *потребленія цѣнностей*. Въ пользу такого дѣленія могутъ быть приведены слѣдующія соображенія. Человѣкъ, побуждаемый стремленіемъ удовлетворить своимъ потребностямъ, прежде всего долженъ направить свои усилія на производство тѣхъ средствъ, которыми онъ могъ бы устранить непріятное чувство лишенія, недостатка. Если бы каждый человѣкъ порознь производилъ все, что для него нужно, то за производствомъ слѣдовало бы непосредственно потребленіе; но человѣкъ живетъ и ведетъ хозяйство въ обществѣ себѣ подобныхъ. Отдѣльное лицо производитъ обыкновенно только опредѣленные продукты, которые, можетъ быть, ему самому и совершенно не нужны, но которые нужны другимъ людямъ, готовымъ въ *обмѣнѣ* за нихъ дать производителю необходимыя для удовлетворенія его потребностей средства. Такъ какъ, опять-таки, производство ведется въ обществѣ такимъ образомъ, что нѣсколько лицъ соединяются, на различныхъ условіяхъ, ради болѣе успѣшнаго производства продуктовъ, то слѣдовательно, является необходимость *распредѣлить* полученныя цѣнности между лицами, содѣйствовавшими ихъ полученію.

Такимъ образомъ, ранѣе *потребленія* цѣнностей необходимо разсмотрѣть еще ихъ *обращеніе* и *распредѣленіе*.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Производство цѣнностей.

Матерія вѣчна: ни одинъ атомъ ея не уничтожается и не создается; поэтому, когда въ нашей наукѣ рѣчь идетъ о производствѣ, то имѣется въ виду или 1) лишь такое перемѣщеніе отдѣльныхъ долей матеріи, даваемой природой, такое видоизмѣненіе ихъ, благодаря которому они становятся или *вообще*, или *болѣе* пригодными удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, или 2) оказаніе разнаго рода услугъ, т. е. имѣется въ виду полученіе новыхъ вещественныхъ или невещественныхъ *цѣнностей*.

При всѣхъ видоизмѣненіяхъ вещества человѣкъ пользуется свойствами самой матеріи, силами природы; такъ, напримѣръ, ткачъ сближаетъ лишь волокна, которыя удерживаются силою сцѣпленія; человѣкъ вдвигаетъ зерна въ землю — и естественныя растительныя силы производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плоды и т. д. Все, чѣмъ располагаетъ человѣкъ при производствѣ, это — приведеніе матеріи въ движеніе. Опредѣленіе границъ между производствомъ вещественныхъ и невещественныхъ цѣнностей часто оказывается совершенно невозможнымъ; напримѣръ, картина художника состоитъ изъ вещества: полотна и красокъ, но, конечно, не отъ нихъ зависитъ ея цѣнность, а отъ искусства и мысли, которыя проявилъ художникъ, пользуясь матеріей.

Производство цѣнностей вообще основано частью на содѣйствіи природы, частью на дѣятельности человѣка.

Три главныхъ вида созданія вещественныхъ цѣнностей суть: 1) открытія, 2) перемѣщенія вещества (въ пространствѣ и времени) и 3) приведеніе частицъ матеріи въ такое соотношеніе, при которомъ силы природы дѣйствуютъ соотвѣтственно цѣлямъ человѣка. Примѣрами могутъ служить: гутта-перча, которая стала извѣстна всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, ледъ, который перевозится на корабляхъ изъ Ледовитаго океана въ Новый-Орлеанъ и чрезъ это становится цѣнностью, всякая ткань, всякая спаянная вещь и т. д.

Для полученія новыхъ цѣнностей необходимо затрачиваются прежде полученныя цѣнности, такъ что производство связывается съ разрушеніемъ цѣнностей и представляетъ собой собственно *воспроизведеніе* цѣнностей. Въ томъ случаѣ, если въ результатѣ производства получается большая цѣнность, чѣмъ какая была затрачена, производство считается *хозяйственнымъ* и наоборотъ. При этомъ, однако, необходимо различать частную и общеэкономическую точку зрѣнія: съ первой рѣшающимъ моментомъ является полученіе большей *мѣновой* цѣнности, тогда какъ съ послѣдней — большей цѣнности *въ употребленіи*. Напр., для земледѣльца чрезвычайное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ во время неурожаевъ можетъ сдѣлать такой годъ болѣе доходнымъ, чѣмъ урожайный, тогда какъ съ общеэкономической точки зрѣнія болѣе выгоднымъ является послѣдній.

По цѣли, ради которой ведется производство, можно различать: 1) такое, гдѣ въ виду имѣется удовлетвореніе потребностей

производителя и его семейства, или же 2) промышленное, подъ которымъ разумѣется производство по заказу или на сбытъ, т. е. ради удовлетворенія данными продуктами потребностей другихъ лицъ, а не производителя и его семьи. Различіе производства въ томъ и другомъ случаяхъ сводится къ тому, что въ 1) — оно заканчивается съ его техническимъ окончаніемъ, тогда какъ во 2) законченнымъ можетъ считаться лишь тогда, когда продуктъ перейдетъ въ руки покупателя. Если относительно несовершеннаго промышленнаго производства—по заказу—далеко не всегда требуется дальнѣйшая дѣятельность за техническимъ окончаніемъ производства продукта, что бываетъ, напримѣръ, при заказахъ обуви, платья и т. п. со стороны иногородныхъ или иностранныхъ заказчиковъ, то это является при совершенномъ промышленномъ производствѣ—на сбытъ—общимъ правиломъ. Въ этомъ случаѣ къ производству относятъ всѣ тѣ операціи, которыя оказываются необходимыми до момента поступленія продукта на рынокъ, такъ что сюда придется отнести провозъ товара и издержками *производства* должно считать, напримѣръ, и стоимость доставленія продукта на рынокъ такъ же точно, какъ въ издержки производства пошедшихъ на него матеріаловъ естественно вошли и издержки доставленія ихъ до самаго пункта производства продукта, о которомъ идетъ рѣчь. Промышленное производство является господствующимъ въ настоящее время и вообще можно сказать, что въ экономически-развитомъ обществѣ каждый производитъ то, что для него лично не нужно и, наоборотъ, чѣмъ болѣе низкую ступень развитія экономическаго мы будемъ разсматривать, тѣмъ болѣе (но не полнѣе), замѣтимъ, производитель удовлетворяетъ своимъ потребностямъ своимъ собственнымъ трудомъ.

Средства для удовлетворенія потребностей даются прежде всего внѣшней физической природой, которая служитъ цѣлямъ человѣка тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе труда онъ затрачиваетъ на ея изученіе и видоизмѣненіе, причемъ успѣшность такихъ затратъ стоитъ въ сильной зависимости отъ созданія человѣкомъ себѣ пособниковъ въ видѣ различныхъ орудій, инструментовъ и т. п., благодаря которымъ значительно увеличиваются силы человѣка при обращеніи имъ внѣшней физической природы себѣ на служеніе.

Согласно сказанному для производства необходимо участіе природы, труда и орудій производства (капитала), которые и называются *факторами производства.*

*

Роль каждаго изъ нихъ представляется различной въ зависимости отъ условій мѣста и времени, какъ равно и отрасли производства, на что намъ приходилось уже указывать. Экономическое развитіе выражается постепеннымъ ослабленіемъ той полной зависимости, въ которой первоначально человѣкъ находится отъ внѣшней физической природы: живетъ лишь тѣмъ, что *природа* даетъ ему сама, трудъ же сводится, почти исключительно, къ овладѣнію; затѣмъ, мало-по-малу, человѣкъ начинаетъ видоизмѣнять даваемое природой, направлять ея силы соотвѣтственно своимъ цѣлямъ,—здѣсь большее значеніе пріобрѣтаетъ и постепенно выдвигается на первый планъ *трудъ* человѣка. Слабость физическихъ силъ, данныхъ природой человѣку, является значительнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія; человѣкъ ведетъ, при помощи силы ума, борьбу съ природой не только внѣ себя, но и въ самомъ себѣ: слабость своихъ внѣшнихъ чувствъ и мускуловъ вознаграждаютъ изобрѣтаемыя имъ орудія; вѣтеръ, вода, паръ, электричество и т. п. обращаются человѣкомъ въ средства для полученія отъ природы тѣхъ цѣнностей, которыя были бы недоступны человѣку при приложеніи однихъ силъ, присущихъ его организму. На этой ступени экономическаго развитія орудія производства (или *капиталъ*) пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе. Такимъ образомъ на разныхъ ступеняхъ экономическаго развитія то одинъ, то другой факторъ производства играетъ болѣе выдающуюся роль. То же можно замѣтить и относительно отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльныхъ отраслей производства; напр., откормка скота въ Техасѣ требуетъ главнымъ образомъ содѣйствія природы; при занятіи земледѣліемъ у насъ, по крайней мѣрѣ, на крестьянскихъ земляхъ уже болѣе значительную роль играетъ трудъ человѣка; онъ выдвигается на первый планъ, напр., въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ; а на фабрикахъ и заводахъ обнаруживается господство капитала въ видѣ безчисленнаго множества машинъ, за которыми человѣкъ только наблюдаетъ, давъ имъ первый толчекъ, пустивъ ихъ въ дѣйствіе.

Остановимся теперь на разсмотрѣніи каждаго изъ факторовъ производства порознь.

I.

Все вещество и силы, существующія въ мірѣ, объединяются подъ именемъ природы. Разсматривая однако ее, какъ факторъ

производства, мы исключаемъ изъ нея человѣка, относя разсмотрѣніе и физическихъ его свойствъ къ отдѣлу, трактующему о трудѣ.

Элементы перваго фактора производства можно различить прежде всего на *допускающіе присвоеніе и ограниченные въ количествѣ и недопускающіе таковаго и неограниченные.* Къ послѣдней категоріи придется отнести, напр., свѣтъ, воздухъ и т. п., къ первой—землю, животныхъ, растенія и т. д. Между этими двумя группами стоятъ такіе дары природы, которые ограничены и допускаютъ присвоеніе, но только не индивидуальное, а коллективное, какъ, напр., прибрежное море, живописность мѣстности и т. п.

Остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ элементахъ и взглянемъ на ихъ значеніе.

Климатъ имѣетъ рѣшающее значеніе, причемъ особенно для насъ важны его *теплота и влажность.* Тамъ, гдѣ слишкомъ холодно, въ полярныхъ странахъ, почти никакое производство немыслимо; тамъ, гдѣ хотя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ средняя температура стоитъ выше $+20^{\circ}$, напряженный трудъ человѣка невозможенъ. Въ умѣренномъ поясѣ трудовая энергія человѣка достигаетъ высшаго развитія. Но и тутъ мы находимъ важныя различія. Средняя годовая температура опредѣляетъ границы для разведенія тѣхъ или другихъ растеній. Такъ, напр., въ Европѣ пшеница не можетъ рости дальше 60°, рожь — 67°, ячмень — 70° сѣверной широты. Нужно замѣтить, что возможность произрастанія зависитъ также отъ распредѣленія температуры въ теченіе года, потому что нѣкоторыя растенія переносятъ суровую зиму, но для своего созрѣванія требуютъ непремѣнно жаркаго лѣта. Поэтому получаютъ значеніе линіи равной лѣтней (изотеры) и равной зимней (изохимены) температуры. На Западѣ, при тѣхъ же широтахъ, гораздо короче зима и продолжительнѣе весна и лѣто. Въ окрестностяхъ Эдинбурга ростъ травъ не прекращается и зимою, такъ что скотъ почти всю зиму можетъ находиться на пастбищѣ, а въ Москвѣ насчитывается въ среднемъ 150 дней, когда средняя температура сутокъ бываетъ ниже нуля. Чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ большее количество земли можетъ быть употреблено подъ обработку; въ мѣстностяхъ, близкихъ къ полюсу, плодородная земля ограничивается однѣми низменностями; по мѣрѣ же приближенія къ экватору, переходитъ на мѣста, лежащія выше надъ уровнемъ моря. Такъ, въ Норвегіи снѣговая линія начинается на высотѣ 2.200 футовъ,

между тѣмъ, какъ въ Мексикѣ — на высотѣ 13.860 фут., а въ Квито — на высотѣ 14.350 фут.; скалы, никуда не годныя на сѣверѣ, служатъ лучшимъ мѣстомъ для разведенія винограда на югѣ. Далѣе, на югѣ, тѣ же самыя произведенія отличаются иными качествами, нежели въ болѣе сѣверныхъ полосахъ; испанская пшеница даетъ меньше отрубей при размолѣ и, слѣдовательно, больше мучнистаго вещества, чѣмъ русская. Но важнѣе всего то обстоятельство, что въ болѣе тепломъ климатѣ плоды успѣваютъ созрѣвать ранѣе, вслѣдствіе чего является возможность нѣсколько разъ въ теченіе года воспользоваться производительными силами почвы, что и дѣлается, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и Бельгіи, гдѣ послѣ первой жатвы на той же землѣ разводятся кормовыя травы. Наконецъ, жители теплыхъ странъ имѣютъ громадное преимущество передъ жителями сѣвера въ томъ отношеніи, что могутъ растянуть полевыя работы на болѣе продолжительное время. Во Франціи и Италіи есть мѣста, гдѣ полевыми работами можно заниматься около 300 дней въ году. Въ окрестностяхъ Орлеана или Майнца, говоритъ Гакстгаузенъ, сельскія работы могутъ продолжаться около 7 мѣсяцевъ, а на сѣверѣ Россіи не болѣе 4 мѣсяцевъ; отсюда слѣдуетъ, что, если опредѣленный результатъ получается около Орлеана или Майнца работой 4 человѣкъ и 4 лошадей, то на сѣверъ отъ Волги для того потребуется 7 человѣкъ и 7 лошадей.

Другое климатическое условіе, важное въ хозяйствѣ народа, есть *влажность*. Влажность, измѣряемая общимъ количествомъ осадковъ, выпадающихъ въ теченіе года, представляетъ крупныя различія по мѣстностямъ. Такъ, въ Москвѣ количество осадковъ въ годъ равняется 57 сантиметрамъ, въ сѣверной Франціи и Германіи — 68 сант., въ Западной Англіи — 92 сант., въ Италіи — 122 сант. При оцѣнкѣ влажности въ ея отношеніи къ хозяйству важно не только общее количество выпадающихъ осадковъ, но также число дождливыхъ и снѣжныхъ дней, равно какъ распредѣленіе какъ общей суммы осадковъ, такъ и числа дождливыхъ дней по частямъ года. Правильное орошеніе служитъ однимъ изъ необходимѣйшихъ условій сколько нибудь успѣшнаго земледѣлія. Наша степная полоса, при превосходномъ химическомъ составѣ почвы не такъ производительна, какъ могла бы быть, именно потому, что она страдаетъ отъ частыхъ и продолжительныхъ за-

сухъ*). Вслѣдствіе скуднаго орошенія нашей черноземной полосы, колебанія урожаевъ тамъ настолько значительны, что сельское хозяйство во многихъ мѣстахъ ея принимаетъ характеръ азартной игры. Съ 1870 по 1876 г. разность между наибольшею и наименьшею жатвою во всей Европейской Россіи составляла не болѣе 28% средняго урожая за это время, въ степныхъ же губерніяхъ—86%. „При степномъ хозяйствѣ, говоритъ кн. Васильчиковъ, все зависитъ отъ климатическихъ случайностей, или отъ дуновенія сѣверовосточнаго или югозападнаго вѣтра, или отъ мглы и удушливаго зноя, навѣваемаго изъ среднеазіатскихъ пустырей **). Но вліяніе *климата* на хозяйство народа не ограничивается еще его вліяніемъ на производство цѣнностей; отъ него же зависитъ въ значительной степени самый размѣръ самыхъ насущныхъ, необходимыхъ потребностей человѣка: въ тепломъ климатѣ не требуется такихъ значительныхъ затратъ труда и капитала на устройство жилищъ, на отопленіе ихъ, на изготовленіе теплаго платья, на полученіе, развивающей большее количество теплоты, животной, болѣе дорогой, пищи, какъ то находимъ въ болѣе холодныхъ мѣстностяхъ.

Географическое положеніе страны, береговая линія, наличность судоходныхъ рѣкъ, выгодно расположенныхъ, *гористость* или *равнинность* и т. д. равнымъ образомъ имѣютъ весьма большое значеніе. Всѣ государства, бывшія вожаками культуры, имѣли значительную береговую линію: стоитъ припомнить только Финикію, Грецію, Римъ. Если мы возьмемъ цѣлыя части свѣта, то и здѣсь замѣтимъ параллелизмъ развитія культуры и береговой линіи: въ Европѣ на 1 милю берега приходятся 40 кв. миль материка, въ Южной Америкѣ—97 кв. м., въ Азіи—105 кв. м., въ Африкѣ—152 кв. м. Рѣки, какъ и море, не только въ древности, но и до послѣднихъ десятилѣтій являлись наиболѣе удобными путями сообщенія, чѣмъ и объясняется значеніе ихъ для всего развитія человѣчества. Выгодное расположеніе ихъ весьма важно. Напр., наша Волга имѣетъ на низовьяхъ хлѣбородныя губерніи, такъ что перевозка по ней хлѣба не оказывается такъ выгодна, какъ напр., сплавъ по Днѣпру лѣса, находящагося на его верховьяхъ въ изобиліи, въ нуждающіяся въ немъ мѣстности, расположенныя на низовьяхъ рѣки; затѣмъ Волга впадаетъ въ закрытое море,

*) Чупровъ, ук. соч., стр. 116 и слѣд.

**) Антоновичъ, ук. соч., стр. 135.

не дающее выхода тѣмъ товарамъ, которые могли бы по Волгѣ быть сплавлены, побережья же не представляютъ значительныхъ рынковъ. Конечно, въ гораздо лучшемъ положеніи стоитъ прирейнское населеніе, имѣющее возможность Рейномъ вывозить товары въ открытое море; къ тому же, въ зависимости отъ климата, Рейномъ нельзя пользоваться въ теченіи 30 дней въ году, когда онъ замерзаетъ, а Волгой—въ теченіе 150 дней, по той же причинѣ.

Вся совокупность даровъ природы, допускающихъ присвоеніе, распадается на слѣдующія категоріи: *пригодные служить непосредственно удовлетворенію потребностей человѣка,* или же *являющіеся только средствомъ для полученія другихъ цѣнностей.* Изобиліе послѣднихъ никогда не отзывается вредно на народномъ хозяйствѣ; чрезмѣрное изобиліе первыхъ, давая возможность безъ значительнаго напряженія силъ удовлетворять своимъ насущнымъ потребностямъ, ослабляетъ энергію человѣка въ сферѣ хозяйственной, и мы видимъ, что въ такихъ мѣстностяхъ культура не развивается до высокой степени, силы человѣка дремлютъ; подобные же результаты получаются въ полярныхъ странахъ, гдѣ крайняя скудость даровъ природы убиваетъ энергію человѣка. Наивысшаго развитія хозяйственнаго достигаютъ народы, живущіе въ умѣренномъ поясѣ, гдѣ природа даетъ человѣку средства для удовлетворенія своихъ потребностей, но не иначе, какъ послѣ борьбы, въ которой крѣпнетъ энергія и изощряется умъ человѣка, благодаря чему въ результатѣ оказывается возможнымъ для этихъ народовъ удовлетворять сравнительно гораздо большей суммѣ потребностей, не смотря на меньшую щедрость въ дарахъ природы. Между послѣдними, *способные стать мѣновыми цѣнностями,* могутъ быть раздѣлены на *движимые и недвижимые*, между которыми особую важность представляетъ *земля,* которая идетъ подъ постройки человѣка, даетъ ему *непосредственно*—въ видѣ растеній и металловъ и минераловъ, или *посредственно*—въ видѣ животныхъ, все то вещество, которое затѣмъ человѣкъ перерабатываетъ ради удовлетворенія своимъ потребностямъ. Земля первоначально, въ виду изобилія сравнительно съ потребностью въ ней, не является мѣновой цѣнностью, но затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія населенія и потребности въ ней, при ея ограниченности, она становится мѣновою цѣнностью и необходимымъ орудіемъ, средствомъ для всякаго производства, причемъ все бо̀льшее количество труда

и капитала, на нее затрачиваемое, въ нее, такъ сказать, помѣщаемое человѣкомъ, все болѣе сближаетъ ее съ другими орудіями производства, объединяемыми подъ именемъ капитала, хотя и никогда не можетъ устранить существеннаго отличія ея, какъ ограниченнаго въ количествѣ дара природы, отъ продуктовъ человѣческаго труда, допускающихъ произвольное увеличеніе. Составъ почвы, обусловливающій урожаи, богатства, находящіяся въ нѣдрахъ земли, имѣютъ громадное значеніе для хозяйства народа, которое настолько ясно, что нѣтъ нужды долго останавливаться на этомъ и достаточно будетъ указать на одинъ примѣръ. Въ Англіи въ 1884 г. добыто было каменнаго угля 163,3 мил. тоннъ, причемъ изъ этого количества въ самой странѣ потреблено 140,1 мил. тоннъ, что составитъ приблизительно 8,540 мил. пудовъ. Такъ какъ по теплотворной силѣ 100 п. угля = 1 куб. саж. дровъ, то для Англіи надо было бы потребить въ 1884 г., если бы не было угля, для полученія того же количества теплотворной силы — 85,4 мил. куб. саж. дровъ. Имѣя въ виду, что средній приростъ лѣса на десятину, и то только при самомъ высокомъ лѣсномъ хозяйствѣ, можетъ составить 1 куб. саж., Англіи надо бы имѣть подъ лѣсомъ 85,4 мил. дес. или почти 17 тыс. кв. миль, т. е. пространство почти въ три раза большее, чѣмъ вся Великобританія.

Немаловажное значеніе для народнаго хозяйства имѣютъ флора и фауна страны, дающія значительную часть матерьяла, обрабатываемаго человѣкомъ ради удовлетворенія своимъ потребностямъ.

Однако чрезвычайное развитіе растительности, какое, напр., замѣчается по берегамъ р. Амазонки, представляетъ столь значительное препятствіе для культуры, что преодолѣть его оказывается не подъ силу даже и человѣку XIX столѣтія, тѣмъ болѣе народамъ, стоящимъ на нисшихъ ступеняхъ развитія. Конечно, не менѣе невыгодна и другая крайность — отсутствіе растительности, замѣчаемое въ пустыняхъ. Равнымъ образомъ обиліе хищныхъ животныхъ, заставляющихъ человѣка значительное количество труда тратить на обезпеченіе себя отъ ихъ нападенія, отзывается невыгодно на хозяйствѣ и, наоборотъ, оно развивается тѣмъ легче и выше, чѣмъ болѣе полезныхъ растеній разводитъ человѣкъ, перемѣщая ихъ изъ разныхъ частей свѣта, чѣмъ болѣе помощниковъ, а не враговъ находитъ человѣкъ въ окружающихъ его животныхъ, которыхъ онъ и приручаетъ съ этою цѣлью. Если остановиться на одной только лошади, то, имѣя въ виду, что сила ея

=силѣ 8 человѣкъ, какое громадное пріобрѣтеніе сдѣлалъ человѣкъ чрезъ ея приручение!

Вообще, природа, по мѣрѣ изученія ея человѣкомъ, все болѣе поддается вліянію послѣдняго и, измѣняясь, въ зависимости отъ его дѣйствій, оказываетъ и на хозяйство человѣка иное вліяніе. Тамъ, гдѣ были засухи въ виду отсутствія лѣсовъ, послѣдніе разводятся человѣкомъ и влажность увеличивается; наоборотъ, вырубаетъ, напр., человѣкъ лѣса, какъ у насъ на верховьяхъ Камы,— таяніе снѣговъ совершается быстрѣе, разливы оказываются громадны, иногда опустошительны, но лѣтомъ рѣка, не питаясь отъ постепеннаго таянія, мелѣетъ; по ней уже нельзя пускать, какъ прежде, глубоко-сидящихъ, значительно нагруженныхъ судовъ. Конечно, такое воздѣйствіе человѣка невыгодно для народнаго хозяйства. Но избытокъ влажности вреденъ и устраненіе его вырубкой лѣсовъ, осушеніемъ болотъ и т. п. увеличиваетъ полезную человѣку производительную поверхность. „Въ половинѣ XVII в. пахатныя земли и пастбища занимали, по словамъ Маколея, никакъ не болѣе трети всей территоріи Соединеннаго Королевства; остальная часть его была покрыта лѣсами и болотами; теперь же непроизводительная площадь во всемъ королевствѣ составляетъ не болѣе 27% территоріи, а собственно въ Англіи— не болѣе 22%. Во Франціи, чрезъ осушеніе дюнъ въ мѣстности, лежащей по берегу Бискайскаго моря, пріобрѣтены для культуры цѣлые десятки тысячъ гектаровъ. Подобные же результаты имѣло у насъ осушеніе Пинскихъ болотъ. Въ Голландіи, въ періодъ 1840—53 г., было осушено Гарлемское озеро, на бывшемъ днѣ котораго теперь находятся отличныя поселенія, имѣющія въ совокупности до 10.000 человѣкъ“ (Чупровъ).

Человѣкъ прорываетъ горныя цѣпи, бывшія для него недоступными *), соединяетъ рѣки и моря каналами, даже замѣняетъ до извѣстной степени сѣтью каналовъ внутренніе водные пути; проводитъ шоссе, желѣзныя дороги, изобрѣтаетъ паровой двигатель и совершенно реформируетъ пути сообщенія. Измѣняетъ онъ и составъ почвы, искусственно доставляя ей то, чего въ данной мѣстности она не имѣла (удобреніе); полнѣе и лучше утилизируетъ ея силы, слѣдуя извѣстной системѣ, мѣняя изъ году въ годъ воздѣ-

*) Въ 1880 г. окончено прорытіе Сенъ-Готтардскаго туннеля, протяженіемъ 15 километровъ, стоимостью около 200 милл. фр.

лываемые имъ продукты, въ зависимости отъ того, какихъ веществъ въ почвѣ остается больше.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ, однако, тѣ двигатели, которыхъ частью природа даетъ, такъ сказать, въ готовомъ видѣ, частью на открытіе и приспособленіе которыхъ человѣку потребовалось много труда и времени для достиженія имъ поставленныхъ себѣ цѣлей. Движущая сила теченія воды и вѣтра была извѣстна людямъ съ древности и они пользовались тѣмъ и другимъ для перевозки, для вращенія мельничныхъ крыльевъ. Но ихъ существенные недостатки — случайность, независимость отъ воли человѣка и, такъ сказать, прикрѣпленность (относительно силы теченія) къ извѣстному мѣсту. И теперь еще имѣются громадныя силы этихъ категорій, которыми человѣкъ не умѣетъ воспользоваться; такова, напр., сила морскихъ приливовъ и отливовъ, сила водопадовъ, изъ которыхъ силы одного Ніагарскаго достаточно было бы для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ машинъ Англіи! Циклонъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ своего существованія, развиваетъ силу, которой достаточно было бы, чтобы приводить въ дѣйствіе всѣ машины свѣта въ теченіе 1.000 лѣтъ! (Gide). Но человѣкъ не съумѣлъ еще подчинить его себѣ, сдѣлать изъ него себѣ полезнаго помощника. Тѣмъ и важенъ *паръ* для человѣка, что онъ вполнѣ во власти человѣка: *гдѣ*, *когда* и *сколько* силы человѣкъ хочетъ развить, столько и развиваетъ и до тѣхъ поръ, *пока* желаетъ. Задача техники,—какъ бы создать такія приспособленія, при помощи которыхъ можно было *накоплять* движущую силу и *переносить* ее куда и сколько окажется желательнымъ. Можетъ быть при помощи *электричества*, новой силы, служащей человѣку, это и удастся.

Измѣняя такимъ образомъ внѣшнюю физическую природу человѣкъ чрезъ это измѣняетъ и ея вліяніе на себя, на всю его жизнь. Всѣ тѣ перемѣны, которыя человѣкъ въ состояніи произвести въ первомъ факторѣ производства, имъ совершаются чрезъ посредство двухъ другихъ факторовъ — труда и капитала.

II.

Вторымъ факторомъ производства является трудъ, подъ которымъ разумѣются усилія, дѣлаемыя человѣкомъ въ видахъ полученія новыхъ или большихъ цѣнностей. Въ соотвѣтствіи съ различіемъ цѣнностей и трудъ можетъ различаться какъ направлен-

ный на производство вещественныхъ или невещественныхъ цѣнностей. Первый видъ труда можетъ быть сведенъ въ слѣдующія группы: 1) завладѣніе; 2) производство сырья; 3) переработка сырья, которая можетъ распадаться и обыкновенно распадается на нѣсколько операцій, пока наконецъ не получится цѣнность, которою уже непосредственно можетъ быть удовлетворена потребность человѣка; 4) доставленіе цѣнностей потребителямъ, и 5) открытія и изобрѣтенія. Послѣдняя категорія можетъ, однако, входить и въ составъ труда, направляемаго на производство невещественныхъ цѣнностей — услугъ разнаго рода, если открытіе касается не какой либо матерьяльной цѣнности (напр. гуттаперчи), а напр. какого либо закона; изобрѣтеніе, какъ бы оно геніально ни было, до приложенія его на практикѣ остается, какъ продуктъ чисто умственнаго труда, невещественной цѣнностью. Вообще здѣсь приходится повторить то же, что уже ранѣе было сказано относительно трудности указать границы между вещественнымъ и невещественнымъ производствомъ. Не разрѣшается этотъ вопросъ и дѣленіемъ труда на умственный и физическій, дѣленіемъ, однако, имѣющимъ для науки народнаго хозяйства громадную важность и основаннымъ на различеніи двухъ сторонъ природы человѣка. Не разрѣшается потому, что нѣтъ такого труда физическаго, въ которомъ не было бы и доли труда умственнаго и наоборотъ. И при самомъ простѣйшемъ механическомъ трудѣ, напр., открывать и закрывать кранъ, всетаки необходимо уразумѣть, понять, что должно дѣлать. Наоборотъ, какой бы отвлеченный предметъ ни изучался, результатъ труда не можетъ быть выраженъ иначе, какъ при помощи труда физическаго: словами, письменно, построеніемъ модели, чертежомъ и т. п. Однако невозможность проведенія границы между трудомъ того и другаго рода не уничтожаетъ важности этого дѣленія, хотя всегда можно говорить только о преобладаніи того или другаго рода труда.

Физическій трудъ человѣка и до настоящаго времени сохраняетъ громадное значеніе, хотя оно въ историческомъ развитіи относительно уменьшается, такъ какъ человѣкъ, при помощи ума, привлекаетъ на служеніе себѣ физическія силы природы, заставляя ихъ все болѣе и болѣе выполнять ту работу, которая иначе легла бы на самого человѣка. Успѣшность физическаго труда человѣка прежде всего стоитъ въ зависимости отъ физической силы работника, которая опредѣляется условіями естественными, и отъ усло-

вій характера соціальнаго. Полъ, возрастъ естественно вліяютъ на силу; высокая температура дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ; наконецъ, и отъ расовыхъ различій зависитъ сила рабочаго. Были сдѣланы наблюденія надъ рабочими при земляныхъ работахъ, причемъ оказалось, что, если работу англичанина выразить=1, то работа француза или нѣмца окажется равной—0,75 до 0,90, южно-европейца — 0,60 до 0,85, сильнаго индѣйскаго рабочаго — 0,49 до 0,70, а *слабаго* — 0,25 до 0,40. Довольно близкое отношеніе оказывается и въ работѣ каменьщиковъ разныхъ націй (Чупровъ). Среда общественная, ея условія также оказываютъ чрезвычайно сильное вліяніе на успѣшность труда. Подъ вліяніемъ установившихся обычаевъ, вознагражденіе рабочаго въ одномъ мѣстѣ даетъ ему возможность лучше удовлетворять своимъ потребностямъ, чѣмъ въ другомъ, и въ результатѣ развивать и большую физическую силу; или же общественность дѣйствуетъ инымъ путемъ: установленіе такого способа вознагражденія, при которомъ рабочій ясно видитъ зависимость размѣровъ таковаго отъ своего прилежанія, развиваетъ послѣднее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣшность труда; хорошія привычки среди рабочихъ, усидчивость естественно прививаются и всякому новичку-рабочему, какъ и наоборотъ, нерадивость, медлительность, лѣность отзывается на всякомъ входящемъ въ такую среду. Нравственное развитіе, чувство долга еще инымъ способомъ содѣйствуютъ успѣшности труда: они уменьшаютъ или даже доводятъ до нуля издержки по надзору за рабочими. Конечно, презрительное отношеніе къ труду или, напротивъ, уваженіе, съ которымъ общество относится къ трудящемуся, всегда оказывало большое вліяніе на успѣшность труда. Наконецъ, послѣдняя зависитъ отъ развитія умственной силы въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ обществѣ, т. е. мы приходимъ къ необходимости разсмотрѣть зависимость успѣшности физическаго труда отъ труда умственнаго.

Но прежде взглянемъ, что дѣлаетъ этотъ послѣдній, къ какимъ результатамъ приводитъ приложеніе его по отношенію къ народному хозяйству. Изученіе природы приводитъ къ открытію новыхъ полезностей: чѣмъ ранѣе человѣкъ не умѣлъ пользоваться, такъ какъ не зналъ свойствъ (напр. разныя лѣкарства), то съ ознакомленіемъ пріобрѣтаетъ громадную цѣнность. Не останавливаясь на этомъ, умъ стремится облегчить способъ полученія цѣнностей,— уменьшить затраты; съ этою цѣлью онъ изобрѣтаетъ и совершен-

ствуетъ орудія производства. Умственное развитіе увеличиваетъ трудоспособность рабочаго, развиваетъ въ немъ смѣтливость и, наконецъ, благодаря ему, *организуется* производство: опредѣляется не только наиболѣе выгодное для производства соотношеніе факторовъ, но и проводится дѣленіе труда, спеціализація занятій и сочетаніе труда. На разсмотрѣніи этого мы остановимся послѣ ознакомленія съ третьимъ факторомъ производства—капиталомъ, а теперь, для большей полноты характеристики умственнаго труда, необходимо обратить вниманіе на его особенности. Какъ за всякій полезный трудъ, и за умственный должно быть дано вознагражденіе его представителю. Однако, при физическомъ трудѣ пользуются физическими силами именно даннаго рабочаго, съ нимъ вмѣстѣ являющимися, развивающимися и исчезающими. Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло относительно труда умственнаго: въ этой сферѣ человѣкъ стоитъ, такъ сказать, на плечахъ всѣхъ прошедшихъ поколѣній и дѣлаетъ только шагъ впередъ, далѣе по пути, уже пройденному до него; онъ производитъ открытія, улучшенія, изобрѣтенія, пользуясь всѣмъ запасомъ знанія, накопленнаго благодаря работѣ многихъ поколѣній. Такимъ образомъ безконечно большая доля умственнаго труда, обусловливающая то или другое изобрѣтеніе, принадлежитъ цѣлому обществу, а не отдѣльному человѣку и, если справедливо предоставлять пользованіе продуктомъ лицу (или лицамъ), его создавшему, то несправедливо было бы пользованіе изобрѣтеніемъ предоставить исключительно и навсегда изобрѣтателю. Вознаградить послѣдняго необходимо: этого требуетъ справедливость, да и прямая выгода цѣлаго общества, такъ какъ, во-первыхъ, онъ трудился надъ изобрѣтеніемъ и трудъ далъ полезный результатъ, во-вторыхъ, если бы не давалось никакого вознагражденія за трудъ, то ослабѣло-бы и побужденіе къ изобрѣтеніямъ,—не дѣлалось бы такихъ и въ такомъ количествѣ усовершенствованій, а въ результатѣ оказалось бы въ ущербѣ все общество. Съ другой стороны, та же справедливость требуетъ *ограниченнаго* вознагражденія, обыкновенно въ видѣ права пользованія изобрѣтеніемъ въ теченіе лишь извѣстнаго, ограниченнаго срока: такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ новымъ шагомъ по старому пути, то то-же самое, что въ данное время сдѣлано было однимъ, то могло быть сдѣлано (и нерѣдко дѣлается) одновременно или вскорѣ другимъ лицомъ, такъ какъ оба дѣлаютъ лишь выводы изъ того, что уже добыто знаніемъ всѣхъ прошлыхъ вре-

менъ. Если продуктъ физическаго труда не можетъ принадлежать на правѣ полной собственности, ничѣмъ не ограниченной, нѣсколькимъ лицамъ, — напротивъ, вполнѣ утилизировать выводъ, мысль, результатъ умственнаго труда могутъ одновременно многіе; поэтому предоставить исключительное право пользованія одному лицу въ этомъ послѣднемъ случаѣ было бы и совершенно несправедливо и невыгодно для общества, тѣмъ болѣе, что недопущеніе пользоваться изобрѣтеніемъ со стороны общества затормозило бы и дальнѣйшее движеніе впередъ на пути открытій, такъ какъ въ цѣпи ихъ одно звѣно оказалось бы изъятымъ и предоставленнымъ въ исключительное пользованіе изобрѣтателя.

По всѣмъ указаннымъ соображеніямъ должно быть признано справедливымъ пользованіе мыслью, изобрѣтеніемъ, въ видѣ вознагражденія за трудъ, предоставить автору, но лишь на ограниченный срокъ, а затѣмъ результатъ его труда становится уже общественнымъ достояніемъ, имъ можетъ пользоваться *безвозмездно* всякій, кто захочетъ, утилизируя по своему усмотрѣнію и, можетъ быть, совершенствуя далѣе.

Изъ сказаннаго ясно громадное значеніе умственнаго труда для народнаго хозяйства. Продуктъ физическаго труда, при своей видимой прочности, оказывается, однако, менѣе долговѣчнымъ продуктовъ труда умственнаго: онъ разлагается на составныя части, онъ сохраняться можетъ лишь воспроизведеніемъ въ сравнительно даже небольшіе періоды времени; напротивъ, результаты умственнаго труда въ теченіе тысячелѣтій сохраняются, накопляются и служатъ человѣку безвозмездно. Вся совокупность знаній, техническихъ пріемовъ, снаровокъ, накопленныхъ и переданныхъ намъ прежними поколѣніями, представляетъ громадное подспорье въ производствѣ всякихъ цѣнностей и составляетъ то, что называется *интеллектуальнымъ капиталомъ*.

Напр., нынѣ всякая паровая машина оплачивается не потому, сколько рабочихъ она замѣняетъ, такъ какъ геніальное изобрѣтеніе Уатта доступно всѣмъ даромъ, но только въ зависимости отъ стоимости ея производства, какъ продукта труда физическаго.

Всякія опустошенія, разоренія, вызванныя войной (напр. во Франціи въ 1870—71 г.), не окажутъ надолго такого гибельнаго на все народное хозяйство страны вліянія, которое явилось бы послѣдствіемъ распространенія мрака невѣжества, паденія образованія. Послѣднее, такимъ образомъ, имѣя въ виду въ далномъ

случаѣ одну экономическую сторону жизни общества, представляется важнѣйшимъ соціальнымъ условіемъ высокаго развитія народнаго хозяйства.

Для успѣшнаго физическаго труда необходимо, конечно, позаботиться о развитіи физической силы, здоровья народа; но не менѣе необходимо обратить вниманіе и на развитіе нравственное и умственное. „Человѣку въ области промышленности постоянно приходится имѣть дѣло съ матерьялами и силами внѣшней природы, которыя подчиняются неизмѣннымъ законамъ. Весь процессъ производства въ сущности сводится на то, что человѣкъ, при помощи цѣлесообразныхъ перемѣщеній вещества, заставляетъ однѣ силы природы дѣйствовать на другія; онъ примѣняется къ существующимъ законамъ природы для того, чтобы при помощи ихъ производить во внѣшнихъ предметахъ желаемыя для себя преобразованія. Поэтому необходимымъ условіемъ успѣшности труда является ознакомленіе съ законами природы. „Власть человѣка надъ вещами, говоритъ Бэконъ, имѣетъ своимъ единственнымъ основаніемъ науки и искусства, потому что, лишь изучая законы природы, мы можемъ господствовать надъ этими вещами“. „Изученіе природы, говоритъ Огюстъ Контъ, служитъ единственной раціональной основой воздѣйствія человѣка на природу; только познаніе законовъ явленій приводитъ въ окончательномъ результатѣ къ предвидѣнію явленій, только оно въ состояніи сдѣлать насъ способными видоизмѣнять къ нашей выгодѣ одни явленія другими. Наши естественныя и прямыя средства воздѣйствовать на окружающія тѣла крайне слабы и непропорціональны нашимъ потребностямъ. Всякій разъ, когда намъ удается обнаружить значительное вліяніе на внѣшнюю природу, мы достигаемъ этого только потому, что, благодаря знакомству съ законами природы, мы заставляемъ одинъ родъ естественныхъ факторовъ воздѣйствовать на другой. Словомъ, изъ знанія выходитъ предвидѣніе, изъ предвидѣнія дѣйствіе“. Въ самомъ дѣлѣ, вся экономія въ затратѣ силы, которая достигнута человѣкомъ, благодаря обращенію силъ природы имъ себѣ на помощь, есть прямой результатъ того, что въ теченіе долгаго времени, отъ одного поколѣнія къ другому, накоплялся опытъ и наблюденіе, развивалось знаніе, которое потомъ преобразовалось въ какой нибудь новый техническій процессъ производства. Ближайшее примѣненіе къ цѣлямъ производства имѣютъ, такъ называемыя, *техническія знанія*, указывающія пріемы,

при помощи которыхъ происходитъ преобразованіе предметовъ внѣшняго міра для цѣлей человѣка. Состояніе промышленности въ каждый данный моментъ времени опредѣляется уровнемъ существующихъ въ обществѣ техническихъ знаній; человѣкъ эксплоатируетъ природу въ своей хозяйственной дѣятельности прямо пропорціонально своему знанію". „Связь техническихъ знаній съ успѣхами производства не подлежитъ сомнѣнію; но не надо забывать, что развитіе прикладныхъ свѣдѣній въ свою очередь находится въ тѣсной зависимости отъ успѣховъ *наукъ чистыхъ*. Въ наше время, когда люди стали цѣнить преимущественно практическую примѣнимость знаній, часто забывается то великое значеніе, какое имѣетъ чистое знаніе для прогресса въ области промышленной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть техническихъ усовершенствованій, характеризующихъ собою новое время и оказавшихъ могущественное вліяніе на промышленное развитіе общества, находится въ прямой зависимости отъ успѣховъ практической механики. Но несомнѣнно, что важнѣйшія усовершенствованія въ практической механикѣ были бы совершенно невозможны, еслибы имъ не предшествовало развитіе физики и чистой математики. Безъ геометрическихъ построеній нечего было бы и думать когда либо дойти до конструкціи паровой машины. А если это такъ, то техническія изобрѣтенія и усовершенствованія новаго времени находятся въ непосредственной зависимости отъ того обстоятельства, что въ отдаленномъ прошломъ Эвклидъ работалъ надъ разрѣшеніемъ геометрическихъ проблемъ. Въ области науки болѣе, чѣмъ во всякой другой, существуетъ преемственность и зависимость одного знанія отъ другого. Въ извѣстную эпоху, въ извѣстномъ поколѣніи работа отвлеченнаго мыслителя, повидимому, находится внѣ всякой связи съ жизнью; но это только до поры, до времени: приходитъ время, когда то, что было не замѣчено современниками, становится господствующей идеей вѣка, будитъ умы и заставляетъ ихъ идти впередъ въ области самаго практическаго знанія. Для поясненія того вліянія, какое оказываетъ отвлеченная работа въ сферѣ чистаго знанія на промышленное развитіе общества, можно привесть значеніе философіи Бэкона для успѣховъ прикладныхъ знаній. Извѣстно, что она выдвинула экспериментальный методъ, какъ единственно возможный для познанія явленій и законовъ природы. Нѣтъ сомнѣнія, что Бэконъ, когда онъ писалъ свои философскія произведенія,

руководился единственно стремленіемъ къ истинѣ, безъ всякаго вниманія къ какой либо практической пользѣ ихъ, а между тѣмъ толчекъ, который былъ данъ мысли философіей Бэкона, послужилъ главнымъ основаніемъ того развитія точныхъ наукъ и практическихъ ихъ примѣненій, которыя характеризуютъ собою вторую половину XVIII и начало XIX столѣтія. Развитіе вкуса къ наукамъ точнымъ, умѣнье примѣнять правильные пріемы къ изслѣдованію явленій природы составляютъ главнымъ образомъ результатъ изученія великихъ твореній Бэкона; отсюда его философія находится въ несомнѣнной связи съ тѣми разнообразными промышленными усовершенствованіями, которыя отличаютъ современное общество. Нигдѣ, быть можетъ, такъ ясно не обнаруживается связь чистыхъ наукъ съ практическими цѣлями, какъ по разработкѣ теоріи электричества. Когда два столѣтія тому назадъ философы начали изслѣдовать притяженія и отталкиванія, обнаруживающіяся между тѣлами послѣ тренія, было невозможно предвидѣть, что эти факты какимъ либо образомъ могутъ быть утилизированы для практическихъ цѣлей. Даже черезъ сто лѣтъ опыты Франклина были встрѣчены его современниками съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Немного больше вниманія привлекли къ себѣ Гальвани и Вольта, когда они предприняли свои эксперименты надъ сокращеніемъ мускуловъ лягушки при соприкосновеніи между собою металлическихъ пластинокъ. Естествоиспытатели посвятили много труда на изученіе законовъ электрическихъ токовъ прежде, нежели явилась какая бы то ни была мысль о практическомъ приложеніи этихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ наука объ электричествѣ создалась вслѣдствіе чистой любознательности и безъ всякаго отношенія къ пользѣ. Но по мѣрѣ того, какъ наука совершенствовалась, сдѣлались возможными такія ея приложенія, о которыхъ основатели ея не смѣли и мечтать“. „Нельзя не замѣтить, что практическія усовершенствованія, которыя прежде были дѣломъ слѣпого случая, въ послѣднее время все болѣе и болѣе становятся результатомъ чисто теоретическихъ изысканій. Всѣ важнѣйшія изобрѣтенія новаго времени принадлежатъ именно къ разряду такихъ, которыя представляютъ собою прямой плодъ труда ученыхъ теоретиковъ; таковы телеграфъ, электрическое освѣщеніе, телефонъ и т. д. До сихъ поръ мы говорили о связи промышленнаго прогресса съ развитіемъ знаній. Но успѣхъ промышленности въ обществѣ находится въ зависимости не отъ одного

только накопленія знаній, но и *отъ распространенія ихъ въ массѣ народа*. Мало того, чтобы великія открытія или усовершенствованія сдѣлались извѣстными спеціалистамъ; необходимо, чтобы они распространились въ обществѣ, повліяли бы на успѣшность труда цѣлыхъ народныхъ массъ.

Въ дѣлѣ распространенія знаній главную роль играетъ примѣръ. Промышленный прогрессъ цѣлаго общества рѣдко являлся до сихъ поръ плодомъ сознательнаго обученія; въ большинствѣ случаевъ онъ былъ результатомъ безсознательнаго подражанія. Германія, напримѣръ, обязана своими первыми промышленными успѣхами французскимъ протестантамъ, которые въ огромномъ количествѣ эмигрировали въ западную Германію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. — Колыбелью всѣхъ земледѣльческихъ усовершенствованій въ Европѣ въ Средніе и Новые вѣка была Фландрія, которая еще въ XII столѣтіи обработывала на своихъ поляхъ клеверъ и кормовую рѣпу. Въ XVII столѣтіи англійскій лордъ Норфолькъ, въ качествѣ посла, проѣзжалъ черезъ Фландрію; здѣсь онъ заинтересовался посѣвами кормовой рѣпы и, по возвращеніи, ввелъ ихъ у себя въ имѣніи; ему стали подражать сосѣди, и посѣвъ кормовой рѣпы въ скоромъ времени сдѣлался отличительной чертой Норфолькскаго хозяйства. — Извѣстно, что въ окрестностяхъ Москвы весьма распространены различные виды кустарныхъ промысловъ. Множество этихъ промысловъ возникло около времени французскаго нашествія въ 1812 году. Въ то время въ Москвѣ существовало не мало фабрикъ и мануфактуръ; разгромъ Москвы вынудилъ мастеровъ и рабочихъ, въ этихъ заведеніяхъ находившихся, эмигрировать изъ Москвы и разсѣяться по окружающимъ деревнямъ; чтобы не терять времени безплодно, многіе мастера начали заниматься промыслами въ деревняхъ и такимъ образомъ ознакомили деревенскихъ жителей съ пріемами различныхъ производствъ. Затѣмъ, когда Москва была очищена отъ непріятелей и стала снова застраиваться, многіе ремесленники возвратились въ нее; но на прежнихъ мѣстахъ успѣлъ уже накопиться въ окружающей средѣ запасъ техническихъ знаній, и тѣ немногочисленныя промышленныя заведенія, которыя уцѣлѣли въ деревняхъ, послужили центромъ, около котораго сгруппировалась затѣмъ цѣлая масса подобныхъ же заведеній, такъ что съ теченіемъ времени цѣлыя села и даже цѣлыя группы селъ стали заниматься однимъ и тѣмъ же дѣломъ и образовали округа ку-

старныхъ промысловъ.—Въ послѣднее время въ Московской и Тверской губерніяхъ начинаетъ распространяться травосѣяніе на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Какъ показываютъ земскія изслѣдованія, изъ которыхъ мы знаемъ объ этомъ фактѣ, травосѣяніе у крестьянъ возникаетъ первоначально въ большей части подъ вліяніемъ примѣра, а иногда и при прямомъ содѣйствіи мѣстныхъ землевладѣльцевъ, духовенства и т. п. Какъ скоро въ одномъ селеніи опытъ травосѣянія удался, окружающія деревни начинаютъ подражать ему, причемъ обыкновенно слѣпо воспроизводятъ и всѣ принятые въ немъ порядки посѣва травъ (разбивка полей, выборъ сѣвооборота, родъ высѣваемыхъ травъ, густота посѣва и пр.). Склонность крестьянъ къ подражанію проявляется въ настоящемъ случаѣ и въ томъ, что селенія, приступившія къ травосѣянію, расположены въ предѣлахъ Московской губерніи какъ бы гнѣздами, оазисами, которыя окружаютъ селеніе, сдѣлавшее первый опытъ травосѣянія.

Хотя большая часть техническихъ улучшеній распространяется безсознательно, путемъ примѣра, но спеціальное обученіе въ значительной степени можетъ ускорить процессъ распространенія техническихъ знаній. При обученіи человѣкъ получаетъ тѣ же знанія, усвоиваетъ тѣ же пріемы гораздо болѣе быстрымъ и легкимъ путемъ, чѣмъ путемъ примѣра. Когда ознакомленіе съ промысломъ совершается чрезъ простое вліяніе примѣра, то много времени проходитъ даромъ, прежде чѣмъ вниманіе остановится на существенныхъ пріемахъ изучаемаго дѣла. Чтобы обучиться, напримѣръ, токарному мастерству, мальчикъ поступаетъ къ ремесленнику въ ученики на 3—4 года; между тѣмъ все искусство точенія разлагается въ окончательномъ анализѣ на извѣстное небольшое число пріемовъ, которые въ школѣ, благодаря математическому переходу отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ манипуляціямъ, могутъ быть усвоены въ сравнительно короткій срокъ. Искусственное ознакомленіе народа съ усовершенствованіями въ производствѣ совершается путемъ устройства техническихъ школъ, промышленныхъ музеевъ и выставокъ. — Значеніе спеціальнаго обученія не ограничивается только сокращеніемъ времени ознакомленія съ техническими пріемами: прилагая его въ широкихъ размѣрахъ къ цѣлой странѣ или извѣстной части страны, государство можетъ способствовать развитію новыхъ отраслей производства въ мѣстностяхъ, благопріятствующихъ ихъ возникновенію.

Швеція, при помощи спеціальныхъ школъ и странствующихъ учителей, съумѣла въ одно поколѣніе передѣлать въ народѣ старинные пріемы веденія молочнаго хозяйства и сдѣлаться въ этой отрасли промышленности одною изъ самыхъ передовыхъ странъ Европы. Въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ, подъ вліяніемъ Н. В. Верещагина и устроенной по его иниціативѣ школы молочнаго хозяйства въ Тверской губерніи, успѣли на значительномъ пространствѣ сѣверныхъ и среднерусскихъ губерній преобразоваться способы маслодѣлія; въ Тверской, Ярославской и Вологодской губерніяхъ насчитываются многія сотни маслодѣленъ, которыя работаютъ по способамъ, рекомендованнымъ Верещагинымъ. Извѣстное Шварцвальдское часовое производство обязано своимъ развитіемъ нѣсколькимъ школамъ, которыя знакомятъ населеніе этой мѣстности съ специфическими пріемами часоваго ремесла. Но всего лучше дѣло техническаго обученія поставлено въ южногерманскихъ странахъ, въ особенности въ Вюртембергѣ. Тамъ существуетъ прекрасный промышленный музей, такъ называемое „Центральное мѣсто для промышленности и ремеслъ“, въ которомъ собраны всевозможныя орудія производствъ по главнымъ ремесламъ, имѣющимъ распространеніе въ странѣ. Управленіе этого Центральнаго мѣста слѣдитъ за всѣми входящими въ употребленіе усовершенствованіями цѣлой Европы и не щадитъ средствъ для того, чтобы добывать ихъ и предоставлять для ознакомленія ремесленникамъ. Для каждаго лица не только открытъ постоянный доступъ въ этотъ музей, но, сверхъ того, предоставлена возможность получать новыя орудія въ временное пользованіе. Такимъ образомъ, ремесленникъ не только можетъ усвоить себѣ идею усовершенствованія, но и испробовать его на дѣлѣ: послѣднее условіе, конечно, очень важно для мелкаго промышленника, который не рискнетъ обзавестись дорого стоющимъ новымъ орудіемъ, пока не убѣдится вполнѣ въ его примѣнимости и полезности.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что успѣхъ спеціальнаго обученія всецѣло зиждется на развитіи начальнаго народнаго образованія; начальная школа есть лучшая и надежнѣйшая основа всякаго техническаго прогресса. Народная масса слишкомъ крѣпко держится за привычные пріемы хозяйства, слишкомъ склонна передавать унаслѣдованную рутину, и только школа, правильно поставленная, сообщая подвижность и воспріимчивость уму, яв-

ляется могущественнымъ проводникомъ новыхъ идей въ народную среду. Въ этомъ смыслѣ Эттингенъ по праву называетъ народную школу „ферментомъ цивилизаціи“. Какъ можетъ Россія равняться по промышленнымъ успѣхамъ съ государствами западной Европы, когда у нея на 1.000 жителей приходится лишь 18 учащихся въ начальныхъ школахъ, тогда какъ въ Пруссіи—160, въ Швеціи—157, въ Швейцаріи—146 и даже въ Сербіи—22 учащихся; когда у насъ изъ числа принятыхъ въ военную службу за время съ 1874—1883 года 77% не знали грамоты, между тѣмъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи число неграмотныхъ новобранцевъ не превышало $1^1/_2$%. Такая разница, впрочемъ, понятна, если мы примемъ во вниманіе, что у насъ расходуется на начальныя школы среднимъ числомъ не больше 20 коп. на жителя, тогда какъ въ Пруссіи и Англіи больше 2 рублей, а въ Соединенныхъ Штатахъ около 4 рублей*).

Низшая степень образованія — элементарное — безусловно должна быть признана необходимой для всего населенія, чтобы ему дана была возможность сознательно участвовать въ общественной жизни. Вообще различаютъ образованіе *общее* (элементарное, среднее и высшее) и *техническое*. Развивая производительныя силы, способствуя накопленію интеллектуальнаго капитала, являющагося могучимъ пособникомъ производства всѣхъ цѣнностей, затраты на образованіе всегда оказываются производительнымъ, безусловно выгоднымъ помѣщеніемъ тѣхъ вещественныхъ капиталовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обратимся.

III.

„Кромѣ двухъ первоначальныхъ и необходимыхъ элементовъ производства, говоритъ Д. С. Милль, есть еще третій элементъ, безъ котораго невозможны никакіе производительные процессы, кромѣ развѣ грубыхъ и скудныхъ начатковъ первобытной промышленности; мы видѣли, что сверхъ труда, сверхъ матеріаловъ и силъ, доставляемыхъ природою, нуженъ для производства предварительно накопленный запасъ продуктовъ прежняго труда. Этотъ накопленный запасъ продуктовъ труда называется капиталомъ **).

Конечно, съ узко-исторической точки зрѣнія, нельзя не при-

*) Чупровъ, ук. соч., стр. 102 и *сл.*

**) Основанія Полит. Экон., т. I, стр. 69.

знать, что *средства* производства, *капиталъ*, являются *продуктомъ* предшествовавшаго взаимодѣйствія природы и труда, но это вѣрно только, какъ историческая справка, такъ какъ мы встрѣчаемся съ человѣкомъ на первыхъ же ступеняхъ его развитія уже съ *капиталомъ* въ рукахъ, правда, весьма примитивнымъ, но всетаки сильно содѣйствующимъ человѣку въ его усиліяхъ удовлетворить своимъ потребностямъ, причемъ безъ содѣйствія капитала человѣкъ все менѣе и менѣе можетъ достигать какой либо, даже простѣйшей, хозяйственной цѣли, такъ что капиталъ становится безусловно необходимымъ участникомъ въ производствѣ и къ нему можно примѣнить слова Милля относительно взаимоотношенія природы и труда въ производствѣ. „Можетъ быть, что одно дѣло требуетъ меньшаго количества труда, чѣмъ другое; но если требуемое количество безусловно необходимо, то результатъ — настолько же произведеніе труда, насколько и природы. Если два элемента равно необходимы для произведенія результата, нельзя говорить, что такая то часть его произведена однимъ элементомъ, а такая то — другимъ; это все равно, что попытаться рѣшить, которая изъ двухъ половинъ ножницъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи или какой изъ двухъ факторовъ, 5 и 6, болѣе участвуетъ въ произведеніи числа 30“ *).

Слово „капиталъ“ (κεφάλαιον, caput) въ древности обозначало основную сумму денегъ, данную взаймы, въ отличіе отъ процентовъ.

Въ средневѣковой латыни отъ слова *caput* произошелъ терминъ „capitale“ (capitalis pars debiti) для общаго наименованія денежной суммы, отдаваемой въ ссуду.

Такимъ образомъ, слово „капиталъ“ въ первоначальномъ смыслѣ употреблялось лишь въ примѣненіи къ денежнымъ суммамъ и въ этомъ значеніи перешло почти во всѣ европейскіе языки.

Только во второй половинѣ XVIII вѣка, именно физіократами, измѣняется содержаніе этого понятія. Тюрго говоритъ, что если кто ежегодно получаетъ болѣе цѣнностей, чѣмъ потребляетъ, то накопленныя цѣнности и составляютъ капиталъ. А. Смитъ идетъ далѣе. Если кто, говоритъ онъ, получаетъ болѣе, чѣмъ потребляетъ, то изъ остатка часть оставляется для потребленія, а изъ другой хозяинъ стремится извлечь возможно большій доходъ. Эта то часть и есть капиталъ. У Д. С. Милля мы находимъ еще бо-

*) Указ. соч., стр. 37.

лѣе подробный анализъ этого понятія. Согласно его опредѣленію, капиталъ есть накопленный запасъ продуктовъ труда, необходимый для производства и предназначенный къ тому капиталистомъ. „Для частнаго лица равнозначительно капиталу все то состояніе, съ котораго онъ получаетъ доходъ".

Такъ постепенно подмѣчались признаки, вырабатывалось понятіе капитала въ томъ видѣ, какъ оно опредѣляется въ настоящее время наукой, хотя единообразія въ пониманіи и опредѣленіи капитала еще не достигнуто и теорія капитала представляетъ одну изъ самыхъ запутанныхъ частей экономической науки*). Уже замѣчено было, что капиталъ долженъ быть *продуктомъ* предшествующаго труда, что онъ долженъ быть *сбереженъ*, *накопленъ*, что онъ долженъ быть *предназначенъ*, *необходимъ* и дѣйствительно *затраченъ* для новаго производства цѣнностей, что онъ является *источникомъ дохода*.

Различіе *общеэкономической* и *частной* точки зрѣнія вноситъ большую ясность, даетъ возможность отдѣлить признаки, присущіе *капиталу народному*, какъ *средствамъ производства*, отъ *капитала частнаго*, какъ *источника дохода для отдѣльнаго лица*, о чемъ мы уже говорили при разсмотрѣніи предварительныхъ понятій (въ главѣ I), равно какъ и о различіи капитала, какъ *постояннаго* или какъ *оборотнаго*, а потому здѣсь мы не будемъ болѣе на этомъ останавливаться.

Въ соотвѣтствіи съ различіемъ цѣнностей вещественныхъ и невещественныхъ придется также различить и капиталы, причемъ къ послѣднему виду, напр., придется отнести фирму (частный капиталъ), государство (народный капиталъ) и т. д.

Въ самомъ понятіи капитала уже заключается представленіе о силѣ *производящей*; если же мы имѣемъ средство производства въ бездѣйствіи, напр. остановленная фабрика, то говоримъ о *мертвомъ* капиталѣ, отличая отъ него *производительный*, т. е. *участвующій* въ производствѣ, т. е. постоянно потребляющійся и воз-

*) Schönberg ук соч. *Kleinwachter* стр. 190 и сл. даетъ, начиная съ А. Смита, опредѣленія 26 наиболѣе видныхъ писателей, причемъ у нѣкоторыхъ встрѣчается по нѣсколько опредѣленій. Сочиненіе *Böhm-Bawerk* Kapital und Kapitalzins, 2 т., болѣе 900 стр. даетъ обстоятельное изложеніе всѣхъ важнѣйшихъ воззрѣній на капиталъ, критику ихъ и, наконецъ, собственную теорію автора, въ которой много вѣрнаго. Намъ еще не разъ придется ссылаться на это сочиненіе.

становляемый снова, такъ что капиталъ сохраняться, передаваться можетъ подъ условіемъ его потребленія и возстановленія.

Уже весьма рано человѣкъ почувствовалъ слабость своихъ физическихъ силъ въ борьбѣ съ природой ради удовлетворенія своихъ потребностей. Съ цѣлью усилить эффектъ своего труда, онъ началъ создавать, такъ называемыя, *орудія*, которыя первоначально весьма походили на тѣ органы, которые они должны были замѣнять: напр., молотъ—рука, сжатая въ кулакъ, лопата—ладонь и т. п. Въ дальнѣйшемъ развитіи эти орудія умножались и усложнялись, пока, наконецъ, въ зависимости отъ развитія техники, не получились, составляющія характерную черту нашего времени—*машины*. Ихъ существенное отличіе отъ орудій заключается въ томъ, что послѣднія не освобождали самого человѣка отъ усилій, но только увеличивали эффектъ послѣднихъ; напротивъ, машина замѣняетъ рабочую силу человѣка, освобождаетъ его отъ прежнихъ усилій, нуждаясь лишь въ первоначальномъ толчкѣ, чтобъ начать дѣйствовать, и въ руководствѣ человѣка—въ теченіе дѣйствія.

Кромѣ орудій и машинъ, которыя, какъ пособники для человѣческаго труда, представляются безусловно необходимыми въ хозяйствѣ человѣка настоящаго времени, еще въ двухъ главнѣйшихъ видахъ является капиталъ въ производствѣ, именно: 1) въ видѣ *матеріяловъ основныхъ* (напр. пряжа) и *побочныхъ* (напр. краска) и *вспомогательныхъ* (напр. каменный уголь для отопленія фабрикъ, масло для смазки машинъ), и 2) въ видѣ условій, обезпечивающихъ существованіе производителей до изготовленія продукта, какъ напр. продовольствіе рабочихъ, ихъ жилье и т. п.*)

*) Böhm-Bawerk (II, 69) перечисляетъ относимыя имъ къ народному капиталу (Socialkapital) цѣнности въ 7 группахъ: 1) производительныя улучшенія въ въ почвѣ, поскольку они сохраняются обособленно, не соединяясь неразрывно съ почвой; 2) строенія для производства, но не жилье; 3) орудія и машины; 4) въ производствѣ участвующія животныя, 5) матеріялы; 6) заготовленные товары у производителей и торговцевъ, и 7) деньги. Затѣмъ находитъ удивительнымъ единодушіе, съ которымъ, начиная съ классиковъ и до А. Вагнера включительно, относятъ средства содержанія рабочихъ къ народному капиталу, тогда какъ, по его мнѣнію, совершенно ясно, что съ точки зрѣнія цѣлаго народа это не капиталъ, если подъ послѣднимъ терминомъ разумѣть комплексъ средствъ производства, которыя противуполагаются запасу потребленія. „Ueber den Sinn dieses Gegensatzes kann nicht der mindaste Zweifel bestehen“. Между тѣмъ А. Вагнеръ въ только что вышедшемъ сочиненіи (Grundlegung, 3 Aufl. 1 Th., стр. 315 и 316) не соглашается и, какъ намъ кажется, вполнѣ справедливо съ этимъ взглядомъ, говоря, что съ точки зрѣнія народнаго хозяйства,

Что касается до происхожденія капитала, то на первыхъ ступеняхъ развитія выдающуюся роль играетъ насиліе или въ видѣ прямаго грабежа, захвата, или въ видѣ ограниченія потребленія другихъ лицъ (рабство, крѣпостничество); при высшемъ развитіи культуры капиталы все болѣе своимъ происхожденіемъ обязаны бережливости и самоограниченію человѣка, являясь продуктомъ предшествующаго труда, сбереженнымъ и затраченнымъ на новое производство. Однако, кромѣ такого способа происхожденія капитала можно указать случаи, гдѣ капиталъ является безъ всякихъ жертвъ и лишеній со стороны своего собственника; напр., вслѣдствіе проложенія желѣзной дороги, недвижимая собственность, не имѣвшая никакой цѣны, не дававшая никакого дохода своему владѣльцу, можетъ пріобрѣсти значительную цѣнность, стать источникомъ значительнаго дохода. Этотъ случай можетъ носить и характеръ *увеличенія* уже существующаго капитала. *Народный* капиталъ можетъ возрасти 1) при увеличеніи состоянія народа — *созданіемъ* новыхъ капиталовъ или *отнятіемъ* таковыхъ (войной!) или 2) безъ увеличенія состоянія просто вслѣдствіе увеличенія капиталовъ на счетъ запасовъ потребленія и пользованія. Подобнымъ же образомъ можетъ увеличиваться и частный капиталъ: или путемъ производительныхъ затратъ, или присвоеніемъ (игрой, насиліемъ) чужихъ капиталовъ, или увеличеніемъ послѣднихъ на счетъ запасовъ. Кромѣ того, частный капиталъ, какъ было указано, можетъ возрасти и безъ заслугъ своего хозяина; напр., отъ проложенія улицы цѣнность и доходность домовъ по сосѣдству можетъ подняться. Но иногда подобное ни-

какъ единаго цѣлаго,—все, что составляетъ необходимыя средства производства, должно быть отнесено къ капиталу, а потому и средства продовольствія рабочихъ. Съ своей стороны, не можемъ не замѣтить, что, держась точки зрѣнія Bohm-Bawerk'a, пришлось бы, при сравненіи двухъ народныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ въ одномъ работа велась бы преимущественно руками, а въ другомъ уже при помощи машинъ,—пришлось бы признать бо́льшую успѣшность производства въ первомъ, такъ какъ въ немъ на полученіе продукта того же количества и качества оказалось бы затраченнымъ менѣе капитала, нежели во второмъ; такимъ образомъ всякое усовершенствованіе въ производствѣ, при коемъ живая человѣческая сила замѣнялось бы силами внѣшней природы, надо было бы признавать не прогрессомъ, а упадкомъ производства! Много и другихъ недоразумѣній возникло бы при такомъ взглядѣ; во избѣжаніе ихъ должно признать, что вездѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ *воспроизведеніемъ* потребляемыхъ цѣнностей (хотя бы ради удовлетворенія потребностей: вѣдь и дѣятельность вообще вызывается потребностью здороваго организма), мы имѣемъ дѣло съ капиталомъ, какъ средствомъ производства.

чѣмъ незаслуженное увеличеніе капиталовъ однихъ лицъ связывается со столь же незаслуженнымъ уменьшеніемъ капиталовъ другихъ. Напр., приложеніе парового двигателя къ перемѣщенію грузовъ по сушѣ и водѣ сдѣлало возможнымъ подвозъ хлѣба изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, и чрезъ это, понизивъ цѣну на хлѣбъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уменьшило доходность земли и даже разорило нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ, для которыхъ издержки производства уже не покрывались установившейся цѣною на хлѣбъ.

IV.

Взаимоотношеніе природы, труда и капитала въ производствѣ можетъ быть выражено въ двухъ словахъ: они естественные союзники, такъ какъ одинъ безъ другаго не могли бы ничего создавать. Такимъ образомъ, какъ природа и трудъ, такъ и капиталъ производительны въ томъ смыслѣ, что отъ нихъ зависитъ, ими обусловливается полученіе цѣнностей.

Если относительно природы и труда сказанное не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій, то относительно производительности капитала, можетъ быть, не лишне сказать нѣсколько словъ. Что могъ бы сдѣлать земледѣлецъ безъ плуга, сохи, бороны, заступа и т. д.? Самый усиленный трудъ привелъ бы къ самымъ ничтожнымъ результатамъ безъ этихъ орудій производства. Пользуясь ими, трудъ человѣка даетъ количества продукта несравненно большія. Хорошая вязальщица въ 1 минуту можетъ сдѣлать не болѣе 80 петель, тогда какъ чулочная машина дѣлаетъ 480.000 петель. Въ типографіи газеты Figaro работаетъ всего 100 человѣкъ, которые въ теченіе 6 часовъ отпечатываютъ до 24.000.000 страницъ; если-бы въ тотъ же промежутокъ времени надо было переписать такое количество страницъ, то для этого потребовалось бы не менѣе 500.000 человѣкъ. Итакъ, не говоря о качествѣ, количество продукта увеличилось, благодаря приложенію орудій. Но этого мало. Если машина замѣняетъ по своей рабочей силѣ 100 человѣкъ, то ея услуги обходятся дешевле, такъ какъ ея цѣнность, въ концѣ концовъ, опредѣляется только издержками ея вещественнаго воспроизведенія, а мысль служитъ даромъ. Поэтому содѣйствіе капитала въ производствѣ даетъ возможность *количественно* увеличить производство при прежней суммѣ издержекъ. Затѣмъ, нельзя не замѣтить, что значительная часть продуктовъ по своему *качеству* не могла бы быть произведена безъ содѣйствія капитала, какое

бы количество труда ни было на ихъ производство затрачено. Для примѣра возьмемъ хотя бы нынѣшнія броненосныя суда. Такимъ образомъ капиталу нельзя отказать въ признаніи производительности и съ качественной стороны.

Но кромѣ такой *естественно-научной* точки зрѣнія, возможна и другая, чисто-*хозяйственная*, смотря съ которой на дѣло, вопросъ о *производительности* сводится къ вопросу, что оплачивается въ цѣнѣ товара? Тогда какъ одни говорятъ, что подлежитъ оплатѣ лишь количество труда, потраченное на изготовленіе товара, другіе утверждаютъ, что оплатѣ въ цѣнѣ товаровъ подлежатъ и услуги, почвой и капиталами при производствѣ оказываемыя.

По мнѣнію *Kleinwächter'a**), споръ о „производительности" представляется праздным, такъ какъ, посмотримъ ли мы съ точки зрѣнія частнаго или коллективнаго хозяйства, во всякомъ случаѣ потребны будутъ услуги лицъ, въ качествѣ ли собственниковъ земли и капиталовъ, въ качествѣ ли чиновниковъ-администраторовъ по отношенію къ землѣ и къ капиталамъ, а значитъ, необходимо и вознагражденіе за это участіе, такъ что рѣчь можетъ идти лишь о томъ, не слишкомъ ли высоко это вознагражденіе въ настоящее время.

Въ историческомъ развитіи нашей науки замѣчается споръ о производительности труда въ другомъ смыслѣ.

Въ зависимости отъ руководящихъ началъ, отъ взглядовъ, что считать богатствомъ, его источникомъ, мѣнялось и воззрѣніе, какой трудъ считать производительнымъ.

Меркантилисты, опредѣляя богатство народа по той же мѣркѣ, какъ и отдѣльнаго человѣка—по количеству золота и серебра, находящихся въ его распоряженіи,—производительнымъ считали трудъ постольку, поскольку отъ него зависѣло увеличеніе количества драгоцѣнныхъ металловъ въ странѣ. Поэтому на первый планъ они выдвигали добывающую эти металлы промышленность и вывозную внѣшнюю торговлю обработанными издѣліями, дающими, въ виду сравнительно большей ихъ цѣнности, возможность скорѣе разсчитывать на выгодный торговый балансъ, разница въ коемъ и должна быть, по мнѣнію меркантилистовъ, покрыта зо-

---

*) Schönberg, ук. соч. стр. 198 и сл. Böhm-Bawerk, I, стр. 130, указываетъ разныя значенія термина „производительный" въ примѣненіи къ капиталу.

лотомъ и серебромъ, увеличивающимъ, такимъ образомъ, собою количество этихъ металловъ, находившееся въ странѣ до того.

Физіократы признавали, что богатство заключается не въ деньгахъ, а во всѣхъ необходимыхъ человѣку предметахъ, но производительными считали только тѣ виды труда, которые направлены на полученіе сырья, доставляемаго природой, на увеличеніе его количества. Всякій трудъ, перерабатывающій уже добытое, по ихъ мнѣнію, непроизводителенъ, хотя можетъ быть и полезенъ, такъ какъ при обработкѣ стоимость возвышается только отъ потребленія при этомъ другихъ произведеній лицами, перерабатывающими сырье.

А. Смитъ производительнымъ объявляетъ трудъ матеріальный, воплощающійся въ матеріи, и отказываетъ въ этомъ названіи труду, производящему услуги; такимъ образомъ врачъ, воспитатель, государственный мужъ суть работники непроизводительные (это не значитъ еще неполезные), по его мнѣнію.

Д. С. Милль различаетъ: 1) трудъ, „употребляемый на придачу внѣшнимъ матеріальнымъ вещамъ качествъ, дѣлающихъ ихъ годными для людей“; 2) „трудъ, который употребляется на придачу людямъ качествъ, которыя дѣлаютъ ихъ годными для самихъ себя и для другихъ“; сюда относится трудъ воспитателей, учителей, врачей, правительства и „вообще всякій трудъ, обращаемый въ жизни человѣкомъ на улучшеніе своего или чужаго знанія и на развитіе своихъ или чужихъ физическихъ или умственныхъ способностей“, и 3) трудъ можетъ сводиться къ оказанію услуги: „дается удовольствіе, отвращается неудобство или страданіе на извѣстное время, но не оставляется никакого постояннаго пріобрѣтенія въ улучшеніи качествъ какого нибудь лица или какой нибудь вещи“. Сюда Милль относитъ трудъ музыканта, актера, арміи и флота, судьи и т. п.

Только этому послѣднему виду труда Милль отказываетъ въ названіи „производительнаго“, говоря, что „мы должны считать производительнымъ всякій трудъ, употребляемый на созданіе сохраняющихся полезностей, въ чемъ бы ни воплощались онѣ, въ людяхъ или въ другихъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ предметахъ“. Такъ было бы правильно, по мнѣнію Милля, различать виды труда. Едва ли съ этимъ можно согласиться. Изъ вышеприведеннаго обзора взглядовъ уже видно, какъ расширялось понятіе производительнаго труда. Кажется правильнымъ дальнѣй-

шій шагъ въ томъ же направленіи: должно считать производительнымъ всякій трудъ, производящій цѣнности, которыми народъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ; такъ какъ услуги суть такія цѣнности, то и дѣятельность лицъ и учрежденій, ихъ производящая, заслуживаетъ названія производительной. Останавливаться на матеріяльной сторонѣ нельзя, такъ какъ, напр., трудъ рыбака, рыба котораго никому не понадобится и затѣмъ сгніетъ безъ пользы, конечно, не будетъ производительнымъ; ставить рѣшеніе вопроса въ зависимость отъ того, воплощается ли услуга въ вещахъ и лицахъ, сохраняется ли она, — тоже, кажется, неосновательно, такъ какъ тогда пришлось бы вопросъ о производительности нѣкоторыхъ категорій труда или отдѣльныхъ случаевъ оставить нерѣшеннымъ: если ученикъ не хочетъ или не можетъ усвоить преподаваемаго, не смотря на всѣ старанія наставника, или если ученикъ забываетъ изученное, если врачъ поздно призывается къ больному или при болѣзни неизлѣчимой, или если предписанія врача не исполняются и т. п. Напротивъ, воспитательное значеніе театра, ободреніе, освѣженіе духа, имъ иногда даваемое, мысли, вызываемыя видѣннымъ и слышаннымъ со сцены, могутъ оказывать длящееся и сильное вліяніе на зрителей.

Итакъ, повторяемъ, всякій трудъ, производящій цѣнности для удовлетворенія потребностей народа, заслуживаетъ названіе „производительнаго“, причемъ по степени — болѣе производительнымъ придется признать тѣ категоріи труда, которыя удовлетворяютъ болѣе насущнымъ, настоятельнымъ потребностямъ населенія.

Говоря выше о соотношеніи труда и капитала, мы указали, что они должны считаться естественными союзниками, а не врагами, такъ какъ одинъ безъ другаго въ настоящее время обойтись не могутъ. Капиталъ необходимъ еще ранѣе, чѣмъ начнется производство, чѣмъ будетъ приложенъ трудъ, хотя, конечно, нѣтъ надобности, чтобы капиталъ доставлялся капиталистомъ, а не самимъ рабочимъ. Какъ капиталъ, такъ и трудъ, при современномъ экономически-правовомъ строѣ, являются, по справедливости, источниками дохода оба, хотя при дѣлежѣ и могутъ встрѣчаться несправедливости относительно долей, достающихся представителямъ труда и капитала.

Чтобы судить о томъ громадномъ количествѣ рабочей силы, которая нынѣ воплощается въ одномъ только видѣ капиталовъ — въ машинахъ, ими развивается, укажу на нѣсколько данныхъ.

Въ 1888 г., паровыя машины въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ представляли силу 14,4 милл. лошад. силъ, въ Англіи — 9,2 милл., въ Германіи — 6,2 милл., во Франціи въ 1888 г. паровыя машины представляли силу 4.614.000 паровыхъ лошад. силъ, что представляетъ собою силу 97 мил. человѣкъ, т. е. въ $2^1/_2$ раза болѣе всего населенія Франціи, не беря даже въ разсчетъ возрастный составъ. Во всемъ свѣтѣ ростъ силъ, воплощенныхъ въ паровыхъ машинахъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ милліонахъ лошадин. силъ): 1840 г.—1,6; 1850 г.—3,9; 1860 г.—9,3; 1870 г.—18,4; 1880 г.—34,1; въ 1888 г.—50,1. Понятно отсюда, какова должна быть громадная сила, представляемая всѣмъ капиталомъ, своимъ происхожденіемъ и значеніемъ обязаннымъ прежде всего умственному труду человѣка. Ему же обязана своимъ происхожденіемъ и общественная организація производства, такъ называемое *дѣленіе и сочетаніе труда*, со всѣми вызываемыми этимъ послѣдствіями, представляющими чрезвычайную важность не только въ частности для народнаго хозяйства, но и вообще для жизни и развитія общества.

Можно различить нѣсколько видовъ дѣленія труда. Первый, наблюдаемый даже у дикарей, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, коренится въ естественномъ различіи силъ и способностей членовъ отдѣльной семьи, прежде всего въ различіи пола и возраста. Мужчины охотятся, а на женщинъ, дѣтей и стариковъ ложатся всѣ домашнія работы. Но и между взрослыми мужчинами замѣчаются различія; вслѣдствіе этого человѣкъ, неспособный по своимъ физическимъ качествамъ къ охотѣ, занимается рыбной ловлей, можетъ быть; если неспособенъ онъ и къ этому — обращаетъ свой трудъ на изготовленіе орудій, необходимыхъ для охотниковъ или рыболововъ, или на другія отрасли хозяйства и въ обмѣнъ за часть продуктовъ своего труда получаетъ долю добычи отъ охоты или рыбной ловли. Этотъ видъ дѣленія труда и основанный на немъ обмѣнъ относятся такимъ образомъ къ данному мѣсту и времени, къ членамъ одного и того же поколѣнія.

Второй видъ представляетъ собою дѣленіе труда *во времени* и связываетъ между собою различныя поколѣнія людей. Въ виду значительнаго періода времени, раздѣляющаго иногда поколѣнія производителей и потребителей извѣстныхъ объектовъ, часто нельзя подмѣтить непосредственнаго обмѣна, часто даже его и вовсе не бываетъ. Этотъ видъ дѣленія труда коренится въ однообразіи (въ

особенности при началѣ развитія человѣческихъ обществъ) первичныхъ потребностей представителей различныхъ поколѣній и въ свойствѣ продукта сохранять свою способность удовлетворять потребностямъ долѣе, чѣмъ живетъ человѣкъ, его создавшій. Въ области знаній, результаты, добытые предшествующими поколѣніями, переносятся, поскольку они не связаны непремѣнно съ *личнымъ* опытомъ, цѣликомъ на послѣдующее поколѣніе. Подобное, но въ слабѣйшей степени, находимъ и въ области матерьяльнаго труда. Извѣстное поколѣніе трудится надъ созданіемъ жилищъ, утвари и т. п. и результатами этого труда, хотя отчасти, воспользуется послѣдующее (и, можетъ быть, даже не одно) поколѣніе. Этотъ видъ дѣленія труда во времени, освобождая трудовыя силы потомковъ отъ извѣстной работы, тѣмъ самымъ способствуетъ большей производительности ихъ труда въ тѣхъ отрасляхъ, на которыя направляются ихъ силы—съ одной стороны и способствуетъ появленію новыхъ отраслей, новыхъ формъ приложенія труда—съ другой, такъ что своимъ послѣдствіемъ имѣетъ не только усиленіе производства и накопленіе цѣнностей, но и дальнѣйшее развитіе различій въ способностяхъ отдѣльныхъ лицъ. Однако дѣйствіе этого вида дѣленія труда встрѣтило бы себѣ границу въ однообразіи вліяній данной мѣстности, въ однообразіи ея условій и въ ограниченности спроса мѣстнаго населенія на цѣнности, доставляемыя мѣстной физической природой и трудомъ человѣка. Но на помощь является третій видъ дѣленія труда.

Первоначально вся жизнь населенія складывается и проходитъ въ зависимости отъ условій *мѣстныхъ*, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова: чуть не каждая семья или, по крайней мѣрѣ, община составляетъ самодовлѣющее цѣлое, обособленную хозяйственную единицу, независимую отъ другихъ себѣ подобныхъ, но тѣмъ болѣе зависимую отъ условій окружающей физической природы; однако, съ теченіемъ времени, между отдѣльными общинами завязываются экономическія сношенія, связь постепенно крѣпнетъ, взаимные интересы переплетаются, какъ корни двухъ растеній, посаженныхъ рядомъ, такъ что нельзя причинить вредъ одному безъ того, чтобы не пострадало другое, и наоборотъ—полезное, способствующее развитію одного, оказываетъ благодѣтельное вліяніе и на другое. Зависимость отъ *мѣстныхъ*, въ прежнемъ смыслѣ слова, условій физической природы все ослабѣваетъ, такъ что и границы для развитія общества, указанныя выше, отодвигаются все далѣе.

Этотъ видъ дѣленія труда существенно отличается отъ втораго, такъ какъ коренится въ различіи физическихъ условій жизни и индивидуальныхъ свойствъ членовъ различныхъ общинъ, благодаря чему представляется взаимно выгоднымъ дѣломъ спеціализація труда и обмѣнъ, основанный на соглашеніи сторонъ, занимающихся различными отраслями труда.

По мѣрѣ того, какъ въ общую экономическую жизнь вовлекаются все большія и большія пространства, въ отдѣльныхъ частяхъ которыхъ несходны и физическія условія, и сложившаяся подъ вліяніемъ ихъ вся жизнь мѣстныхъ человѣческихъ общеній, ихъ потребности и способы удовлетворенія послѣднихъ, — все болѣе широкое поле открывается для раздѣленія труда и обмѣна, а значитъ и вообще для дальнѣйшаго развитія человѣческихъ обществъ. Однако, параллельно съ расширеніемъ сферы экономическаго взаимодѣйствія растетъ и сумма препятствій, преодолѣть которыя удается опять-таки благодаря общественности, при посредствѣ дѣленія и сочетанія труда; напр., проложеніе и улучшеніе средствъ сообщенія между отдѣльными мѣстностями.

Четвертый видъ представляетъ собою комбинацію двухъ предъидущихъ, — дѣленіе труда въ пространствѣ и времени вмѣстѣ. Результаты труда различныхъ поколѣній и различныхъ мѣстностей интегрируются въ одно цѣлое — экономическую силу и богатство народовъ, силою солидарности интересовъ сплачивающихся все болѣе въ одно стройное, связное цѣлое, до того связное, что во многихъ отношеніяхъ оно представляетъ сходство съ отдѣльными живыми организмами.

До сихъ поръ разсмотрѣнные виды дѣленія труда представляли собою раздѣленіе, спеціализацію занятій или въ видѣ цѣлыхъ отраслей производства, или въ видѣ производства отдѣльныхъ цѣнностей. Но на этой ступени спеціализаціи общество не останавливается. Оно идетъ далѣе и дробитъ самое изготовленіе отдѣльнаго продукта между отдѣльными производителями, такъ что никто изъ нихъ не получаетъ въ результатѣ приложенія своего труда такой цѣнности, которою можно бы было удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, а такая цѣнность получается лишь въ результатѣ *совмѣстнаго* приложенія труда всѣхъ этихъ рабочихъ, производящихъ, каждый порознь, лишь часть той работы, которая необходима для полученія цѣлаго продукта. Это то форма спеціализаціи и называется обыкновенно дѣленіемъ

труда, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Его можно теперь наблюдать на каждой фабрикѣ, почти въ каждой мастерской. Возьмемъ, напр., спичечную фабрику: одинъ рѣжетъ осиновые обрубки на ленты, другой рубитъ ихъ вдоль и поперекъ и получаетъ въ результатѣ самыя лучинки спичекъ; новые рабочіе располагаютъ ихъ рядами между нѣсколькими дощечками, скрѣпляемыми по бокамъ винтами, такъ что лучинки выдаются изъ дощечекъ, и выпасть не могутъ. Это называется „накатывать рамки". Новые рабочіе изготовляютъ фосфорную „массу", разогрѣваютъ ее на плитѣ въ особыхъ противняхъ, обмакиваютъ въ нее спичечныя лучинки въ рамкахъ, передаютъ въ сушильню; оттуда готовыя высохшія спички, но все еще въ рамкахъ, передаются новымъ рабочимъ, которые укладываютъ спички въ коробки, изготовляемыя опять таки цѣлымъ рядомъ рабочихъ.

Всѣ указанные виды дѣленія труда не устанавливались какою либо государственной властью, закономъ или распоряженіемъ; нѣтъ, они явились *сами собою,* развились естественно, представляютъ собою *общественную* организацію труда, своимъ происхожденіемъ обязанную уму человѣка, сознавшаго пользу таковой.

Въ чемъ же заключаются выгодныя послѣдствія дѣленія труда?

Подобно тому, какъ въ организмѣ отдѣльнаго человѣка физическій ростъ составляетъ необходимое предшествующее всего послѣдующаго развитія, и по отношенію къ человѣческому обществу физическій ростъ его—размноженіе числа его членовъ—до извѣстнаго предѣла, по крайней мѣрѣ, составляетъ conditio sine qua non для всякаго дальнѣйшаго развитія, а между тѣмъ безъ указаннаго дѣленія труда и основаннаго на немъ обмѣна границы для физическаго роста человѣческаго общества были сравнительно тѣсны. Первоначально люди могли селиться лишь въ мѣстностяхъ, способныхъ производить необходимыя количества пищи безъ особеннаго напряженія труда, безъ значительныхъ предварительныхъ затратъ. Мѣстности, неудовлетворявшія этимъ требованіямъ, должны были оставаться незаселенными, какими бы иными естественными богатствами онѣ ни обладали, которыя, слѣдовательно, пропадали бы для человѣчества.

Въ мѣстахъ заселенныхъ предѣлъ для размноженія лежалъ въ ограниченности мѣстнаго производства. Лишь только населеніе размножалось настолько, что спросъ на первый предметъ потребленія—хлѣбъ оказывался въ несоотвѣтствіи съ наивысшимъ воз-

можнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, предложеніемъ его,—необходимымъ послѣдствіемъ должны были являться голодъ и моръ (и они дѣйствительно являлись, въ виду отсутствія экономическихъ сношеній съ другими мѣстностями), пока не возстановится нарушенное равновѣсіе спроса и предложенія.

Экономическая связь различныхъ мѣстностей можетъ предотвращать голодъ со всѣми гибельными послѣдствіями, но, конечно, если нуждающіеся въ хлѣбѣ располагаютъ необходимой покупательной силой.

Этимъ, однако, еще не ограничивается вліяніе дѣленія труда. Если, напримѣръ, населеніе мѣстности А до дѣленія труда и возникновенія обмѣна должно было затрачивать изъ 100 единицъ труда, которыми оно располагало, положимъ, 75 на добываніе необходимыхъ количествъ хлѣба и только 25 единицъ труда могло обращать на прочія отрасли производства, на науки и искусства; если, наоборотъ, въ другой хлѣбородной мѣстности Б изъ 100 единицъ труда, которыми тоже располагало ея населеніе, во всемъ сходное съ населеніемъ первой, достаточно 25 единицъ труда для полученія такого количества хлѣба, которое въ первой мѣстности требовало 75 единицъ труда, а, значитъ, на всѣ прочія занятія оставалось 75 единицъ, но производили они этихъ разныхъ (кромѣ хлѣба) товаровъ столько же, сколько въ странѣ А—25 единицъ труда,—то, при обмѣнѣ, страна А можетъ извлечь изъ земледѣлія 25 единицъ труда, направивъ ихъ на прочія занятія, за результаты которыхъ путемъ обмѣна съ страной Б она получитъ такое же количество хлѣба, какое она прежде получала при непосредственной затратѣ на земледѣліе 75 единицъ труда; подобнымъ же образомъ въ странѣ Б могутъ быть переведены 25 единицъ труда изъ прочихъ занятій въ земледѣліе, въ обмѣнъ за продукты котораго, отъ приложенія этихъ 25 единицъ полученные, отъ страны А будетъ получено столько прочихъ произведеній, сколько получалось въ странѣ Б при затратѣ 75 единицъ труда.

Такимъ образомъ, благодаря спеціализаціи труда и обмѣну, оказалось достаточно 50 единицъ труда въ каждой странѣ для снабженія ихъ хлѣбомъ и прочими продуктами въ прежнихъ размѣрахъ, изъ 50 же освободившихся въ каждой странѣ единицъ труда можетъ быть затрачено на дальнѣйшее усиленіе земледѣлія и другихъ отраслей промышленности или на развитіе наукъ и искусствъ, т. е. на дальнѣйшее физическое, экономическое и ду-

ховное развитіе общества, все то сбереженное количество труда, которое не потребуется на перемѣщеніе обмѣниваемыхъ цѣнностей.

Выгоды дѣленія труда въ тѣсномъ смыслѣ слова сводятся къ слѣдующему.

Уже А. Смитъ, въ своемъ безсмертномъ твореніи, указываетъ на нѣкоторыя выгоды этого дѣленія труда, приводя въ видѣ примѣра производство булавокъ на фабрикѣ, гдѣ всѣ операціи были распредѣлены между 10 рабочими. Въ результатѣ дневнаго производства получалось 48.000 булавокъ, т. е. на каждаго работника это составитъ по 4.800 булавокъ, тогда какъ, не будь дѣленія труда, каждый порознь не изготовилъ бы и 20, а, можетъ быть, даже и одной.

Сэ наблюдалъ изготовленіе игральныхъ картъ, причемъ оказалось, что при раздѣленіи труда между 30 рабочими въ день изготовлялось болѣе 15.500 картъ, тогда какъ каждый порознь едва ли изготовилъ бы въ день и 2 карты.

На большихъ фабрикахъ машиннаго башмачнаго производства каждый башмакъ проходитъ черезъ руки 64 рабочихъ, изъ которыхъ каждый исполняетъ только одну какую либо детальную операцію; на Тульскомъ оружейномъ заводѣ изготовленіе берданокъ распадается на 374 операціи.

Благодаря дѣленію труда, весьма значительно увеличивается количество производимыхъ цѣнностей. Это объясняется частью большей ловкостью, которую пріобрѣтаетъ рабочій, постоянно занимаясь все одними и тѣми же манипуляціями, а частью устраненіемъ траты времени, вызываемой всегда перемѣной занятія: при переходѣ отъ одного занятія къ другому, всегда нужно нѣкоторое время, чтобы вработаться въ новое дѣло, подобно тому, какъ паровозу послѣ остановки требуется нѣкоторое время, чтобы развить извѣстную скорость движенія. При дѣленіи труда, когда на долю каждаго рабочаго приходятся постоянно одни и тѣ же операціи, указанная потеря времени устраняется.

А. Смитъ еще указываетъ на большую легкость дѣлать улучшенія, изобрѣтенія, при занятіи постоянно однимъ дѣломъ. Эта выгода при значительномъ дѣленіи труда вообще не представляется существенной, а иногда и прямо возможной, такъ какъ доведеніе труда отдѣльнаго рабочаго до повторенія простѣйшихъ манипуляцій, напр. вращеніе рукоятки и т. п., скорѣе можетъ способ-

ствовать притупленію, а не развитію умственныхъ способностей рабочаго.

Къ указаннымъ выгодамъ дѣленія труда должно прибавить еще слѣдующія.

Возможность большей приспособленности рабочаго къ его постоянному занятію: кузнецъ и хорошій скрипачъ не могутъ соединяться въ одномъ лицѣ, такъ какъ отъ одного занятія грубѣютъ руки, а для другаго требуется тонкость осязанія; но то же самое замѣчается и въ отдѣльныхъ операціяхъ. Благодаря постоянному занятію одними и тѣми же манипуляціями, органы становятся сильнѣе, не такъ скоро утомляются; работа можетъ быть исполнена легче, быстрѣе, но въ то же время и лучше, аккуратнѣе.

Не маловажная выгода состоитъ въ сбереженіи времени и матерьяловъ при выучкѣ. Конечно, одному чему нибудь можно рабочаго выучить скорѣе, да и при выучкѣ меньше испортитъ онъ матерьяловъ, чѣмъ если бы его надо было обучать различнымъ родамъ работы.

Наконецъ, выгода заключается въ сбереженіи на капиталахъ при производствѣ. Возьмемъ, напр., сапожную мастерскую, въ которой работаютъ 5 человѣкъ, съ раздѣленіемъ между ними труда по изготовленію сапогъ. Каждый изъ нихъ пользуется только нѣкоторыми изъ инструментовъ, необходимыхъ для изготовленія сапогъ, между тѣмъ, если бы каждый изъ рабочихъ работалъ порознь, то каждому нужны были бы всѣ инструменты, т. е. для всѣхъ нихъ потребовалось бы издержекъ на инструменты въ 5 разъ болѣе (чѣмъ при дѣленіи труда), причемъ одни изъ инструментовъ постоянно оставались бы безъ употребленія, пока рабочій пользовался бы другими.

Итакъ, благодаря дѣленію труда, продуктовъ можетъ быть произведено больше, быстрѣе, легче, лучше и съ меньшими издержками.

Развитіе дѣленія труда стоитъ въ зависимости: 1) отъ состоянія знанія, 2) отъ рода занятія, 3) отъ величины рынка и 4) размѣровъ предпріятія. Развитіе механики дѣлаетъ возможнымъ такое дѣленіе труда, о которомъ прежде не могло быть и рѣчи. Все новыя и новыя машины, увеличивая власть человѣка надъ природой, дѣлая производство болѣе быстрымъ и изобильнымъ, удешевляютъ продукты, сберегаютъ ручной трудъ и могутъ его облегчать, да сверхъ того, представляя собою весьма значительные капиталы, которые оставлять въ бездѣйствіи крайне невыгодно, побуждаютъ

занимать рабочихъ даже и во время нѣкотораго застоя въ дѣлахъ и въ сбытѣ уже изготовленныхъ продуктовъ. Облегчая или только даже и дѣлая возможнымъ значительное дѣленіе труда, машины, въ связи съ вышеуказанными слѣдствіями, въ концѣ концовъ, усиливаютъ спросъ на трудъ, такъ что, какъ показываетъ статистика, „больше всего рабочихъ находится въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ много машинъ и, отъ времени до времени, вмѣстѣ съ умноженіемъ машинъ, увеличивается и число рабочихъ“ (Левассеръ). Однако, взглянувъ на оборотную сторону медали, должно признать, что введеніе машинъ можетъ и дѣйствительно представляетъ и нѣкоторыя невыгоды. Временно, по крайней мѣрѣ, обращеніе части оборотнаго капитала въ постоянный влечетъ за собою сокращеніе необходимаго числа рабочихъ, которые слѣдовательно или рискуютъ остаться вовсе безъ работы, или предложеніемъ своихъ рукъ сбиваютъ установившіяся цѣны на трудъ. Справедливое до извѣстной степени возраженіе, что машины вводятся преимущественно во время высокой заработной платы, когда ясно обнаруживается выгода замѣны ручнаго труда машиннымъ, отнюдь не подрываетъ вѣрности сказаннаго, а говоритъ только о возможности смягченія силы невыгодныхъ для рабочихъ послѣдствій отъ введенія машинъ.

Далѣе, онѣ приводятъ къ преобладанію крупнаго производства, съ которымъ связывается возможность перепроизводства и обусловленныхъ послѣднимъ кризисомъ; наконецъ, дороговизна машинъ лишаетъ рабочихъ почти всякой надежды когда нибудь подняться до положенія самостоятельнаго труженика—стать хозяиномъ. О другихъ невыгодахъ, вызываемыхъ вообще дѣленіемъ труда скажетъ ниже.

Вторымъ, опредѣляющимъ возможную степень дѣленія труда моментомъ, является характеръ занятія: гдѣ преобладающее значеніе принадлежитъ природѣ, какъ фактору производства, тамъ возможно сравнительно меньшее дѣленіе труда; такъ, напр., въ земледѣліи естественные перерывы работъ не допускаютъ спеціализаціи ихъ: нельзя одному только пахать, другому — сѣять, третьему — только жать и т. п.

Затѣмъ величина рынка, т. е. сферы сбыта продуктовъ, опредѣляетъ границы выгодности дѣленія труда. Въ деревенской лавочкѣ найдете рядомъ съ дегтемъ и сапогами пряники и леденцы, муку, мыло, гвозди и т. д., т. е. такіе товары, продажа которыхъ въ городахъ является спеціальностью отдѣльныхъ торгов-

цевъ: въ деревнѣ такая спеціализація невозможна въ виду ограниченности рынка. Тоже можно сказать, напр., относительно докторовъ: въ большихъ городахъ находимъ спеціалистовъ по отдѣльнымъ болѣзнямъ, которые въ маленькомъ городѣ умерли бы съ голоду, если бы предлагали свои медицинскія услуги только по одной извѣстной спеціальности.

Наконецъ, возможную степень дѣленія труда опредѣляетъ величина предпріятія: если хозяинъ не располагаетъ такимъ капиталомъ, чтобы пріобрѣсти дорогія машины, допускающія большее дѣленіе труда, или не можетъ нанять столько рабочихъ, сколько было бы возможно занять при существующемъ у него порядкѣ производства, то на такой фабрикѣ дѣленіе труда, конечно, будетъ оставаться на низшей ступени, чѣмъ какая была бы возможна по состоянію знаній, роду занятія и обширности рынка. Обращаясь къ исторіи, мы находимъ, что дѣленіе труда на первыхъ ступеняхъ экономическаго развитія представляется совершенно ничтожнымъ; у древнихъ, а равно и въ средніе вѣка оно не сдѣлало большихъ успѣховъ: у Гомера царскія дочери и жены носятъ воду, моютъ бѣлье, прядутъ; въ средніе вѣка одному изъ королей придворные совѣтуютъ жениться, „такъ какъ иначе его разорванное бѣлье никогда не будетъ приведено въ порядокъ“. Дѣленіе труда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Шотландіи даже къ началу настоящаго столѣтія было такъ незначительно, что крестьяне сами изготовляли всю свою одежду, кромѣ шапки и кафтана. Въ общихъ чертахъ о развитіи дѣленія труда въ исторіи было уже говорено во введеніи. Въ серединѣ настоящаго столѣтія въ Англіи изготовленіе часовъ уже распредѣлялось между 102 рабочими, причемъ каждый изъ нихъ ничего не зналъ изъ всего производства, кромѣ той доли операцій, которая составляла его спеціальность. Одинъ только составитель часоваго механизма представлялъ исключеніе.

Однако далеко идущее дѣленіе труда можетъ имѣть и невыгодныя послѣдствія.

Постоянное занятіе одной и той же работой, доведенной до элементарной простоты, притомъ занятіе съ самаго юнаго возраста, обусловливаетъ одностороннее развитіе организма, а то и разрушеніе здоровья и притупленіе умственныхъ способностей.

Дѣленіе труда сдѣлало возможнымъ пользованіе силами женщинъ и дѣтей, послѣдствіемъ чего явилась порча семьи и подра-

стающаго поколѣнія: работа мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и малолѣтнихъ въ томъ же помѣщеніи, иногда и въ теченіе ночи, способствовала развитію разврата, которымъ заражались и дѣти; паденіе нравственности, разрушеніе здоровья физическаго присоединялись къ умственному отупенію. На борьбу съ указанными послѣдствіями выступило общество и государство, требуя устраненія или ограниченія дѣтской и женской работы, устройства особыхъ жилищъ для семейныхъ рабочихъ, стремясь обезпечить подростающему поколѣнію возможность получить нѣкоторое образованіе до поступленія и продолжать его, даже и находясь на фабрикѣ или заводѣ.

Другія послѣдствія дѣленія труда, однако, таковы, что трудно съ ними бороться. Такъ, напр., вслѣдствіе спеціализаціи занятій явилась большая зависимость одного класса производителей отъ другаго: неурожай хлопка, можетъ быть, въ Америкѣ отражается безработицей для рабочихъ на фабрикахъ стараго свѣта; большая зависимость рабочаго отъ своего спеціальнаго дѣла: онъ не годится для другой какой либо работы, отсюда трудность найти занятія, особенно въ случаѣ кризисовъ въ данной отрасли промышленности.

Нельзя не согласиться съ Рошеромъ, что такое дѣленіе труда, при которомъ рабочіе низводятся до положенія машины, безнравственно, не согласуется съ призваніемъ человѣка.

Должно имѣть въ виду человѣка въ его цѣломъ прежде всего и потому то вполнѣ естественно, что на высшихъ ступеняхъ развитія заявляются требованія уменьшенія дѣленія труда: это необходимо уже ради удовлетворительнаго, добросовѣстнаго исполненія политическихъ и общественныхъ обязанностей человѣка, какъ гражданина.

Оборотной стороной дѣленія труда является *соединеніе труда, кооперація. Простая* кооперація есть такое соединеніе силъ трудящихся, при которомъ всѣ и каждый производятъ ту же самую работу, напр. сдвигаютъ тяжесть, тянутъ бечевой барку и т. п. Если бы каждый порознь прилагалъ свои силы, никакого результата не получилось бы: необходимо соединеніе силъ.

Подобное же соединеніе силъ трудящихся необходимо для полученія продукта при раздѣленіи труда, въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. когда каждый производитъ лишь часть работы, необходимой для полученія продукта.

Косвенная кооперація наблюдается *въ пространствѣ* и *во времени*. Первую мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда продуктами труда разныхъ лицъ удовлетворяются потребности одного субъекта, что и совершается постоянно при помощи спеціализаціи занятій и обмѣна: каждый производитъ для всѣхъ и всѣ для каждаго. Вторую мы можемъ наблюдать при созданіи громадныхъ работъ, совершаемыхъ многими поколѣніями, напр. прорытіе Панамскаго перешейка, созданіе путей сообщенія вообще, но особенно ясно она проявляется въ области труда умственнаго, въ пользованіи его результатами: почти все знаніе, добытое тысячи лѣтъ тому назадъ, служитъ настоящему поколѣнію, продолжающему разработку знанія, переданнаго отъ предковъ, причемъ, опять-таки, въ значительной степени выгодами отъ этой работы воспользуются послѣдующія поколѣнія.

V.

До сихъ поръ мы разсматривали факторы производства порознь, но для полученія новыхъ цѣнностей путемъ созданія ихъ необходимо соединеніе, комбинированіе этихъ факторовъ. Соединеніе ихъ въ цѣляхъ производства называется *предпріятіемъ*, а лицо, на свой страхъ и рискъ объединяющее ихъ и руководящее дѣломъ до окончанія производства — *предпринимателемъ*. Такимъ образомъ каждый субъектъ хозяйства, напр. крестьянинъ, воздѣлывающій землю, положимъ, только ради полученія количества хлѣба, необходимаго для удовлетворенія потребностей своей семьи, и тотъ можетъ быть названъ предпринимателемъ, ведущимъ предпріятіе; но обыкновенно эти термины употребляются въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, именно когда рѣчь идетъ о производствѣ *въ видахъ сбыта*. Съ этой точки зрѣнія можно различать *полныя* и *неполныя* предпріятія. Къ послѣднимъ относятся такія, продуктамъ которыхъ сбытъ по извѣстной цѣнѣ обезпеченъ заранѣе, такъ какъ въ нихъ производство ведется на основаніи предварительнаго заказа съ уговоромъ относительно цѣны продукта, напр. портной шьетъ сюртукъ, только получивши ранѣе заказъ и условившись въ цѣнѣ; рискъ, которому эти предпріятія подвергаются, ограничивается, слѣдовательно, стадіей техническаго производства, т. е. производство можетъ не удаться (по винѣ или безъ вины предпринимателя, все равно), но сбытъ продуктамъ по опредѣленной цѣнѣ обезпеченъ.

Полныя предпріятія тѣмъ и отличаются, что они подвергаются не только риску при производствѣ, но и относительно сбыта, такъ какъ они производятъ продукты безъ предварительнаго заказа, разсчитывая на неизвѣстныхъ потребителей, которые могутъ или не явиться вовсе, или въ меньшемъ числѣ, чѣмъ предполагалось, или предложатъ нижшую цѣну противъ той, на которую разсчитывалось при производствѣ. Такимъ образомъ эти предпріятія подвергаются и техническому, и экономическому риску.

Отъ какихъ условій зависитъ рискъ? Устраненіе нѣкоторыхъ зависитъ отъ воли человѣка, другія же отъ нея почти вовсе не зависятъ; вся совокупность послѣдней категоріи условій естественныхъ, техническихъ, соціальныхъ, правовыхъ и политическихъ, которыми въ значительной степени обусловливается производство, интенсивность спроса и сбытъ, а потому и мѣновая цѣнность товаровъ, называется *конъюнктурой*. За послѣднее время на нее особенное вниманіе обратилъ А. Вагнеръ, которымъ и дается наиболѣе полное изслѣдованіе вліянія *конъюнктуры* на народное хозяйство.

При господствѣ дѣленія труда и права частной собственности, особенно на землю и капиталъ, совершенно (или преобладающимъ образомъ) независимо отъ воли субъекта, отъ его дѣйствій, усилій или упущеній, является для однихъ увеличеніе, а для другихъ—уменьшеніе ихъ состоянія, цѣнности ихъ товаровъ.

Главнѣйшими, заслуживающими особеннаго вниманія, элементами конъюнктуры являются:

1) Колебанія урожаевъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ зависимости отъ атмосферныхъ вліяній (засухи, дожди и т. п.), а также и отъ условій характера политическаго (непосѣвъ или уничтоженіе хлѣбовъ вслѣдствіе войнъ). Въ сильной степени вредныя вліянія неурожаевъ парализуются значительными усовершенствованіями въ путяхъ сообщенія и обусловленнымъ этими послѣдними развитіемъ хлѣбной торговли, что ясно видно изъ цѣнъ хлѣбовъ, подвергающихся гораздо меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ въ древнее время и въ средніе вѣка; во всякомъ случаѣ, однако, еще и въ серединѣ настоящаго столѣтія (въ значительной степени, впрочемъ, въ зависимости отъ таможенной политики), и даже въ послѣдніе годы (1890—92 г.) можно наблюдать въ короткіе промежутки времени значительныя колебанія цѣнъ.

2) Техническія усовершенствованія въ производствѣ. Въ зависимости отъ послѣднихъ является возможность или производить

съ меньшими издержками прежніе товары, или изготовлять товары лучшаго качества за ту же цѣну. Очевидно, что производители, вложившіе свой трудъ и капиталъ въ эти отрасли производства въ прежнее время, окажутся въ невыгодномъ положеніи, такъ какъ оцѣнка произведенныхъ ими затратъ естественно упадетъ. Особенно рельефнымъ примѣромъ можетъ служить вытѣсненіе машиннымъ производствомъ ручнаго труда при пользованіи несовершенными орудіями.

3) Измѣненія въ средствахъ сообщенія, облегчающихъ перемѣщеніе лицъ и грузовъ. Примѣненіе пароваго двигателя для этихъ цѣлей обусловило настоящій переворотъ въ народномъ хозяйствѣ, о чемъ мы говоримъ подробно въ отдѣлѣ обращенія цѣнностей, почему здѣсь и не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ во избѣжаніе повтореній.

4) Измѣненія во взглядахъ людей на пригодность цѣнностей удовлетворять потребностямъ, а потому и измѣненіе спроса и цѣнности товаровъ. Здѣсь главнымъ образомъ придется имѣть въ виду, такъ называемую, *моду*.

5) Измѣненія въ тѣхъ общихъ условіяхъ производства и сбыта товаровъ, а равно и кредита, которыя стоятъ въ зависимости отъ положенія государства или и болѣе обширной сферы хозяйства съ точки зрѣнія политической.

6) Измѣненія въ экономически-правовомъ строѣ, отзывающіяся на народномъ и даже всемірномъ рынкѣ. Простѣйшимъ примѣромъ могутъ служить тѣ измѣненія, которыя обусловливаются введеніемъ или отмѣною таможенныхъ пошлинъ и въ настоящее время. Но типичнымъ, классическимъ образчикомъ въ этомъ отношеніи служатъ хлѣбныя пошлины въ Англіи. Ихъ высота поощряла обращеніе подъ обработку даже самыхъ неплодородныхъ участковъ земли,—опредѣляла направленіе внутренняго производства; но въ то же время высокія цѣны на хлѣбъ ложились особенно тяжело на рабочій классъ и опредѣляли характеръ потребляемыхъ товаровъ массою; въ то же время, съ установленіемъ подвижной скалы пошлинъ, поднимавшихся съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ и уменьшавшихся съ повышеніемъ послѣднихъ, стало затруднительнымъ и рискованнымъ для отдаленныхъ мѣстностей везти свой хлѣбъ въ разсчетѣ на сбытъ его въ Англію, но тѣмъ въ выгоднѣйшемъ положеніи оказались сосѣднія страны, особенно Германія, которой являлась полная возможность

быстро утилизировать выгодную конъюнктуру, въ данномъ случаѣ—сильное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи,—ввезти немедленно значительныя количества хлѣба, дешево произведеннаго, причемъ нѣкоторое пониженіе цѣнъ, вызванное такимъ ввозомъ, влекло за собой снова повышеніе ввозныхъ пошлинъ и, слѣдовательно, являлось даже нѣкоторой охраной нѣмецкихъ торговцевъ отъ наплыва соперниковъ. Отмѣна пошлинъ, послѣдовавшая въ 1846—49 гг., должна была, при всей своей справедливости, поставить въ затруднительное положеніе и даже прямо разорить многихъ сельскихъ хозяевъ, ни въ чемъ неповинныхъ, можетъ быть, незадолго до этой отмѣны купившихъ земли по высокой, въ соотвѣтствіи съ доходомъ, цѣнѣ. Аналогичный случай представляетъ въ нашей исторіи великій актъ справедливости—освобожденіе крестьянъ съ землей въ 1861 г.

7) Измѣненія въ размѣщеніи населенія, въ особенности концентрація его въ большихъ городахъ. Въ послѣднихъ, благодаря этому обстоятельству, для владѣльцевъ земельныхъ участковъ и для домовладѣльцевъ явилась возможность жать, гдѣ они не сѣяли, и наживаться безъ всякихъ усилій, безъ всякихъ заслугъ съ ихъ стороны. Напр., средняя квартирная плата въ Берлинѣ возрасла съ 1815 по 1831 г. съ 39 тал. на 85, а къ 1872 г.—до 171 тал., причемъ за весь 40-лѣтній періодъ 1831—72 г. эта плата возрастала безъ перерыва постоянно, исключая 3 года—1849—51 г.

8) Измѣненія въ соціальномъ и экономическомъ положеніи отдѣльныхъ классовъ населенія. Напр., законодательство по охранѣ интересовъ рабочихъ за послѣднее десятилѣтіе должно необходимо отозваться увеличеніемъ ихъ покупательныхъ силъ параллельно съ уменьшеніемъ таковыхъ у капиталистовъ, вслѣдствіе чего кореннымъ образомъ измѣнится характеръ спроса: товары изысканные не найдутъ себѣ сбыта и болѣе станетъ требоваться товаровъ, удовлетворяющихъ потребностямъ массы.

Таковы главнѣйшія формы проявленія конъюнктуры, которыя могутъ встрѣчаться и совмѣстно въ дѣйствительности, въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ и могутъ сдѣлать тщетными самыя тщательные разсчеты, напрасными прилежаніе и бережливость, настойчивость и талантливость. Съ неожиданными послѣдствіями конъюнктуры еще можно бы было примириться, если бы таковыя представляли одинаковые шансы и въ выгодную и въ невыгодную сторону вообще во всѣ времена, повсемѣстно, въ отношеніи ко

всѣмъ категоріямъ товаровъ, а затѣмъ, если бы являлась возможность для отдѣльныхъ лицъ усиленнымъ прилежаніемъ и тщательнымъ наблюденіемъ до нѣкоторой степени вычислить вѣроятность той или другой комбинаціи, входящихъ въ понятіе коньюнктуры условій и возможныя затѣмъ послѣдствія; въ этомъ случаѣ еще можно бы было всетаки говорить о заслугахъ лица, пользующагося выгодной коньюнктурой. Однако, ни того, ни другаго условія въ дѣйствительности не наблюдается, поэтому необходимо озаботиться принятіемъ мѣръ къ устраненію послѣдствій коньюнктуръ. Раціональная податная система—для незаслуженныхъ прибылей, страхованіе—отъ незаслуженныхъ убытковъ или даже непосредственная помощь со стороны государства, могутъ быть мѣрами борьбы съ *симптомами*, тогда какъ регулированіе частнаго хозяйства или взятіе извѣстныхъ отраслей производства государствомъ на себя, благодаря чему и выгодныя и невыгодныя послѣдствія коньюнктуръ разложатся одинаково на цѣлое общество,—могутъ служить средствомъ борьбы съ источникомъ, съ *причиной* нежелательныхъ явленій.

Хотя вліяніе коньюнктуры можетъ отражаться на интересахъ представителей всѣхъ факторовъ производства, но главнѣйшимъ образомъ имъ затрогиваются интересы предпринимателей, о чемъ еще будетъ говорено ниже въ отдѣлѣ *распредѣленія* цѣнностей, теперь же разсмотримъ, въ чемъ заключается роль предпринимателя.

Подобно тому, какъ и относительно дѣятельности представителей всѣхъ факторовъ производства, здѣсь можно взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія частной или общественной. Съ первой—дѣятельность предпринимателя сводится къ спекуляціи на разницу—къ извлеченію возможно большей выгоды путемъ привлеченія факторовъ производства за возможно меньшее вознагражденіе и продажи изготовленныхъ продуктовъ за возможно большую сумму, чтобы получилась возможно большая разница между выручкой отъ продажи и издержками по производству продуктовъ; съ общественной точки зрѣнія функція предпринимателей сводится къ изученію потребностей общества и къ доставленію, ради ихъ удовлетворенія, *чего*, *сколько*, *гдѣ* и *когда* требуется. Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія предприниматели отправляютъ *общественную функцію* и подобная дѣятельность безусловно необходима при всякомъ экономическомъ строѣ, а потому и должна быть оплачиваема, такъ какъ и ихъ трудъ *всегда* участвуетъ въ

созданіи продуктовъ. Выдѣленіе функціи предпринимателей есть проявленіе дальнѣйшаго дѣленія труда, благодаря чему народное хозяйство въ цѣломъ можетъ получить слѣдующія выгоды: а) неся весь рискъ, предприниматель употребитъ всѣ силы, все знаніе на дѣло, за которое взялся, и легче достигнетъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ какіе получились бы безъ такой спеціализаціи; б) потребности общества удовлетворяются легче и быстрѣе, такъ какъ предприниматель идетъ на встрѣчу, стремится угадать зарождающіяся потребности, разсчитывая опередить своихъ соперниковъ и чрезъ то получить выгоду; в) удовлетвореніе потребностей общества обходится дешевле, такъ какъ, постоянно покупая и продавая, предприниматель, во 1-хъ, лучше знаетъ условія рынка, — дешевле, можетъ купить, что нужно для производства, а во 2-хъ, можетъ довольствоваться меньшей прибылью, — дешевле можетъ продать; наконецъ, только при такой спеціализаціи становится возможнымъ организовать производство нѣкоторыхъ цѣнностей,—таковы напр., услуги, оказываемыя желѣзными дорогами: пользующихся— масса, но каждый порознь, какъ бы богатъ ни былъ, не счелъ бы выгоднымъ, а еще чаще — возможнымъ *для себя* создать эти пути сообщенія.

Изъ сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, что предприниматель не можетъ въ то же время быть и представителемъ одного или нѣсколькихъ факторовъ производства и даже, по большей части, имъ бываетъ капиталистъ, но во всякомъ случаѣ функціи послѣдняго, какъ *таковаго*, отличны отъ функцій предпринимателя, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

По личности предпринимателя можно различить предпріятія: 1) *общественныя* — принадлежащія государству или другому общественному союзу; 2) *quasi-общественныя* — принадлежащія частнымъ обществамъ, но обязанныя публичной отчетностью, и 3) *частныя* — принадлежащія частнымъ лицамъ и публичной отчетностью не обязанныя. Въ зависимости отъ того, стоитъ ли во главѣ предпріятія нѣсколько лицъ или предпринимателемъ является одно лицо, различаютъ *единоличныя* и *коллективныя* предпріятія; въ зависимости отъ размѣровъ — *крупныя, среднія* и *мелкія*; по роду производства — 1) *сельско-хозяйственныя*, 2) *промышленныя* (въ тѣсномъ смыслѣ слова, и 3) *торговыя*.

Дѣленіе предпріятій по роду производства на три группы хотя и возможно въ общихъ чертахъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако,

могутъ встрѣтиться затрудненія для рѣшенія вопроса, къ какой группѣ отнести то или другое предпріятіе, напр. мельницы, маслобойни, перевозочныя и страховыя предпріятія.

По мѣрѣ развитія экономическаго быта, всеб олѣе верхъ берутъ *крупныя* предпріятія, надъ *среднимі* и *мелкими*, хотя (по численности) до настоящаго времени мелкія во много разъ превосходятъ крупныя предпріятія *). Какъ различаются эти предпріятія и на чемъ основывается указанное явленіе? Мелкое производство мы имѣемъ тамъ, гдѣ работаетъ самъ предприниматель или руководитель предпріятія въ той же роли, какъ и рабочіе, гдѣ капиталъ не играетъ особенной роли, а на первомъ планѣ стоитъ трудъ; при крупномъ—уже одно руководительство дѣломъ часто поглощаетъ всѣ силы главы предпріятія и онъ уже не принимаетъ никакого участія въ самомъ производствѣ, которое требуетъ большаго *капитала,* здѣсь имѣющаго уже преобладающее значеніе; среднихъ размѣровъ предпріятія суть такія, гдѣ и самъ предприниматель принимаетъ участіе въ производствѣ, но не наравнѣ съ рабочими, напр. онъ наблюдаетъ за ними, распредѣляетъ между ними работу. Вообще *главнѣйшимъ* характернымъ признакомъ для отнесенія предпріятія къ той или другой группѣ является величина капитала, затрачиваемаго въ предпріятіи.

Характерныя черты мелкаго, въ отличіе отъ крупнаго производства: 1) индивидуализація, какъ въ смыслѣ отпечатка на продуктѣ личныхъ особенностей работника, такъ и возможности разнообразить изготовляемые продукты по требованію отдѣльныхъ личностей; 2) энергія, интенсивность труда въ виду яснаго сознанія личнаго интереса, зависимости размѣровъ дохода отъ усилій, и 3) малые расходы на управленіе, надзоръ: „хозяйскій глазъ“ самъ заботливо наблюдаетъ, чтобъ не было лишнихъ тратъ, не терялось по пусту время, и издержекъ такого рода почти не знаетъ мелкое производство.

Если, однако, не смотря на неимѣніе указанныхъ чертъ, крупное производство замѣтно беретъ верхъ надъ мелкимъ и среднимъ, то, очевидно, ему присущи другія выгодныя стороны, которыя перевѣшиваютъ преимущества, отличающія мелкое производство. Такими являются: 1) болѣе выгодныя условія для пріоб-

*) По даннымъ промышленной германской переписи 1882 г. оказалось, что изъ числа 834.910 предпріятій только въ 74.680 (т. е. менѣе 9%) имѣлось болѣе 5 рабочихъ.

рѣтенія сырья и для сбыта продуктовъ; 2) пользованіе дорогостоющими машинами (о значеніи которыхъ для производства уже было говорено выше); проведеніе возможнаго дѣленія труда со всѣми вытекающими изъ этого выгодами; 3) значительныя сбереженія на такъ называемыхъ „общихъ“ издержкахъ. Напр. для 10 крестьянскихъ хозяйствъ, какъ бы незначительны они ни были, необходимо 10 домовъ, лошадей, телѣгъ, сохъ, боронъ и т. п., а еслибъ эти хозяйства составляли одно—они могли бы обойтись, напр., 5-ю, можетъ быть, даже 3-мя лошадьми, телѣгами и проч. Необходимость сравнительно большихъ „общихъ“ расходовъ для мелкихъ хозяйствъ особенно наглядно наблюдается при дѣлежѣ семей въ крестьянскомъ быту; напр., братья дѣлятся послѣ смерти отца и каждому приходится обзаводиться всѣмъ необходимымъ, такъ что на ту же землю потребуется большее количество рабочаго скота и орудій, не говоря уже о постройкѣ новаго дома и службъ. Немалое преимущество заключается, наконецъ, въ 4) въ большей жизнеспособности крупныхъ предпріятій: въ случаѣ застоя въ торговлѣ, вообще во время кризисовъ, мелкій предприниматель прекращаетъ производство или изъ одной боязни разориться, или,—въ виду незначительности средствъ, которыми располагаетъ,—легко дѣйствительно разоряясь; крупное предпріятіе въ состояніи долѣе выдержать, пережить кризисъ, и предприниматели не прекращаютъ работы, не оставляютъ, слѣдовательно, и рабочихъ безъ заработка, чтобы не потерять, во время остановки, процентовъ на затраченный значительный капиталъ, который перевести въ другія отрасли промышленности представляется тѣмъ болѣе труднымъ, чѣмъ болѣе онъ въ данномъ производствѣ являлся въ формѣ капитала *постояннаго*.

Какъ бы то ни было, предпріятія разныхъ размѣровъ имѣютъ каждое свои выгодныя стороны, почему можно съ увѣренностью сказать, что крупное производство, если и можетъ оттѣснять среднее и мелкое, никогда, однако, не поглотитъ ихъ совершенно.

Намъ придется вернуться къ этому вопросу еще при разсмотрѣніи главнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства: 1) сельскаго хозяйства, 2) обрабатывающей промышленности и 3) торговли.

Остановимся теперь на важнѣйшихъ формахъ предпріятій.

Единоличное предпріятіе мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда одно лицо несетъ полную юридическую отвѣтственностью и весь

рискъ предпріятія. Выгоды, представляемыя этой формой, суть слѣдующія. Хозяинъ ясно сознаетъ зависимость своей выгоды отъ успѣшнаго веденія дѣла и онъ приложитъ въ этихъ видахъ всѣ старанія, всѣ силы свои: чѣмъ больше будетъ доходъ предпріятія, настолько же будетъ въ большей выгодѣ хозяинъ его. Затѣмъ, сосредоточеніе распоряженія всѣмъ дѣломъ въ однихъ рукахъ обезпечиваетъ возможность сравнительно-быстраго измѣненія направленія въ производствѣ: если предприниматель, напр., предвидитъ еще только или уже узнаетъ, что измѣнится мода, спросъ на тѣ или другіе товары, или что предвидится война и явится усиленный спросъ на извѣстные продукты, или что запасы хлѣба, въ виду нѣсколькихъ урожайныхъ годовъ, велики, а потому цѣна на хлѣбъ будетъ низка, тогда какъ спросъ на извѣстныя промышленныя растенія обѣщаетъ усилиться, единоличный глава предпріятія безъ промедленія направляетъ свой капиталъ на производство новыхъ продуктовъ, обѣщающихъ большую выгоду. Говоря коротко, единоличный хозяинъ легче можетъ утилизировать выгодную коньюнктуру. Наконецъ, при этой формѣ мы встрѣчаемъ обыкновенно постепенный, естественный, такъ сказать, ростъ предпріятія: та прибыль, которая остается въ рукахъ хозяина, идетъ на расширеніе оборотовъ, постепенно увеличивая капиталъ предпріятія въ соотвѣтствіи съ его успѣшностью. Слабыя стороны этой формы сводятся къ сильной зависимости предпріятія отъ силъ и средствъ одного человѣка, чѣмъ обусловливается, въ видѣ общаго правила, ограниченность размѣровъ единоличнаго предпріятія, а затѣмъ его непрочность, ненадежность: не только смерть, но даже болѣзнь одного человѣка — хозяина, — тотчасъ можетъ невыгодно отозваться на веденіи дѣла или вызвать и совершенное прекращеніе его.

Полнымъ товариществомъ называется такая форма предпріятія, когда два лица (или болѣе) ведутъ дѣло за общій счетъ подъ одной фирмой, при полной солидарной отвѣтственности. Лица эти называются *полными товарищами* и прибыль отъ предпріятія дѣлится между ними поровну, если не было заключено особаго на этотъ предметъ условія. Выгоды этой формы почти тѣже, что и первой, только что разсмотрѣнной, формы предпріятія, но здѣсь мы уже имѣемъ большія средства, большія и болѣе разнообразныя силы, что представляется весьма важнымъ, если веденіе предпріятія требуетъ этого разнообразія и веденія дѣла въ разныхъ мѣстахъ.

Въ одной изъ книгъ, посвященныхъ изученію причинъ преимуществъ американскаго сельскаго хозяйства, указывается на значеніе въ этомъ отношеніи сильнаго развитія товариществъ среди сельскихъ хозяевъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Калифорніи три такихъ хозяина, соединившись въ полное товарищество, раздѣлили между собой занятія: одинъ остался „на землѣ“ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, въ полномъ смыслѣ слова; другой занялся обработкой продуктовъ, доставлявшихся первымъ, т. е. мололъ хлѣбъ, варилъ фрукты и т. д.; третій посвятилъ себя исключительно заботамъ о наивыгоднѣйшемъ сбытѣ продуктовъ, доставлявшихся ему двумя первыми: онъ изучалъ условія сбыта разныхъ продуктовъ въ разныхъ мѣстахъ, виды на сбытъ и соотвѣтственно его указаніямъ измѣнялось и направленіе работы двухъ другихъ его товарищей. Выгода, получившаяся отъ такого соединенія лицъ, настолько ясна, что не требуется дальнѣйшихъ объясненій.

Невыгодныя стороны этой формы предпріятій главнымъ образомъ заключаются въ трудности найти нѣсколько такихъ лицъ, которыя не только вполнѣ довѣряли бы одинъ другому, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывались бы единомысляще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возникали бы изъ хода дѣлъ новые вопросы, напр. относительно измѣненія направленія дѣла и т. п. Коль скоро нельзя было бы достигнуть согласія между товарищами по какому либо вопросу или исчезло бы полное довѣріе другъ къ другу,—естественнымъ послѣдствіемъ было бы прекращеніе существованія предпріятія въ этой формѣ, т. е. въ видѣ полнаго товарищества. Необходимость по каждому болѣе существенному вопросу заручиться согласіемъ всѣхъ товарищей естественно обусловливаетъ малую, такъ сказать, удобоподвижность этой формы, вслѣдствіе чего пользованіе конъюнктурой для нея труднѣе, чѣмъ для единоличнаго предпріятія.

Товарищество на вѣрѣ, *коммандитное общество*, *коммандитное общество на акціяхъ* — всѣ эти формы суть дальнѣйшее развитіе только что разсмотрѣнной и переходная ступень отъ нея къ *акціонерному обществу;* во всѣхъ нихъ, кромѣ *полныхъ товарищей* еще есть *коммандитисты*, которые *вѣрятъ* первымъ часть своего состоянія для затраты въ предпріятіе. Отъ простыхъ кредиторовъ они отличаются тѣмъ, что они суть участники въ предпріятіи и несутъ рискъ и получаютъ прибыль въ соот-

вѣтствіи съ вложенными ими капиталами; отъ полныхъ товарищей—тѣмъ, что они отвѣчаютъ только тою частью своего состоянія, которую они пожелали затратить на предпріятіе, тогда какъ полные товарищи несутъ полную отвѣтственность, всѣмъ своимъ состояніемъ; за то послѣдніе ведутъ все дѣло, тогда какъ коммандитисты или *товарищи на вѣрѣ* имѣютъ только право большаго или меньшаго контроля, особенно въ виду обезпеченія правильности при опредѣленіи доли убытковъ или барышей, падающихъ на вложенные ими въ предпріятіе капиталы; такое участіе удостовѣряется выдачею акцій (коммандитное общество на акціяхъ) или инымъ какимъ либо способомъ (товарищество на вѣрѣ, коммандитное общество). Трудность составленія такихъ обществъ объясняетъ ихъ малую распространенность. Легче всего товарищество на вѣрѣ составляется изъ родныхъ. Напр. умираетъ отецъ, оставляющій своимъ сыновьямъ и дочерямъ фабрики, дома и т. п.; сыновья могутъ взяться за продолженіе начатыхъ предпріятій, тогда какъ дочери могутъ оставить свои доли наслѣдства не выдѣленными изъ общей массы съ тѣмъ, чтобы участвовать въ доходѣ отъ предпріятій въ соотвѣтствіи съ причитающимися имъ капиталами. При такихъ условіяхъ естественно, само собой возникаетъ товарищество на вѣрѣ или же коммандитное общество. Возьмемъ другой случай. Полное товарищество нуждается для расширенія оборотовъ, обѣщающаго значительное увеличеніе дохода, въ увеличеніи капитала. Послѣдній, однако, предлагается лицами, которыя желаютъ участвовать въ самомъ предпріятіи, неся рискъ и отвѣтственность въ предѣлахъ вкладываемаго ими капитала, но въ тѣхъ же предѣлахъ участвуя и въ прибыляхъ. Такимъ *пайщикамъ* выдаются, соотвѣтственно вносимымъ ими суммамъ, *паевыя свидѣтельства—акціи*, и мы будемъ имѣть коммандитное общество на акціяхъ.

Акціонерное общество есть соединеніе *капиталовъ*. Капиталъ общества, т. е. *акціонерный* капиталъ, только и отвѣчаетъ за долги предпріятія. Онъ раздѣляется на части, *паи*, которымъ соотвѣтствуютъ выдаваемыя въ удостовѣреніе внесенныхъ суммъ свидѣтельства—*акціи*. Они обыкновенно пишутся на круглыя суммы; могутъ быть именныя или на предъявителя. Въ послѣднемъ случаѣ собственникомъ считается держатель акцій. Они не дѣлимы, отчуждаемы; могутъ передаваться по наслѣдству. Акціонерный капиталъ обыкновенно заранѣе точно опредѣленъ и потому послѣ

разбора всѣхъ акцій доступъ новыхъ членовъ невозможенъ иначе, какъ путемъ перехода акцій изъ рукъ лицъ, которыя ихъ пріобрѣли ранѣе, или—въ случаѣ увеличенія капитала путемъ новаго выпуска акцій съ вѣдома или разрѣшенія правительства и по рѣшенію общаго собранія акціонеровъ. Чистый доходъ отъ предпріятія распредѣляется по числу акцій и называется дивидендомъ (id quod dividendum est). Если говорятъ: „5 рублей дивиденда на акцію“, то это еще не даетъ возможности судить о доходности предпріятія, еще необходимо знать стоимость акціи: если акціи сторублевыя — доходность равна 5% на капиталъ, если же они, напр., въ 500 р. каждая, то имѣемъ всего 1%.

Если предпріятіе нуждается въ увеличеніи капиталовъ, то таковое можетъ послѣдовать или путемъ выпуска акцій, т. е. привлеченія новыхъ капиталистовъ къ участію въ предпріятіи, или же общество можетъ искать ссудныхъ капиталовъ подъ условіемъ уплаты на нихъ заранѣе опредѣляемыхъ процентовъ, независимо отъ колебаній въ доходности предпріятія; въ такомъ случаѣ обществомъ выпускаются долговыя обязательства — *облигаціи* и, на ряду съ рискующимъ, предпринимательскимъ, *акціонернымъ* капиталомъ, мы находимъ въ предпріятіи еще заемный капиталъ, *облигаціонный*. Кредитоспособность акціонерныхъ обществъ зависитъ отъ ихъ надежности и доходности: если, напр., капиталистъ, не желающій рисковать своимъ капиталомъ, видитъ, что постоянно доходъ общества съ избыткомъ покрываетъ предстоящіе расходы по уплатѣ процентовъ на занимаемый капиталъ, если къ тому же капиталъ затрачивается на прочныя сооруженія, то онъ охотно, основываясь на публичной отчетности общества и на возможности всегда легко сбыть акціи, какъ облигаціи, согласится ссудить свои капиталы за извѣстный, опредѣленный процентъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ увеличенія капитала, пущеннаго въ оборотъ, общество разсчитываетъ получить доходъ, не меньшій, чѣмъ на первоначально-затраченный капиталъ, а этотъ доходъ превышаетъ тотъ процентъ, подъ условіемъ уплаты котораго можно получить необходимый капиталъ въ ссуду,— обществу выгоднѣе увеличить капиталъ выпускомъ облигацій, а не акцій. Если на 1 мил. акціонернаго капитала получается дивидендъ, равный 10% на капиталъ, и отъ затраты еще 1 мил. рублей получится еще 100.000 р. доходу, то, конечно, выгоднѣе обществу занять эту

сумму, если, по состоянію рынка и кредитоспособности общества, этотъ заемъ можетъ быть заключенъ, напр., изъ 6%.

Когда привлеченіе капиталовъ встрѣчаетъ затрудненія, приходится предоставить нѣкоторыя особыя преимущества лицамъ, которыя согласились бы ссудить общество капиталами или принять участіе въ предпріятіи; въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ выпуску *привиллегированныхъ* акцій или *привиллегированныхъ* облигацій. Держателямъ послѣднихъ, напр., предоставляется нѣкоторый контроль за веденіемъ дѣла, хотя они суть простые кредиторы общества; держателямъ привиллегированныхъ акцій иногда предоставляется преимущественное передъ держателями основныхъ акцій право на полученіе дивиденда до извѣстнаго %, или, сверхъ того, и весь излишекъ за отчисленіемъ того же процента на основныя акціи; составляется особый амортизаціонный фондъ для ихъ погашенія; иногда держателямъ ихъ предоставляется сравнительно болѣе, а иногда менѣе голосовъ, чѣмъ держателямъ обыкновенныхъ акцій; напр., 50 послѣднихъ акцій даютъ право 1 голоса въ общемъ собраніи акціонеровъ, тогда какъ то же право предоставляется держателю 30 акцій привиллегированныхъ, или же на оборотъ.

При *погашеніи* акцій путемъ тиража выплачивается ея капитальная стоимость, а владѣльцу, взамѣнъ погашенной, обыкновенно выдается, такъ называемая, *дивидендная* акція (или свидѣтельство), по которой выдается доходъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ превышаетъ извѣстный, заранѣе опредѣленный, напр. 5%; до этого предѣла сумма дохода распредѣляется только по числу непогашенныхъ акцій, все что свыше этой суммы—по числу всѣхъ акцій.

Такъ какъ доходность предпріятій изъ году-въ-годъ можетъ сильно колебаться, такъ какъ могутъ произойти какіе либо несчастные случаи, могутъ потребоваться вообще неожиданные или особо значительные расходы, которые могли бы, можетъ быть, совершенно поглотить весь дивидендъ того или другаго года, если бы эти расходы отнести на одинъ годъ, то, во избѣжаніе значительныхъ колебаній доходности, а въ зависимости отъ этого и биржевой цѣны акцій, составляется *запасный* капиталъ, путемъ ежегодныхъ отчисленій изъ чистаго дохода предварительно распредѣленія его въ дивидендъ. Если бы, напр., одинъ годъ доходъ упалъ чрезвычайно низко, то изъ запаснаго капитала отчисляется извѣстная сумма для распредѣленія между акціонерами въ дополненіе къ дивиденду даннаго года.

Органами управленія акціонернаго общества является прежде всего *общее собраніе акціонеровъ*. Если мы представимъ себѣ, что каждый изъ акціонеровъ имѣетъ по одной акціи, то все, самое большее, число акціонеровъ будетъ равно числу выпущенныхъ акцій, но, обыкновенно, въ однихъ рукахъ находится по нѣсколько акцій и число акціонеровъ соотвѣтственно уменьшается. Право голоса въ общемъ собраніи предоставляется, однако, не каждому акціонеру, а только такому, который является владѣльцемъ (или представителемъ) извѣстнаго числа акцій, опредѣляемаго различно въ разныхъ уставахъ обществъ.

Тѣмъ же уставомъ опредѣляются время и порядокъ созыва общаго собранія и дѣла, подлежащія его вѣдѣнію. Изъ нихъ важнѣйшія не экстраординарныя суть: 1) избраніе постояннаго органа, ведущаго предпріятіе, такъ какъ общее собраніе уже по одной своей многочисленности, не говоря о прочемъ, для этого не пригодно, 2) избраніе членовъ ревизіонной комиссіи, и 3) разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты на будущій и отчета правленія съ заключеніемъ ревизіонной комиссіи за прошлый годъ.

Общія собранія акціонеровъ бываютъ *очередныя*, *обыкновенныя*, т. е. предусмотрѣнныя уставомъ, въ извѣстное время, 1 или 2 раза въ году, и *экстренныя*, *чрезвычайныя*, созываемыя или по почину правленія, или же, и помимо его желанія, по требованію лицъ и органовъ, уполномоченныхъ на то уставомъ.

Постояннымъ органомъ акціонернаго общества является *правленіе*, которое можетъ распадаться на *совѣтъ управленія* и *дирекцію*. Первый—органъ руководящій—всегда составляется изъ акціонеровъ, періодически избираемыхъ общимъ собраніемъ; дирекція—органъ исполнительный—можетъ составляться и не изъ акціонеровъ, но всегда изъ лицъ, получающихъ опредѣленное вознагражденіе и часто, сверхъ того, долю въ прибыляхъ предпріятія, чтобы заинтересовать ихъ въ доходности послѣдняго. Иногда находимъ еще постоянный контролирующій органъ—*наблюдательный совѣтъ*. Наиболѣе простое и часто встрѣчающееся строеніе управленія акціонернаго общества, это—когда совѣтъ и дирекція являются слитыми подъ именемъ правленія, состоящаго изъ выбранныхъ общимъ собраніемъ акціонеровъ—въ числѣ 3 и болѣе человѣкъ—владѣльцевъ значительнаго числа акцій и завѣдующихъ всѣмъ предпріятіемъ; для провѣрки ежегодныхъ отчетовъ правленія

избирается также общимъ собраніемъ изъ акціонеровъ ревизіонная комиссія, не менѣе какъ въ числѣ 3 членовъ.

Получается необходимый для предпріятія складочный (акціонерный) или заемный (облигаціонный) капиталъ черезъ подписку, производимую при посредствѣ кредитныхъ учрежденій, о чемъ предварительно помѣщаются объявленія въ правительственныхъ и частныхъ газетахъ. При подпискѣ долженъ быть внесенъ только извѣстный процентъ отъ всей суммы, на которую лицо желаетъ подписаться; напр., желающій получить 10 акцій, по 500 р. каждая—при подпискѣ вноситъ всего 10%, т. е. только 500 р. Это дѣлается какъ въ виду того, что не весь капиталъ сразу можетъ понадобиться, такъ равно и въ виду возможности случая, когда вообще подпишутся на большую сумму противъ предложенной, какъ это, наприм., было при подпискѣ на закладные листы съ выигрышами дворянскаго банка, когда подписка въ сорокъ разъ покрыла потребную сумму. Въ подобныхъ случаяхъ удовлетворить всѣ требованія невозможно и потому производится *разверстка*, т. е. распредѣленіе предложеннаго къ подпискѣ числа листовъ (акцій, облигацій) по соображенію съ числомъ ихъ, затребованнымъ каждымъ отдѣльнымъ подписчикомъ; при этомъ обыкновенно требованія наименьшаго числа листовъ удовлетворяются вполнѣ, тогда какъ прочія требованія—лишь въ процентномъ отношеніи, постепенно уменьшаясь, по мѣрѣ увеличенія требованія.

Выгодныя стороны этой формы предпріятій: 1) легко и быстро могутъ быть собраны громадные капиталы, такъ какъ многіе могутъ принять участіе въ предпріятіи; 2) охотно многіе это дѣлаютъ потому, что отъ воли каждаго зависитъ, по сколько, въ какомъ размѣрѣ, онъ пожелаетъ принять участіе въ предпріятіи и, слѣдовательно, чѣмъ пожелаетъ рискнуть; только благодаря такому распредѣленію риска и возможно осуществленіе крупныхъ рискованныхъ предпріятій; 3) существованіе предпріятія не зависитъ отъ личности, болѣзнь, даже смерть предпринимателей-акціонеровъ никакого непосредственнаго вліянія на предпріятіе не оказываетъ; 4) въ виду публичной отчетности эти предпріятія пользуются вообще значительно большимъ кредитомъ, чѣмъ отдѣльныя лица.

Невыгодныя стороны акціонерныхъ обществъ: 1) сложный, тяжелый аппаратъ органовъ и необходимое стѣсненіе извѣстными формальностями распоряженій лицъ, завѣдующихъ предпріятіемъ;

2) недостаточная отвѣтственность этихъ руководителей, вовлекающая общество иногда въ крайне рискованные обороты, выгоды отъ которыхъ для заправилъ могутъ быть несоразмѣрно велики по сравненію съ тѣмъ рискомъ и отвѣтственностью, которымъ сами заправилы подвергаются; 3) распоряженіе чужими средствами, да еще мало и слабо (по самому существу этой формы) контролируемое, не способствуетъ экономному веденію дѣла, а значительная кредитоспособность акціонернаго общества легко можетъ повести къ сильной задолженности его; 4) малый рискъ каждаго отдѣльнаго лица—каждый рискуетъ, чѣмъ пожелаетъ—обусловливаетъ мало внимательное отношеніе акціонеровъ къ веденію дѣла, тѣмъ болѣе, что акціи легко продать; часто покупатели акцій только и разсчитываютъ на разницу въ цѣнахъ при покупкѣ и перепродажѣ ими акцій и въ такомъ случаѣ, понятно, имъ нѣтъ никакого дѣла до порядковъ управленія предпріятіемъ; наконецъ, 5) какъ при учрежденіи обществъ, такъ и во время ихъ существованія легко совершаются злоупотребленія: въ разсчетѣ нажиться, отдѣльныя лица берутся за *учрежденіе* общества, выхлопатываютъ разрѣшеніе правительства, если таковое требуется, расписываютъ радужными красками въ такъ называемыхъ „*проспектахъ*“ ожидаемые барыши и т. д., лишь бы при открытой затѣмъ подпискѣ были разобраны всѣ акціи и „*учредители*“ за свои „труды“ получили солидное вознагражденіе. Что будетъ затѣмъ съ предпріятіемъ—для учредителей, послѣ того, какъ они реализовали свои барыши, безразлично: за все расплатятся акціонеры. Такимъ образомъ много „дутыхъ“ предпріятій являлось въ жизнь. Но и затѣмъ, когда общество (даже вполнѣ солидное) существуетъ, для рѣшеній въ общемъ собраніи вопросовъ въ смыслѣ, желательномъ для извѣстной партіи, напр., для проведенія „своихъ людей“ въ члены правленія, акціи покупаются на нѣсколько недѣль (или даже просто лицамъ, банкирамъ, владѣющимъ акціями общества, за пользованіе ихъ акціями на это время уплачивается извѣстная „премія“), распредѣляются между подчиненными, знакомыми и т. д., которые являются подставными акціонерами въ общемъ собраніи для составленія большинства голосовъ при рѣшеніи интересующихъ партію вопросовъ.

Во всякомъ случаѣ, не смотря на всѣ свои недостатки, изъ которыхъ иные могутъ быть устранены, разсматриваемая форма предпріятій является особенно приспособленной къ настоящей сту-

пени экономическаго развитія, когда ждутъ осуществленія предпріятія, требующія громадныхъ капиталовъ, притомъ иногда весьма рискованныя. Когда порядокъ дѣйствій уже установился рутиной, когда техника предпріятія выработанная, шаблонная, когда вообще работать предпріятію приходится съ большимъ постояннымъ, а не оборотнымъ капиталомъ,—акціонерная форма предпріятій является особенно пригодной.

Мы видимъ, что жизнь выработала еще особыя формы акціонерныхъ обществъ—съ *гарантированными* капиталами. Государство или др. общественный союзъ гарантируютъ держателямъ облигацій или акцій, что извѣстный % на ихъ капиталъ во всякомъ случаѣ они получатъ, т. е. если не хватитъ дохода предпріятія, то государство (или др. общественный союзъ) доплатитъ недостающую сумму. Если по отношенію къ доходу на облигаціи ничего нельзя *вообще* возразить противъ такой гарантіи, то гарантія дохода на акціи на все время существованія акціонернаго общества, притомъ въ размѣрѣ равномъ или еще высшемъ противъ установившагося въ странѣ средняго процента на заемный капиталъ, не можетъ быть признана правильной. Въ самомъ дѣлѣ, если государство можетъ занять капиталъ (выпустивъ облигаціи) подъ условіемъ уплаты 5 процентовъ въ годъ, то зачѣмъ же ему давать въ томъ же или въ еще большемъ размѣрѣ гарантію на акціи, т. е. брать на себя обязательство, какъ и въ первомъ случаѣ, доплачивать держателямъ бумагъ, въ случаѣ если доходъ предпріятія не дастъ 5% на капиталъ, недостающую сумму и сверхъ того предоставить всякое превышеніе этого дохода въ пользу частныхъ лицъ, ничѣмъ не рискующихъ, такъ какъ имъ сполна (а иногда и съ лихвой) *гарантированъ* тотъ процентъ, за который на ссудномъ рынкѣ можно получить капиталъ въ ссуду.

Мы считаемъ обезпеченіе подобной гарантіи на акціонерный капиталъ совершеннымъ извращеніемъ коренныхъ, существенныхъ признаковъ *акціонернаго* общества, какъ таковаго — соединеніе долей состояній, *рискующихъ*, *предпринимательскихъ*, — и не можемъ найти никакихъ основаній называть подобнымъ образомъ гарантированныя акціи — *акціями*, а не *особо привиллегированными облигаціями*, въ зависимости отъ чего и наименованіе такихъ обществъ „акціонерными обществами“ представляется несоотвѣтствующимъ ихъ характернымъ чертамъ.

Возникновеніе акціонерныхъ обществъ относится къ XIV в.; здѣсь имѣются въ виду генуэзскія торговыя общества (maonae), а затѣмъ, въ особенности, союзъ государственныхъ кредиторовъ въ Генуѣ (Ufficio di S. Giorgio). Вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ и войнъ, правительство Генуи сдѣлало заемъ у своихъ богатыхъ гражданъ, обезпечивъ ихъ залогомъ извѣстной части своихъ доходовъ. Въ 1407 г., когда долгъ еще значительно возросъ, кредиторы государства были соединены въ одинъ банкъ (Banco di S. Giorgio) такимъ образомъ, что весь долгъ правительства былъ разбитъ на 20.400 частей, по 35 скуди каждая, и каждому изъ кредиторовъ было дано соотвѣтственное сдѣланной имъ ссудѣ количество этихъ паевъ. Этотъ долгъ правительства составлялъ основной капиталъ банка, всѣ доходы котораго, въ томъ числѣ и заложенные доходы государства, подлежали распредѣленію между участниками-пайщиками по числу принадлежавшихъ каждому паевъ; по дѣламъ банка участники *лично* были неотвѣтственны. Однако *общаго* собранія пайщиковъ здѣсь мы еще не встрѣчаемъ: оно замѣнялось генеральнымъ совѣтомъ, составлявшимся изъ 480 лицъ-держателей, не менѣе какъ по 10 паевъ каждый, ежегодно наполовину обновлявшимся собственнымъ выборомъ; во главѣ банка стояли 8 директоровъ (Protettori), изъ которыхъ каждый долженъ былъ владѣть не менѣе какъ 100 паями.

Аналогичныя ассоціаціи капиталистовъ съ ограниченной отвѣтственностью для арендованія доходовъ государства въ Италіи представляли такъ называемыя „montes“.

Позже развиваются акціонерныя общества въ Голландіи, Франціи и Англіи для веденія торговли съ новыми колоніями. Однако также встрѣчаемъ акціонерную форму предпріятій и въ устройствѣ нѣкоторыхъ банковъ въ XVII и XVIII в.в.

Особенно быстрое размноженіе акціонерныхъ обществъ наблюдается уже только въ XIX в., притомъ особенно во вторую его половину. Объясненіе этому лежитъ частью въ устраненіи или уменьшеніи трудностей, съ которыми прежде связывалось учрежденіе акціонерныхъ обществъ, частію въ приложеніи ихъ къ новымъ отраслямъ промышленности, частію, наконецъ, въ возможности создавать все болѣе и болѣе крупныя предпріятія въ значительной степени въ зависимости отъ развитія средствъ и въ особенности путей сообщенія.

Размножились акціонерныя общества особенно въ послѣднія десятилѣтія. Напр. въ Германіи къ 1850 г. ихъ было всего 123, тогда какъ въ 1886/87 г. — 2.143, съ капиталовъ въ 4.876 милл. марокъ; въ Великобританіи въ 1888 г. было ихъ 11.001, съ капиталомъ въ 611 милл. фунт. стерл., а все число учрежденныхъ (т. е. считая и прекратившія свое существованіе) до 1886 г. равнялось 26.513, съ капиталомъ въ 2.975 милл. фунт. стерл.; въ Россіи къ серединѣ настоящаго столѣтія акціонерныхъ обществъ всего было 81, тогда какъ въ 1882 году уже 586, а въ 1889 г. — 734.

Особой формой, имѣющей, однако, сходныя черты съ каждымъ изъ вышеразсмотрѣнныхъ коллективныхъ предпріятій, являются *хозяйственныя товарищества*. Подъ ними должно разумѣть соединеніе по договору, ради достиженія какихъ либо хозяйственныхъ цѣлей, измѣнчиваго числа лицъ подъ условіемъ круговой поруки, ограниченной или полной, и участія членовъ товарищества или трудомъ, или капиталомъ, или и тѣмъ, и другимъ при достиженіи той цѣли, ради которой товарищество составилось.

Намъ кажется возможнымъ всѣ виды *хозяйственныхъ* товариществъ свести въ три группы: 1) имѣющія въ виду сокращеніе расходовъ при пріобрѣтеніи запасовъ потребленія, слѣдовательно соединенія ради болѣе хозяйственнаго *непосредственнаго удовлетворенія потребностей*; 2) имѣющія въ виду сокращеніе расходовъ въ *цѣляхъ производственныхъ*, и 3) соединенія лицъ, имѣющія въ виду обезпеченіе себя и своихъ близкихъ отъ невыгодныхъ послѣдствій предвидимыхъ и непридвидимыхъ случайностей, — *товарищества страховыя*, имѣющія въ виду удовлетвореніе потребностей будущаго.

Къ первой группѣ относятся, напр., всѣ потребительныя товарищества, къ которымъ должно отнести и нашу харчевую артель. Нѣсколько лицъ соединяются вмѣстѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы болѣе экономно вести домашнее хозяйство, нанимаютъ сообща „стряпуху“, вносятъ поровну на харчи и достигаютъ поставленной цѣли; или же, ведя хозяйство каждый порознь, соединяются вмѣстѣ въ видахъ закупки оптомъ (и, слѣдовательно, дешевле) всѣхъ необходимыхъ припасовъ съ тѣмъ, чтобы сберечь тѣ суммы, которыя приходится уплачивать мелочнымъ торговцамъ за ихъ посредничество. Какъ на примѣръ въ этомъ отношеніи, можно указать на извѣстное товарищество „Рочдэльскихъ піонеровъ“, образовавшееся

въ 1843 году. Ткачи фланели, числомъ 12, замѣтивъ, что припасы сильно поднялись въ цѣнѣ, чтобы избѣгнуть лишнихъ расходовъ, соединились въ товарищество съ обязательствомъ вносить еженедѣльно по 2 пенса (около 8 коп.) на образованіе капитала для открытія товарищеской лавочки, изъ которой продавались бы припасы и проч. по оптовымъ цѣнамъ, лишь съ надбавкой необходимаго процента на управленіе; товары не отпускались въ кредитъ и въ лавочкѣ не было спиртныхъ напитковъ. Но эти неимущіе ткачи ставили себѣ въ то же время и гораздо болѣе широкія задачи, глубоко вѣря успѣху начатаго ими дѣла. Они задавались цѣлью покупать и строить дома для рабочихъ и вызывать къ жизни ассоціаціи рабочихъ для цѣлей производства. Первоначально открытая лавочка съ теченіемъ времени заняла цѣлый домъ, а затѣмъ стали открываться отдѣленія ея за отдѣленіями; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, росло число участниковъ и капитала ихъ. Въ 1850 г. насчитывалось 600 челов. и капиталъ равнялся 3.000 ф. стерл.; въ 1866 г. — уже 5.730 членовъ и капиталъ достигалъ 149.000 фунт. стерл.; въ 1880 г. — 10.300 членовъ, а капиталъ увеличился до 396.300 фунт. стерл. Къ 1887 г. число участниковъ возросло до 11.152 челов.; товарищество владѣетъ домами, фабриками; имѣетъ 18 читаленъ, библіотеку (16.850 томовъ) и т. п.; $2^1/_2$% отъ чистаго дохода предназначаются для цѣлей образовательныхъ.

Вообще потребительныя общества въ Англіи представляются довольно распространенными. Въ 1865 году ихъ было 867 съ 148.000 участн. и съ капиталомъ въ 819.000 фунт. стерл., при чистой прибыли въ 279.000 фунт. стерл.; въ 1875 г. находимъ 1.163 товарищества, 479.000 участн. и 4.700.000 фунт. стерл. капитала, при чистой прибыли въ 1.425.000 фунт. стерл.; въ 1888 г. — уже 1.409 товариществъ, 911.000 членовъ и 9.504.000 фунт. стерл. капитала, при чистой прибыли въ 3.135.000 фунт. стерл. Изъ приведенныхъ данныхъ ясно видно, что не только растетъ число товариществъ, но развивается и самое дѣло: въ значительно-большей пропорціи увеличивается число участниковъ и самый капиталъ товарищества, равно какъ и чистая прибыль.

Вторая группа хозяйственныхъ товариществъ весьма разнообразна. Иныя товарищества имѣютъ въ виду (сходно съ потребительными) покупку оптомъ сырья, перерабатываемаго членами товарищества, независимо однимъ отъ другаго, въ самостоятельныхъ

предпріятіяхъ; другія — покупку за общій счетъ, съ послѣдовательнымъ пользованіемъ, машинъ, нужныхъ для всѣхъ членовъ товарищества и т. п. Какая нибудь сельско-хозяйственная машина въ состояніи сжать въ теченіе 2 недѣль хлѣбъ у всѣхъ членовъ товарищества, поочередно ею пользующихся; затѣмъ она отдается въ наймы постороннимъ. Въ деревняхъ съ общиннымъ владѣніемъ землей у насъ сходнымъ образомъ содержатъ быка: онъ переходитъ отъ одного домохозяина къ другому на содержаніе въ теченіе тѣмъ большаго числа дней, чѣмъ болѣе коровъ у того или другаго хозяина имѣется. Иныя товарищества имѣютъ въ виду полученіе необходимыхъ имъ для цѣлей производства капиталовъ въ кредитъ — *ссудныя и кредитныя товарищества*, особенно сильно развившіяся въ Германіи среди мелкихъ промышленниковъ, благодаря неутомимой энергіи ихъ учредителя Шульце-Делича. Изъ 8.418 товариществъ, бывшихъ въ Германіи къ 1 апрѣля 1892 г., 4.401, т. е. болѣе половины, составляли именно *кредитныя*. Каждый отдѣльный мелкій ремесленникъ не внушаетъ такого довѣрія, какъ соединеніе ихъ, да еще при круговой порукѣ всѣхъ за каждаго; благодаря этому каждому изъ членовъ товарищества открывается возможность воспользоваться кредитомъ, бывшимъ ранѣе для него недоступнымъ. Какъ для уменьшенія опасности для каждаго, въ виду солидарной отвѣтственности, такъ и въ видахъ составленія собственныхъ сбереженій, каждый изъ членовъ обязанъ: 1) вносить вступныя деньги, а затѣмъ 2) дѣлать періодическіе взносы, въ счетъ которыхъ засчитываются, но не выдаются на руки участнику, причитающіяся на его долю прибыли отъ операцій товарищества. Эти періодическіе взносы опредѣляются лишь въ сторону ихъ minimum'а, именно отъ $^1/_2$—1 марки. т. е. 25 — 50 к. По мнѣнію Шульце-Делича, тѣ лица, которыя не въ состояніи даже и такихъ взносовъ дѣлать—по невоздержности или по бѣдности—нравственно или экономически непригодны къ участію въ кредитныхъ товариществахъ, основанныхъ на началѣ *самопомощи*, между тѣмъ какъ тѣ лица нуждаются въ исправленіи или благотворительности. Однако указанные взносы обязательны только до составленія „пая“, напримѣръ 50 руб.; когда же по счету участника накопится эта сумма, то дальнѣйшія накопленія и прибыли онъ можетъ получать на руки.

Подобно *сырьевымъ* товариществамъ, желавшимъ обойтись безъ посредничества мелочныхъ торговцевъ, составляются *складочныя*

товарищества, чтобъ избѣжать издержекъ коммисіонныхъ по сбыту готовыхъ продуктовъ; напримѣръ, столяры сообща нанимаютъ помѣщеніе—магазинъ, въ который поставляютъ, въ видахъ сбыта, изготовляемую ими мебель и разлагаютъ между собою издержки по содержанію магазина.

Наконецъ мы находимъ *производительныя* товарищества, къ тѣсномъ смыслѣ этого слова, гдѣ предпринимателями-капиталистами являются сами работники.

Эти товарищества развились во Франціи въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Въ 1848 г. правительствомъ ассигнованна была сумма въ 3 милл. фр. для выдачи ссудъ подобнымъ товариществамъ изъ 3%—5%. Однако изъ 30 такихъ товариществъ въ Парижѣ, получившихъ въ 1848 г. 895.000 фр., 10 обанкротилось въ слѣдующемъ же году, а къ 1869 г. осталось всего одно. Съ теченіемъ времени подобныя товарищества въ большинствѣ случаевъ или погибали, не будучи въ состояніи выдержать свободу конкурренціи, или же, при успѣшности теченія дѣла, вырождались въ особыя товарищества капиталистовъ-работниковъ, которые такъ же, какъ и въ обыкновенныхъ предпріятіяхъ, обращались къ наемному труду, но эксплоатировать его могли тѣмъ сильнѣе, что сами предприниматели работали бокъ-о-бокъ съ наемными рабочими, постоянно наблюдая за ними. Съ 1880 г. снова замѣчается размноженіе производительныхъ товариществъ въ Парижѣ, благодаря тому, что богатый филантропъ Рампаль, умершій въ 1879 г., завѣщалъ свое состояніе на выдачу ссудъ для развитія товариществъ. Ходатайствъ поступило масса; съ крайней осторожностью выдавались ссуды, но результатъ всетаки оказался довольно печальный: изъ 49 субсидированныхъ товариществъ въ 1889 году 19 подлежали конкурсу, 18 ликвидировали свои дѣла, а 3 не могли внести срочныхъ платежей по полученнымъ ссудамъ; итого 40 изъ 49 оказались неудачными въ сравнительно короткій промежутокъ времени.

Нѣкоторыми писателями выражались ожиданія, что путемъ созданія производительныхъ товариществъ при субсидіяхъ со стороны правительства явится возможность удачнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса; однако такія ожиданія были совершенно неосновательны. Вполнѣ признавая за этой формой предпріятій многія существенныя преимущества, нельзя, однако, закрывать глаза и на ея невыгодныя стороны, частію уже обнаружившіяся на прак-

тикѣ. Выгодныя стороны производительныхъ товариществъ: 1) они являются хорошей школой подвоспитанія, подготовляютъ и выдвигаютъ наиболѣе способныхъ стать самостоятельными предпринимателями, 2) увеличивая заработокъ, даютъ возможность сдѣлать бо́льшія сбереженія, 3) содѣйствуютъ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня рабочихъ, и 4) вообще создаютъ новый средній классъ. Невыгодныя стороны этихъ товариществъ: 1) нѣтъ единой хозяйской воли, а неподготовленность хозяевъ-рабочихъ дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ изъ своей среды выбирать руководителей предпріятія, да и во всякомъ случаѣ несогласія во взглядахъ на то, какъ лучше вести дѣло, тормазять успѣшное его развитіе; 2) зависимость всего дѣла отъ управляющаго предпріятіемъ лица, часто наемнаго, крайне тяжела и опасна, такъ какъ недобросовѣстность или неумѣлость могутъ привести къ потерѣ всѣхъ сбереженій, составившихся путемъ долгихъ и многихъ лишеній, и хозяева-работники легко станутъ пролетаріями; 3) къ контролированію веденія дѣлъ рабочіе неподготовлены; 4) прибыль отъ предпріятія, распредѣляемая между многими, оказываетъ весьма незначительное вліяніе на увеличеніе заработка, да и та можетъ почти вовсе исчезнуть съ размноженіемъ такихъ товариществъ и съ развитіемъ соперничества между ними; 5) въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищество успѣваетъ окрѣпнуть и развиваетъ свои операціи, первоначальные хозяева-работники обращаются къ *найму* новыхъ работниковъ (не предоставляя имъ правъ на участіе въ предпріятіи) и часто эксплоатируютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ хозяева-капиталисты; наконецъ 6) далеко не по отношенію ко всѣмъ наемнымъ рабочимъ возможно осуществленіе этихъ товариществъ, напр. наемная прислуга, приказчики, въ земледѣліи, когда требуются большіе капиталы и т. п.

Наши артели, на существованіе которыхъ еще въ XIII вѣкѣ имѣются указанія, иногда носятъ характеръ производительныхъ (въ собственномъ смыслѣ) товариществъ, но чаще представляютъ собою *своеобразный типъ товарищества рабочихъ наемныхъ, а не самостоятельныхъ, производящихъ работу по заказу, а не на неизвѣстныхъ потребителей; получаютъ вознагражденіе, заранѣе условленное, а не въ зависимости отъ условій сбыта.* Таковы артели каменьщиковъ, маляровъ, плотниковъ и т. п.

По нашему законодательству „артелями вообще называются общества работниковъ для отправленія службъ и работъ, силамъ

одного человѣка несоразмѣрныхъ". Очевидно подъ это опредѣленіе харчевая артель не подойдетъ, но относительно большинства нашихъ артелей нельзя не признать широкое опредѣленіе нашего законодательства вполнѣ подходящимъ. Повидимому, духу русскаго человѣка отвѣчаетъ артельное начало, почему мы встрѣчаемся на каждомъ шагу съ артелями: среди охотниковъ и рыболововъ, среди крестьянъ и мастеровыхъ, среди всякихъ рабочихъ (крючниковъ, баньщиковъ, полотеровъ), среди солдатъ, въ тюрьмахъ среди заключенныхъ и даже наконецъ среди нищихъ.

Послѣдняя, третья группа хозяйственныхъ товариществъ—суть товарищества *страховыя*. Сюда относятся эмеритальныя, пенсіонныя, больничныя кассы и т. п. союзы, учреждающіеся въ видахъ обезпеченія участниковъ и ихъ семействъ отъ невыгодныхъ экономическихъ послѣдствій различныхъ случайностей, напримѣръ увѣчья, смерти работника и т. п. Намъ придется еще остановиться на относящихся сюда вопросахъ въ отдѣлѣ страхованія, почему и считаемъ возможныхъ здѣсь ограничиться сдѣланными указаніями.

Что касается организаціи управленія въ товариществахъ, то она крайне разнообразна: отсутствіе почти всякихъ органовъ, кромѣ мнѣнія всѣхъ членовъ артели — въ простѣйшихъ товариществахъ и подобное (но еще болѣе сложное) строеніе органовъ управленія какъ въ акціонерныхъ обществахъ—въ обширныхъ и развитыхъ хозяйственныхъ товариществахъ.

Литература. Кромѣ указанныхъ выше разныхъ сочиненій общаго характера: „Thünen. Der isolirte Staat; George. Fortschritt und Armuth; Losch. Nation. Production; Brentano. Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung. 1876. Lange. Die Arbeiterfrage. 1879. Lassalle. Kapital und Arbeit. Marx. Das Kapital. 2 B-de. Rodbertus. Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände 1842. Его же. Zur Beleuchtung der socialen Frage. 1875. Его же. Das Kapital. 1884. Knies. Das Geld. 2 Aufl. 1885. Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. 1884—89. Menger. Zur Theorie des Kapitals Jahrb. f. Nat.-Ock., B. 51. Wittelshöfer. Untersuchungen über das Kapital. 1890. Jannet. Le Capital. 1892. Schmoller. Die geschichtliche Entwickelung der Unternehmung Jahrb. f. d. Gesetzg. 1890, 91, 92. Schäffle. Die Anwendbarkeit der verschiedenen Unternehmungsformen. Tüb. Zeitschr. B. 25. Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht. v. der Borght. Studien über die Bewährung der Actiengesellschaften. 1883. Engländer. Geschichte der französischen Arbeiterassociationen. 1864. Levasseur. Histoire des classes ouvrières. 1867. Schulze-Delitzsch. Vorschuss- und Kreditvereine. 1875. Raiffeisen. Die Darlehenskassen. 1883. Hubert-Valleroux. Sociétés cooperatives en France et à l'étranger. 1884. Holyoacke History of Cooperation. 1885. Кала-

чевъ. Артели въ древней и нынѣшней Россіи. 1864. Исаевъ. Артели въ Россіи. 1881. Михайловъ. Ассоціаціи. 1873. Staehr. Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung der russisch. Artels. 1890—91.

Соотвѣтственныя статьи въ Dictionnaire d'écon. polit. и Handwört. der Staatswissenschaften. Въ послѣднихъ указана весьма подробно и относящаяся сюда литература.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Обращеніе цѣнностей.

Необходимыми стадіями въ жизни цѣнностей (если можно такъ выразиться) являются *производство* и *потребленіе* ихъ; и дѣйствительно, если мы возьмемъ домашнее изолированное хозяйство, гдѣ потребности удовлетворяются продуктами труда членовъ семьи, мы ни распредѣленія (на почвѣ экономической свободы), ни обращенія цѣнностей не встрѣтимъ. Иное дѣло — народное хозяйство; здѣсь производство ведется общественное, продуктъ распредѣляется между участниками въ такомъ производствѣ. Здѣсь обращеніе цѣнностей — переходъ изъ рукъ въ руки — становится безусловной необходимостью. На зависимость всего экономическаго развитія отъ раздѣленія труда было уже указано выше; но самое дѣленіе труда стоитъ въ зависимости отъ возможности обмѣна цѣнностей: никто не станетъ производить все одни и тѣ же продукты, самому производителю вовсе ненужные, а нужные другимъ, если не существуетъ увѣренности, что другіе, производя, равнымъ образомъ, продукты, необходимые для удовлетворенія потребностей другихъ людей, согласятся дать эти продукты *въ обмѣнъ* на произведенные этими другими лицами. Поэтому то только тамъ, гдѣ возможенъ обмѣнъ, и развивается дѣленіе труда и тѣмъ больше, чѣмъ легче (что зависитъ отъ устраненія препятствій, заключающихся *въ свойствахъ товаровъ*, въ условіяхъ *пространства* и *времени*) обмѣнъ, чѣмъ шире сфера сбыта, то поприще, на которомъ обмѣнъ производится, которое называется *рынкомъ*. Если обмѣнъ даннаго продукта возможенъ во всѣхъ странахъ, то говорятъ, что этому продукту открытъ *всемірный рынокъ*. Цѣнность, вступающая въ обращеніе, называется *товаромъ;* то *значеніе*, которое имѣетъ экономическая полезность въ видахъ обмѣна ея на другія полезности, называется, какъ мы видѣли уже, ея *мѣновой цѣнностью*, а затѣмъ наименованіе качества переносится на самый

объектъ, такъ что мѣновая цѣнность и товаръ становятся синонимами. Количества другихъ товаровъ, даваемыя за извѣстное количество даннаго, называются его цѣной, такъ что, въ сущности, сколько разныхъ товаровъ можетъ быть дано въ обмѣнъ за данный, столько же можетъ быть и цѣнъ даннаго товара; однако обыкновенно цѣной (въ тѣсномъ смыслѣ слова) называется только количество особенно ходячаго товара, служащаго *мѣновымъ посредникомъ*, даваемое за данный товаръ при обмѣнѣ. Товаръ, служащій мѣновымъ посредникомъ, называется *деньгами*, такъ что опредѣленіе термина цѣны можетъ быть дано слѣдующее: *цѣна есть эквивалентъ мѣновой цѣнности, выраженный въ деньгахъ.*

Оживленность обмѣна можетъ зависѣть и отъ свойствъ, присущихъ тому или другому товару, и отъ внѣшнихъ условій, независимо отъ свойствъ товара. Чѣмъ меньше объемъ и вѣсъ товара при той же цѣнности, чѣмъ долѣе и удобнѣе онъ можетъ быть сохраняемъ, чѣмъ неизмѣннѣе и извѣстнѣе его мѣновая цѣнность, — тѣмъ легче можетъ товаръ переходить изъ рукъ въ руки и перемѣщаться. (Сравни: благородные металлы, мануфактурныя издѣлія, сырье и недвижимая собственность). Затѣмъ, большая быстрота обращенія является какъ *слѣдствіе* вообще развитія народнаго хозяйства, сама вызывая это послѣднее (развитіе), въ свою очередь, т. е. являясь вмѣстѣ и *причиной*: сокращеніе времени, необходимаго для производства тѣхъ или другихъ продуктовъ, вслѣдствіе разныхъ техническихъ усовершенствованій, улучшеніе орудій обмѣна, путей сообщенія, развитіе содѣйствующихъ обмѣну органовъ и т. п.,—все это способствуетъ большей быстротѣ обращенія товаровъ; но болѣе быстрый обмѣнъ даетъ возможность большему развитію производства и потребленія, такъ какъ тотъ же капиталъ, оборачиваясь быстрѣе, позволяетъ своему владѣльцу изготовить въ тотъ же періодъ времени большее количество продуктовъ, а въ зависимости отъ этого понизить цѣну на товары, довольствуясь меньшей прибылью на каждую единицу товара, при большей (или, по крайней мѣрѣ, не меньшей) общей суммѣ прибыли. Если, напримѣръ, заводчикъ, изготовляющій сельско-хозяйственныя машины, можетъ считать, вмѣсто прежнихъ 6 мѣсяцевъ, 3 мѣсяца на изготовленіе, доставку на рынокъ и сбытъ своихъ товаровъ, то его капиталъ, положимъ, 200 тысячъ, можетъ въ годъ обернуться 4 раза и изготовить вдвое большее количество машинъ; заводчикъ не оказался бы въ убыткѣ, если бы онъ по-

низилъ свою прибыль почти на половину съ каждой машины, такъ какъ увеличилось число этихъ машинъ вдвое; при пониженіи цѣнъ расширяется рынокъ, большій кругъ лицъ можетъ пріобрѣсти машины, при ихъ помощи развивается производство, что опять отзывается на развитіи обращенія и т. д., при чемъ въ этомъ движеніи постоянно переплетается причина со слѣдствіемъ. Большая плотность населенія, большая близость мѣняющихся (напримѣръ, въ большихъ городахъ) равнымъ образомъ обусловливаетъ большую оживленность обмѣна. По мѣрѣ развитія потребности въ обмѣнѣ, въ немъ замѣчается большая правильность, повсемѣстность и непрерывность, и большая свобода — свобода соперничества; цеховыя стѣсненія, внутреннія пошлины разныхъ видовъ и наименованій, препятствовавшія свободному развитію ремесленной и торговой промышленности, устраняются.

I.

Взглянемъ теперь, чѣмъ регулируется обмѣнъ, чѣмъ опредѣляются соотношенія количествъ обмѣниваемыхъ товаровъ, какъ устанавливаются цѣны ихъ. При обмѣнѣ выступаютъ двѣ стороны — продавцы и покупатели, при чемъ каждая сторона стремится дать перевѣсъ своимъ интересамъ — получить возможно больше, а въ обмѣнъ дать возможно меньше, т. е. цѣны устанавливаются подъ вліяніемъ борьбы интересовъ *предлагающихъ* товаръ и *спрашивающихъ*, желающихъ его купить, или, короче, — путемъ уравненія *спроса* и *предложенія*. Крайній предѣлъ для цѣны, которую согласится дать покупатель, опредѣлится признаваемой имъ пригодностью товара для его цѣлей и его (покупателя) средствами; продавецъ, на долгое время, не можетъ уступать свой товаръ ниже той цѣны, которая покрывала бы издержки производства даннаго товара; между этими предѣлами, въ видѣ общаго правила, и колеблется цѣна товаровъ, опредѣляясь въ каждомъ частномъ случаѣ комбинаціей элементовъ спроса и предложенія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Элементами спроса является: 1) *желаніе* пріобрѣсти цѣнность и 2) *средства* осуществить это желаніе, т. е. покупательная сила, которою лицо спрашивающее располагаетъ.

Потребность въ цѣнности можетъ быть болѣе и менѣе распространенная и интенсивная, смотря по тому, какой потребности цѣнность можетъ удовлетворять: спросъ на предметы, хотя бы и

не первой необходимости, но потребленіе которыхъ укоренилось, распространено въ массахъ (табакъ, вино) и спросъ на предметы первой необходимости, по сравненію съ товарами, удовлетворяющими потребностямъ удобства и роскоши, сильнѣе вліяетъ на цѣны: одно опасеніе недостаточнаго предложенія, напр., хлѣба тотчасъ вызоветъ значительное (можетъ быть, даже во много разъ) повышеніе цѣны на хлѣбъ; по отношенію къ этимъ товарамъ спросъ трудно сократить, онъ мало измѣнчивъ, зато, напротивъ, цѣны сильно колеблются; обратное замѣчается относительно предметовъ роскоши: уже незначительныя измѣненія цѣнъ вліяютъ на величину спроса, или дѣлая товаръ доступнымъ большему кругу потребителей, или сокращая ихъ прежнее число вслѣдствіе повышенія цѣны на него. Качество цѣнности—способность ея лучше удовлетворять данной потребности, конечно, вліяетъ на напряженность желанія пріобрѣсти ее. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду и характеръ спроса: имѣется ли въ виду непосредственное удовлетвореніе потребностей или цѣли производства; напр., спросъ на хлѣбъ для потребленія можетъ вліять сильнѣе на цѣну его, чѣмъ спросъ для винокуренія.

Наконецъ, покупщикъ имѣетъ въ виду и трудность пріобрѣтенія цѣнности: при назначеніи цѣны онъ соображаетъ, во что обошлась бы она при собственномъ производствѣ и что̀ хотятъ разные продавцы.

Покупательная сила или платежная способность покупателя относительно предметовъ потребленія опредѣляется его доходомъ. Она можетъ быть различаема на *общую* — вся сумма дохода, и *спеціальную* — доля дохода, предназначаемая на удовлетвореніе отдѣльной потребности или извѣстной категоріи ихъ. Прежде всего человѣкъ думаетъ объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей, *спеціальная* платежная способность по отношенію къ которымъ можетъ, при незначительности дохода лица, или вполнѣ совпадать съ *общей*, или близко къ ней подходить. Если бы за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей получился остатокъ, притомъ настолько значительный, что и за удовлетвореніемъ потребностей удобства (доля дохода, идущая на нихъ, представитъ новый видъ спеціальной платежной способности), оказался бы излишекъ, то таковой выражалъ бы собой *спеціальную* платежную способность лица относительно предметовъ удовлетворенія потребностей роскоши. Отношеніе какой либо мѣновой цѣнности къ

общей платежной способности отдѣльныхъ лицъ опредѣлить относительную дороговизну товара для каждаго изъ этихъ лицъ.

По отношенію къ *предложенію* должно обратить вниманіе на *желаніе* отчуждить цѣнность и на *условія*, въ какихъ стоитъ продавецъ.

Настоятельность отчужденія зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, важна цѣль производства: если производство ведется ради удовлетворенія своихъ потребностей, то настоятельность сбыть оказавшійся остатокъ будетъ наиболѣе слабая; если производство ведется исключительно въ видахъ сбыта, — потребность продать товаръ окажется весьма сильная; промежуточные случаи позволятъ наблюдать то большую, то меньшую интенсивность желанія сбыть, смотря по тому, къ какому изъ двухъ крайнихъ случаевъ они будутъ болѣе подходить. Затѣмъ, должно обратить вниманіе на физическія и экономическія свойства продукта: способность его сохраняться, накопляться, долговѣчность и удобосохранность его. Нѣкоторыя цѣнности накопленія вовсе не допускаютъ, какъ, напр., трудъ: если его не удалось продать рабочему въ данный день, то эта цѣнность пропала для него; этимъ объясняется настоятельность предложенія труда, сильное паденіе заработной платы при значительномъ предложеніи рабочихъ рукъ. Подобное же явленіе замѣчается относительно легко портящихся продуктовъ — напр. фрукты. Далѣе, нѣкоторые продукты, по своей громоздкости, требуютъ для помѣщенія ихъ на храненіе особыхъ значительныхъ затратъ, напр., хлѣбъ, каменный уголь; конечно, въ зависимости отъ этого желаніе сбыть такой товаръ будетъ сильнѣе, чѣмъ сбыть золото, которое для своего храненія, при той же цѣнности, не потребуетъ никакихъ особыхъ издержекъ.

Наконецъ, мы находимъ нѣкоторые товары, физическія свойства которыхъ остаются безъ измѣненія, но тѣмъ не менѣе цѣнность этихъ товаровъ, въ зависимости отъ времени, весьма сильно падаетъ, иногда почти исчезаетъ вовсе. Сюда относятся до извѣстной степени всѣ предметы моды, а затѣмъ журналы, календари, газеты. Напр., календарь за прошлый годъ почти совершенно утратилъ въ настоящее время свою цѣнность и за него дадутъ развѣ нѣсколько копѣекъ, въ которыя оцѣнятъ бумагу. Понятно, что настоятельность сбыта по отношенію къ такимъ товарамъ должна быть весьма значительной.

Въ зависимости отъ организаціи производства возможность

видоизмѣнить его направленіе, приспособить къ измѣнившимся (количественно или качественно) потребностямъ оказывается весьма различной: понятно, что чѣмъ труднѣе предпріятію измѣнить свой характеръ, тѣмъ настоятельнѣе для него окажется сбытъ его продуктовъ, такъ какъ отъ этого будетъ зависѣть самое существованіе предпріятія; при наличности противныхъ условій настоятельность, очевидно, будетъ меньше. Чѣмъ значительнѣе капитальная сила предпріятія, тѣмъ дольше оно можетъ выжидать сбыта товаровъ, тѣмъ прочнѣе оно; напротивъ, при маломъ капиталѣ, даже непродолжительный застой, невозможность скоро вернуть затраченный оборотный капиталъ—легко можетъ привести къ необходимости прекратить производство.

Самымъ важнымъ элементомъ предложенія являются издержки производства, такъ какъ они являются для продавца основнымъ руководящимъ началомъ; выгодность или убыточность производства рѣшается путемъ сравненія продажныхъ цѣнъ товаровъ съ ихъ издержками производства. Послѣднія можно различать на *общія* и *спеціальныя*; *общими* называются издержки, падающія на все предпріятіе въ цѣломъ, *спеціальными*—соединенныя непосредственно съ самымъ производствомъ продуктовъ; напр., издержки по общему управленію предпріятіемъ, налоги, издержки по страхованію и т. п. относятся къ первымъ, а издержки по пріобрѣтенію перерабатываемыхъ матерьяловъ, заработная плата и т. п. составятъ издержки спеціальныя; вообще послѣднія стоятъ въ гораздо большей связи съ количествомъ и качествомъ изготовляемыхъ продуктовъ, чѣмъ издержки общія.

При всей важности для установленія цѣнъ издержекъ производства точное опредѣленіе ихъ для отдѣльныхъ продуктовъ весьма часто оказывается совершенно невозможнымъ. Если мы имѣемъ случай покупки и перепродажи товаровъ цѣлыми партіями или изготовленіе только совершенно однородныхъ товаровъ, напр. какихъ нибудь булавокъ или гвоздей, то опредѣленіе издержекъ ихъ производства не трудно; но если взять сельское хозяйство или какое нибудь предпріятіе, производящее различнаго рода товары, какъ это и бываетъ по большей части, то мы встрѣтимся съ непреодолимыми затрудненіями для точнаго опредѣленія издержекъ производства.

Возьмемъ простѣйшій случай: воздѣлывается одинъ только родъ хлѣба, положимъ рожь; на рынокъ идетъ, однако, кромѣ хлѣба въ

зернѣ, еще солома. Какъ опредѣлить, во что обошелся хлѣбъ, а во что—солома? Допустивъ даже, что хозяинъ къ данному сроку въ состояніи опредѣлить общую сумму издержекъ на произведенные уже продукты*), т. е. зная, во что обошлись хлѣбъ и солома вмѣстѣ, хозяинъ можетъ лишь условно опредѣлить издержки одного товара, въ зависимости отъ чего опредѣлятся и издержки другаго товара. Если всего онъ истратилъ 100 р., а на рынкѣ за солому онъ выручаетъ 10 р., то 90 р. составятъ для него издержки производства хлѣба; если онъ сочтетъ, что солома продана съ выгодой, равной 10%, что въ данномъ случаѣ составитъ 1 р., то издержки на хлѣбъ для него будутъ равняться 91 р. и т. д. Очевидна условность рѣшенія поставленнаго вопроса. Еще болѣе затрудненій при большемъ количествѣ продуктовъ, даваемыхъ однимъ и тѣмъ же предпріятіемъ, такъ какъ основаній для распредѣленія между ними общей суммы издержекъ производства указать нельзя.

Сказаннымъ выше объясняется и возможность продавать товары періодически „ниже издержекъ производства“, „съ уступкой 50%“ и т. п., какъ то видимъ въ объявленіяхъ о распродажахъ: если цѣны назначены такія, что уже одна часть проданныхъ товаровъ покрыла издержки производства, то, очевидно, остальная часть даннымъ предпринимателемъ можетъ быть продана за что случится, и всетаки это будетъ выгодно. Обыкновенно подобныя назначенія цѣнъ и распродажи имѣютъ мѣсто относительно модныхъ товаровъ, которые съ перемѣной моды легко могутъ не находить вовсе сбыта и остаться на рукахъ продавца, если онъ не привлечетъ покупателей особымъ пониженіемъ цѣны.

Наконецъ, издержки производства сами стоятъ въ извѣстной зависимости отъ цѣнъ: поднимутся цѣны—и выгоднымъ станетъ производство и съ бо̀льшими издержками.

Говоря объ издержкахъ производства, нельзя упускать изъ вида, что они могутъ быть и бываютъ весьма различны у производителей однородныхъ продуктовъ, а также, что понятіе издержекъ производства представляется различнымъ, смотрѣть ли съ частной или съ общеэкономической точки зрѣнія; въ первомъ случаѣ всѣ затраты,

*) Нѣкоторыя издержки дѣлаются на нѣсколько лѣтъ и оказываютъ вліяніе въ теченіе цѣлаго ряда операцій, такъ что опредѣлить ихъ долю вліянія на полученіе данныхъ продуктовъ и соотвѣтственную долю издержекъ, падающихъ именно на данные продукты, невозможно.

сдѣланныя въ видахъ производства, во второмъ—лишь безусловно необходимыя могутъ быть названы издержками *производства*.

Кромѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ элементовъ на установленіе цѣнъ вліяютъ еще условія сбыта—количество и качество рынковъ, запасы товаровъ и виды на будущее, способность продуктовъ къ перемѣщенію и т. п. Сколько можетъ быть разнообразныхъ комбинацій разсмотрѣнныхъ условій, столько же можетъ устанавливаться и различныхъ цѣнъ.

Устанавливаются цѣны или на рынкѣ, или путемъ закона и обычая. При установленіи на рынкѣ наблюдается борьба противуположныхъ интересовъ: тогда какъ продавцы стремятся взять подороже, покупатели хотятъ купить возможно дешевле. Эта борьба смягчается соперничествомъ, существующимъ въ свою очередь въ каждой группѣ, т. е. и покупателей, и продавцевъ: каждый изъ первыхъ боится остаться безъ нужнаго товара и потому „набиваетъ“ цѣну, напротивъ каждый изъ продавцевъ боится, чтобы товаръ его не остался непроданнымъ, и потому „сбиваетъ“ цѣну другъ передъ другомъ, желая обезпечить себѣ сбытъ товара.

Въ итогѣ цѣна, въ каждый данный моментъ, устанавливается *уравненіемъ спроса и предложенія:* чѣмъ больше спросъ и меньше предложеніе, тѣмъ выше цѣны, чѣмъ меньше онъ и больше предложеніе, тѣмъ ниже цѣны; но самый спросъ и предложеніе измѣняются въ зависимости отъ колебанія цѣнъ: поднимаются цѣны — все менѣе остается лицъ, покупательная сила которыхъ достаточно велика для пріобрѣтенія даннаго товара; наоборотъ, падаютъ цѣны—товаръ становится доступнымъ большему кругу лицъ, спросъ усиливается; въ первомъ случаѣ уравненіе достигается уменьшеніемъ спроса, во второмъ—его увеличеніемъ.

На долгое время цѣны устанавливаются подъ вліяніемъ издержекъ производства: никто не станетъ продолжать вѣчно производство съ потерей для себя. Однако, можно различить двѣ крупныя категоріи товаровъ, изъ которыхъ цѣны одной регулируются наивысшими, а цѣны другой—наименьшими издержками производства. Производство продуктовъ обрабатывающей промышленности можетъ быть, въ видѣ общаго правила, усиливаемо безъ относительнаго увеличенія издержекъ, т. е. каждая новая единица продукта не будетъ стоить дороже, чѣмъ каждая изъ прежде произведенныхъ, скорѣе—наоборотъ, въ виду того, что общія издержки производства не возрастутъ пропорціонально увеличившемуся ко-

личеству продуктовъ; поэтому производитель, могущій назначить, въ виду наименьшихъ издержекъ производства, самую низкую цѣну, будетъ въ состояніи постепенно устранять одного соперника за другимъ, расширяя свое производство, пока, наконецъ, его издержки, т. е. наименьшія издержки производства, не явятся послѣднимъ основаніемъ для установленія цѣны продукта на рынкѣ.

Совершенно противуположный порядокъ установленія цѣнъ замѣчается относительно продуктовъ земледѣлія: по мѣрѣ увеличенія спроса, приходится переходить къ производству въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, при большихъ издержкахъ производства, которыя, однако, должны покрываться цѣнами, такъ какъ иначе производство сократилось бы и обнаружилось бы несоотвѣтствіе предложенія спросу. Такимъ образомъ (какъ мы увидимъ при разсмотрѣніи ученія о рентѣ), цѣны на продукты, увеличеніе производства которыхъ (а таковы прежде всего продукты земледѣлія) возможно только при условіи увеличенія издержекъ производства, на долгое время регулируются издержками производства въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ (т. е. *наивысшими*), которое (производство), однако, необходимо для удовлетворенія существующаго спроса, разумѣя спросъ, обладающій необходимой покупательной силой. Таковы условія установленія цѣнъ двухъ категорій товаровъ, наиболѣе многочисленныхъ; затѣмъ находимъ исключенія изъ общаго правила: вещи, предложеніе которыхъ не подлежитъ быстрому сокращенію, какъ дома въ падающемъ (по своему значенію) городѣ или вообще, когда ихъ окажется построено болѣе дѣйствительной надобности; цѣны на нихъ и на квартиры надолго могутъ опредѣляться не издержками производства, а подъ вліяніемъ спроса и при неизмѣнности предложенія, которое уменьшено быть не можетъ; затѣмъ рѣдкія вина, рѣдкіе драгоцѣнные камни, картины и статуи знаменитыхъ художниковъ и т. п. вещи, предложеніе которыхъ не можетъ быть увеличено при увеличеніи спроса, такъ что цѣны установятся въ зависимости отъ спроса, обладающаго наибольшей покупательной силой: цѣны на эти предметы будутъ подниматься до тѣхъ поръ, пока не останется между спрашивающими только такое число самыхъ богатыхъ лицъ, со спросомъ которыхъ находилось бы въ соотвѣтствіи наличное предложеніе; такъ какъ для всѣхъ этихъ товаровъ открытъ всемірный рынокъ, то пріобрѣтателями ихъ могутъ быть лишь лица, располагающія наибольшей покупательной силой въ цѣломъ свѣтѣ

вообще, а не въ данной мѣстности, городѣ или государствѣ. Исключительно выгодныя условія, въ которыхъ могутъ, такимъ образомъ, стоять какъ покупатели, такъ и продавцы, ведутъ къ установленію, такъ называемыхъ, *монопольныхъ* цѣнъ, т. е. цѣнъ, установленныхъ одной стороной, господствующей надъ другой въ данномъ случаѣ. Хотя, поэтому, можно бы говорить и объ очень низкихъ цѣнахъ, какъ о *монопольныхъ*, если, напримѣръ, много продавцовъ фруктовъ, а покупателей всего одинъ, два, но обыкновенно въ этихъ случаяхъ говорятъ о *бросовыхъ* цѣнахъ (Spottpreise), называя *монопольными* лишь высокія цѣны, обусловленныя преимущественнымъ положеніемъ продавцовъ (естественной монополіей, какъ напримѣръ въ случаѣ рѣдкихъ винъ, или искусственной—въ случаѣ выдачи привиллегіи и т. п.).

Таксой называется цѣна, устанавливаемая общественной властью. Вполнѣ умѣстны онѣ въ томъ случаѣ, когда о соперничествѣ не можетъ быть и рѣчи, напр. относительно услугъ государства; далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда можно опасаться сильныхъ измѣненій то въ спросѣ, то въ предложеніи, т. е. то преобладанія покупателей, то—продавцовъ, послѣдствіемъ чего должны быть сильныя колебанія цѣнъ, неопредѣленность, непостоянство ихъ, что весьма невыгодно для хозяйства; для обѣихъ сторонъ, какъ и для цѣлаго общества, выгоднѣе, если устанавливается властью *такса*, лишь бы она вращалась въ предѣлахъ возможнаго, напр. не была ниже издержекъ производства. Сюда надо отнести провозную плату на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, плату извозчикамъ и т. п. Бываютъ также случаи, когда плата устанавливается обычаемъ (иногда вопреки существующимъ законамъ): напр. вознагражденіе врачей, писателей, плата за требы духовенству и т. п.

II.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій экономическаго развитія общества является, какъ мы видѣли, дѣленіе труда, но это послѣднее стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ обмѣномъ: при возможности обмѣна оно только и можетъ развиваться; но для развитія обмѣна встрѣчаются различнаго рода препятствія. Если остановиться только на разсмотрѣніи одной категоріи изъ нихъ, именно—экономическихъ, то главнѣйшія окажется возможнымъ свести въ три группы: 1) зависящія отъ *свойствъ самихъ обмѣниваемыхъ*

товаровъ, 2) заключающіяся въ условіяхъ *времени* и 3)—въ условіяхъ *пространства*. Для преодолѣнія этихъ трудностей или, по крайней мѣрѣ, смягченія ихъ, человѣкъ нашелъ средство, а именно: трудности первой категоріи смягчаются *деньгами*, второй—развитіемъ *кредита*, третьей—развитіемъ *средствъ сообщенія*. Къ разсмотрѣнію ученія о деньгахъ мы теперь и перейдемъ.

До тѣхъ поръ, пока обмѣнъ представляется незначительнымъ, мало развитымъ, оказывается возможнымъ обходиться безъ денегъ, мѣняя непосредственно товаръ на товаръ. Такъ какъ число такихъ обмѣнивавшихся товаровъ было невелико (главнымъ образомъ: оружіе, украшенія, утварь), а прочность ихъ достаточно велика, то акты обмѣна не могли быть многочисленны и можно было мириться съ трудностями, при непосредственномъ обмѣнѣ встрѣчавшимися. Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ можно было обходиться безъ обмѣна, при существованіи рабства или при крѣпостничествѣ, уже и тамъ ощущалась потребность въ деньгахъ: отличать работниковъ, смотря по роду труда, который несъ каждый изъ нихъ, одеждой, пищей, жильемъ оказывалось часто затруднительнымъ.

При небольшомъ даже развитіи обмѣна ясно сказываются препятствія для непосредственнаго обмѣна и соизмѣренія цѣнностей: приходится мѣнять товары различнаго рода или сорта, товары, измѣряемые различными единицами мѣры, напр. хлѣбъ на ткани, наконецъ, тотъ товаръ, который предлагается къ обмѣну, можетъ быть вовсе не нуженъ и нежелателенъ для того лица, которое является обладателемъ товара нужнаго для перваго и т. д. Напр. лицо, предлагающее къ обмѣну лошадь, нуждается въ платьѣ, но имѣющій платье не нуждается въ лошади, а ищетъ обмѣнять на платье хлѣбъ.

Подобныя препятствія къ развитію обмѣна устраняются деньгами. Если предлагающій къ обмѣну легко портящіеся товары (напр. фрукты) убѣжденъ, что предлагаемый ему за нихъ товаръ, хотя и не нужный для него, несомнѣнно найдетъ желающихъ взять его, то онъ охотно согласится на него обмѣнять свой товаръ, не выдерживающій долгаго храненія. Также точно владѣлецъ драгоцѣннаго камня, рѣдкой жемчужины, не имѣя возможности дробить свой товаръ, такъ какъ послѣдній въ такомъ случаѣ вовсе или въ значительной степени утратилъ бы свою цѣнность, охотно возьметъ въ обмѣнъ и ненужные товары, обладаю-

щіе свойствомъ дробимости безъ уменьшенія цѣнности, или много единицъ прочныхъ товаровъ, въ сбытѣ которыхъ впослѣдствіи онъ можетъ быть увѣренъ и за которые онъ можетъ получить потребные для него товары отъ ихъ владѣльцевъ. Такой ходячій, охотно всѣми принимаемый товаръ, который является посредникомъ при обмѣнѣ товаровъ, и называется *деньгами*. Очевидно, мѣновой посредникъ является въ то же время и мѣриломъ цѣнности: на него мѣняютъ всякіе товары, потому что онъ самъ является цѣнностью, но при такомъ обмѣнѣ проводится сравненіе обмѣниваемыхъ количествъ товаровъ по ихъ цѣнности. Такимъ образомъ, деньги служатъ основаніемъ для сравненія цѣнности обмѣниваемыхъ въ конечномъ выводѣ товаровъ, т. е. они являются, *мѣриломъ цѣнности*, какъ и *мѣновымъ посредникомъ* въ то же самое время. Главными функціями денегъ обусловливаются и побочныя: сбереженіе цѣнностей, возмѣщеніе убытковъ, уплата штрафовъ, налоговъ, процентовъ, все это совершается при посредствѣ денегъ. Хотя деньги устанавливаются не государствомъ, но оно и по отношенію къ нимъ пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе: государству производится много платежей, поэтому весьма важно рѣшеніе вопроса о формѣ этихъ платежей, что опредѣляется закономъ. Закономъ же устанавливается, чѣмъ разрѣшать обязательства, невыполненныя въ той формѣ, какъ было обѣщано при заключеніи договора; напримѣръ, за столъ и квартиру было обѣщано къ концу мѣсяца сдѣлать переводъ, но онъ не былъ сдѣланъ къ этому сроку,—чѣмъ разрѣшить это обязательство, чѣмъ слѣдуетъ расплатиться? Наконецъ государствомъ же указывается законное мѣрило при оцѣнкахъ въ случаяхъ, закономъ предусматриваемыхъ (экспропріація). Такимъ образомъ деньги становятся и *законнымъ платежнымъ средствомъ*. Признанная въ этомъ отношеніи единица цѣнности опредѣляетъ, какъ увидимъ ниже, монетную систему государства. Вслѣдствіе введенія въ обращеніе денегъ, прежняя *натуральная мѣна* стала *куплей-продажей*, одна прежняя сдѣлка распалась на двѣ новыхъ; но сравненіе цѣнностей чрезвычайно облегчается. Если взять 200 товаровъ, то, при отсутствіи денегъ, необходимо знать 19.900 отношеній (что соотвѣтствуетъ числу возможныхъ комбинацій), а при употребленіи денегъ, съ которыми только и сравниваются всѣ рабочіе товары, только 199. Въ соотвѣтствіи съ преобладающимъ характеромъ хозяйства мы находимъ, что у разныхъ народовъ различные товары функціо-

нируютъ въ качествѣ денегъ. Чѣмъ болѣе грубый народъ мы возьмемъ, тѣмъ болѣе грубымъ, менѣе обработаннымъ товаромъ пользуется онъ, какъ деньгами: у охотничьихъ племенъ деньгами служатъ мѣха *) или металлы, изъ которыхъ изготовляется оружіе—желѣзо, мѣдь, бронза; у народовъ пастушескихъ, а затѣмъ и у осѣдлыхъ деньгами служитъ скотъ. Малое различіе скота по качеству, общность пастбищъ, легкость перемѣщенія этого товара (самъ себя перемѣщаетъ!), все это дѣлало скотъ, какъ товаръ наиболѣе распространенный, весьма удобнымъ мѣновымъ посредникомъ, благодаря чему значеніе скота въ качествѣ денегъ сохраняется весьма долго. Извѣстно, что когда въ Римѣ стали чеканиться металлическія деньги, то на нихъ были изображенія вола, откуда и самое названіе денегъ—pecunia. По мѣрѣ экономическаго развитія, увеличенія числа мѣновыхъ сдѣлокъ и размѣра торговыхъ оборотовъ, совершается естественно переходъ отъ грубыхъ къ болѣе утонченнымъ товарамъ, болѣе цѣннымъ, которые уже лучше, по условіямъ времени, могутъ выполнять функціи денегъ. Однако, на ряду съ денежнымъ хозяйствомъ долго еще продолжаетъ существовать и натуральная мѣна. Такъ, въ Америкѣ, въ концѣ прошлаго и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ указываетъ Рошеръ, по улицамъ нѣкоторыхъ городовъ мальчики выкрикивали „соли за свѣчу“, „табаку за хлѣбъ“ и т. п.; газеты отдавались за хлѣбъ, за масло, медикаменты за лошадь и т. д. Однако, постепенно всѣми цивилизованными народами отдается предпочтеніе благороднымъ металламъ въ качествѣ денегъ; впрочемъ, такія деньги у нѣкоторыхъ народовъ Малой Азіи встрѣчаемъ уже въ самое древнее время; затѣмъ деньги изъ благородныхъ металловъ распространяются по берегамъ Средиземнаго моря, въ Греціи уже въ VIII вѣкѣ, въ Римѣ—въ III в. до Р. Хр. Исторія современныхъ народовъ свидѣтельствуетъ, что у нихъ деньги изъ благородныхъ металловъ пріобрѣли, такъ сказать, право гражданства лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ. Трудно повѣрить, что народъ, нынѣ занимающій первое мѣсто по торговлѣ — англичане не хотѣли въ концѣ XIII вѣка принимать золотыхъ монетъ при торговыхъ сдѣл-

*) Въ древней Россіи деньги вообще назывались „кунами“. Слово это ясно указываетъ, что въ старину обычнымъ мѣриломъ цѣнности служили мѣха и по преимуществу куньи. Потребность въ мелкихъ единицахъ привела къ дробленію мѣховъ; отсюда явились: „рѣзани“ (отрѣзки), „ногаты“ (лапки), „мордки“, „полушки“ (половина уха). (Моревъ).

кахъ и только сто лѣтъ спустя оказался возможенъ законъ, не дозволяющій отказываться отъ пріема въ платежъ золотой монеты!

Преимущества, которыми объясняется предпочтеніе, отдаваемое благороднымъ металламъ въ качествѣ денегъ передъ прочими товарами, суть слѣдующія: 1) они прочны: ни атмосферическія вліянія, ни вода, ни даже огонь не уничтожаютъ, не портятъ благородныхъ металловъ; для уменьшенія потери отъ тренія при чеканкѣ монеты, прибавляютъ нѣкоторое количество мѣди (лигатура); 2) они однородны: нѣтъ нужды различать золото и серебро такъ, какъ это, напримѣръ, необходимо относительно мѣха—по сортамъ и по частямъ даже отдѣльной шкурки; каждая частица золота или серебра совершенно однородна съ каждой другой такой же частицей того же металла; 3) они дробимы безъ уменьшенія цѣнности и имъ легко придать желательную форму; драгоцѣнные камни, будучи раздроблены, теряютъ значительную долю цѣнности, такъ что никогда десять мелкихъ частей не будутъ по стоимости равняться одному камню, равному по величинѣ суммѣ всѣхъ 10 частей, а затѣмъ, раздробивъ одинъ камень на части, соединить части снова въ одно цѣлое невозможно; благородные металлы ничего не теряютъ при дробленіи и части легко могутъ быть сплавлены въ одинъ кусокъ; легкость придавать желательную форму металлу облегчаетъ путемъ чеканки обезпеченіе населенія отъ поддѣлки, отъ обмана; 4) затруднительность поддѣлки обусловливается также тяжелымъ удѣльнымъ вѣсомъ и рѣдкой красотой металла, особенно золота; 5) они представляютъ при сравнительно маломъ объемѣ большую цѣнность, что облегчаетъ ихъ обращеніе, дѣлаетъ возможнымъ дешевое перемѣщеніе ихъ на большія разстоянія; извѣстный статистикъ Энгель вычислилъ, что издержки перевозки по желѣзнымъ дорогамъ на одну милю для золота составляетъ 0,0000035% его цѣнности, для серебра—0,00055%, а для каменнаго угля—13,888%; наконецъ, 6) они отличаются постоянствомъ цѣнности, особенно на сравнительно небольшіе періоды времени; это объясняется какъ тѣмъ, что количество ежегодно добываемаго золота и серебра по сравненію съ массой, находящейся въ обращеніи, обыкновенно такъ невелико, что лишь постепенно можетъ наступить измѣненіе цѣнности благородныхъ металловъ, такъ равно и тѣмъ обстоятельствомъ, что благородные металлы служатъ для изготовленія предметовъ роскоши: по мѣрѣ

измѣненія спроса на деньги — вещи переплавляются въ деньги, или же наоборотъ — деньги въ вещи.

Такъ какъ деньги прежде всего — товаръ, то ихъ цѣнность, какъ и всякаго товара, измѣнчива. На первомъ мѣстѣ она опредѣляется уравненіемъ спроса и предложенія, причемъ спросъ на деньги составляетъ все количество продаваемыхъ товаровъ, а предложеніе — все количество денегъ, на рынкѣ обращающееся. Покупательная сила денегъ велика, когда за малое количество ихъ дается много товаровъ, и наоборотъ; но такъ какъ количество денегъ, получаемое при обмѣнѣ на нихъ товара, составляетъ его цѣну, то отсюда слѣдуетъ, что цѣнность денегъ обратно пропорціональна общей высотѣ цѣнъ. При неизмѣнности всѣхъ прочихъ условій цѣнность денегъ измѣняется обратно пропорціонально ихъ количеству. Это ихъ особенность, такъ какъ отъ облегченія или затрудненія пріобрѣсти какой либо другой товаръ величина суммы, предназначенной на его пріобрѣтеніе, измѣняется неодинаково; но спросъ на деньги составляютъ всѣ продаваемые товары, вся сумма ихъ обмѣнивается на всю сумму денегъ, являющуюся на рынокъ. Поэтому товары будутъ продаваться за количество денегъ, уменьшившееся или увеличившееся ровно въ той пропорціи, въ какой измѣняется сумма денегъ, находящаяся на рынкѣ. Однако, расходуемыя деньги по цѣнности равны товарамъ, но количество расходуемыхъ денегъ вовсе не равно количеству денегъ, находящихся въ обращеніи, такъ какъ одна монета много разъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Слѣдовательно, сумма всѣхъ товаровъ обмѣнивается на сумму всѣхъ денегъ, умноженную на среднее число покупокъ, сдѣланныхъ каждою монетою. Итакъ, мы получили 3 величины (общая цѣнность товаровъ, сумма денегъ, находящихся въ обращеніи и быстрота обращенія), изъ которыхъ зная двѣ, легко опредѣлить третью. Однако, указанное вліяніе количества денегъ на высоту цѣнъ могло бы обнаружиться лишь подъ условіемъ полной непримѣнимости кредита, неизмѣнившейся величины денежныхъ сдѣлокъ и при предположеніи, что все увеличившееся количество денегъ поступаетъ на рынокъ, а не прячется въ запасы или не зарывается въ видѣ кладовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ, очевидно, измѣнившееся количество денегъ никакого вліянія на цѣны товаровъ оказать не могло бы.

На долгое время, однако, и цѣнность денегъ, какъ большин-

ства товаровъ, опредѣляется издержками производства, притомъ наивысшими изъ необходимыхъ (какъ то мы видѣли относительно продуктовъ земледѣлія), только процессъ приспособленія требуетъ здѣсь сравнительно долгаго времени въ виду медленности изнашиванья денегъ и чрезвычайно большаго количества имѣющихся въ обращеніи денегъ по сравненію съ ежегодной добычей благородныхъ металловъ.

Измѣненія въ цѣнности денегъ имѣютъ весьма важныя послѣдствія для всего народнаго хозяйства. При постепенномъ паденіи цѣнности денегъ, или, что равносильно, постепенномъ общемъ повышеніи цѣнъ, — можно опасаться ненормальнаго оживленія производства, обусловленнаго не усиленіемъ спроса, а разсчетомъ предпринимателя выиграть на разницѣ цѣнъ: издержки по производству имъ дѣлаются при сравнительно низшихъ цѣнахъ, чѣмъ какія вообще установятся (по его предположенію) ко времени сбыта продуктовъ. Если отдѣльныя лица и могутъ этимъ путемъ извлекать выгоду,—для цѣлаго народнаго хозяйства представляется опасность перепроизводства и связанныхъ съ нимъ экономическихъ кризисовъ.

Наоборотъ, постепенное возвышеніе цѣнности денегъ или, что то же, постепенное паденіе цѣнъ удерживаетъ отъ производства, такъ какъ имѣется опасеніе, что цѣны, которыя установятся на рынкѣ ко времени продажи изготовленныхъ товаровъ, будутъ такъ низки, что не покроютъ издержекъ по производству, сдѣланныхъ во время существованія сравнительно болѣе высокихъ цѣнъ. Если кто нибудь занялъ милліонъ рублей изъ 10% и, при условіи неизмѣнности въ цѣнности денегъ, могъ бы продать изготовленные товары за 1.200.000 р., то онъ, очевидно, получилъ бы 100.000 р. прибыли; если бы, однако, цѣнность денегъ упала болѣе чѣмъ на 20% за время займа, то этотъ предприниматель отъ продажи товаровъ не выручилъ бы и занятаго милліона, т. е. не только не получилъ бы никакой прибыли, но и оказался бы не въ состояніи уплатить взятой ссуды и процентовъ по ней.

Невыгодны колебанія въ цѣнности денегъ и съ точки зрѣнія распредѣленія: либо должники, либо кредиторы, смотря по тому, повышается или падаетъ цѣнность денегъ, терпятъ незаслуженные убытки.

На долгіе сроки деньги изъ благородныхъ металловъ подвергаются значительнымъ колебаніямъ цѣнности, но въ сравни-

тельно небольшіе періоды отличаются отъ другихъ товаровъ большимъ постоянствомъ цѣнности. Причины этого явленія были указаны выше.

Чеканка монеты изъ благородныхъ металловъ сопряжена съ небольшими издержками, а между тѣмъ даетъ возможность каждому спокойно принимать монету въ увѣренности, что она заключаетъ именно то количество благороднаго металла, которое соотвѣтствуетъ штемпелю и такимъ образомъ затруднительное, каждый разъ при пріемѣ монеты въ платежъ, взвѣшиваніе и проба становятся ненужными.

Въ историческомъ развитіи сперва мы находимъ частную чеканку и только постепенно, съ образованіемъ болѣе крупныхъ территоріальныхъ единицъ, чеканка монеты, становится государственной регаліей. Во Франціи еще до 1879 г. чеканка монеты производилась частными предпринимателями, за извѣстную плату, подъ контролемъ государства. Государство тѣмъ, что даетъ извѣстную форму и обозначеніе извѣстнымъ долямъ металла, беретъ на себя гарантію дѣйствительнаго соотвѣтствія наименованія монеты съ содержаніемъ въ ней благороднаго металла, такъ что монета представляетъ собою въ сущности слитокъ, удостовѣренный государствомъ.

Государственная чеканка затрудняетъ поддѣлку монеты и представляетъ ту выгоду, что позволяетъ установить извѣстное соотвѣтствіе между выпускаемыми монетами и потребностью въ нихъ населенія. Въ международныхъ торговыхъ сдѣлкахъ и теперь обращаются слитки, но также и монеты различныхъ государствъ. Въ видахъ устраненія переплавки монетъ и большей легкости обращенія монетъ различныхъ государствъ за ихъ предѣлами, замѣчается стремленіе въ разныхъ государствахъ чеканить, по крайней мѣрѣ, золотую монету приблизительно сходнаго достоинства; такъ, напр., у насъ новые полуимперіалы почти вполнѣ равняются по цѣнности 20-франковымъ золотымъ монетамъ и могутъ поэтому обращаться заграницей наравнѣ съ этими послѣдними безъ переплавки. Бывали не разъ попытки установить единство монетной системы у нѣкоторыхъ или у всѣхъ культурныхъ народовъ, но до настоящаго времени удавалось до нѣкоторой степени лишь первое. Единство монетной системы находимъ: въ силу латинской монетной конвенціи (1865 г.) во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи и Греціи; по конвенціи 1872 г.—у Скандинавскихъ государствъ; конвенціей 1857 г. было установлено единство си-

стемы для Австріи и Пруссіи; закономъ 1873 г. введено единство монетной системы во всѣхъ государствахъ Германіи.

Въ монетѣ различается *фейнъ*—содержащееся въ ней количество благороднаго металла и *лигатура*—подмѣсь (обыкновенно мѣди) для приданія монетѣ большей прочности. Лигатура составляетъ обыкновенно въ полноцѣнныхъ серебряныхъ и золотыхъ монетахъ $^1/_{10}$ или $^1/_{12}$ часть ихъ; хотя отъ большей подмѣси прочность и увеличивается, но чеканка монеты дѣлается труднѣе, теряется красота металла и монета пріобрѣла бы большій объемъ, поэтому остановились на указанной нормѣ.

По формѣ монета должна удовлетворять слѣдующимъ главнѣйшимъ требованіямъ: 1) возможно-художественная законченность чеканки въ видахъ затрудненія поддѣлки и приданія красоты монетѣ; 2) чтобы монета возможно менѣе стиралась, изнашивалась,—поверхность монеты сравнительно съ ея вѣсомъ должна быть небольшая, и 3) во избѣжаніе порчи монеты путемъ обрѣзыванья ея краевъ,—штемпель долженъ вполнѣ покрывать лицевую и оборотную стороны, а на ребрѣ монеты должно помѣщать надпись вдавленную или, еще лучше, выпуклую; менѣе цѣлесообразны рубчики.

Заботы государства относительно внутренняго качества монетъ должны сводиться къ поддержанію въ монетахъ: 1) средняго содержанія фейна и 2) незначительности отклоненій отъ него. На долгое время цѣнность монеты опредѣляется среднимъ содержаніемъ фейна. Если бы въ нѣкоторыхъ монетахъ было значительно болѣе, а въ другихъ значительно менѣе фейна, чѣмъ по закону должно быть, то, слѣдовательно, болѣе цѣнная монета представляла бы собою меньшую цѣнность, меньшую покупательную силу, чѣмъ количество металла, въ ней заключающееся; поэтому стали бы переплавлять такую монету, она исчезла бы изъ обращенія, а осталась бы только малоцѣнная монета, съ меньшимъ содержаніемъ фейна противъ указаннаго закономъ, вслѣдствіе чего среднее содержаніе фейна въ монетахъ, находящихся въ обращеніи, упало бы и мѣновая цѣнность ея понизилась бы. Если бы затѣмъ государство вздумало чеканить полноцѣнную монету, то она не удержалась бы въ обращеніи, такъ какъ и она была бы тотчасъ переплавлена; вотъ почему въ прежнее время, какъ мы видимъ, часто государство должно было переходить къ постепенному пониженію закономъ устанавливаемаго содержанія въ монетѣ

благороднаго металла. Для поддержанія существующей монетной системы государства: 1) не выпускаютъ въ обращеніе, а перечеканиваютъ монету, если въ ней уклоненіе отъ законнаго вѣса превосходитъ 0,002 — 0,004, а уклоненіе по содержанію фейна въ монетѣ — болѣе 0,001 — 0,003; указанныя уклоненія являются *предѣльными*, допускаемыми въ разныхъ государствахъ; такое допустимое уклоненіе называется *remedium;* 2) устанавливаютъ границу изношенности (умепьшенія вѣса), за переходомъ которой монета утрачиваетъ характеръ законнаго платежнаго средства; въ разныхъ государствахъ эта граница различна: для золотыхъ монетъ она колеблется въ предѣлахъ 0,005 — 0,0083 вѣса.

За чеканку монеты или при обмѣнѣ на нее слитковъ, представляемыхъ частными лицами, большею частію государствомъ взимается весьма незначительная плата.

Для удовлетворенія потребности въ мелкихъ монетахъ для мелкихъ платежей, на ряду съ полноцѣнной чеканится размѣнная монета, малоцѣнная, по заключающемуся въ ней фейну представляющая меньшую цѣнность, чѣмъ какая дается штемпелемъ, напр. наши 20, 15, 10 к. сер. не заключаютъ въ себѣ, по сравненію съ серебрянымъ рублемъ, количества серебра пропорціональнаго ихъ номинальной стоимости, т. е. 0,2 — 0,15 и 0,1 того количества его, какое заключается въ серебряномъ рублѣ, такъ какъ этотъ послѣдній — монета полноцѣнная, они же — монеты размѣнныя, кредитныя; они также называются *билономъ*.

Чеканить мелкія монеты полноцѣнными оказалось неудобно: 1) не покрывались бы расходы по чеканкѣ: изготовить 20 пятачковъ стоитъ дороже, чѣмъ вычеканить рубль; 2) какъ болѣе обращающаяся мелкая монета быстрѣе изнашивается — сравнительно бо́льшая потеря для казны, и 3) малѣйшее превышеніе цѣны металла въ слиткахъ сравнительно съ цѣной въ монетѣ вызывало постоянно немедленную переплавку этой монеты (демонетизацію) въ слитки, между тѣмъ исчезновеніе изъ обращенія мелкой монеты причиняетъ крайнія затрудненія для повседневныхъ расплатъ. Вотъ причины, по которымъ размѣнная монета чеканится не полноцѣнной.

Такъ какъ всегда худшая монета вытѣсняетъ лучшую, то, во избѣжаніе вытѣсненія билономъ полноцѣнной монеты, чеканка его должна быть ограничена потребностью страны въ такой монетѣ для мелкихъ уплатъ, по отношенію къ которымъ пріемъ ея только

*

и долженъ считаться обязательнымъ; въ видахъ установленія указаннаго соотвѣтствія количества кредитной монеты съ потребностью въ ней, въ государственныхъ кассахъ она должна приниматься на неограниченныя суммы и, по желанію владѣльцевъ, обмѣниваться на полноцѣнную монету; искусная чеканка должна продупредить ея поддѣлку. Употребленіе кредитной монеты весьма древнее — находимъ уже въ Вавилонѣ; объясняется это желаніемъ облегчить производство уплатъ, невозможныхъ полноцѣнной монетой, и желаніемъ соединить въ монетной системѣ золото и серебро.

Въ монетной системѣ каждаго государства важнѣйшимъ вопросомъ является опредѣленіе, изъ какого металла должна чеканиться основная монета и какое количество чистаго металла принимается за основную единицу; напр., у насъ основная единица — рубль — изъ серебра, содержащій 4 з. 21 долю, въ Германіи основная единица — марка — изъ золота, равняющаяся $^1/_{1395}$ фунта. Монета, представляющая собою нѣсколько такихъ основныхъ единицъ, называется сборной, а составляющая ея части — дробной. Въ виду сильнаго измѣненія въ соотношеніи цѣнности золота и серебра, весьма важно постановить: монета изъ какого металла является законнымъ платежнымъ средствомъ, если не было особаго уговора въ отдѣльномъ случаѣ. Здѣсь могутъ быть два случая и соотвѣтственно двѣ монетныхъ системы: или основнымъ металломъ признается одинъ какой либо (золото или серебро), т. е. законнымъ платежнымъ средствомъ признается полноцѣнная монета, вычеканенная изъ одного изъ этихъ металловъ, или же такимъ средствомъ признается монета какъ изъ того, такъ и изъ другаго металла. Въ первомъ случаѣ говорятъ о простой (золотой или серебряной) системѣ, во второмъ — о двойственной (биметаллизмъ).

При простой серебряной монетной системѣ золотая монета обращается по курсу, т. е. по цѣнѣ золота на рынкѣ по оцѣнкѣ его на серебро, и является, такимъ образомъ, въ качествѣ гарантированныхъ (относительно содержанія) правительствомъ слитковъ, пригодныхъ для производства крупныхъ уплатъ.

При простой золотой системѣ невыгодно было бы чеканить полноцѣнную серебряную монету, которая должна бы была обращаться по курсу, т. е. по рыночной цѣнѣ на золото, такъ какъ постоянныя колебанія въ цѣнности такой монеты дѣлали бы крайне затруднительными повседневныя мелкія расплаты ею, а

между тѣмъ основной золотой монетой производить ихъ невозможно, такъ какъ чеканка мелкой золотой монеты неудобна: слишкомъ тонкія и мелкія монеты получались бы, которыя и сильно стирались бы, и легко утрачивались бы, терялись. Поэтому при золотой валютѣ серебряная монета чеканится кредитная и въ такомъ случаѣ она обращается не по курсу, а по той номинальной стоимости ея, какая дается штемпелемъ; такъ, напр., въ Соединенномъ Королевствѣ закономъ 1816 г. установлена простая золотая система (основная единица — фунтъ стерлинговъ, соверенъ), при чемъ чеканится серебряная монета — шиллинги (20 ш. въ фунтѣ стерл.), 66 шилл. изъ каждаго фунта серебра, стоющаго по оцѣнкѣ на золото около $2^1/_2$ ф. ст., т. е. всего 50 шилл. Только въ томъ случаѣ, если бы серебро поднялось въ своей цѣнности настолько, что фунтъ его сталъ бы оцѣниваться въ 66 шилл. на золото, пришлось бы перечеканить серебряную монету, понизивъ ея пробу, т. е. содержаніе фейна.

Двойственная монетная система (биметаллизмъ) характеризуется тѣмъ, что *соотношеніе цѣнности золота и серебра въ полноцѣнныхъ монетахъ устанавливается закономъ*, а не денежнымъ рынкомъ, какъ при простой монетной системѣ, вслѣдствіе чего, напр., *x* монетъ золотыхъ, въ коихъ содержится 1 ф. золота, будутъ равняться по цѣнности *y* серебряныхъ монетъ, въ коихъ содержится $15^1/_2$ ф. серебра; законнымъ платежнымъ средствомъ признается какъ та, такъ и другая монета, т. е. должникъ по своему усмотрѣнію можетъ разсчитаться со своимъ кредиторомъ тою или другою монетою и послѣдній не въ правѣ отказать ему, положимъ, въ пріемѣ серебряной монеты въ уплату долга, на томъ основаніи, что *на рынкѣ* соотношеніе цѣнности серебра и золота измѣнилось къ невыгодѣ перваго.

Двойственную монетную систему находимъ уже въ древности — въ Вавилонѣ, Лидіи, Римѣ; но сравнительно малое экономическое развитіе не давало возможности обнаружиться всѣмъ ея невыгоднымъ сторонамъ, между тѣмъ позволяло пользоваться въ качествѣ денегъ обоими металлами. Иначе дѣло стало въ новѣйшее время, послѣ открытія Америки: измѣненіе въ соотношеніи цѣнности металловъ, по сравненію съ принятымъ въ законѣ по отношенію къ монетамъ, приводило къ тому, что всѣ должники производили расплаты болѣе дешевой монетой, а болѣе дорогая скрывалась изъ обращенія, или вывозилась, или переплавлялась въ

издѣлія, въ видѣ которыхъ вздорожавшій металлъ цѣнился по своей дѣйствительной стоимости, а не по законамъ, установленнымъ для монеты. Чтобы возстановить фактически двойственную систему, правительству ничего болѣе не оставалось, какъ измѣнить законное соотношеніе цѣнности металловъ въ монетѣ примѣнительно къ установившемуся свободно на денежномъ рынкѣ.

Во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, было закономъ установлено соотношеніе 1:15½, весьма близко подходившее къ дѣйствительному, почему оно, особенно при громадномъ торговомъ значеніи Франціи, и могло продержаться до послѣдней четверти настоящаго столѣтія, не смотря на бывшія въ теченіе этого времени колебанія цѣнности золота и серебра. Къ началу 70-хъ годовъ мы видимъ, однако, что и Франціи пришлось фактически отказаться отъ двойственной монетной системы: она сперва ограничиваетъ, а затѣмъ и вовсе пріостанавливаетъ чеканку серебряной полноцѣнной монеты, такъ какъ иначе она подвергалась риску быть наводненной упавшимъ въ цѣнѣ серебромъ и совершенно утратить золотую монету, которая ушла бы въ тѣ государства, гдѣ она цѣнилась бы выше по содержанію въ ней фейна, а не по установленной закономъ таксѣ, не соотвѣтствующей рыночной цѣнѣ золота.

Однако, особенно за послѣднее время, биметаллизмъ выставилъ весьма сильныхъ защитниковъ въ лицѣ Чернуски, Арендта и др., соображенія которыхъ заслуживаютъ полнаго вниманія, но не рѣшаютъ, какъ намъ кажется, вопроса, такъ какъ наиболѣе сильными они должны быть признаны въ части критической, положительная же представляется совершенно несостоятельной.

Биметаллисты указываютъ, что когда рѣчь идетъ о деньгахъ, какъ о мѣрилѣ цѣнности, то не должно себѣ представлять это мѣрило въ томъ смыслѣ, въ какомъ о немъ говорится при измѣреніи длины, объема и т. п.; о такой постоянной единицѣ не можетъ быть и рѣчи: дѣло идетъ объ измѣреніи цѣнности двухъ товаровъ при помощи третьяго, равнымъ образомъ измѣнчиваго по своей цѣнности. Для такой функціи и золото, и серебро одинаково пригодны; только при двойственной системѣ достигается большее постоянство металлическихъ денегъ, какъ мѣрила цѣнности: увеличилось количество золота, находящагося въ обращеніи, на 5% вслѣдствіе открытія особенно богатыхъ розсыпей, цѣны должны бы сильно измѣниться при простой золотой системѣ, но онѣ измѣнятся гораздо слабѣе при двойственной, такъ какъ

въ такомъ случаѣ, указанное увеличеніе надо относить ко всему количеству и золота, и серебра, находящихся въ обращеніи, при чемъ % увеличенія денегъ, можетъ быть, составитъ 1% только; при биметаллизмѣ колебанія въ увеличеніи денегъ будутъ болѣе равномѣрными въ виду того, что во вниманіе придется принимать количество добычи двухъ, а не одного металла. На первое можно замѣтить, что увеличеніе можетъ послѣдовать и въ количествѣ серебра и процентъ можетъ оказаться большій, чѣмъ 5%, т. е. чѣмъ тотъ, на который увеличилось бы количество денегъ при простой золотой системѣ; на второе,—что колебанія въ увеличеніи денегъ также легко могутъ увеличиваться при биметаллизмѣ, если добыча одного металла отличается неравномѣрностью, какъ это и оказывается въ дѣйствительности относительно серебра: добыча золота съ середины настоящаго столѣтія колеблется въ предѣлахъ 149—200 тыс. кил. въ годъ, т. е. колебанія составятъ 25%—33%, а серебро за тотъ же періодъ даетъ колебанія добычи въ годъ 900 тыс. кил.—4.000 тыс. кил., 77%—344%; хотя бы измѣненія были и противуположнаго характера, колебанія могутъ получиться болѣе сильныя, чѣмъ при простой золотой системѣ.

Далѣе, говорятъ биметаллисты, если допустить, что цѣнность одного металла поднялась, то тотчасъ сильно увеличится спросъ на сравнительно подешевѣвшій металлъ, и чрезъ это возстановится нарушенное-было соотношеніе цѣнности обоихъ металловъ; между тѣмъ какъ при простой системѣ, а большинство цивилизованныхъ странъ переходитъ къ простой золотой системѣ, усиленный спросъ на одинъ металлъ—золото ведетъ все къ большему обезцѣненію другаго металла, столь же пригоднаго функціонировать въ качествѣ денегъ, и не встрѣчается никакого средства къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія, что въ концѣ концовъ можетъ привести къ ощущенію недостатка въ деньгахъ и, во всякомъ случаѣ, даетъ въ результатѣ чрезвычайно значительное измѣненіе цѣнности платежнаго средства, на крайне невыгодныя послѣдствія чего нами выше уже было указано.

На это можно замѣтить, что если при биметаллизмѣ колебанія цѣнности денегъ до нѣкоторой степени уравновѣшиваются, то за то имъ же они скорѣе и обусловливаются: измѣненія цѣнности не одного, но двухъ металловъ, вызываютъ колебанія цѣнности металлическихъ денегъ; къ этому должно еще прибавить,

что въ зависимости отъ этихъ колебаній стоятъ громадныя издержки по перемѣнной чеканкѣ монеты то изъ одного, то изъ другаго металла, смотря по тому, какой дешевле; такъ, напримѣръ, во Франціи вычеканено въ процентахъ по цѣнности въ періодъ 1825—1849 гг. и 1851—1867 гг.:

золотой монеты. . . .	11%	94%
серебряной монеты . .	89%	6%

Двойственность мѣрила невозможна въ корнѣ; также какъ немыслимо установить соотношеніе цѣнности золота и серебра, какъ 1:12, также невозможно и всякое другое отношеніе, противное дѣйствительности, и мы видимъ, что сами биметаллисты не могутъ согласиться между собою, какое соотношеніе болѣе правильно. Золото и серебро обладаютъ цѣнностью въ качествѣ товара и потому только и могутъ быть мѣриломъ цѣнности другихъ товаровъ; тѣмъ, что они въ качествѣ издѣлій служатъ къ удовлетворенію потребностей роскоши, объясняется отчасти постоянство ихъ цѣнности: удешевленіе—увеличиваетъ потребленіе ихъ въ качествѣ издѣлій, вздорожаніе — ведетъ къ переплавкѣ издѣлій въ монету. Потребленіе золота и серебра въ видѣ издѣлій весьма значительно; такъ, за 50 лѣтъ, въ періодъ 1831—1880 гг., пошло на издѣлія—золота около 32,6% всего добытаго количества, а серебра—около 25,2%. По даннымъ за 1881—1885 гг., по вычисленіямъ извѣстнаго ученаго Soetbeer'a, на издѣлія пошло болѣе 50% всего добытаго золота и около 20% серебра. Очевидно, при такомъ потребленіи въ видѣ товаровъ никакая государственная власть не въ состояніи фактически установить предписаніемъ соотношеніе цѣнности золота и серебра въ монетахъ.

Но биметаллисты нашего времени считаютъ возможнымъ установленіе такого соотношенія цѣнности золота и серебра въ монетахъ *путемъ договора* всѣхъ важнѣйшихъ культурныхъ государствъ между собою, въ зависимости отъ чего, по ихъ мнѣнію, можно ожидать, что такое же установится соотношеніе цѣнности золота и серебра вообще. Подобное предположеніе едва ли осуществимо: 1) каждое государство обязано прежде всего заботиться о національныхъ интересахъ; какъ же можетъ государство, богатое золотомъ, согласиться отдавать его дешевле, а за серебро платить дороже, чѣмъ то слѣдуетъ по дѣйствительнымъ условіямъ рынка; 2) въ виду необходимости регулировать чеканку монеты то того, то другаго металла, очевидно, потребна власть, превы-

шающая власть отдѣльнаго государства, на что едва ли какое государство можетъ согласиться; 3) войны легко могутъ уничтожить дѣйствіе такого договора, если бы даже онъ и былъ заключенъ; 4) населеніе (особенно въ государствахъ съ золотой валютой) можетъ оказать противодѣйствіе введенію въ обращеніе серебряной монеты; 5) банки должны будутъ стремиться накоплять золото, опасаясь кризиса, разрыва договора и вмѣстѣ съ тѣмъ быстраго обезцѣненія серебра.

Предпочтеніе, которое оказывается большинствомъ цивилизованныхъ государствъ простой золотой системѣ, объясняется потребностью производить все болѣе и болѣе крупные платежи въ виду развитія торговыхъ оборотовъ, особенно международныхъ, при чемъ меньшія издержки пересылки золота (сравнительно съ серебромъ) даютъ значительное сбереженіе.

Въ заключеніе этой главы остановимся еще на данныхъ относительно добычи благородныхъ металловъ, на вопросѣ объ измѣненіи цѣнности денегъ и цѣнъ товаровъ въ историческомъ развитіи.

Начиная съ 1493 года, имѣются достаточно точныя свѣдѣнія относительно добытыхъ количествъ золота и серебра.

Года.	Годовая (средняя) добыча благородныхъ металловъ въ килограммахъ.		Соотношеніе цѣнности золота и серебра.	Изъ общей суммы добычи приходится по цѣнности.	
	Серебро.	Золото.		На серебро.	На золото.
1493—1520	47.000	5.800	1 : 10,5—11	43,0	57,0
1521—1544	90.200	7.160	1 : 11,25	52,8	47,2
1545—1560	311 600	8 510	1 : 11,30	76,4	23,6
1561—1580	299.500	6.840	1 : 11.50	79,2	20,8
1581—1600	418.900	7.380	1 : 11,80	82,8	17,2
1601—1620	422.900	8.520	1 : 12,25	80,2	19,8
1621—1640	393.600	8.300	1 : 14	77,2	22,8
1641—1660	366.300	8.770	1 : 14,50	74,2	25,8
1661—1680	337.000	9.260	1 : 15	70,8	29,2
1681—1700	341.900	10.765	1 : 15	67,9	32,1
1701—1720	355.600	12.820	1 : 15,21	64,5	35,5
1721—1740	431.200	19.080	1 : 15,08	60,0	40,0
1741—1760	533.145	24 610	1 : 14,75	59,5	40,5
1761—1780	652.740	20 705	1 : 14,72	68.2	31,8
1781—1800	879.060	17.790	1 : 14,76 до 1790 1 : 15,42 до 1800	76,6	23,4
1801—1810	894.150	17.778	1 : 15,61	76,3	23,7
1811—1820	540.770	11.445	1 : 15,51	75,3	24,7
1821—1830	460.560	14.216	1 : 15,80	67,3	32,7
1831—1840	596.450	20.289	1 : 15,75	65,1	34,9

Года.	Годовая (средняя) добыча благородныхъ металловъ въ килограммахъ.		Соотношеніе цѣнности золота и серебра.	Изъ общей суммы добычи приходится по цѣнности.	
	Золото.	Серебро.		На серебро.	На золото.
1841—1850	780.451	54.759	1 : 15,83	47,3	52,7
1851—1855	886.115	199.388	1 : 15,41	22,4	77,6
1856—1860	904 990	201.750	1 : 15,30	22,6	77,4
1861—1865	1.101.150	185.057	1 : 15,40	27,1	72,9
1866—1870	1.339 085	195.026	1 : 15,55	30,6	69.4
1871—1875	1.969.425	173.904	1 : 15,98	41,5	58,5
1876—1880	2.450 252	172 414	1 : 17,81	44,3	55,7
1881—1885	2.861.709	149.137	1 : 18,63	50,7	49,7
1886	3.070.000	150.276	1 : 20,78	49,6	50,4
1887	3.071.174	151.712	1 : 21,12	49,0	51,0
1888	3.531.000	160.731	1 : 21,96	50,1	49,9
1889	3.981.260	149.610	1 : 22,12	54,7	45,3
1890	4.000 000 (?)	167.346	1 : 20,78 (19,75)	53,5	46,5 (?)
1891	—	177.000 (?)	1 : 20,21 (?)	—	—

Такимъ образомъ оказывается, что среднее количество годовой добычи серебра, постоянно колеблясь, составляло 300—400 тысячъ кил. съ середины 16 вѣка до середины 18 вѣка, возрастало отъ 500—900 тыс. кил. въ теченіе слѣдующихъ 70 лѣтъ, затѣмъ упало въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія до 460 тыс. кил., послѣ чего, быстро и непрерывно возрастая, достигло 2.800 тыс. кил. въ началѣ 80-хъ годовъ настоящаго столѣтія; въ 1886 году превышало 3.000 тысячъ, а въ 1890 году достигло 4.000 тыс. кил.

Общее количество добытаго въ теченіе 1493—1890 г. серебра опредѣляется въ 225.000 тыс. кил.

Средняя годовая добыча золота въ періодъ 1493 — 1700 г. составляла 6—10 тыс. кил.; въ теченіе 1700—1840 г. она колебалась въ предѣлахъ 11—24 тыс. кил.; въ серединѣ настоящаго столѣтія (1851—60 г.) она достигаетъ 200 тыс. кил. и затѣмъ постепенно уменьшается, составляя въ теченіе 80-хъ годовъ всего около 152 тыс. кил. Общее количество добытаго въ теченіе 1493—1890 г., золота опредѣляется въ 11.915 тыс. кил.

Соотношеніе золота и серебра по цѣнности постепенно измѣняется къ невыгодѣ серебра: въ началѣ 16 в. находимъ отношеніе какъ 1: 10; въ 17 и 18 вв.—какъ 1 къ 12—14—15; въ теченіе $^3/_4$ 19 в.—какъ 1 къ $15\,^1/_2$—16; наконецъ въ теченіе 15 лѣтъ съ 1876 по 1890 г.—какъ 1 къ 18—22—$20\,^3/_4$. Объясняется измѣненіе соотношенія цѣнности золота и серебра: 1) громаднымъ

увеличеніемъ добычи серебра; 2) уменьшеніемъ спроса на серебро вслѣдствіе а) замѣны его въ Остъ-Индіи кредитными суррогатами денегъ, б) перехода Германіи и др. государствъ отъ серебрянной монетной системы къ золотой, в) предполагаемаго перехода С.-А. Соединенныхъ Штатовъ отъ двойственной системы къ золотой *) и г) прекращенія чеканки серебрянной монеты въ государствахъ Латинскаго союза; 3) уменьшеніемъ добычи золота, и 4) увеличеніемъ спроса на него (вслѣдствіе перехода Германіи и др. государствъ къ золотой монетной системѣ).

Громадное увеличеніе благородныхъ металловъ не оказало на цѣнность ихъ такого вліянія, какого можно бы ожидать. Значительное паденіе цѣнности ихъ, оцѣниваемое различными писателями весьма различно (какъ 1 къ 2—4, даже 6), произошло въ то время, когда добыча ихъ еще не была особенно велика, именно до второй трети 17 вѣка, такъ что это паденіе, главнымъ образомъ, объясняется переходомъ отъ медленнаго денежнаго обращенія, еще затруднявшагося стремленіемъ къ собиранію сокровищъ, къ обращенію быстрому, ускоряемому пользованіемъ всякаго рода денежными суррогатами (развитіе кредита!); затѣмъ до середины 19 вѣка въ цѣнности денегъ почти не замѣчается никакихъ существенныхъ измѣненій и только въ послѣднія 35 лѣтъ, подъ вліяніемъ усиленной добычи благородныхъ металловъ, замѣчается паденіе цѣнности денегъ, т. е. повышеніе цѣнъ товаровъ, опредѣляемое приблизительно въ 20%.

Обстоятельства, объясняющія устойчивость цѣнности благородныхъ металловъ до послѣднихъ десятилѣтій, суть слѣдующія: 1) золото и серебро идетъ не только для чеканки монеты, но и на издѣлія и, какъ мы видѣли, въ весьма значительномъ количествѣ, притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше богатство народа; 2) количества, идущія на золоченіе и серебренье, теряются безвозвратно; 3) также теряется золото и серебро (въ деньгахъ или нѣтъ—все равно) при кораблекрушеніяхъ, пожарахъ, пропадаетъ въ видѣ зарытыхъ и забытыхъ кладовъ; 4) издѣлія, какъ и монеты, изнашиваются, стираются; 5) вслѣдствіе развитія дѣленія

*) Увеличеніе цѣнности серебра по отношенію къ золоту въ послѣдніе годы стоитъ въ зависимости отъ неудавшейся до сихъ поръ попытки правительства Соединенныхъ Штатовъ пріостановить дѣйствіе закона 1878 г., которымъ серебрянный долларъ признавался законнымъ платежнымъ средствомъ, и правительство обязывалось ежемѣсячно чеканить 2—4 мил. долларовъ изъ серебра.

труда и обмѣна и перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, запросъ на деньги сильно возвышается. Чтобъ судить, насколько увеличился обмѣнъ, остановимся на нѣсколькихъ данныхъ о торговлѣ: вмѣстимость всего англійскаго флота къ 1602 г. равнялась всего 45.000 тоннамъ, — къ 1886 г. она достигла 16.482.000 тоннъ, да и то только для одного торговаго флота; весь оборотъ по внѣшней торговлѣ Англіи, Франціи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ къ серединѣ прошлаго столѣтія опредѣлялся въ 250 мил. руб., — къ 1883 г. весь оборотъ всемірной торговли достигалъ 34 милліардовъ руб.; 6) ко всему сказанному должно добавить, что самый *рынокъ*, сфера сбыта, по сравненію съ тѣмъ, что было 400 — 500 лѣтъ тому назадъ, представляетъ громадное расширеніе; вмѣсто одной Европы торговые обороты обнимаютъ теперь весь земной шаръ. Рынокъ расширился настолько, настолько увеличились обороты, что даже все развитіе кредитныхъ операцій и замѣстителей денегъ не оказало сильнаго вліянія на цѣнность золота и серебра.

Относительно измѣненія цѣнъ на другіе товары замѣчается слѣдующая тенденція, по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства.

Многіе виды сырья и вообще естественныхъ продуктовъ, первоначально, въ странахъ дикихъ, даются природой въ такомъ изобиліи, что необходимъ лишь трудъ для собиранія или овладѣнія ими. Въ это время цѣна этихъ продуктовъ весьма низка; но затѣмъ она постепенно повышается, по мѣрѣ того, какъ изсякаютъ даровые источники богатства, съ одной стороны, и увеличивается спросъ (и внутри, и извнѣ) на эти продукты — съ другой. Такое возвышеніе цѣны достигаетъ крайняго предѣла, когда, наконецъ, вмѣсто овладѣнія обращаются къ дѣйствительному производству. Въ этомъ случаѣ цѣны устанавливаются уже на равныхъ съ производствомъ другихъ товаровъ условіяхъ; если же почему либо производство невозможно или ограниченно, то предѣломъ для возможнаго поднятія цѣнъ явится лишь отсутствіе средствъ у покупателей. Ранѣе обнаруживается повышеніе цѣнъ тѣхъ продуктовъ или частей ихъ, которые обладаютъ въ большей мѣрѣ способностью искать себѣ выгоднаго сбыта, т. е. товары дольше сохраняющіеся, заключающіе въ маломъ объемѣ большую цѣнность, легко перемѣщаемые и т. д.

Большее постоянство замѣчается относительно цѣнъ такихъ

продуктовъ, которые съ самаго начала требовали производства ихъ; сюда относится, напр., хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ измѣненіе цѣны хлѣба съ середины 16 в. до середины 19 в. не представляетъ даже удвоенія; это отчасти объясняется, впрочемъ, открытіемъ новыхъ источниковъ—странъ производства, но также и сравнительно большей дешевизной труда и капитала и развитіемъ знаній, что въ суммѣ уравновѣшиваетъ оскудѣніе силъ природы.

Предметы обработывающей промышленности постепенно дешевѣютъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе значительную роль въ производствѣ ихъ играетъ трудъ и капиталъ и чѣмъ менѣе значительно участіе сырья; вслѣдствіе этого, напр., можно замѣтить, что тонкія сукна подешевѣли болѣе, чѣмъ толстыя, грубыя.

По отношенію ко всѣмъ продуктамъ паденіе цѣнъ тѣмъ легче и рельсфнѣе обнаруживается, чѣмъ болѣе способны они быть предметами торговли.

III.

Какъ уже выше было указано, препятствія къ развитію обмѣна могутъ заключаться въ условіяхъ времени. Средствомъ къ смягченію, если не къ совершенному ихъ устраненію является *кредитъ*. Къ разсмотрѣнію ученія о послѣднемъ мы и обратимся теперь. Подъ кредитной сдѣлкой разумѣется добровольная уступка цѣнностей однимъ лицомъ (стороной) другому (другой) по довѣрію къ обѣщанію послѣдняго возвратить равноцѣнность въ будущемъ. Первый называется кредиторомъ, второй—должникомъ, а порождаемое кредитной сдѣлкой отношеніе—долгомъ. При куплѣ-продажѣ дача и полученіе цѣнностей пріурочиваются къ одному моменту, въ кредитной сдѣлкѣ—оба эти акта разъединяются нѣкоторымъ промежуткомъ времени, такъ что можетъ быть поставленъ вопросъ не только, что̀ будетъ, но даже—будетъ ли что̀ возвращено?

Появленіе кредита есть естественное слѣдствіе развитія народнаго хозяйства. Его необходимость вытекаетъ главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Спеціализація занятій, раздѣленіе труда, при которомъ каждый въ удовлетвореніи своихъ потребностей зависитъ отъ цѣлаго ряда другихъ лицъ, производящихъ нужные для него предметы, подчиняется спеціальнымъ условіямъ времени: для изготовленія продуктовъ одного рода нужно меньшее время, чѣмъ для продуктовъ другаго, поэтому обмѣна не

послѣдовало бы до изготовленія продуктовъ послѣдняго рода, а значитъ было бы отсрочено, съ одной стороны, потребленіе первыхъ, а съ другой—полученіе производителемъ ихъ своего оборотнаго капитала, въ зависимости отъ чего временно могло бы оказаться необходимымъ пріостановить производство, т. е. пріостановить дѣятельность труда и капитала. Благодаря кредиту, всѣ невыгодныя послѣдствія такой пріостановки могутъ быть устранены: изготовленные продукты уступаются *въ кредитъ* лицамъ, въ нихъ нуждающимся, до окончанія производства ихъ продуктовъ, а самъ производитель, въ свою очередь, получаетъ *въ кредитъ* всѣ тѣ матерьялы, которые ему необходимы для безостановочнаго продолженія производства; когда его должники расплатятся съ нимъ и онъ самъ будетъ въ состояніи разсчитаться со своими кредиторами, и кредитная сдѣлка разрѣшится.

Затѣмъ, кредитъ переводитъ капиталы въ наиболѣе предпріимчивыя руки. Самъ капиталистъ, можетъ быть, не въ состояніи выгодно приложить свой капиталъ или вообще въ виду малой талантливости, или, можетъ быть, и потому, что не желаетъ пускаться въ предпріятія и подвергать себя связаннымъ съ этимъ волненіямъ и безпокойствамъ; въ то время, какъ капиталистъ можетъ разсчитывать жить рентьеромъ, безкапитальное лицо для своего обезпеченія должно разсчитывать только на свою голову, да руки; но всѣ знанія, способности, предпріимчивость могутъ остаться безъ результата, если, за неимѣніемъ капитала, окажется невозможно ихъ приложеніе къ дѣлу. Эту то возможность, къ общей выгодѣ, и доставляетъ кредитъ: приложеніе къ дѣлу капитала болѣе способными, притомъ по необходимости болѣе напрягающими свои силы лицами, обезпечиваетъ наиболѣе выгодные результаты производства какъ съ точки зрѣнія интересовъ цѣлаго общества, такъ даже и капиталистовъ, такъ какъ получающіе при помощи капитала наибольшіе результаты могутъ за ссуду уплатить и наибольшіе проценты.

Наконецъ, съ развитіемъ народнаго хозяйства, приходится затрачивать все болѣе крупные капиталы не только подъ вліяніемъ развитія дѣленія труда, но и по самому характеру потребностей новаго времени, тѣхъ задачъ, за разрѣшеніе которыхъ берется человѣческое общество. Полученіе такихъ капиталовъ оказывается возможнымъ только благодаря кредиту.

Непосредственно кредитъ не создаетъ капиталовъ (онъ только

облегчаетъ переходъ цѣнностей изъ одного хозяйства въ другое), но косвенно онъ облегчаетъ увеличеніе капиталовъ, именно: 1) онъ дѣлаетъ возможнымъ извлеченіе наибольшей пользы изъ хозяйственной дѣятельности человѣка, онъ ускоряетъ извлеченіе пользы, и 2) онъ поощряетъ накопленіе, способствуетъ развитію бережливости, обезпечивая лицу доходное помѣщеніе накопленныхъ имъ цѣнностей.

Вопросъ о вліяніи, какое кредитъ въ состояніи оказывать и дѣйствительно оказываетъ на человѣческое общество, остается еще открытымъ: тогда какъ одни видятъ въ немъ средство а) къ созданію и поддержкѣ самостоятельнаго класса въ населеніи — лицъ способныхъ, предпріимчивыхъ, но безкапитальныхъ, которыя иначе служили бы въ качествѣ наемниковъ у капиталистовъ; б) къ болѣе выгодной организаціи производства, при чемъ производителю дается возможность получить въ свои руки необходимыя орудія труда, а капиталисту, освобожденному отъ необходимости самому затрачивать капиталъ, дается возможность безвозмездно отправлять различныя общественныя должности, посвящать обезпеченный досугъ развитію наукъ и искусствъ и т. п.; другіе, напротивъ, указываютъ, что кредитъ влечетъ подавленіе мелкаго, но самостоятельнаго ремесленнаго люда сравнительно немногими крупными капиталистами, которые въ состояніи пользоваться наибольшимъ кредитомъ и такимъ образомъ монополизировать въ свою пользу выгодныя послѣдствія пользованія кредитомъ. Въ результатѣ оказывается обращеніе самостоятельнаго класса въ классъ наемниковъ, при чемъ для этихъ послѣднихъ, въ видѣ общаго правила, навсегда потеряна надежда стать самостоятельными, выйти изъ зависимости; разстояніе между самостоятельнымъ капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ все растетъ, обращаясь въ пропасть, черезъ которую нельзя перекинуть моста.

Тогда какъ первые готовы въ кредитѣ видѣть средство для разрѣшенія соціальнаго вопроса, вторые видятъ въ кредитѣ причину обостренія этого вопроса.

Нельзя не признать возможности какъ выгодныхъ, такъ и невыгодныхъ послѣдствій кредита: дѣйствительность даетъ примѣры и того, и другаго. Надо позаботиться лишь о болѣе выгодной съ общественной точки зрѣнія организаціи кредита.

Условія пользованія имъ стоятъ въ зависимости какъ отъ общественнаго строя, степени его развитія вообще, такъ и, въ част-

ности, отъ качествъ самого лица, желающаго воспользоваться кредитомъ, а также и лица дающаго. Здѣсь, въ вопросѣ о кредитѣ, особенно рельефно обнаруживается тѣсная связь вопросовъ экономическихъ, юридическихъ и нравственныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кредитъ вообще основывается прежде всего на довѣріи: гдѣ нѣтъ мѣста послѣднему, тамъ сколько нибудь значительное развитіе кредита невозможно. Напротивъ, по мѣрѣ развитія нравственности, чувства справедливости, сознанія долга, кредитъ развивается и его условія становятся все мягче: чѣмъ большее довѣріе можетъ дающій ссуду питать къ тому, что должникъ захочетъ и будетъ въ состояніи, а если не захочетъ, то будетъ принужденъ исполнить данное обѣщаніе относительно уплаты равноцѣнности, тѣмъ на менѣе обременительныя условія согласится кредиторъ. Нравственное развитіе должника, нравственный уровень общества даннаго времени и развитіе права — суть моменты, опредѣляющіе въ весьма значительной степени условія кредита.

Различные виды кредита и кредитныхъ сдѣлокъ различаются частію по экономическимъ, частію по правовымъ признакамъ.

Можно прежде всего указать на дѣленіе на кредитныя въ собственномъ смыслѣ и на необходимо-кредитныя сдѣлки. Къ первымъ относится, напр., ссуда, обожданіе уплаты, ко вторымъ — наемъ, аренда, пользованіе услугами. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, отъ соглашенія сторонъ зависитъ, кто является кредиторомъ, а кто должникомъ; такъ, напр., за квартиру обыкновенно вносится плата praenumerando, впередъ, напротивъ жалованье домашней прислугѣ лишь въ видѣ исключенія дается впередъ, обыкновенно же уплачивается по истеченіи мѣсяца или др. срока.

Важно различеніе кредита по цѣли, ради которой обращаются къ кредиту, на а) производительный, б) потребительный и в) кредитъ владѣнія (Besitz-Credit), часто являющійся кредитомъ распредѣлительнымъ. Какъ показываетъ самое названіе двухъ первыхъ видовъ кредита, мы имѣемъ дѣло въ одномъ случаѣ съ потребленіемъ цѣнностей ради непосредственнаго удовлетворенія потребностей безъ того, чтобы вмѣсто потребленныхъ были созданы новыя цѣнности, въ другомъ — какъ разъ противоположное, т. е. потребленіе репродуктивное. Впрочемъ, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, нельзя говорить о большей абсолютной выгодности производительнаго кредита, такъ какъ рѣшаютъ вопросъ результаты, а таковые могутъ оказаться и въ пользу потребительнаго кредита,

напримѣръ, если цѣнности идутъ на поддержаніе работника во время болѣзни, на воспитаніе и обученіе способныхъ будущихъ работниковъ, тогда какъ, съ другой стороны, затрата производительнаго характера *по цѣли*—можетъ неудасться, цѣнности могутъ погибнуть безслѣдно. По занятію должника различаютъ кредитъ 1) сельско-хозяйственный, 2) промышленный и 3) торговый, коммерческій.

Кредитъ владѣнія (терминъ предложенъ Книсомъ) мы имѣемъ, напримѣръ, въ случаѣ покупки земли, дома, когда пріобрѣтаемая собственность закладывается въ виду недостаточности средствъ для пріобрѣтенія ея на наличныя; равнымъ образомъ, когда приходится при дѣлежѣ, напримѣръ, доставшейся въ наслѣдство тремъ лицамъ фабрики, обременить ее долгомъ для выдѣла двухъ сонаслѣдниковъ, чтобы сохранить за третьимъ право самостоятельнаго дальнѣйшаго веденія предпріятія.

По формѣ, въ которой находятъ себѣ выраженіе кредитныя сдѣлки и по субъекту, пользующемуся кредитомъ, различаютъ публичный и частный кредитъ. Къ первому по формѣ относятся кредитныя сдѣлки, выражающіяся въ бумагахъ публичныхъ, обращающихся на биржѣ, а по субъекту—кредитъ государства и его частей и разныхъ корпорацій. Кредитныя сдѣлки противуположнаго характера будутъ представлять собою частный кредитъ. Очевидно, первый признакъ для дѣленія присущъ гораздо большему числу кредитныхъ сдѣлокъ, чѣмъ второй, такъ что выраженіе „публичный кредитъ“ можетъ употребляться то въ болѣе обширномъ, то въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ существенно то, что относительно *частнаго* должника могутъ быть приняты понудительныя мѣры къ выполненію обѣщанія, тогда какъ относительно такого субъекта, какъ государство, кредиторъ, особенно еще если онъ подданный этого же государства, совершенно безсиленъ; напр., государство выпускаетъ бумажныя деньги, обѣщая постоянно размѣнивать ихъ на металлическую полноцѣнную монету, но затѣмъ прекращаетъ такой размѣнъ; кредитору некуда обратиться съ жалобой, нѣтъ такой власти, которая могла бы заставить государство выполнить ранѣе данное обѣщаніе.

По признаку времени различаются кредитныя сдѣлки 1) на опредѣленное и 2) на неопредѣленное время. Въ первомъ случаѣ имѣемъ *краткосрочный* кредитъ, когда требуется оборотный капи-

талъ, сполна возстановляющійся по сбытѣ цѣнностей; напротивъ, приходится прибѣгать къ *долгосрочному* кредиту, если нуженъ капиталъ постоянный, который, будучи затраченъ, лишь въ теченіе цѣлаго ряда годовъ и операцій будетъ *постепенно* переходить въ создаваемыя цѣнности и, слѣдовательно, возмѣщенъ можетъ быть тоже постепенно. Первый случай наблюдать можно, напр., на фабрикахъ, сдающихъ изготовленные продукты на комиссію или въ кредитъ торговцамъ, въ то время, какъ сами, до полученія отъ послѣднихъ продажной цѣны, получаютъ въ кредитъ отъ владѣльцевъ сырья такія его количества, какія необходимы для того, чтобы ихъ фабрика могла продолжать безостановочно дѣйствовать; долгосрочный кредитъ нуженъ, напр., землевладѣльцамъ, которые, затративъ капиталъ, положимъ на осушеніе болотъ, могутъ расчитывать выручить сдѣланныя затраты лишь въ теченіе долгаго ряда лѣтъ путемъ увеличенія урожаевъ.

Кредитныя сдѣлки на неопредѣленное время могутъ или подлежатъ разрѣшенію (по волѣ сторонъ) или нѣтъ; при вѣчной рентѣ мы имѣемъ послѣдній случай, при обращеніи банковыхъ билетовъ, подлежащихъ размѣну по предъявленію,—первый.

Въ зависимости отъ того, какого рода обезпеченіе имѣется для кредитора можно различать кредитъ *личный* и *реальный, вещный*. При первомъ—кредиторъ имѣетъ въ виду личныя качества должника, но также и его имущественныя права, однако не требуя спеціальнаго, опредѣленнаго матерьяльнаго обезпеченія; во второмъ случаѣ, на первомъ планѣ стоятъ тѣ имущественныя права, которыя могли бы быть должникомъ переданы кредитору; они—то, по соблюденіи законныхъ формальностей, и составляютъ средства возмездія для кредитора, если должникомъ не будетъ выполнено обѣщанное по договору дѣйствіе (возвращены цѣнности, оказаны услуги).

При личномъ кредитѣ находимъ большое разнообразіе въ документахъ (о нихъ говорится ниже), при посредствѣ которыхъ находятъ себѣ выраженіе кредитныя сдѣлки; при вещномъ — существенно различеніе рода закладываемаго имущества, имѣемъ ли движимость или недвижимость; въ зависимости отъ этого различается *закладъ* движимости, которая переходитъ въ руки кредитора (цѣнныя вещи, бумаги и т. п.), или въ руки третьяго лица (болѣе громоздкія вещи), выдающаго особыя свидѣтельства *(варранты)*, подъ залогъ которыхъ и выдается уже ссуда. Во вся-

комъ случаѣ закладъ не остается въ рукахъ должника, и, въ случаѣ перехода его въ руки кредитора, онъ на все время кредитной сдѣлки, такъ сказать, изъемлется изъ обращенія, остается безъ движенія, не участвуетъ активно въ народномъ хозяйствѣ. При залогѣ недвижимости, — а такое обезпеченіе ссуды называется *ипотекой*, почему и кредитъ этотъ вообще называется *ипотечнымъ*, — она остается въ рукахъ должника, только ограниченнаго въ правѣ распоряженія ею; такой порядокъ для народнаго хозяйства, конечно, выгоднѣе вообще, такъ какъ заключеніе кредитной сдѣлки не влечетъ за собою уменьшенія цѣнностей, находящихся въ обращеніи, но онъ болѣе опасенъ, рискованнѣе для кредитора, интересы котораго могутъ пострадать въ зависимости отъ образа дѣйствій (хозяйничанья) должника. Система доковъ и вообще особыхъ складочныхъ мѣстъ, которыя берутъ на себя храненіе громоздкихъ вещей и такимъ образомъ обезпечиваютъ интересы кредитора, оставляя должнику свободу распоряженія заложенными цѣнностями, представляетъ громадный шагъ впередъ, облегчая кредитъ и въ тоже время обезпечивая права сторонъ, вступающихъ въ кредитную сдѣлку.

Пользованіе тѣмъ или другимъ видомъ кредита въ значительной степени стоитъ въ зависимости отъ рода занятій кредитующагося лица: сельскій хозяинъ, да и вообще лицо, работающее преимущественно большимъ постояннымъ капиталомъ, въ которомъ главнымъ образомъ и заключается его состояніе, естественно приводится къ *ипотечному* кредиту. Личный кредитъ здѣсь труденъ въ виду необходимой долгосрочности ссуды, а равно и въ виду трудности реализовать главное имущество; залогъ движимости неудобенъ въ зависимости отъ громоздкости продуктовъ, а потому и дороговизны провоза, не только абсолютной, но и особенно-относительной (т. е. сравнительно съ цѣнностью продуктовъ), также какъ и вслѣдствіе возможности сильнаго колебанія цѣнъ на эти продукты и ихъ порчи. Значительную помощь могутъ оказывать склады, но, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если требуется ссуда, не превышающая цѣнность продуктовъ; въ противномъ случаѣ не помогутъ и склады, и остается единственный исходъ — залогъ недвижимости.

Напротивъ, ремесленнымъ классамъ, какъ не располагающимъ недвижимостью, ипотечный кредитъ недоступенъ; они пользуются отчасти кредитомъ подъ залогъ движимости, который (для нѣко-

торыхъ товаровъ) облегчается, благодаря устройству складовъ; однако продукты ремесленнаго труда часто бываютъ весьма измѣнчивы въ своей цѣнѣ, а потому и не удобны для заклада, такъ что недоступенъ бываетъ и кредитъ при посредствѣ варрантовъ; приходится, главнымъ образомъ, пользоваться личнымъ кредитомъ, причемъ въ видахъ увеличенія кредитоспособности и удешевленія кредита ремесленники соединяются въ союзы съ круговою порукой. (Особенно извѣстны Vorschuss-und Credit-Vereine Шульце-Делича). Для торговаго класса доступенъ кредитъ личный и подъ залогъ товаровъ (особенно при помощи доковъ, складовъ, выдающихъ варранты).

Затѣмъ, приходится различать кредитныя сдѣлки, смотря потому, сближаются ли кредиторъ и должникъ непосредственно, стоятъ ли лицомъ къ лицу, или же кредитъ оказывается при посредствѣ особыхъ органовъ (банкиры, банки), которые становятся между лицами, желающими ссудить и ищущими ссуды, беря у первыхъ, т. е. являясь ихъ должниками для того, чтобы имѣть возможность выступить въ роли кредиторовъ по отношенію къ послѣднимъ. Такимъ образомъ эти органы, вступающіе въ кредитную сдѣлку, играютъ въ ней роль, сходную съ той, какую играютъ деньги при куплѣ-продажѣ: банки, такъ сказать, покупаютъ кредитъ у однихъ, чтобы продать его другимъ.

Первый видъ называется прямымъ, простымъ кредитомъ, второй—косвеннымъ. При прямомъ оказаніи ссуды или имѣемъ дѣло со сдѣлкой между двумя (или вообще немногими) лицами, или же находимъ соединеніе многихъ ссудъ отъ цѣлаго ряда кредиторовъ въ рукахъ одного должника, обыкновенно, ради осуществленія извѣстной опредѣленной задачи. Если при этой формѣ кредита и встрѣчаемъ посредниковъ (агенты, маклеры), сближающихъ кредитора и должника, то этимъ ихъ роль и ограничивается и они, слѣдовательно, существенно отличаются отъ банковъ при косвенномъ кредитѣ, когда эти послѣдніе вступаютъ сами въ кредитную сдѣлку.

Пользованіе ссудами отъ цѣлаго ряда кредиторовъ для выполненія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ или политическихъ задачъ необходимымъ оказывается потому, что отдѣльный кредиторъ или не обладаетъ такими средствами, какія необходимы, или не въ состояніи ссудить ихъ на необходимое время, иногда на вѣчныя времена. Здѣсь можно различать случаи, когда къ такимъ зай-

мамъ обращаются частныя лица, особенно акціонерныя общества, или—государство и его части; въ послѣднемъ случаѣ государство можетъ задаваться разрѣшеніемъ многихъ такихъ задачъ, за которыя ранѣе брались одни частныя общества. Выгодами развитія кредита въ этомъ направленіи признается открытіе сбереженіямъ массы выгоднаго и, главное, нерискованнаго помѣщенія, дающаго въ то же время государству средства для осуществленія весьма важныхъ задачъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще сильнѣе объединяющаго интересы подданныхъ—кредиторовъ и должника—государства.

Косвенный кредитъ при посредствѣ банковъ оказываетъ особенно сильное вліяніе на все народное хозяйство, привлекая къ дѣятельности совершенно ничтожные капиталы, способствуя развитію бережливости и накопленію новыхъ капиталовъ и создавая новыя орудія обращенія, замѣняющія деньги изъ благородныхъ металловъ.

Формы, въ которыя облекается кредитная сдѣлка при прямомъ кредитѣ, весьма разнообразны: росписки, облигаціи, кредитъ по книгѣ, векселя, варранты, гипотеки и т. п. Остановимся на разсмотрѣніи важнѣйшихъ изъ нихъ.

Въ сдѣлкахъ личнаго кредита въ настоящее время главную роль играетъ *вексель*, подъ которымъ разумѣется выраженное письменно съ соблюденіемъ требуемыхъ закономъ формальностей—или обѣщаніе одного лица другому, или приказаніе одного лица другому въ пользу третьяго—уплатить въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время извѣстную сумму денегъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ solo-вексель, во второмъ—переводный вексель или тратту.

Особенная пригодность этой формы для выраженія обязательства, вытекающаго изъ взятія ссуды, или вообще обязательства почему либо произвести уплату въ будущемъ, при весьма значительномъ сходствѣ въ законодательствѣ различныхъ странъ по этому предмету, сдѣлали вексель однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ расплаты по международнымъ обязательствамъ, вытекающимъ преимущественно изъ торговыхъ сношеній ихъ между собою.

Вексельные обороты въ простѣйшей формѣ встрѣчались уже у древнихъ, а съ середины 12 в. и начала 13 в. имѣемъ уже настоящіе векселя. Первоначально, какъ показываетъ самое названіе Wechselbrief, Wechsel (lettre de change, littera di cambio), онъ служилъ простымъ орудіемъ мѣнялъ, письмомъ одного изъ нихъ

къ другому для перевода платежей. Въ средніе вѣка, при безконечномъ разнообразіи монетъ, чеканившихся каждымъ отдѣльнымъ феодаломъ, при частой порчѣ этихъ монетъ (пониженіи фейна), наконецъ при весьма плохомъ состояніи путей сообщенія, на которыхъ къ тому же царилъ еще невообразимый грабежъ*), перевозка значительныхъ суммъ металлическихъ денегъ для частныхъ лицъ представлялась почти невозможной. Въ Остъ-Индіи, передъ введеніемъ въ обращеніе векселей, ежегодно до 70 тыс. солдатъ приходилось употреблять для эскортированія транспортовъ денегъ!

Во избѣжаніе перевозки денегъ, установились въ средніе вѣка въ Западной Европѣ слѣдующія операціи. Положимъ, Парижскій купецъ долженъ произвести уплату купцу Римскому извѣстной суммы денегъ; тогда онъ отправляется къ одному изъ парижскихъ мѣнялъ (банкировъ того времени), вноситъ ему должную сумму французской монетой, а отъ него получаетъ письмо къ одному изъ Римскихъ мѣнялъ, въ которомъ этому послѣднему поручается уплатить по предъявленіи письма кредитору парижскаго купца—купцу Римскому соотвѣтственную сумму въ итальянской монетѣ. Такъ какъ мѣнялы находились въ постоянныхъ коммерческихъ сношеніяхъ между собою и пользовались довѣріемъ, то подобное мѣняльное письмо охотно принималось какъ должниками, такъ и кредиторами; такъ какъ, далѣе, пересланное кредитору письмо мѣнялы было именное и должно было предъявляться лично кредиторомъ, а при сравнительно маломъ развитіи торговыхъ оборотовъ всѣ крупные торговцы своего города были лично извѣстны мѣнялѣ, да къ тому же времени на предъявленіе векселя для уплаты по немъ давалось приблизительно, сколько необходимо было для доставленія его должникомъ кредитору, то похищеніе векселей, злоупотребленіе ими было почти совершенно невозможно. Съ теченіемъ времени векселя начинаютъ выдаваться на сравнительно болѣе долгіе сроки, а затѣмъ въ нихъ охотно облекаются обыкновенныя ссуды подъ проценты. Но какъ быть кредитору, владѣльцу такого векселя, срокъ которому истекаетъ черезъ 1, 2, 3 мѣсяца, если онъ, кредиторъ, самъ нуждается въ деньгахъ? Онъ обращается къ другимъ капиталистамъ и предлагаетъ „учесть“, „дисконтировать“ вексель, т. е., удержавъ извѣ-

*) Поставленные для надзора за путями сообщенія чиновники приводились къ присягѣ, что они ни сами грабить проѣзжихъ не будутъ, ни въ стачку съ разбойниками входить не будутъ. Мелкіе феодалы сами грабили. (Habichte!).

стные проценты за время остающееся до срока векселя, выдать предъявителю векселя остальную сумму.

При *учетѣ* или *дисконтѣ* мы имѣемъ съ точки зрѣнія держателя векселя — досрочную его реализацію, съ точки зрѣнія лица, учитывающаго вексель, — помѣщеніе свободныхъ суммъ подъ проценты на короткій срокъ. Но можетъ быть держатель векселя, который, оказывается, самъ долженъ произвести уплату своимъ кредиторамъ, встрѣтитъ готовность съ ихъ стороны принять вмѣсто уплаты самый вексель, — въ такомъ случаѣ вексель *индоссируется*, на немъ, на его оборотной сторонѣ (*indosso*) дѣлается передаточная надпись: по solo-векселю А лицо, выдавшее его, обязуется уплатить должную сумму другому лицу, Б, своему кредитору, или кому онъ прикажетъ; когда послѣдній передаетъ третьему лицу, В, вексель въ уплату, то онъ Б дѣлаетъ надпись на векселѣ: „уплатите В или кому онъ прикажетъ“ и подписывается. Въ этомъ и состоитъ, такъ называемый, *индоссаментъ*. Такъ какъ В получилъ вексель въ уплату отъ Б, то отвѣтственнымъ за платежъ по векселю является уже не только А, выдавшій вексель, но и Б, его переписавшій. Чѣмъ большее число разъ, путемъ индоссамента, вексель перейдетъ изъ рукъ въ руки, тѣмъ, очевидно, большее число лицъ явится отвѣтственнымъ за платежъ по нему и онъ можетъ считаться болѣе надежнымъ.

Если бы мы взяли случай, гдѣ должникъ А векселя не выдалъ, а между тѣмъ кредитору Б нужно произвести платежъ третьему лицу В, то онъ Б даетъ этому послѣднему тратту, переводный вексель, заключающій приказаніе должнику А уплатить В, предъявителю векселя, презентанту. Если должникъ, по предъявленіи векселя, приметъ его (акцептируетъ), т. е. изъявитъ готовность уплатить по нему, то онъ получаетъ названіе акцептанта. Лицо, выдающее тратту (трассирующее) называется трассантомъ, лицо, на которое выдается, т. е. должникъ — трассатомъ. Такимъ образомъ въ сдѣлкѣ съ переводнымъ векселемъ, по меньшей мѣрѣ, участвуютъ 3 лица.

Международные разсчеты совершаются, главнымъ образомъ, при посредствѣ переводныхъ векселей. Напримѣръ, нѣкоторые изъ петербургскихъ купцовъ А, Б, В и т. д. должны уплатить парижскимъ за полученные отъ нихъ товары, напротивъ другіе Д, Е и друг. послали свои товары другимъ парижскимъ купцамъ и,

слѣдовательно, имѣютъ получить платежи изъ Парижа, въ такомъ случаѣ купцы А, Б, В, чтобъ избѣжать дорогостоющей пересылки денегъ въ Парижъ, станутъ искать переводныхъ векселей на Парижъ, чтобы ими расплатиться со своими кредиторами; такъ какъ такіе векселя могутъ трассировать купцы Д, Е, и др., то у нихъ купцы А, Б, В и постараются купить эти векселя и перешлютъ ихъ, вмѣсто благородныхъ металловъ, въ Парижъ своимъ кредиторамъ, а тѣ ужь получатъ съ своихъ парижскихъ собратовъ по векселямъ и всѣ международныя торговыя сдѣлки между этими купцами могутъ закончиться безъ пересылки одного металлическаго рубля. Цѣна, по которой пріобрѣтается вексель, называется *вексельнымъ курсомъ*. Говорятъ, курсъ стоитъ al pari, если векселя пріобрѣтаются за тѣ именно суммы, на которыя они написаны. Если однако надо больше произвести уплатъ, чѣмъ получить, то, очевидно, предложеніе векселей не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать спросу на нихъ, вексельный курсъ станетъ подниматься, векселя станутъ продаваться *съ преміей*, такъ какъ каждому выгоднѣе дороже заплатить за вексель, лишь бы за то сберечь бо́льшую сумму на издержкахъ, которыя вызвала бы пересылка металлическихъ денегъ. Очевидно, что эта сумма издержекъ является крайнимъ предѣломъ для поднятія курса векселей, потому что иначе оказалось бы выгоднѣе пересылать звонкую монету. Это вѣрно, если звонкая монета находится въ обращеніи, но если вмѣсто нея обращаются одни бумажныя деньги, неразмѣнныя на монету, то вексельный курсъ можетъ далеко перейти указанную границу, такъ какъ придется принять во вниманіе паденіе стоимости самихъ бумажныхъ денегъ, т. е. того, сколько этихъ денегъ нужно, чтобы пріобрѣсти нужную для пересылки сумму звонкой монеты или вообще благородныхъ металловъ.

Въ томъ случаѣ, когда предложеніе векселей болѣе спроса, за нихъ даютъ менѣе въ нихъ обозначенной суммы, опять же въ указанныхъ выше предѣлахъ. При такомъ курсѣ о векселяхъ говорятъ, что они пріобрѣтаются *съ дисконтомъ*. Такъ какъ характеръ разсчетовъ разныхъ странъ между собою можетъ быть различенъ,—одна страна можетъ являться кредиторомъ однихъ и должникомъ другихъ странъ,—то необходимо сообразить, разсчитать, векселями какихъ странъ выгоднѣе произвести платежъ, т. е. гдѣ сравнительно дешевле можно купить векселя. Такое соображеніе, такой разсчетъ называется *арбитражемъ*.

Въ реальномъ кредитѣ за послѣднее время все большее значеніе начинаютъ пріобрѣтать *варранты*, какъ называются особыя свидѣтельства въ пріемѣ товаровъ на храненіе, выдаваемыя особыми складочными учрежденіями. Можно различать товары, подлежащіе и неподлежащіе обезличенію. Между первыми къ послѣднему времени первое мѣсто занимаетъ хлѣбъ; ко второй категоріи относится большинство товаровъ. Въ первомъ случаѣ принятый на храненіе товаръ смѣшивается съ прочимъ однороднымъ товаромъ, принятымъ на храненіе (въ элеваторахъ) и хозяинъ его получаетъ лишь удостовѣреніе, что онъ сдалъ, а потому имѣетъ право получить извѣстное количество товара точно опредѣленнаго рода и качества; во второмъ случаѣ обратной выдачѣ подлежитъ именно товаръ, сложенный даннымъ лицомъ на храненіе.

Въ большинствѣ государствъ законодательствомъ устанавливается выдача при пріемѣ на храненіе двухъ свидѣтельствъ — складочнаго и залоговаго. Оба свидѣтельства по содержанію почти тождественны, но тогда какъ передачей перваго совершается передача права собственности, второе служитъ для полученія ссуды подъ залогъ сложеннаго товара. Чтобы взять изъ склада товаръ, надо представить оба свидѣтельства; на залоговомъ свидѣтельствѣ и въ книгѣ склада отмѣчается сумма выданной ссуды, поэтому владѣлецъ одного только складочнаго свидѣтельства, чтобы получить полное право распоряженія товаромъ, долженъ предварительно внести сумму, равную выданной ссудѣ, тому складочному учрежденію, гдѣ хранился товаръ, которое, затѣмъ, по предъявленіи варранта, и уплачиваетъ его владѣльцу удержанную сумму.

Организація ипотечнаго кредита во многихъ государствахъ нуждается въ существенныхъ улучшеніяхъ: необходима земельная опись, учрежденіе публичной ипотечной книги, занесеніе въ которую совершалось бы въ силу публичнаго акта, напр., судебными учрежденіями, причемъ только занесенныя въ эти книги правовыя отношенія и признавались бы легальными, а права кредиторовъ опредѣлялись бы въ порядкѣ занесенія ихъ правъ въ эти книги. У насъ въ настоящее время перерабатываются сюда относящіеся законы.

Что касается до отношеній законодательства къ кредиту вообще, то замѣчается съ теченіемъ времени стремленіе облегчить формы вступленія въ кредитныя сдѣлки и ихъ разрѣшенія, а равно и способъ передачи правъ, изъ нихъ вытекающихъ. Кредитныя

бумаги на предъявителя однимъ переходомъ изъ рукъ въ руки переносятъ тѣмъ самымъ и всѣ права кредитора. Относительно содержанія обязательствъ замѣчается предоставленіе все большей свободы договаривающимся сторонамъ. Въ древнее время, напр., у евреевъ, въ Римѣ, находимъ законы о процентахъ, о ростовщичествѣ, что отчасти объясняется условіями экономическими, отчасти соображеніями религіозно-нравственными: при маломъ развитіи экономическомъ, по большей части кредитныя сдѣлки вызывались не цѣлями производительными, а нуждой, необходимостью удовлетворить насущнымъ потребностямъ. По отношенію къ такимъ должникамъ умѣстно состраданіе, помощь изъ любви къ ближнему. Только по отношенію къ торговому кредиту, гдѣ уже совершенно ясенъ былъ его производительный характеръ, или вообще допускается взиманіе процентовъ безъ ограниченія, или процентъ уставной выше вообще дозволеннаго.

Къ послѣднему времени остаются въ законѣ лишь карательныя мѣры за ростовщичество, подъ которымъ разумѣется эксплоатація нужды, невѣдѣнія и легкомыслія, вообще же законодательныя ограниченія процента признаются неумѣстными. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣшательство государства въ договоръ двухъ сторонъ вноситъ неумѣстную опеку, особенно по скольку дѣло идетъ о кредитѣ производительномъ; оно несправедливо, потому что капиталистъ, самъ, затративъ свой капиталъ, могъ бы выручить какой угодно процентъ; для послѣдовательности надо бы было вообще нормировать прибыль, а то непонятно, почему самъ затрачивающій не ограничивается въ размѣрѣ дохода, а отдающій въ ссуду, что вообще для народнаго хозяйства должно быть признано только выгоднымъ, какъ мы видѣли, не смѣетъ получить болѣе таксы; но нормировать прибыль во всѣхъ отрасляхъ, во всѣхъ предпріятіяхъ немыслимо; изъ этого ясно видна произвольность таксы — она устанавливается одинаково для всѣхъ случаевъ, тогда какъ доходность и рискъ затраты различны, въ зависимости отчего и процентъ, естественно, долженъ быть различенъ; такъ какъ высота процента опредѣляется иными причинами, отъ власти государства независящими, то таксой въ дѣйствительности процентъ не понижается, а создается только побужденіе къ обходу закона, что, конечно, вліяетъ развращающимъ образомъ на населеніе; наконецъ даже для лицъ, нуждающихся въ потребительномъ кредитѣ таксы невыгодны, такъ какъ болѣе добросовѣстные капита-

листы станутъ отказывать въ кредитѣ, считая таксу для себя невыгодной и не желая нарушать закона, чрезъ это сократится предложеніе свободныхъ капиталовъ, долженствующее повліять еще на повышеніе процента, а такъ какъ взиманіе процента выше таксы противузаконно, то тѣ лица, которыя согласятся давать ссуду по недопускаемому закономъ проценту, возьмутъ еще особую страховую премію за тотъ рискъ, которому они подвергаются, завѣдомо нарушая законъ; такимъ образомъ, таксированіемъ процента лица нуждающіяся не только не выгадываютъ, но прямо отдаются на жертву ростовщикамъ; въ видахъ удешевленія кредита для такихъ лицъ слѣдовало бы скорѣе правительству позаботиться объ общественной организаціи мелкаго кредита, при которой дача ссудъ являлась-бы средствомъ удовлетворенія общественной потребности, а не источникомъ дохода для частныхъ лицъ и предпріятій.

Въ заключеніе можно указать еще на законы относительно неисправныхъ должниковъ. Они, постепенно смягчаясь, дошли до крайности, такъ что къ срединѣ XIX в. въ Англіи изъ каждыхъ 10 банкротствъ одно только оказывалось незлостнымъ, съ другой стороны неумѣстна и такая строгость законовъ, когда, какъ это было въ началѣ настоящаго столѣтія, въ одной изъ англійскихъ долговыхъ тюремъ сидѣло 1.120 человѣкъ неисправныхъ должниковъ, причемъ средній долгъ каждаго не достигалъ 20 руб.

Лишеніе свободы за ничтожные долги неумѣстно; не слѣдуетъ также отнимать у должника необходимыхъ орудій производства, такъ какъ чрезъ то увеличивается только классъ нищихъ или бездѣльниковъ; съ другой стороны освобожденіе отъ ареста имущества за долги не должно идти слишкомъ далеко, чтобы не нарушались и законные интересы кредитора. Если должникъ докажетъ, что при немедленномъ объявленіи несостоятельности и конкурсѣ и онъ самъ будетъ раззоренъ, и кредиторовъ нельзя будетъ удовлетворить вполнѣ, тогда какъ при отсрочкѣ—дѣла могутъ устроиться къ обоюдной выгодѣ,—конечно, должно дать отсрочку. Пріостановленіе, на время, дѣйствія долговыхъ законовъ называется *мораторіей*.

Общія *мораторіи*—относительно однородной группы должниковъ или долговъ—вполнѣ умѣстны въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ бѣдствій (напр. войнъ), дѣлающихъ крайне обременительнымъ выполненіе принятыхъ обязательствъ въ условленный срокъ;

точное выполненіе договора привело бы къ раззоренію многихъ должниковъ безъ вины съ ихъ стороны. Частныя мораторіи—относительно отдѣльныхъ лицъ—не должны имѣть мѣста: въ ихъ оправданіе нельзя ссылаться на предоставленное главѣ государства право помилованія, такъ какъ послѣднее умѣстно лишь тамъ, гдѣ оскорбляется государство, здѣсь же рѣчь идетъ о нарушеніи частныхъ имущественныхъ правъ.

Банковый кредитъ. Какъ было выше указано особенно важно въ народномъ хозяйствѣ значеніе косвеннаго кредита, оказываемаго при посредствѣ банковъ. Слово „банкъ“ произошло отъ *banco*-скамей, на которыхъ помѣщались сундуки мѣнялъ на рынкахъ Италіи. Мѣняльный промыселъ былъ совершенной необходимостью во время безконечнаго разнообразія монетъ, обусловленнаго территоріальной раздробленностью; масса истертой и фальшивой монеты требовала спеціальнаго знакомства со стороны мѣнялъ съ монетнымъ дѣломъ и съ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерствомъ. Въ видахъ большей безопасности частныя лица помѣщали свои капиталы на храненіе въ банкъ, къ банкирамъ, которые принимали часто или только полноцѣнную монету, или, если всякую, то по оцѣнкѣ на полноцѣнную, по содержанію въ приносимой монетѣ благороднаго металла, или же слитки. Когда нужно было произвести разсчетъ между двумя кліентами банка, то вынимать деньги для расплаты надобности не представлялось, такъ какъ достаточно было „переписать“ со счета одного на счетъ другаго соотвѣтственную сумму и тѣмъ дѣло и заканчивалось. Эта операція называется *джиро* или *трансфертъ*. Такъ какъ нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, банки вели всѣ свои счета на полноцѣнную монету, то такимъ образомъ при помощи *джиро* они способствовали поддержанію монетной системы въ хорошемъ положеніи, къ тому же монета, оставаясь въ банкѣ, избѣгала обезцѣненія отъ изнашиванья.

Однако, скоро банки замѣтили, что значительная часть вкладовъ постоянно остается въ рукахъ банка: если одни вклады и вынимаются, зато поступаютъ новые; вслѣдствіе этого банки начали, безъ вѣдома вкладчиковъ, пускать въ оборотъ часть вкладовъ, или затрачивая ихъ сами, или давая ихъ въ ссуду третьимъ лицамъ за извѣстное вознагражденіе. Съ теченіемъ времени то, что было прежде злоупотребленіемъ,—оказаніе кредита однимъ на счетъ вкладовъ кліентовъ банка,—становится прямой, явной

функціей банковъ, передъ которой отступаютъ на задній планъ всѣ прежнія операціи банковъ. Банкъ становится учрежденіемъ косвеннаго кредита: онъ занимаетъ у однихъ, чтобы давать ссуды другимъ; такимъ образомъ естественно всѣ операціи банка распадаются на двѣ категоріи: *активныя*, когда самъ банкъ ссужаетъ, *пассивныя* — когда, напротивъ, банкъ беретъ взаймы, пользуется кредитомъ.

Важнѣйшія между активными операціями — ломбардная, учетная, гипотечная, текущій счетъ, ссуды государству и биржевыя операціи.

Какъ показываетъ самое слово „ломбардъ", эти операціи развились въ Италіи; состоятъ онѣ въ ссудѣ подъ залогъ цѣнныхъ вещей, слитковъ, цѣнныхъ бумагъ, за послѣднее время и другихъ товаровъ, особенно при помощи варрантовъ. Тогда какъ при подобныхъ ссудахъ подъ залогъ процентъ по ссудѣ взимается или періодически, или по истеченіи срока ссуды, при учетѣ (дисконтѣ) ссуда дается подъ залогъ векселя съ удержаніемъ впередъ причитающихся процентовъ по ссудѣ. На важное значеніе этой операціи уже было указано выше. Для выдачи ссудъ на долгіе сроки банки сами должны пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ, что и достигается устройствомъ особыхъ *ипотечныхъ* банковъ, выпускающихъ закладные листы, погашаемые вътеченіе значительныхъ періодовъ времени.

Текущій счетъ, какъ активная операція, легко переходитъ въ пассивную и наоборотъ. Онъ состоитъ въ открытіи данному лицу кредита въ опредѣленной суммѣ, въ предѣлахъ которой это лицо можетъ свободно брать ссуды и уплачивать ихъ. Обезпеченіемъ для банка могутъ быть или вносимыя лицомъ цѣнныя бумаги, векселя, или ручательство третьихъ лицъ, или же спеціальнаго покрытія можетъ и не быть, такъ что банкъ можетъ ссужать извѣстнымъ ему кліентамъ изъ одного довѣрія къ ихъ личности. Если, однако, будетъ внесена даннымъ лицомъ въ банкъ извѣстная сумма денегъ на текущій счетъ, то, очевидно, уже банкъ явится должникомъ вкладчика, который путемъ выдачи чековъ и будетъ расходовать *свои* деньги въ предѣлахъ внесенной имъ суммы; но если бы оказалось, что наконецъ на уплату по послѣднему чеку не хватаетъ суммъ, имѣющихся на текущемъ счету даннаго лица, то банкъ, если лицо пользуется его довѣріемъ, можетъ всетаки уплатить по предъявленному чеку, и такимъ образомъ вмѣсто

пассивнаго текущаго счета будемъ уже имѣть активный: банкъ изъ должника становится кредиторомъ.

Текущій счетъ выгоднѣе дисконта и ломбарда: лицо беретъ сколько и когда именно нужно, почему и не теряетъ на процентахъ, какъ то было бы при ломбардѣ или дисконтѣ, еслибъ онъ взялъ всю возможную сумму; если бы, напротивъ, онъ взялъ подъ залогъ лишь сумму въ данный моментъ ему нужную, то онъ связалъ бы себя на весь срокъ залога и взять еще сколько нибудь подъ тотъ же залогъ, если бы понадобилось, онъ бы уже не могъ. Сверхъ того часто и уплатить по ссудѣ подъ залогъ нельзя ранѣе срока, не потерявъ процентовъ за весь тотъ срокъ, на который ссуда была взята первоначально.

Во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ текущій счетъ представляетъ преимущество. Опасенъ, однако, такъ называемый, текущій счетъ коммандитныхъ обществъ, которымъ часто прикрывается просто участіе банка въ предпріятіяхъ общества.

Появившіеся въ средніе вѣка банки начали съ выдачи *ссудъ правительству* (Венеціанскій 1174 г., Генуэзскій 1407 г.) и по настоящее время, особенно во время національныхъ бѣдствій, выдаются банками ссуды государству, часто съ этимъ даже связывается дарованіе банку привиллегій, особенно по выпуску банковыхъ билетовъ. Однако, съ теоретической точки зрѣнія ссуды значительныхъ суммъ государству, особенно на долгіе сроки, не должны бы даваться, такъ какъ чрезъ то на долгое время закрѣпляются средства банка, въ томъ числѣ вклады его кліентовъ. Особенно вредныя послѣдствія влекутъ за собою ссуды въ видѣ банковыхъ билетовъ, такъ какъ чрезмѣрно увеличившееся количество послѣднихъ притекаетъ въ банкъ для размѣна, который, за недостаткомъ средствъ, банку приходится прекратить и такимъ образомъ наступаетъ эра неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, о гибельномъ вліяніи которыхъ на все народное хозяйство будетъ сказано ниже. Болѣе умѣстно уже оказаніе ссуды государству на счетъ основнаго капитала банка.

Биржевыя операціи—помѣщеніе части средствъ банка въ бумаги, на которыя идетъ игра,—могутъ повлечь разореніе банка и вкладчиковъ, при неосторожности затратъ и частости колебаній курса, поэтому казалось бы болѣе правильнымъ не дозволять банкамъ пользоваться для этихъ операцій средствами вкладчиковъ или установить по этого рода операціямъ полную солидарную

отвѣтственность членовъ правленія банка, т. е. требовать формы единоличнаго предпріятія или полнаго товарищества. Особенно рискованны такъ называемыя *учредительскія* операціи, состоящія въ принятіи банкомъ на себя акцій или облигацій какихъ нибудь предпріятій. Здѣсь банки, за извѣстное вознагражденіе, стремятся найти капиталистовъ, готовыхъ довѣрить предпріятію свои капиталы. Часто банки, имѣя въ виду одну наживу, способствовали размѣщенію бумагъ совершенно дутыхъ предпріятій. Учредительскіе банки (crédit mobilier) развились съ 1852 г. по почину братьевъ Перейра.

Важнѣйшія пассивныя операціи суть депозитная, эмиссіонная и заемъ на долгіе сроки по облигаціямъ, постепенно погашаемымъ.

Депозитная операція кредитныхъ банковъ развилась изъ прежнихъ вкладовъ на храненіе въ собственномъ смыслѣ. Какъ мы видѣли, сперва потихоньку отъ вкладчиковъ, а затѣмъ съ ихъ вѣдома и согласія, банки начинаютъ выдавать третьимъ лицамъ ссуды на счетъ сдѣланныхъ вкладовъ, обѣщая вкладчикамъ не храненіе въ собственномъ смыслѣ, а лишь выплату сдѣланныхъ вкладовъ или немедленно по требованію вкладчика, или къ сроку, обусловленному договоромъ. Пускать долю вкладовъ въ оборотъ представляется вполнѣ возможнымъ потому, что постоянно дѣлаются новые вклады, приливъ которыхъ отчасти уравновѣшиваетъ, а иногда даже и превышаетъ требованія выдачи прежнихъ вкладовъ. Всѣ депозиты различаются по времени, на которое вносятся—на какой либо срокъ или до востребованія (on call), а затѣмъ на безпроцентные и процентные, причемъ вышина процента обыкновенно стоитъ въ зависимости отъ срока, на какой дѣлается вкладъ, такъ какъ этимъ обусловливается для банка возможность болѣе или менѣе продолжительной затраты вклада. Между разными способами удостовѣренія вкладовъ остановимся на выдачѣ *чековой* книжки. Вкладчикъ получаетъ книжку, состоящую изъ ряда бланковъ, изъ которыхъ каждый по выполненіи его становится приказомъ вкладчика банку уплатить означенную въ бланкѣ сумму лицу, въ чекѣ указанному, или просто предъявителю. Срокъ для предъявленія чека къ оплатѣ обыкновенно дается весьма краткій (въ Англіи 1 день), самое большее—нѣсколько дней. Чековая операція мало развита на континентѣ, но весьма сильно въ Англіи. Благодаря ей становится возможнымъ такое аккуратное веденіе денежныхъ дѣлъ, какое возможно только въ рукахъ спеціально

занимающихся кредитными операціями банкировъ; нѣтъ надобности носить съ собой деньги и расплаты даже на сравнительно большія суммы денегъ производятся однимъ вырваннымъ изъ чековой книжки листкомъ. Неудобство состоитъ въ случайности суммъ, на которыя чеки выдаются (не на круглыя суммы), такъ что чеки не легко могутъ обращаться, а затѣмъ еще въ томъ, что для выполненія бланка нужны чернила и перо, такъ что не всздѣ удобно расплатиться чекомъ. По мѣрѣ того, какъ все болѣе разсчеты производятся при помощи банковъ, все меньшія количества денегъ становятся необходимыми для расплаты, такъ какъ между кліентами одного банка всѣ разсчеты заканчиваются однимъ трансфертомъ, перенесеніемъ денежной суммы съ одного счета на другой. Развитіе кредитныхъ операцій въ этомъ отношеніи завершается учрежденіемъ *разсчетныхъ палатъ* (Clearing-House), изъ которыхъ особенно значительны Лондонская (съ 1775 г.) и Нью-Іоркская (съ 1853 г.); ежегодные обороты первой превосходятъ 50 милліардовъ, а второй—70 милліардовъ рублей. Сущность операцій этихъ палатъ состоитъ по взаимной очисткѣ счетовъ различныхъ банковъ: одни кліенты даннаго банка имѣютъ требованія на кліентовъ другихъ банковъ, другіе,—напротивъ, сами должны уплатить кліентамъ другихъ банковъ. Во избѣжаніе излишнихъ платежей представители различныхъ банковъ сходятся (ежедневно или и рѣже) въ одно мѣсто и взаимно обмѣниваются своими требованіями уплаты и обязательствами произвести таковую; если бы суммы не совпадали, то разность уплачивается деньгами, или, какъ съ 1854 г. дѣлается лондонскими банками, однимъ трансфертомъ въ ихъ счетахъ въ англійскомъ банкѣ *).

Для уясненія операцій Clearing-House'овъ приведемъ описаніе процедуры сведенія счетовъ въ Нью-Іоркской Разсчетной Палатѣ. „Дѣловые люди въ Нью-Іоркѣ обыкновенно отправляютъ къ своимъ банкирамъ, въ видѣ вкладовъ, всѣ чеки, полученные ими въ теченіе дѣловаго дня. Въ свою очередь, каждый изъ 59 Нью-Іоркскихъ банковъ (clearing-banks) ежедневно сортируетъ всѣ чеки, поступившіе отъ его клентовъ и выданные но остальные 58 банковъ, въ отдѣльныя пачки для очистки. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ банковъ имѣетъ 58 пачекъ чековъ, которые онъ долженъ сдать, и которые выражаютъ его требованія на соотвѣтственные банки; въ свою очередь каждый банкъ долженъ принять 58 пачекъ чековъ, которые принадлежатъ остальнымъ банкамъ и являются приказами на него самаго. Около 10 часовъ утра агенты отъ всѣхъ 59 банковъ, имѣя при себѣ каждый по 58 пачекъ чековъ, подлежащихъ сдачѣ, являются въ Clearing-House, докладываютъ директору о валовыхъ суммахъ, на которыя ими принесено чековъ для обмѣна. Эти суммы записываются въ *кредитъ*

Развитіе депозитной операціи въ значительной степени зависитъ отъ тѣхъ выгодъ, которыя банки предоставляютъ вкладчикамъ: безплатное храненіе вкладовъ, безплатное (или за небольшое вознагражденіе) веденіе денежныхъ дѣлъ кліентовъ, наконецъ уплата процентовъ на вклады. Поэтому въ банки стекаются всѣ свободныя средства какъ частныхъ лицъ (частные депозиты), такъ и всѣхъ общественныхъ союзовъ, кончая государствомъ (общественныя депозиты). Чрезъ это народному хозяйству становятся доступны всѣ даже общественные капиталы, не находящіе еще себѣ приложенія и именно на то время, пока они не нужны хозяевамъ; далѣе, благодаря той же депозитной операціи, увеличивается безопасность отъ поддѣлки и порчи монетъ, сдѣлки пріобрѣтаютъ большую точность, упрощаются всѣ разсчеты, сберегаются трудъ и издержки; наконецъ, освобождается доля благо-

соотвѣтственныхъ банковъ. Затѣмъ явившіеся агенты занимаютъ мѣсто у 59 конторокъ за которыми сидятъ 59 клерковъ, изъ которыхъ каждый служитъ представителемъ одного изъ банковъ Каждый агентъ становится у конторки своего банка съ пачками, сложенными уже въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены передъ нимъ конторки всѣхъ банковъ. Каждый клеркъ, сидящій за конторкой, имѣетъ передъ собой списокъ съ именами всѣхъ банковъ въ томъ же порядкѣ и съ обозначеніемъ въ графѣ кредита суммы, на которую принесено чековъ агентомъ даннаго банка По сигналу директора каждый изъ агентовъ переходитъ отъ конторки къ конторкѣ и сдаетъ пачки по принадлежности клеркамъ, которые вписываютъ въ свой *дебетъ* противъ наименованія банковъ суммы, принесенныя ихъ агентами; при этомъ на бандероли, на которой обозначены суммы чековъ и которыя передаются клерку, послѣдній ставитъ свои иниціалы, какъ удостовѣреніе въ полученіи пачки, и отдаетъ ее обратно агенту, который переходитъ къ слѣдующей конторкѣ. Когда, такимъ образомъ, вся вереница агентовъ обойдетъ залу, каждый снова останавливается у конторки своего банка. Вся эта процедура требуетъ около 10 минутъ времени. Теперь клеркъ, подведя итогъ дебета и сравнивъ его съ суммою кредита, или того, что принесено агентомъ его банка и что имъ получено отъ другихъ, опредѣляетъ разницу, которую долженъ его банкъ или послѣднему долженъ Clearing-House. О полученныхъ итогахъ клерки докладываютъ директору, который имѣетъ уже въ своемъ спискѣ цифры принесенныхъ чековъ. Если при сложеніи этихъ двухъ рядовъ суммъ итоги сойдутся, значитъ ошибки нѣтъ—и общая очистка кончена. Клеркамъ на исполненіе ихъ работы полагается 35 минутъ; за всякую ошибку, оказавшуюся послѣ этого срока, взыскивается денежный штрафъ. Clearing-House выдаетъ всѣмъ банкамъ, смотря по результату очистки, дебетныя или кредитныя свидѣтельства, изъ которыхъ по первымъ банки должны до половины втораго часа дня внести наличныя деньги, а по вторымъ послѣ этого срока директоръ Clearing-House'а, въ свою очередь, немедленно уплачиваетъ слѣдуемыя суммы. Наибольшая сумма однодневной очистки, сдѣланной Нью-Іоркскимъ Clearing-House'омъ, достигала 200.034.920 долларовъ (17 ноября 1868 г.), а наименьшая равнялась 8.357.394 долл (30 октября 1857 г.)". (A. Perry, Political Economy 1883, изд. 18-ое, стр. 444 и слѣд., приведенъ переводъ у Ходскаго ук. соч. стр. 258—259).

родныхъ металловъ отъ функціи орудія обращенія, т. е. совершеніе всѣхъ оборотовъ обходится народному хозяйству дешевле.

При пріемѣ вкладовъ сперва выдавались именныя депозитныя свидѣтельства и въ такомъ случаѣ разсчеты между кліентами банка производились при помощи *джиро*; съ теченіемъ времени стали выдаваться депозитныя свидѣтельства на круглыя суммы *на предъявителя* и разсчетъ завершался передачей такихъ свидѣтельствъ должникомъ кредитору. При довѣріи, которымъ банки пользовались, эти свидѣтельства на вклады охотно принимались, легко переходили изъ рукъ въ руки. Подобно тому, какъ изъ *депозита на храненіе* развился *депозитъ для пользованія*, изъ депозитныхъ свидѣтельствъ,—какъ представителей вкладовъ, развились *банковые билеты*, представляющіе собою одно лишь *обѣщаніе* уплатить ту сумму, на которую они написаны. Выпускъ банковыхъ билетовъ и называется *эмиссіонной* операціей банковъ.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь банкъ держитъ на лицо не всю ту сумму, на которую онъ выпустилъ банковыхъ билетовъ, а лишь такую, на которую, по разсчетамъ банка или по опредѣленію законодателя, могло бы быть предъявлено требованіе размѣна банковыхъ билетовъ на звонкую монету. *Банковые билеты суть обязательства банка, написанныя на круглыя суммы, безсрочныя (подлежатъ разрѣшенію по предъявленію), безпроцентныя, безъименныя (на предъявителя), не имѣющія принудительнаго обращенія*, т. е. уплата ими возможна лишь при согласіи на то получающаго.

Подобно другимъ кредитнымъ бумагамъ и операціямъ, банковые билеты удобно замѣняютъ монету въ качествѣ орудія обращенія, причемъ они оказываютъ сравнительно болѣе сильное дѣйствіе въ этомъ отношеніи, что объясняется ихъ специфическими особенностями: они выпускаются обыкновенно большими банками, пользующимися довѣріемъ; далѣе, кто ими платитъ,—не принимаетъ на себя отвѣтственности, какъ при индоссированіи векселя; затѣмъ, какъ бумаги на предъявителя,—они легко передаются; наконецъ, какъ монеты, пишутся на круглыя суммы. Обыкновенно банковые билеты выдаются, какъ ссуда, въ обмѣнъ на долговое обязательство (напр. при учетѣ векселей), обыкновенно краткосрочное, такъ что къ концу срока или билеты возвращаются въ банкъ, если ими разрѣшается обязательство, или на равную имъ сумму въ банкъ будетъ внесено звонкой монеты, если ею должникъ уплатитъ по своему векселю.

Услуги, оказываемыя банковыми билетами, по существу тѣже, что и депозитной операціи, существеннымъ отличіемъ является лишь ихъ особая способность легко принаравливаться къ измѣнчивой потребности народнаго хозяйства въ орудіяхъ обращенія, благодаря чему предотвращаются затрудненія и даже кризисы, могущіе обнаружиться при недостаткѣ орудій обращенія.

Однако, именно въ виду важнаго значенія эмиссіонной операціи для всего народнаго хозяйства и признается *почти* во всѣхъ государствахъ необходимость регулированія выпуска банковыхъ билетовъ, обезпеченія интересовъ тѣхъ лицъ, которыя пользуются банковыми билетами. Въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ: 1) въ видѣ *исключенія*, *полную свободу* выпуска банковыхъ билетовъ въ Мексикѣ, и въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи; 2) *регламентацію* эмиссіонной операціи: дозволяется выпускъ всѣмъ банкамъ, но подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ условій; 3) право выпуска разсматривается, какъ *привиллегія*, которая дается ограниченному числу банковъ, при соблюденіи ими извѣстныхъ условій, и 4) *централизація* эмиссіонной операціи — право выпуска предоставляется только одному (государственному или частному) банку

По общему вопросу о централизаціи или децентрализаціи эмиссіонной операціи мнѣнія авторитетныхъ ученыхъ оказываются различны. Въ пользу централизаціи указываютъ главнымъ образомъ на большую безопасность и удобство пользованія билетами одного банка, на тѣ услуги, которыя только большой банкъ и можетъ оказать при наступленіи кризисовъ, когда довѣріе къ мелкимъ банкамъ исчезаетъ, изъ нихъ требуются вклады, что ставитъ эти банки въ еще болѣе затруднительное положеніе и кризисъ усиливается; напротивъ, при такомъ положеніи дѣлъ крупный банкъ, пользующійся довѣріемъ, привлекаетъ къ себѣ вклады и въ состояніи тѣмъ легче оказать поддержку, въ которой нуждается народное хозяйство; наконецъ, указываютъ на то, что центральный банкъ является опорой финансамъ государства, можетъ оказать важныя услуги, на которыя не способны мелкіе банки, при политическихъ затрудненіяхъ. Однако, съ другой стороны, сознаніе своего значенія, довѣрія, которыми банкъ пользуется, можетъ повести къ мало осторожному веденію дѣлъ со стороны банка; легкость полученія средствъ для активныхъ операцій путемъ выпуска банковыхъ билетовъ позволяетъ банку мало заботиться о развитіи депозитной операціи; сближеніе легко приводитъ къ объ-

*

единенію интересовъ банка и государства, неумѣренному пользованію эмиссіонной операціей и въ результатѣ—къ бумажно-денежному хозяйству.

Въ пользу децентрализаціи указываютъ на большую близость банковъ къ кліентамъ, вслѣдствіе этого и большую легкость какъ наблюдать за ихъ кредитоспособностью, такъ и удовлетворять мѣстнымъ нуждамъ въ кредитѣ; мелкіе банки готовы помочь и мелкимъ капиталистамъ, а невозможность даровато полученія необходимыхъ средствъ для активныхъ операцій заставляетъ ихъ путемъ предоставленія выгодъ своимъ кліентамъ содѣйствовать развитію бережливости и депозитной операціи; соперничество мелкихъ банковъ поощряетъ къ болѣе энергичной дѣятельности, а невозможность смѣшенія ихъ интересовъ съ государственными обезпечиваетъ народное хозяйство отъ связанныхъ съ этимъ невыгодныхъ послѣдствій.

На практикѣ мы встрѣчаемъ проведеннымъ въ жизнь и то, и другое начало въ разныхъ государствахъ, при чемъ рѣшительныхъ преимуществъ, независимо отъ конкретныхъ условій мѣста и времени, усмотрѣть нельзя. Согласно банковому акту Пиля 1844 г. въ Англіи предоставлено было банкамъ выпускать банковыя билеты на суммы, на какія фактически каждымъ изъ банковъ было выпущено билетовъ за послѣднія 12 недѣль до $18\frac{27}{IV}44$ г. Число такихъ банковъ, пользующихся правомъ эмиссіонной операціи къ 1873 г. равнялось 175, а къ концу 1888 г. сократилось до 126, такъ что постепенно право выпуска банковыхъ билетовъ монополизируется въ пользу англійскаго банка, такъ какъ вновь учреждающимся банкамъ этого права не дается; англійскому банку предоставляется выпускать банковые билеты на неограниченную сумму, однако при соблюденіи извѣстныхъ условій, ниже указанныхъ. Во Франціи право выпуска предоставлено исключительно національному банку; въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ банки (а ихъ — тысячи) имѣютъ право выпуска, какъ равно и въ кантонахъ Швейцаріи; въ Германіи закономъ 1875 г. право выпуска опредѣленной суммы банковыхъ билетовъ (385 милл. марокъ) распредѣлено довольно произвольно между Имперскимъ банкомъ (250 милл.) и 32 другими, пользовавшимися правомъ эмиссіонной операціи, банками, съ тѣмъ что право этихъ послѣднихъ, въ случаѣ прекращенія ихъ существованія или отказа пользоваться правомъ

выпуска, переходитъ въ соотвѣтственной суммѣ на Имперскій банкъ. Вслѣдствіе этого къ 1892 г. права 23 банковъ перешли къ Имперскому и сумма, на которую онъ можетъ выпускать банковые билеты возрасла до 292 милл. мар. слишкомъ.

Свыше этой суммы разрѣшается выпускать банковые билеты, но подъ условіемъ уплаты имперскаго налога въ размѣрѣ 5%. У насъ, въ виду существованія бумажно-денежнаго хозяйства, банковыхъ билетовъ не имѣется, а тѣ бумаги, которыя называются у насъ банковыми билетами, суть процентныя государственныя облигаціи, которыя отнюдь не должно смѣшивать съ настоящими банковыми билетами (см. опредѣленіе ихъ выше).

По вопросу объ обезпеченіи размѣна банковыхъ билетовъ существуютъ три системы: англійская, американская и континентальная. Первая исходитъ изъ того положенія, что извѣстное количество банковыхъ билетовъ всегда поглощается потребностью хозяйства въ этихъ орудіяхъ обращенія, почему и нельзя ожидать, чтобы это количество было предъявлено къ обмѣну, поэтому никакого обезпеченія для банковыхъ билетовъ въ этихъ предѣлахъ (на сумму до 16.200.000 ф. ст.) не требуется, все же свыше этой суммы должно быть сполна обезпечено металлической (кассовой) наличностью. Американская система заключается въ слѣдующемъ. Каждый банкъ, желающій воспользоваться правомъ выпуска банковыхъ билетовъ, обязанъ внести въ правительственныя учрежденія въ залогъ часть своего основнаго капитала въ видѣ государственныхъ облигацій; въ извѣстной зависимости отъ величины основнаго капитала банка и въ предѣлахъ 90% этого залога, затѣмъ, банкъ можетъ выпускать билеты, подъ условіемъ держать въ государственномъ казначействѣ въ наличности звонкой монеты на 5% отъ суммы банковыхъ билетовъ въ обращеніи. Континентальная система требуетъ покрытія выпущенныхъ банковыхъ билетовъ обыкновенно на $^1/_3$ звонкой наличностью (кассой), а на остальную часть—краткосрочными, легко реализуемыми бумажными цѣнностями, принадлежащими банку (портфейль). Этой послѣдней системѣ должно быть отдано предпочтеніе: ни одного рубля въ видѣ банковыхъ билетовъ не остается необезпеченнымъ; мѣняется лишь форма обезпеченія, притомъ, въ соотвѣтствіи съ потребностью времени, то увеличивается требованіе кредита—ростетъ портфейль, то спросъ на ссуды падаетъ—и ростетъ касса или возвращаются въ банкъ выпущенные имъ билеты. Американская система можетъ

считаться удовлетворительной на случай несостоятельности одного, другаго банка, когда внесенный залогъ банка можетъ быть проданъ ради удовлетворенія держателей банковыхъ билетовъ; но въ случаѣ кризисовъ, охватывающихъ цѣлую страну, или окажется невозможнымъ продать всѣ залоги банковъ, оказавшихся несостоятельными, или цѣна бумагъ отъ усиленія предложенія такъ упадетъ, что выручки не хватитъ на удовлетвореніе требованій.

Англійская система стремится сообразовать измѣненія въ количествѣ обращающихся банковыхъ билетовъ съ тѣми измѣненіями, какія замѣчались бы въ количествѣ монеты, еслибъ не было банковыхъ билетовъ; но это—задача неразрѣшимая, если не допускается безостановочный и никакой суммой неограничиваемый размѣнъ банковыхъ билетовъ, который одинъ можетъ служить вполнѣ надежнымъ регуляторомъ, какое количество банковыхъ билетовъ въ данный моментъ нужно странѣ, а какое—излишне, почему и явится обратно въ банкъ.

Ипотечная операція—выпускъ долгосрочныхъ облигацій—вызывается необходимостью выдавать ссуды для затратъ на долгіе сроки въ качествѣ постояннаго капитала. Основное правило банковаго дѣла—сообразовать активныя операціи съ пассивными, давать кредитъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какимъ кредитомъ пользуется самъ банкъ. Если бы банкъ выдалъ въ долгосрочную ссуду вклады до востребованія, то на другой же день онъ могъ бы оказаться несостоятельнымъ, если бы вкладчики потребовали обратно свои взносы. Сказаннымъ объясняется выдѣленіе, спеціализація ипотечныхъ банковыхъ операцій. Самъ банкъ беретъ взаймы, выпуская облигаціи, подлежащія погашенію путемъ тиражей въ теченіе долгихъ сроковъ (20—50 лѣтъ); слѣдовательно, по мѣрѣ погашенія этихъ облигацій, общая сумма платимыхъ банкомъ процентовъ его кредиторамъ все уменьшается, между тѣмъ должники банка на все время ссуды обязуются уплачивать ежегодно ту же самую сумму процентовъ и погашенія взятой ссуды, положимъ напр. 5% интереса на взятую ссуду и $^1/_{10}$% погашенія, слѣдовательно у банка постоянно получается все увеличивающійся остатокъ процентовъ, который и обращается въ тотъ же фондъ погашенія. Напр., когда уже погашена половина ссуды, положимъ, въ 100 р.,—банкъ долженъ уплатить самъ всего $2^1/_2$ р. процентовъ, а должникъ банка все продолжаетъ платить 5 р., т. е. по разсчету взятой ссуды, слѣдовательно $2^1/_2$ р. банкъ можетъ от-

числить въ фондъ погашенія. Этимъ и объясняется, почему доля ежегоднаго платежа, предназначаемая на погашеніе, можетъ опредѣляться въ $^1/_{10}{}^0/_0$, $^1/_{12}{}^0/_0$. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый годъ отчислять по $^1/_{10}{}^0/_0$ ссуды на погашеніе, то въ 50 лѣтъ это составило бы около $6^0/_0$ первоначальной ссуды, а между тѣмъ она вся (т. е. $100^0/_0$) должна быть погашена; это и достигается постепеннымъ увеличеніемъ погасительнаго фонда на счетъ освобождающихся процентовъ.

Спеціализація въ банковыхъ оборотахъ ведетъ къ различенію банковъ на разныя группы, при чемъ и названіе банку обыкновенно дается въ зависимости отъ преобладанія въ немъ тѣхъ или другихъ операцій. Такъ, различаютъ банки депозитные, учетные, эмиссіонные, ипотечные и т. д.; смотря по классу, которому служатъ банки, различаются банки поземельнаго кредита, коммерческіе, промышленные, народные; по характеру организаціи можно различать — частные банки, взаимные (общество взаимнаго кредита), общественные, государственные.

Такому состоянію народнаго хозяйства, когда кредитныя орудія обращенія и операціи кредитныхъ банковъ въ значительной степени замѣщаютъ деньги при обмѣнѣ товаровъ, обыкновенно присвоивается названіе „кредитнаго хозяйства“. Такъ какъ, однако, самое обращеніе кредитныхъ бумагъ обусловливается существованіемъ денегъ, денежнаго хозяйства, то и противупоставлять эти хозяйства одно другому, какъ это возможно относительно натуральнаго и денежнаго, представляется неправильнымъ, почему и было указано (во введеніи къ настоящему пособію) на неудобство принятія за признакъ для разграниченія стадій экономическаго развитія различенія хозяйства на натуральное, денежное и кредитное.

Бумажныя деньги. Бумажные денежные знаки, которые носятъ соотвѣтственныя металлическимъ деньгамъ названія, неразмѣнны и имѣютъ принудительное обращеніе (нельзя отказаться отъ пріема ихъ въ уплату),—называются бумажными деньгами.

Государственная власть, по примѣру частныхъ лицъ, обыкновенно сперва выпускаетъ въ обращеніе кредитныя бумаги на тѣхъ же условіяхъ, какъ и частныя лица, но затѣмъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, хочетъ создать для себя особыя исключительныя условія въ этомъ отношеніи. До тѣхъ поръ, пока выпущенные въ обращеніе государствомъ бумажные денежные знаки размѣнны, они представляютъ собою скорѣе банковые би-

леты, чѣмъ бумажныя деньги. Но пока не прекращенъ размѣнъ, государство не можетъ выпустить въ обращеніе бо̀льшее количество бумажныхъ денегъ, чѣмъ на какую сумму обращалось монеты, такъ какъ избытокъ тотчасъ притечетъ для размѣна на металлъ, а послѣдній будетъ вывезенъ за границу. Но когда государство нуждается въ созданіи покупательной силы въ бо̀льшихъ размѣрахъ въ виду исключительныхъ обстоятельствъ (особенно во время войнъ!), оно выпускаетъ бумажныя деньги на огромныя суммы и, конечно, прекращаетъ размѣнъ. Съ этого момента мы имѣемъ уже настоящія бумажныя деньги.

Обыкновенно государство даетъ имъ, такъ называемое, *податное обезпеченіе*, т. е. обѣщаетъ принимать ихъ по номинальной стоимости въ уплату податей и налоговъ, но это (если и не отмѣняется современемъ) не спасаетъ бумажныхъ денегъ отъ паденія, отъ уменьшенія ихъ покупательной силы. Если бы въ странѣ оказался избытокъ монеты, она уйдетъ за границу, пока покупательная сила денегъ (металлическихъ) не установится приблизительно на одинаковомъ уровнѣ; но бумажнымъ деньгамъ уйдти некуда; то же количество товаровъ мѣняется поэтому на большее количество денегъ, т. е. цѣны, выраженныя въ бумажныхъ деньгахъ, растутъ, а, значитъ, покупательная сила бумажныхъ денегъ уменьшается. Эта послѣдняя по отношенію къ монетѣ представляетъ собою *цѣну* бумажныхъ денегъ, по отношенію къ товарамъ—*цѣнность* бумажныхъ денегъ. Цѣна бумажныхъ денегъ также называется *курсомъ* ихъ; когда за какое нибудь число, положимъ, рублей въ бумажныхъ деньгахъ даётся такое же число рублей въ монетѣ,—курсъ, говорятъ, стоитъ al pari; когда дается меньше, то говорятъ, что на монету существуетъ *лажъ* (разница въ пользу монеты). Крайне важно, что при паденіи бумажныхъ денегъ, какъ и при повышеніи ихъ покупательной силы, цѣна и цѣнность измѣняются не равномѣрно, именно послѣдняя измѣняется медленнѣе, чѣмъ первая; мало того, неравномѣрность замѣчается относительно отдѣльныхъ категорій товаровъ, относительно различныхъ мѣстностей: товары привозные скорѣе, въ своихъ цѣнахъ, слѣдуютъ за колебаніемъ лажа, чѣмъ произведенные внутри, въ пограничныхъ мѣстностяхъ вообще скорѣе, чѣмъ въ отдаленныхъ. Путаница, вносимая, такимъ образомъ, бумажными деньгами въ народное хозяйство, идетъ далѣе. Паденіе бумажныхъ денегъ, въ первое время, дѣйствуетъ какъ покровительственная пошлина: тѣ то-

вары, которые прежде только соперничали на внутреннемъ рынкѣ съ иностранными, привозными товарами, овладѣваютъ рынкомъ вполнѣ, такъ какъ цѣны товаровъ внутри, по условію, менѣе возрасли, чѣмъ лажъ, а цѣны привозныхъ въ соотвѣтствіи съ лажемъ; внутреннее производство данныхъ товаровъ расширяется. Далѣе товары невывозившіеся начинаютъ идти на вывозъ, такъ какъ за границей неизмѣнившаяся цѣпа, тоже число металлическихъ рублей, является увеличившейся по оцѣнкѣ на кредитные рубли, упавшіе въ цѣнѣ, между тѣмъ цѣны товаровъ внутри страны, опять-таки по условію, не поднимаются или во всякомъ случаѣ менѣе чѣмъ поднялся лажъ; соотвѣтственныя отрасли внутренняго производства расширяются. Взглянемъ, однако, съ точки зрѣнія цѣлаго народнаго хозяйства на эти явленія. Паденіе цѣны безъ соотвѣтственнаго паденія цѣнности бумажнаго рубля равносильно уменьшенію цѣнности всего вывоза, хотя бы онъ количественно и качественно остался безъ измѣненій, т. е. за этотъ вывозъ иностранныя государства должны уплатить меньше прежняго своихъ товаровъ. Если, положимъ, прежде ввозъ по цѣнности равнялся вывозу, то съ наступленіемъ бумажно-денежнаго хозяйства, съ паденіемъ курса бумажныхъ денегъ, придется странѣ къ вывозу еще доплатить извѣстную сумму; спросъ на металлъ для этихъ доплатъ еще усилится и курсъ бумажныхъ денегъ упадетъ еще больше; благодаря этому паденію окажется возможнымъ усилить вывозъ, но это увеличеніе вывоза (который къ тому же оцѣнивается дешевле прежняго) повліяетъ на измѣненіе торговаго баланса въ пользу вывозящей страны, и курсъ улучшится; но улучшеніе курса равносильно повышенію цѣнъ для иностранцевъ на вывозные товары (за что прежде платили, положимъ, 5 р. кр.= 50 к. мет. $\times$ 5 = 2 р. 50 к. мет., при курсѣ 1 р. кр. = 75 к. мет. придется платить 3 р. 75 к. мет.), спросъ уменьшится; уменьшеніе вывоза снова невыгодно отразится на торговомъ балансѣ и повторится опять тотъ же рядъ явленій. Постоянныя колебанія въ курсѣ бумажныхъ денегъ, колебанія въ отпускѣ, въ производствѣ отражаются пагубно на всемъ хозяйствѣ.

Взглянемъ теперь, какъ отзовется на народномъ хозяйствѣ повышеніе курса бумажныхъ денегъ. Цѣны товаровъ установились было въ соотвѣтствіи съ лажемъ; но вотъ начинается паденіе лажа, за которымъ, однако, въ виду большей, такъ сказать, инертности, не слѣдуютъ немедленно цѣны товаровъ, вслѣдствіе чего

не только затрудняется вывозъ даже тѣхъ товаровъ, которые всегда вывозились, но еще на внутренній рынокъ являются иностранные производители, соперничающіе и даже побивающіе внутреннихъ производителей. Положимъ, цѣны установились въ соотвѣтствіи съ лажемъ въ 20% и остаются тѣ же, когда лажъ упалъ до 10%. Прежде 1 р. 20 к. кред. для иностр. производителя равнялись 1 р. мет., и при стоимости производства въ 1 р. мет. онъ не могъ ввозить своего товара, но когда 1 р. мет. можно получить, уплативъ 1 р. 10 к. кред., а за товаръ въ странѣ платится по прежнему 1 р. 20 к. кр., очевидно, для иностраннаго производителя такое положеніе дѣла равносильно съ поднятіемъ цѣны на его товаръ въ странѣ съ бумажно-денежнымъ хозяйствомъ и онъ явится съ своимъ товаромъ на внутренній рынокъ; по той же причинѣ—поднятія цѣнъ на товары съ точки зрѣнія иностранцевъ—вывозъ придется сократить, а въ результатѣ сократить придется производство, и предприниматели разорятся. Мало того, что разорятся предприниматели въ отрасляхъ производства, развившихся исключительно подъ вліяніемъ предшествовавшаго несоотвѣтствія цѣны и цѣнности бумажныхъ денегъ; но той же опасности подвергаются и всѣ тѣ отрасли, которыя при нормальномъ положеніи хозяйства, при отсутствіи бумажныхъ денегъ, всегда могли бы работать и дѣйствительно работали на вывозъ, благодаря болѣе выгоднымъ естественнымъ или соціальнымъ условіямъ производства товаровъ въ данной странѣ. Не только для нихъ станетъ сокращаться сбытъ за границу, но даже иностранные производители могутъ начать ввозить свои товары въ страну, изготовлявшую эти же товары на вывозъ. Тѣмъ сильнѣе могутъ быть потрясенія, чѣмъ быстрѣе будетъ подниматься цѣна бумажныхъ денегъ и чѣмъ значительнѣе, слѣдовательно, можетъ оказаться различіе этой цѣны и цѣнности бумажныхъ денегъ.

Здѣсь мы не можемъ входить въ подробное разсмотрѣніе вреднаго вліянія укорененія бумажныхъ денегъ въ странѣ на все народное хозяйство, но уже и сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, какъ вредно отзываются на немъ постоянныя колебанія курса бумажныхъ денегъ; между тѣмъ эти колебанія—естественная принадлежность бумажно-денежнаго хозяйства даже независимо отъ измѣненія какихъ либо конкретныхъ, матерьяльныхъ условій, просто подъ вліяніемъ измѣненія психическаго момента—довѣрія держателей бумажныхъ денегъ къ тому, что не будетъ еще сдѣ-

лано новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе чего должна бы уменьшиться покупательная сила, въ данное время представляемая бумажными деньгами, находящимися въ ихъ рукахъ. Являясь вслѣдствіе остраго дефицита—невозможности въ данное время свести концы съ концами въ бюджетѣ,—бумажныя деньги приводятъ къ дефициту хроническому, и не только вслѣдствіе разстройства народнаго хозяйства вообще, но прямо вслѣдствіе паденія покупательной силы бумажныхъ денегъ, которыя вносятся государству въ видѣ податей и налоговъ, въ лучшемъ случаѣ, въ прежнемъ размѣрѣ, тогда какъ покупательную силу они представляютъ меньшую.

Въ виду сказаннаго естественно подумать о способѣ возстановленія нормальнаго денежнаго хозяйства. Дѣйствительная жизнь, практика, знаетъ три пути: или поднятіе курса бумажныхъ денегъ до al pari и возстановленіе размѣна, или девальвація, или доведеніе цѣнности бумажныхъ денегъ до нуля. Послѣднее является естественнымъ слѣдствіемъ непомѣрно большихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, какъ это было, напримѣръ, при выпускѣ французскихъ ассигнатовъ (во время великой французской революціи), когда выпущено было ихъ болѣе чѣмъ на 45 милліардовъ франковъ и они цѣнились едва въ 0,01 своей номинальной стоимости. Разореніе массы лицъ, съ довѣріемъ принимавшихъ выпускавшіяся правительствомъ бумажныя деньги, которое (разореніе) естественно связано съ такой нуллификаціей бумажныхъ денегъ, не позволяетъ разсматривать этотъ путь, какъ *средство* къ возстановленію нормальнаго денежнаго хозяйства, которое свободно могло бы быть принято правительствомъ. Изъ двухъ прочихъ—болѣе умѣстнымъ способомъ намъ представляется *девальвація*, если обезцѣненіе бумажныхъ денегъ значительно и существовало продолжительное время. При такихъ условіяхъ стремленіе спеціальными мѣропріятіями поднять цѣнность бумажныхъ денегъ до ихъ номинальной стоимости,—что достигается изъятіемъ изъ обращенія и уничтоженіемъ части бумажныхъ денегъ или на счетъ избытка доходовъ, или на счетъ средствъ, полученныхъ путемъ займа, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—оказываетъ крайне невыгодное вліяніе на все распредѣленіе, такъ какъ всѣ плательщики ранѣе взятаго вынуждены уплачивать болѣе того (бо́льшую покупательную силу), что́ они дѣйствительно получили; къ этому надо прибавить еще, что этимъ путемъ къ прочимъ причинамъ постоянныхъ колебаній

цѣнности бумажныхъ денегъ прибавится новая въ теченіе всего того періода, пока постепенно будетъ извлекаться изъ обращенія часть бумажныхъ денегъ; наконецъ, подобныя траты избытка доходовъ могутъ оказаться совершенно напрасными, если въ періодъ извлеченія излишка бумажныхъ денегъ (а этотъ періодъ можетъ оказаться весьма продолжителенъ, если избытки доходовъ будутъ невелики) наступятъ стѣснительныя обстоятельства (война!), которыя вынудятъ правительство сдѣлать новые выпуски бумажныхъ денегъ и курсъ ихъ снова станетъ падать.

Почти всѣ тѣ же слабыя стороны, но въ значительно меньшей степени встрѣчаемъ въ томъ случаѣ, когда правительство старается поднять курсъ бумажныхъ денегъ до ихъ номинальной стоимости, не сокращая ихъ *предложеніе*, но, на оборотъ, увеличивая *спросъ* на нихъ путемъ проведенія въ жизнь разныхъ экономическихъ реформъ. Все это требуетъ продолжительнаго времени и увѣренности, что нечего опасаться какихъ либо случайностей, что рѣдко возможно. Еще болѣе цѣлесообразно одновременное дѣйствіе въ видахъ сокращенія предложенія и усиленія спроса на деньги. *Девальвація* состоитъ въ признаніи совершившагося факта, т. е. въ признаніи за бумажными деньгами той цѣнности, какая дѣйствительно за ними установилась. Если, по предположенію, обезцѣненіе бумажныхъ денегъ существуетъ продолжительное время, приблизительно въ одномъ и томъ же размѣрѣ, то можно думать, что цѣнность бумажныхъ денегъ довольно близко соотвѣтствуетъ ихъ цѣнѣ. Поэтому такого значительнаго нарушенія правъ, какъ при вышеразсмотрѣнномъ способѣ, при девальваціи не слѣдуетъ опасаться: держатель бумажныхъ денегъ получаетъ, при обмѣнѣ ихъ на металлическія деньги или на новыя, размѣнныя бумажныя деньги, всегда почти ту же покупательную силу, какую отдаетъ. Для возможно болѣе справедливаго регулированія прежде заключенныхъ сдѣлокъ, когда курсъ бумажныхъ денегъ былъ иной, чѣмъ при какомъ совершается девальвація, можетъ быть составлена особая редукціонная таблица хотя бы по періодамъ, съ принятіемъ за основаніе для переложенія сдѣлокъ средняго курса за каждый изъ взятыхъ періодовъ. Конечно, и здѣсь почти неизбѣжно будутъ встрѣчаться случаи нарушенія строгой справедливости, но приходится выбирать изъ двухъ золъ меньшее, такъ какъ каждый лишній день господства бумажнаго денежнаго хозяйства только увеличиваетъ болѣзнь,

даетъ возможность ей глубже проникнуть въ организмъ народнаго хозяйства. Безъ пожертвованій обойтись нельзя въ борьбѣ съ такимъ великимъ зломъ, какимъ являются обезцѣненныя бумажныя деньги.

Въ Россіи бумажныя деньги появились съ 1768 года подъ именемъ *ассигнацій*. Съ одной стороны, неудобство значительныхъ расплатъ мѣдной монетой, которая и обращалась главнымъ образомъ у насъ въ это время, съ другой — необходимость получить средства для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, побудили правительство къ выпуску ассигнацій. Было учреждено по ассигнаціонному банку въ Петербургѣ и Москвѣ, которые должны были на выпущенную сумму для безостановочнаго размѣна держать у себя въ кассѣ мѣдную монету. Ассигнаціямъ не было придано принудительнаго курса, но дано *податное обезпеченіе* и сверхъ того при всѣхъ платежахъ казнѣ на каждые 500 р., по крайней мѣрѣ, 25 р. должно было быть уплачиваемо ассигнаціями. Въ виду удобства, которое сравнительно съ мѣдными деньгами представляли ассигнаціи, въ виду небольшаго количества, выпущеннаго въ первое время, они начали обращаться даже съ лажемъ $^1/_2$—$^1/_4$%; но въ виду быстро увеличивавшагося количества ихъ и прекращенія размѣна, уже къ концу прошлаго столѣтія ассигнаціонный рубль стоилъ всего 68$^1/_2$ коп. серебр. Борьба съ Наполеономъ требовала напряженія всѣхъ силъ народа—и вотъ выпускъ бумажныхъ денегъ слѣдуетъ за выпускомъ: въ 1774 г. ассигнацій было на 20 милл. р., въ 1786 г.—уже на 100 милл. р., въ 1795 г.—150 милл., 1800 г.—212 милл., 1805 г.—292 милл., 1808 г.—477 милл., а съ 1810 г. въ обращеніи оказывается уже на 577 милл. р. и рубль ассигн. стоитъ всего 40 к., къ 1812 г.—около 800 милл. р. ассигн. и рубль ассигн. стоилъ всего около 25 к. Правительство, получая всѣ платежи въ ассигнаціяхъ по ихъ номинальной стоимости, было не въ состояніи свести концы съ концами и потому податное обезпеченіе ассигнацій отпало, но имъ придана обязательная обращаемость: платежъ ассигнаціями, но по курсу, никѣмъ отринутъ быть не можетъ, и правительство въ уплату всѣхъ платежей стало принимать ассигнаціи по курсу. Послѣ счастливаго окончанія наполеоновскихъ войнъ, правительство признало необходимымъ позаботиться объ упорядоченіи денежной системы. Желая поднять курсъ ассигнацій, оно извлекло изъ обращенія и уничтожило ихъ въ теченіе 1818—1822 гг. на

240 милл. р., но курсъ поднялся всего на 1 к. — съ 25¼ до 26¼ к. за 1 рубль ассигнацій. Призванный къ управленію финансовымъ вѣдомствомъ Канкринъ, призналъ болѣе цѣлесообразнымъ обратиться къ другимъ средствамъ. Онъ прежде всего позаботился о сокращеніи расходовъ и объ увеличеніи доходовъ; затѣмъ, постепенно, чтобы, такъ сказать, привлечь къ обращенію металлическую монету, онъ предоставляетъ на ряду съ ассигнаціями производить нѣкоторые платежи металлическими деньгами. Только къ концу 30-хъ годовъ онъ призналъ возможнымъ покончить счеты съ прежнимъ бумажно-денежнымъ хозяйствомъ и замѣнить ассигнаціи новыми бумажными деньгами, размѣнными на монету. При этомъ необходимо было, во 1-хъ, позаботиться о составленіи достаточнаго размѣннаго фонда, а во 2-хъ—провести реформу постепенно, чтобы предупредить внезапный наплывъ новыхъ бумажныхъ денегъ къ размѣну, въ случаѣ чего никакого фонда (кромѣ равнаго всей суммѣ бумажныхъ денегъ, а о такомъ, конечно, не могло быть и рѣчи) не оказалось бы достаточно. Обѣ задачи были разрѣшены въ высшей степени раціонально. Съ 1 іюня 1839 г. на ассигнаціи объявленъ неизмѣнный курсъ въ 3½ р. асс. за 1 р. сер. Всѣ платежи могутъ производиться или тѣмъ, или другимъ. Взамѣнъ ассигнацій выпускаются новые „кредитные билеты“, пользующіеся принудительнымъ курсомъ и размѣнные по номинальной стоимости на основную монету государства, каковой признанъ серебряный рубль; но въ первое время изъемлются изъ обращенія лишь ассигнаціи, поступающія въ кассы правительства, а взамѣнъ ихъ выпускаются на соотвѣтственную сумму (1 р. новый за 3½ р. асс.) кредитные билеты; затѣмъ право обмѣна ассигнацій на кредитные билеты было предоставлено и частнымъ лицамъ. Такъ какъ ко времени девальваціи въ обращеніи находилось ассигнацій на 595 милл. руб. номинальныхъ, то при обмѣнѣ ихъ на кредитные билеты должна была получиться сумма въ (595 : 3½) 170 милл. руб. Какой величины необходимъ размѣнный фондъ для этой суммы, было совершенно неизвѣстно. Чтобы обезпечить себя отъ всякой случайности, необходимо было составить возможно большій фондъ и этого достигъ Канкринъ открытіемъ съ 1 января 1840 г. особой *депозитной кассы* при государственномъ коммерческомъ банкѣ. Въ эту кассу могли дѣлаться вклады золотой и серебряной монетой или слитками, взамѣнъ которыхъ выдавались *билеты депозитной кассы*, написанные

на металлическіе рубли и обязательные къ пріему наравнѣ съ монетою, подлежащіе размѣну на послѣднюю по предъявленію. Въ виду удобствъ, которыя представляли такіе *билеты*, въ депозитной кассѣ металла къ 1843 г. накопилось до 40 милл. руб. слишкомъ, а требованія обратной выдачи были незначительны. Наконецъ, было предоставлено и частнымъ лицамъ право обмѣна ассигнацій на новые кредитные билеты; депозитная касса была закрыта, при чемъ лицамъ, желавшимъ получить обратно свои вклады, выдавались таковые по предъявленію *билетовъ* въ депозитную кассу, прочіе же, *билеты депозитной кассы*, подлежали обмѣну на кредитные билеты и предъявлялись въ государственныя казначейства. Такъ какъ кредитные билеты были размѣнны, то лицамъ, бравшимъ прежде депозитныя свидѣтельства, въ виду ихъ удобства для платежей, не было никакого основанія избѣгать обмѣна ихъ на кредитные билеты; между тѣмъ, при всякомъ такомъ обмѣнѣ на *всю* обмѣниваемую сумму изъ депозитной кассы переводился металлъ, который собою, слѣдовательно, весьма сильно увеличивалъ размѣнный фондъ. Положимъ, напримѣръ, при 200 милл. бумажныхъ рублей размѣнный фондъ составлялъ 20 милл. руб., т. е. всего, значитъ, 10% ; если бы взамѣнъ депозитныхъ свидѣтельствъ было выпущено на 40 милл. руб. еще бумажныхъ денегъ, то все ихъ количество возросло бы до 240 милл. руб., но въ то же время передачей металла размѣнный фондъ увеличился бы до 60 милл. руб., что составило бы уже не 10%, а 25%.

Манифестомъ 1 іюня 1843 г. было постановлено совершенное изъятіе ассигнацій изъ обращенія къ 1 января 1848 г.

Къ 1848 г. реформа была закончена; у насъ явились бумажныя деньги, размѣнныя на металлъ, а потому ходившія al pari. Всего кредитныхъ билетовъ было выпущено на 220—230 милл. руб., въ томъ числѣ 170 милл. руб. взамѣнъ 595 милл. руб. асс., 40—50 милл. р. въ обмѣнъ билетовъ депозитной кассы и 10 милл. руб. было выдано въ видѣ ссуды подъ залогъ недвижимости изъ кассъ Воспитательныхъ домовъ и Заемнаго Банка. Одновременно и мѣдная монета переложена была на серебро и перечеканена. Во время Крымской кампаніи снова правительству приходится обратиться къ значительнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ и размѣнъ пріостанавливается. Къ 1857 г. бумажныхъ денегъ было уже около 700 милл. руб. Въ 1862 г. была сдѣлана попытка возобновить размѣнъ, но неудачно. Послѣдняя турецкая война вызвала

новые выпуски бумажныхъ денегъ и новое паденіе курса ихъ на 67,4 коп. сер. за 1 руб. кред. Не смотря на окончаніе войны, курсъ продолжалъ падать, съ нѣкоторыми колебаніями, до середины 80-хъ годовъ и дошелъ постепенно до 50 к. сер. за 1 рубль кредитный. Къ 1 января 1891 г. бумажныхъ денегъ въ обращеніи было на 907 милл. рублей. Въ послѣдующее время не разъ разрѣшались новые выпуски бумажныхъ денегъ (не на большія каждый разъ суммы) подъ условіемъ обезпеченія ихъ золотомъ рубль за рубль. Подобное *обезпеченіе* едва ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Такъ какъ выпущенныя при такомъ обезпеченіи бумажныя деньги ничѣмъ не отличаются отъ ничѣмъ не обезпеченныхъ, уже находящихся въ обращеніи, то они немедленно смѣшаются съ этими послѣдними и спеціальное обезпеченіе ничуть не можетъ предупредить вліянія на курсъ бумажныхъ денегъ увеличенія ихъ количества, поскольку одно это послѣднее вліять можетъ. Съ другой стороны, нельзя не признать, что обезпеченіе каждаго рубля кредитнаго золотымъ (безъ права, однако, обмѣнять первый на послѣдній) связываетъ средства казначейства въ несоотвѣтственно большомъ размѣрѣ, такъ какъ каждый кредитный рубль, выпущенный въ обращеніе даже и подъ обезпеченіе, всетаки сейчасъ же обратится въ соотвѣтствующую курсу бумажныхъ денегъ величину, т. е. будетъ представлять собою 50 к., 60 к. металл. и т. д. и за эту сумму (а не за номинальную) казна и могла бы ихъ всегда извлечь изъ обращенія. Подъ вліяніемъ такихъ выпусковъ, къ 1 января 1892 г. въ обращеніи уже имѣлось бумажныхъ денегъ на 1.054 милл. рублей. Полуимперіалъ стоилъ:

въ	1881	г.	. . . . .	7	р.	85	к.	кр.;
„	1882	„	. . . . .	8	„	—	„	„
„	1883	„	. . . . .	8	„	34	„	„
„	1884	„	. . . . .	8	„	44	„	„
„	1885	„	. . . . .	7	„	81	„	„
„	1886	„	. . . . .	8	„	38	„	„
„	1887	„	. . . . .	8	„	64	„	„
„	1888	„	. . . . .	9	„	31	„	„
„	1889	„	. . . . .	7	„	45	„	„
„	1890	„	. . . . .	7	„	30	„	„
„	1891	„	. . . . .	6	„	80	„	„
„	1892	„	. . . . .	8	„	18	„	„

Въ заключеніе разсмотрѣнія средствъ, облегчающихъ обмѣнъ, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о единицахъ мѣры и вѣса. На первыхъ ступеняхъ развитія за единицы измѣренія принимаются даваемые самой природой всѣмъ извѣстные предметы, напримѣръ локоть, ступня. Различіе этихъ единицъ измѣренія вноситъ много путаницы въ сдѣлки, и вотъ мы видимъ, что общественная власть, сама будучи весьма заинтересована, въ виду полученія значительныхъ платежей, стремится установить, по возможности, общія однообразныя единицы мѣры; наконецъ, въ видахъ достиженія возможно большей неизмѣнности, однообразія ихъ, человѣческое общество принимаетъ за основаніе величину неизмѣнную, даваемую самой природой,—именно 0,0000001 градуса широты на экваторѣ, которая была названа *метромъ* и легла въ основаніе, такъ называемой, *метрической* системы; наименованія всѣхъ въ 10, 100, 1000 и т. д. разъ большихъ величинъ составляются прибавленіемъ соотвѣтственныхъ греческихъ словъ, напримѣръ, 1.000 метровъ—километръ, всѣхъ меньшихъ—прибавленіемъ латинскихъ словъ, напримѣръ 0,001 метра—милиметръ. За основную единицу для измѣренія плоскостей взято 10 кв. метровъ и названо *аромъ*; для измѣренія объемовъ—кубическій дециметръ—литръ; для измѣренія вѣса—вѣсъ кубическаго дециметра воды при 4^0 Цельзія—килограммъ. Удобства, представляемыя метрической системой, способствовали постепенному распространенію ея между всѣми культурными народами; пока еще оффиціально не принята она въ Россіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи, хотя, напримѣръ, соотвѣтственныя метрическія мѣры уже употребляются у насъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ наряду съ нашими единицами мѣры.

IV.

Какъ вообще для культурнаго развитія общества, такъ и въ частности для экономическаго его развитія имѣютъ громадное значеніе *средства сообщенія*, подъ которыми разумѣются *пути сообщенія*, *почта*, *телеграфъ*, *телефонъ*, *фонографъ*. При помощи ихъ, съ одной стороны, удовлетворяется потребность въ общеніи, съ другой—становится возможнымъ и развивается территоріальное дѣленіе труда—conditio, sine qua non, всякаго экономическаго развитія. Въ развитіи средствъ сообщенія отражается развитіе всего народнаго хозяйства и наоборотъ: чѣмъ выше развитіе на-

роднаго хозяйства, тѣмъ оживленнѣе обращеніе, чѣмъ многочисленнѣе и лучше средства сообщенія, тѣмъ большее развитіе обнаруживаетъ народное хозяйство.

Пути сообщенія. По отношенію къ нимъ должно различать слѣдующіе элементы: путь (въ тѣсномъ смыслѣ слова), орудіе перемѣщенія и двигатель. Высшая степень развитія характеризуется большимъ дифференцированіемъ этихъ элементовъ при большей интеграціи ихъ. Первоначально человѣкъ только пользуется тѣмъ, что даетъ ему сама природа, и не стремится передѣлать ее по своему плану; вслѣдствіе этого почти исключительно естественными свойствами того или другаго рода путей сообщенія обусловливается значеніе ихъ для неразвитаго экономически народа. Съ указанной точки зрѣнія въ это время водные пути сообщенія представляютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ сухопутные. Горный хребетъ, лѣсъ, рѣка и т. п. представляютъ для путешествующаго сухимъ путемъ часто непреодолимое препятствіе, особенно если имѣть въ виду перемѣщеніе грузовъ: путемъ служатъ тропинки, проторенныя человѣкомъ или животными, двигателемъ—мускульная сила опять же человѣка и прирученныхъ живочныхъ, а орудіе перемѣщенія въ самостоятельномъ видѣ отсутствуетъ, такъ какъ грузъ помѣщается на плечахъ или спинѣ того же человѣка или животныхъ, такъ что мускульная сила ихъ тратится не только на перемѣщеніе, но и на сопротивленіе силѣ тяжести этихъ грузовъ.

Въ гораздо лучшемъ положеніи представляются водные пути въ это время. Рѣки, побережья морей и озеръ, какъ путь (въ тѣсномъ смыслѣ), по удобству и сравнивать нельзя съ какими нибудь тропинками: препятствій тѣхъ, какъ на сушѣ, здѣсь нѣтъ; путь ровный, гладкій. Орудіе перемѣщенія не требовало большой изобрѣтательности и отдѣлки: первый попавшійся на глаза человѣку плывшій кусокъ дерева указалъ ему это орудіе; рыба научила человѣка, какъ приводить это орудіе въ движеніе, какъ управлять имъ—явилось весло и руль. Однако, не одна мускульная сила становится двигателемъ здѣсь: человѣкъ началъ весьма рано пользоваться въ этомъ отношеніи физическими силами природы—теченіемъ воды и вѣтромъ. Возможнымъ оказалось на этихъ путяхъ перемѣщеніе большихъ судовъ, большихъ тяжестей. Вполнѣ понятно, что, благодаря указаннымъ выгоднымъ качествамъ роднаго пути, народы древности должны были имъ пользоваться преимущественно передъ сухимъ и что поэтому культура сосредо-

точивалась, главнымъ образомъ, по берегамъ рѣкъ и морей, не проникая далеко въ глубь страны.

Однако, въ преобладающемъ значеніи естественнаго фактора по отношенію къ воднымъ путямъ сообщенія заключается и ихъ существенный недостатокъ—причина невозможности такого быстраго и высокаго развитія, какое оказалось возможнымъ относительно путей сообщенія на сушѣ: природа сама по себѣ измѣняется медленно и тѣ же водные пути, которыми пользовались древніе, съ тѣми же недостатками и достоинствами сохранились и до настоящаго времени. Почти все, что могло быть сдѣлано для улучшенія этихъ путей, сводится къ болѣе основательному изученію естественныхъ свойствъ ихъ—дна, глубины, морскихъ теченій; то же должно сказать и относительно двигателя-вѣтра. Къ существеннымъ недостаткамъ воднаго пути должно быть отнесено замерзаніе его въ извѣстныхъ широтахъ. Остаются еще улучшенія въ конструкціи орудія перевозки—иной матеріалъ, иная форма, большія мѣры предосторожности на случай несчастій,—но и въ этомъ отношеніи не находимъ измѣненій столь существенныхъ, какъ на сухомъ пути. Можно указать еще на созданіе искусственныхъ водныхъ путей—каналовъ, но до открытія и устройства шлюзовъ, что Sax'омъ относится къ 16 в., каналы были возможны только для мѣстностей одинаковаго уровня; да и послѣ изобрѣтенія шлюзовъ сооруженіе каналовъ особенно значительно было только во Франціи, а въ Англіи постройка ихъ ведетъ свое начало лишь съ 1759 г. и сильно упала съ 20-хъ годовъ 19 в. вслѣдствіе введенія желѣзныхъ дорогъ. На сушѣ прежде всего улучшеніе коснулось самаго пути и уже у всѣхъ культурныхъ народовъ древности мы находимъ весьма благоустроенныя сухопутныя средства сообщенія. Особенно высокой степени совершенства это искусство достигло въ Римской Имперіи, при чемъ здѣсь имѣлись въ виду въ особенности военныя цѣли, но также и торговыя. Послѣ паденія Рима замѣчается несомнѣнный регрессъ относительно путей сообщенія и въ средніе вѣка даже не заботились о поддержаніи наслѣдства, переданнаго Римомъ. По вычисленію Энгеля, еще въ XVIII в. дороги были хуже Римскихъ въ 5—8 разъ. Равнымъ образомъ и орудія перемѣщенія указывали на такой же упадокъ: повозки вышли изъ употребленія, а путешествія совершались или пѣшкомъ, или верхомъ. Когда же вновь открыто было употребленіе повозокъ для перевозки лицъ, то правители опасались из-

нѣженности для низшихъ классовъ и запрещали послѣднимъ пользоваться ими. Въ двигателѣ до приложенія пара измѣненій не замѣчается: имъ остается все та же мускульная сила человѣка и животныхъ. Отсутствіе заботливости о дорогахъ въ средніе вѣка является общимъ правиломъ. Правда, Карлъ Великій обращалъ свое вниманіе на улучшеніе дорогъ, какъ въ интересахъ военнаго дѣла, такъ и торговли, но его примѣръ остался безъ подражанія, да и онъ самъ, впрочемъ, былъ безсиленъ противъ развившагося феодальнаго порядка, который привелъ къ оригинальному превращенію обязанности территоріальнаго владѣльца заботиться объ удовлетворительномъ содержаніи дорогъ на его территоріи — въ право безконтрольнаго хозяйничанія на этихъ дорогахъ со стороны феодала, въ право прямого обращенія дорогъ въ его доходную статью.

Но мало того, что берутся пошлины и тамъ, гдѣ феодалъ вовсе не заботится о поддержаніи дороги,—путешествующіе принуждаются еще ѣхать по извѣстнымъ, часто развалившимся и идущимъ въ обходъ дорогамъ, только ради того, чтобы феодалъ могъ получить съ нихъ пошлину. Съ цѣлью противодѣйствовать указанному злоупотребленію, Фридрихъ II въ 1232 году издаетъ приказъ: „Чтобъ всякій ѣхалъ прямой дорогой и никто не смѣлъ бы силой мѣшать ему“. Указы подобнаго содержанія повторяются и позже, но изъ нихъ феодалы, чрезъ территоріи которыхъ пролегали старинныя дороги, вывели для себя право заставлять всѣхъ ѣхать по этимъ старымъ, прямымъ дорогамъ, и такимъ образомъ не только для торговли не стало выгоднѣе, такъ какъ съ присвоеннымъ правомъ феодалы вовсе не признавали обязанности чинить дороги,—но еще явилось новое препятствіе для дальнѣйшаго развитія сѣти путей сообщенія. Должно еще указать на распространенное въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи въ 13 и 14 вв. право Grundruhr'a (отъ слова Grund и rühren), состоявшаго въ томъ, что въ случаѣ поломки повозки и т. п. всѣ товары конфисковались въ пользу территоріальной власти. Такимъ образомъ, благодаря этому обычаю, выдавались, такъ сказать, преміи на дурныя дороги, а потому понятно, что послѣднія улучшались въ этихъ мѣстностяхъ крайне медленно.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нужно было 30 лошадей, чтобы везти 40 центнеровъ груза. „Безопасность при сухопутныхъ передвиженіяхъ въ 13, 14 и 15 вв., какъ извѣстно, была крайне малая или,

собственно говоря, вовсе не было никакой. Путешественника повсюду подстерегаютъ готовые на насиліе грабители. Путешествіе на сушѣ является однимъ изъ опаснѣйшихъ предпріятій, прежде чѣмъ пуститься въ которое, дѣлаютъ завѣщаніе".

Съ 15 вѣка находимъ поворотъ къ лучшему: открытіе Америки оживило торговыя сношенія; изобрѣтеніе книгопечатанія, облегчившее обмѣнъ мыслей, вызвало большее сближеніе населенія отдѣльныхъ мѣстностей и цѣлыхъ государствъ, но непосредственно предшествующимъ, ближайшей причиной улучшенія было учрежденіе почтовыхъ сношеній, такъ какъ съ послѣднимъ неразрывно связывался и вопросъ объ устройствѣ путей сообщенія. Не смотря, однако, на всѣ улучшенія, до проведенія шоссейныхъ дорогъ, что имѣло мѣсто въ концѣ прошлаго столѣтія, положеніе путей сообщенія на сушѣ было весьма плачевное, исключая, впрочемъ, Франціи, гдѣ, благодаря ряду энергичныхъ правителей и сильному участію центральной власти въ постройкѣ путей сообщенія, при сосредоточеніи завѣдыванія ими въ однихъ рукахъ, находимъ уже въ 17 в., особенно же въ 18 вѣкѣ, весьма благоустроенные пути сообщенія. Только съ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія началось устройство путей въ томъ видѣ, какъ мы находимъ ихъ въ настоящее время. Улучшенія эти не могли быть достаточно оцѣнены, такъ какъ вскорѣ въ 1830—40 г. начинается развитіе желѣзныхъ дорогъ, съ которыхъ собственно и приходится вести новую эру путей сообщенія.

Ранѣе чѣмъ говорить о значеніи примѣненія именно пароваго двигателя для всей жизни человѣческаго общества, постараемся выяснить вліяніе всякаго вообще улучшенія *средствъ сообщенія* и въ частности — *путей сообщенія*. Это послѣднее, въ существѣ дѣла, сводится къ *удешевленію* въ связи съ *улучшеніемъ качества* оказываемыхъ услугъ (для путей сообщенія—въ отношеніи *быстроты передвиженія, емкости орудій перемѣщенія, пунктуальности, точности въ срокахъ доставки, безопасности* и т. п.). Вообще нельзя не признать, что распространенность путей сообщенія и ихъ техническое усовершенствованіе или экстенсивность и интенсивность ихъ вліяютъ опредѣляющимъ образомъ на расцвѣтъ всего народнаго и государственнаго хозяйства, какъ равно и на духовное развитіе народа.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на разсмотрѣніи вліянія развитія путей сообщенія на весь строй жизни народа.

Удешевленіе перевозки равнозначуще съ уменьшеніемъ издержекъ техническаго производства товаровъ, естественнымъ слѣдствіемъ чего должно быть пониженіе цѣнъ данныхъ товаровъ для значительнаго района. Послѣдствія не оказываются прямо пропорціональными удешевленію издержекъ провоза; такъ, напр., если провозныя платы понизились вдвое, т. е. изъ даннаго пункта, принявъ его за центръ, возможно стало во всѣ стороны, по всѣмъ направленіямъ (радіусамъ) за прежнюю плату отправлять товаръ на вдвое бо́льшее разстояніе, то отношеніе районовъ сбыта товара, прежняго и новаго, представляющихъ собою два концентрическихъ круга, выразится отношеніемъ квадратовъ радіусовъ, т. е. районъ сбыта, при удешевленіи провозныхъ платъ *вдвое*, станетъ *вчетверо* бо́льше. Уравненіе спроса и предложенія на расширившемся такимъ образомъ рынкѣ установитъ уже цѣну товара, которая для прежняго рынка, можетъ быть, въ особенности на первое время, нѣсколько повысится въ виду увеличенія спроса. Во всякомъ случаѣ, однако, издержки производства во всѣхъ отрасляхъ, по скольку эти издержки зависятъ отъ издержекъ провоза, съ паденіемъ послѣднихъ должны также уменьшиться. Изъ сказаннаго также ясно, что съ удешевленіемъ провоза должно наступить и бо́льшее уравненіе (равенство) цѣнъ товаровъ, такъ какъ различіе въ цѣнахъ, превышающее уменьшившіяся издержки провоза сколько нибудь значительно, тотчасъ вызвало бы передвиженіе товара и уравненіе цѣнъ. Но съ улучшеніемъ путей сообщенія и средствъ передачи извѣстій замѣчается не только бо́льшее выравниваніе цѣнъ въ пространствѣ, но и во времени.

И продавцы, и покупатели быстрѣе и точнѣе могутъ опредѣлить состояніе рынка, соотношеніе спроса и предложенія, а потому и тѣ цѣны, которыя, вѣроятно, установятся на товаръ; въ зависимости отъ этого и благодаря развитію путей сообщенія, дается возможность передвинуть *быстро массы* товара изъ того мѣста, гдѣ ожидается паденіе его цѣны, туда, гдѣ онъ долженъ подняться въ цѣнѣ.

Для подтвержденія сказаннаго относительно вліянія развитія путей сообщенія на цѣны въ пространствѣ и времени, возьмемъ хотя бы свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ. Даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, по словамъ Meitzen'a, Германія легче могла снабжать избыткомъ своихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній отдаленныя земли, связанныя съ нею водяными путями, чѣмъ, хотя от-

части, уравнять цѣны сосѣднихъ мѣстностей или доставить во время помощь въ крайней нуждѣ, изъ одной въ другую, только потому, что онѣ раздѣлялись другъ отъ друга незначительнымъ горнымъ хребтомъ.

Еще въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія, по свидѣтельству современниковъ, въ Венгріи хлѣбъ гнилъ на поляхъ, такъ какъ доставка его въ ближайшіе порты была невозможна въ виду чрезвычайно высокихъ издержекъ провоза. Даже продукты обрабатывающей (австрійской) промышленности (сукно, полотно, стеклянныя и желѣзныя издѣлія) не могли идти на вывозъ потому, что издержки провоза до Трієста часто превышали стоимость самихъ товаровъ и сбытъ ихъ дѣлался невозможенъ.

Но незачѣмъ даже обращаться къ далекому прошлому: еще въ серединѣ 60-хъ годовъ сообщается относительно города Мексико, что, въ виду плачевнаго состоянія путей сообщенія, въ немъ можетъ свирѣпствовать голодъ въ то время, какъ на разстояніи всего 200 миль, отдѣляющихъ его отъ плодороднѣйшей равнины Эль-Байо, фермеры не знаютъ, что дѣлать съ богатѣйшими урожаями.

Во Франціи въ 1817 г. разница въ цѣнѣ гектолитра пшеницы въ Страсбургѣ и во внутреннихъ городахъ страны доходила до 40 фр., при средней цѣнѣ въ 36,16 фр., а въ 1866 г., при довольно плохомъ урожаѣ—не превышала 3—4 фр. Въ Пруссіи въ 1817 г. разница въ цѣнахъ за шеффель пшеницы и ржи въ разныхъ провинціяхъ достигала 69 зильбергрошей для пшеницы и 75 зильб.—для ржи, а въ 1855 г., при тѣхъ же почти среднихъ для государства цѣнахъ, разница не превышала 17 зильб. на шеффель пшеницы и 23 зильб.—для ржи.

Какъ рѣзко мѣнялись цѣны во времени, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ Англіи квартеръ пшеницы въ 1302 г. стоилъ менѣе 40 шиллинговъ, а въ 1317 г. — 436 шилл.; во Франціи septier пшеницы въ 1351 г.—39 ливровъ, а въ 1356 г.—всего 4 ливра; въ Пруссіи въ 1633 г. шеффель ржи—214 зильб., а въ 1639 г.—всего 19 зильб. Еще въ началѣ 19 столѣтія въ тѣхъ же государствахъ, о которыхъ было говорено выше, колебанія цѣнъ на хлѣбъ были громадны, превосходя 100% на протяженіи какихъ нибудь 3—4 лѣтъ; за послѣднія 20 лѣтъ эти колебанія, лишь въ видѣ исключенія, превосходятъ 25%.

Хотя большее равенство цѣнъ, какъ въ пространствѣ, такъ

и во времени, не есть *исключительно* результатъ развитія путей сообщенія, однако безспорно, что значительная доля должна быть приписана именно этой послѣдней причинѣ.

При этомъ должно обратить вниманіе на то обстоятельство, что вызванное удешевленіемъ провоза облегченіе перемѣщенія товаровъ особенно важно для малоцѣнныхъ товаровъ, т. е. именно для тѣхъ, которые составляютъ наибольшій процентъ изъ потребляемыхъ для удовлетворенія насущныхъ, важнѣйшихъ потребностей человѣка. Для дорогихъ товаровъ, какъ, напр., золота и серебра, издержки провоза по сравненію съ ихъ цѣнностью и въ древнее время были настолько незначительны, что торговля ими была возможна; совсѣмъ въ иномъ положеніи представляется дѣло относительно такихъ громоздкихъ и малоцѣнныхъ товаровъ, какъ, напр., каменный уголь, или даже и зерновой хлѣбъ: здѣсь издержки провоза даже на небольшое сравнительно разстояніе были столь велики, что перемѣщеніе этихъ товаровъ становилось возможнымъ лишь при поднятіи цѣнъ въ мѣстѣ недочета въ этихъ товарахъ въ нѣсколько разъ. Поэтому то вліяніе улучшенія путей сообщенія и важно особенно для громоздкихъ и малоцѣнныхъ товаровъ, которымъ сталъ доступенъ совсѣмъ новый, расширившійся чрезвычайно районъ сбыта, и вообще должно признать правильнымъ высказанное Sax'омъ положеніе, что вліяніе развитія путей сообщенія обратно пропорціонально цѣнности товаровъ.

Удешевленіе провоза, какъ было указано, равнозначуще съ уменьшеніемъ издержекъ производства, которое влечетъ за собою паденіе цѣнъ на товаръ и обусловленное этимъ увеличеніе спроса на подешевѣвшіе товары. Производители, каждый порознь, стремясь извлечь возможно большую выгоду изъ увеличившагося спроса, расширяютъ производство, сколько позволяютъ ихъ средства, не соображаясь съ тѣмъ, что точно то же дѣлается и каждымъ изъ конкурентовъ. Въ результатѣ получается такое увеличеніе производства и предложенія товаровъ, которое превышаетъ предшествовавшій спросъ, и товары могутъ быть помѣщены лишь подъ условіемъ самыхъ широкихъ уступокъ въ цѣнахъ товаровъ. Такимъ то путемъ расширяется потребленіе и поддерживается увеличившееся производство товаровъ подъ вліяніемъ удешевленія провозныхъ платъ. Сказаннаго, однако, мало. Сокращеніе издержекъ провоза равносильно освобожденію извѣстной доли полезной силы для другихъ цѣлей, въ томъ числѣ прежде всего для новыхъ

производительныхъ затратъ, что равносильно еще бо́льшему развитію производства и потребленія. Нельзя упускать изъ вида, что возможность *быстрѣе* перемѣщать товары, да еще притомъ *массами* равносильно сокращенію времени *непроизводительнаго* состоянія капиталовъ, а увеличеніе безопасности при перевозкѣ равносильно сбереженію для народнаго хозяйства цѣнностей, прежде пропадавшихъ для него. Всѣ перечисленныя причины увеличенія производства товаровъ, въ концѣ концовъ, приводятъ къ увеличенію движенія, къ новому шагу въ развитіи путей сообщенія, которое, такимъ образомъ, само становится въ зависимость отъ комплекса явленій, имъ же самимъ вызванныхъ. Таковы вообще послѣдствія для народнаго хозяйства развитія путей сообщенія.

Если теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію вліянія этого развитія на каждую изъ трехъ главнѣйшихъ отраслей промышленности порознь, то замѣтимъ слѣдующее:

Сельское хозяйство мѣняетъ свой характеръ — изъ экстенсивнаго становится интенсивнымъ, т. е. въ виду расширенія рынка и повышенія цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства, оказывается возможнымъ и выгоднымъ обратиться къ болѣе высокимъ системамъ культуры, требующимъ гораздо большихъ затратъ труда и капитала, но зато и дающимъ бо́льшій доходъ. Затѣмъ существенно ослабляется вліяніе момента *разстоянія* на различныя отрасли и системы сельскаго хозяйства. Если одна мѣстность отъ рынка, мѣста сбыта продуктовъ, отстоитъ на столько далеко, что издержки провоза, положимъ, равняются цѣнѣ, которую за данный продуктъ (напр. хлѣбъ) можно было бы выручить на ближайшемъ рынкѣ, то, понятно, никто не станетъ заниматься въ этой мѣстности производствомъ хлѣба на сбытъ, и удовлетвореніе спроса на хлѣбъ на рынкѣ будетъ дѣломъ ближе лежащихъ мѣстностей, хотя бы онѣ и были, относительно другихъ условій, въ менѣе выгодномъ положеніи. Развитіе путей сообщенія, при которомъ значительное различіе въ разстояніяхъ отражается незначительно на издержкахъ провоза, позволяетъ сосредоточиваться и развиваться сельскому хозяйству, той или другой отрасли его, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ самыя условія техническаго производства складываются для того болѣе благопріятно. Но если такимъ образомъ мѣстностямъ земледѣльческимъ былъ открытъ путь для дальнѣйшаго развитія, въ виду облегченія сбыта продуктовъ

на болѣе обширномъ рынкѣ, то благодаря тому же обстоятельству, мѣстности, промышленныя по преимуществу, равнымъ образомъ получили возможность спокойнаго, безпрепятственнаго развитія: онѣ не только оказались застрахованными отъ голода, но и населеніе ихъ могло возрастать до гораздо высшей степени, такъ какъ оно уже не было ограничено количествомъ хлѣба *мѣстнаго производства* и при этомъ могло сосредоточить свою дѣятельность преимущественно на той отрасли производства, въ которой оно работаетъ наиболѣе успѣшно. Мы перешли уже, такихъ образомъ, къ разсмотрѣнію вліянія развитія путей сообщенія на *промышленность*. И здѣсь мы находимъ измѣненіе характера и мѣста производства. При дороговизнѣ и вообще трудности перевозки сырья, естественно, обработка его пріурочивалась къ мѣстамъ его полученія, такъ что во *многихъ* пунктахъ велось то же производство и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ предпріятіяхъ преимущественно *мелкихъ*. Но коль скоро громоздкое и малоцѣнное сырье стало возможнымъ дешево и быстро доставлять, куда угодно,—уже не близость къ мѣсту добычи сырья, а выгодное положеніе относительно рынка, капиталовъ, кредита, рабочихъ рукъ — вотъ что̀ опредѣляетъ центръ промышленности и обусловливаетъ развитіе городовъ, въ которыхъ сосредоточивается уже *крупное* производство, какъ представляющее болѣе выгодъ по сравненію съ мелкими предпріятіями. Издержки по перевозкѣ фабрикатовъ настолько ничтожны, что даже и большая разница въ разстояніяхъ почти не даетъ преимуществъ одному производителю передъ другимъ, не спасаетъ отъ соперничества, напротивъ того, даже небольшая разница въ качествѣ или въ издержкахъ техническаго производства, а потому и въ цѣнѣ товаровъ, обезпечиваетъ побѣду отдѣльныхъ мѣстностей и цѣлыхъ странъ по производству тѣхъ или другихъ товаровъ, или даже частей ихъ, открывая имъ возможность господства на всемірномъ рынкѣ; сказаннымъ, съ одной стороны, обусловливается чрезвычайная спеціализація, почти всемірная, а съ другой — поощряется развитіе крупныхъ предпріятій, крупныхъ формъ производства, снабжающихъ своими товарами цѣлый міръ. Вообще же, вліяніе развитія путей сообщенія на сельское хозяйство и промышленность можно резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ, сказавъ, что, благодаря ему, совершается переходъ отъ *мѣстнаго* сельскаго хозяйства и промышленности къ *всемірному хозяйству*. Вліяніе раз-

сматриваемаго фактора на *торговлю* есть, въ сущности и прежде всего, обнаруженіе во-внѣ только что разсмотрѣннаго вліянія его на сельское хозяйство и промышленность, такъ какъ, очевидно, спеціализація, территоріальное дѣленіе труда мыслимо только подъ условіемъ возможности обмѣна, при чемъ развитіе одного необходимо для развитія другого; поэтому развитіе спеціализаціи *всемірной* естественно приводитъ и къ развитію торговли *всемірной*. Однако развитіе путей сообщенія и средствъ передачи извѣстій не остается безъ вліянія и на торговлю самое по себѣ, на ея характеръ: уменьшается рискованность торговыхъ операцій, а возможность болѣе быстраго оборота капитала позволяетъ вести торговлю съ сравнительно меньшимъ капиталомъ, держать запасы въ меньшихъ размѣрахъ; послѣдствіемъ же обоихъ указанныхъ обстоятельствъ является возможность назначенія низшихъ цѣнъ на товары сравнительно съ прежнимъ временемъ. Затѣмъ только при данныхъ условіяхъ становится возможной комиссіонная торговля и всѣ поставки на срокъ; возможность быстро получать свѣдѣнія позволяетъ вѣрнѣе предвидѣть будущій спросъ, правильнѣе распорядиться запасами — направить ихъ именно туда, гдѣ на нихъ должны установиться наивысшія цѣны, т. е. гдѣ на эти товары самый сильный спросъ. Однако нельзя упускать изъ вида и оборотной стороны медали: тѣ же обстоятельства, которыя столь благодѣтельны для народнаго хозяйства, позволяютъ развиться и *спекуляціи*, принимая этотъ терминъ въ самомъ дурномъ смыслѣ слова, въ смыслѣ азартной игры, разоряющей многихъ безъ всякой пользы для цѣлаго народнаго хозяйства, вносящей шаткость въ самыя солидныя предпріятія и колеблющей кредитъ, которымъ тѣсно связывается между собою судьба предпріятій, раскинутыхъ по всему земному шару; разореніе одного торговаго дома, подъ вліяніемъ спекуляціи, часто влечетъ за собою гибель самыхъ солидныхъ предпріятій исключительно вслѣдствіе кредита, который ими былъ открытъ разорившемуся до его банкротства.

Вслѣдствіе развитія средствъ сообщенія торговля становится болѣе прямой, непосредственной; исчезаютъ ярмарки и мессы; дѣлается ненужной перегрузка товаровъ въ извѣстныхъ пунктахъ (штапельное право), переходъ ихъ чрезъ многія руки посредниковъ (что всегда связывается съ извѣстными издержками), ранѣе чѣмъ товаръ дойдетъ до потребителя, нуждающагося въ немъ. И этимъ также обстоятельствомъ—меньшими издержками на

оплату услугъ посредниковъ—обусловливается большая дешевизна товаровъ, при высшемъ развитіи путей сообщенія.

Таковы послѣдствія экономическаго характера разсматриваемаго явленія—развитія путей сообщенія. Взглянемъ на вліяніе его на весь складъ *общественной* жизни и на развивающіяся вслѣдствіе этого новыя потребности.

Населеніе концентрируется въ крупные города, что *вызывается* развитіемъ въ нихъ промышленности, да притомъ именно крупной, а *возможнымъ* дѣлается единственно благодаря развитію путей сообщенія, обезпечивающихъ возможность подвоза дешево быстро и изъ отдаленныхъ мѣстностей *громадныхъ* количествъ предметовъ потребленія и сырья, идущихъ на удовлетвореніе потребностей населенія или на производство новыхъ цѣнностей. Сельское населеніе уменьшается обыкновенно относительно, а иногда даже и абсолютно, а на его счетъ растетъ населеніе городовъ; къ этому должно прибавить, что и возрастный составъ городскаго и сельскаго населенія оказывается весьма существенно различнымъ. Благодаря удобствамъ сообщенія, въ города изъ селъ стекается населеніе для заработка, т. е. идетъ населеніе взрослое, но не старики, а стоящіе въ производительномъ возрастѣ; напротивъ того, на селахъ остается сравнительно болѣе стариковъ и дѣтей. То обстоятельство, что въ городахъ собирается вообще населеніе въ полной силѣ, съ меньшимъ бременемъ лѣтъ за плечами, съ меньшимъ опытомъ, но тѣмъ съ большимъ желаніемъ и надеждой измѣнить къ лучшему условія своей жизни; затѣмъ, что занятіе промышленностью (въ отличіе отъ сельскаго хозяйства) требуетъ скученности населенія, при которой, естественно, развивается большій обмѣнъ мыслей; далѣе, что промышленность требуетъ большей работы мысли не только въ видахъ введенія новыхъ улучшеній или ради открытій и изобрѣтеній, но и для правильнаго пользованія достигнутыми (техническими знаніями) результатами; наконецъ, что въ сферѣ промышленности человѣкъ менѣе сознаетъ, ощущаетъ свою зависимость отъ естественныхъ условій внѣшней физической природы, въ которыхъ онъ живетъ и, напротивъ, пріучается болѣе высоко цѣнить свое значеніе,—значеніе труда человѣка, не подчиняющагося слѣпо, по необходимости, вліянію естественныхъ силъ внѣшней физической природы, какъ то наблюдается въ сельскомъ хозяйствѣ, но, напротивъ того, подчиняющаго себѣ, все болѣе и болѣе обращающаго на служе-

ніе себѣ эти силы физической природы въ сферѣ промышленности въ зависимости отъ развитія техническаго знанія и основанныхъ на немъ искусствъ; все это въ совокупности обусловливаетъ бо̀льшее развитіе, бо̀льшую быстроту прогрессивнаго движенія среди населенія городовъ, а отсюда просвѣщеніе разливается и по деревнямъ и селамъ.

Однако та же скученность городскаго населенія, развитіе крупной промышленности въ городахъ объясняетъ бо̀льшее развитіе здѣсь дурныхъ сторонъ человѣческой природы: паденіе нравственности, увеличеніе числа преступленій, развитіе антагонизма между классами, въ виду того, что здѣсь чаще и рѣзче выступаетъ различіе богатства и бѣдности, а потому легче развивается чувство зависти и недовольства своимъ положеніемъ, соединенное съ желаніемъ, во что бы то ни стало, измѣнить его къ лучшему.

Таковы послѣдствія развитія путей сообщенія вообще. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ измѣненій въ жизни общества, которыя были вызваны приложеніемъ пароваго двигателя.

Приложеніе пара начинаетъ собою новую эру для разсматриваемаго вопроса, оставляя за собой далеко все то, что было извѣстно древнему міру. Для воднаго пути паръ явился лишь новымъ двигателемъ безъ того, чтобы къ нему можно было приспособить дорогу, а между тѣмъ и относительно средствъ сообщенія вѣренъ законъ интеграціи, какъ мѣрила высшаго развитія. Чѣмъ „солидарнѣе“, по выраженію Энгеля, элементы средствъ сообщенія, тѣмъ высшую ступень развитія они представляютъ. Уже одно указанное обстоятельство — невозможность вліять творчески на путь—не могло дать такого радикальнаго измѣненія для водныхъ средствъ сообщенія, какъ для сухопутныхъ. Между тѣмъ сюда присоединяется еще другое условіе на водныхъ путяхъ, вліяющее въ томъ же направленіи: новый двигатель—паръ, по сравненію съ предшествовавшими, сдѣлалъ человѣка, правда, менѣе зависимымъ отъ природы, усилилъ его власть, но за то съ другой стороны этотъ двигатель уже не является даровымъ, какъ прежніе, а это не могло не отразиться, не могло не умалить значенія его примѣненія на водѣ для перемѣщенія людей и товаровъ. Изъ послѣднихъ значительно выгадали цѣнные, и для ихъ перевозки паровой двигатель оказался вполнѣ пригоденъ, дѣлая возможнымъ быстрое обращеніе значительныхъ капиталовъ и сберегая такихъ образомъ значительные проценты. Не столь существенна ока-

залась, покрайней мѣрѣ въ первое время, выгода отъ новаго двигателя для громоздкихъ и малоцѣнныхъ товаровъ, такъ какъ относительная дороговизна двигателя несомнѣнно должна вліять на значительное (въ виду ихъ малоцѣнности) повышеніе цѣны этихъ товаровъ. Такимъ образомъ пользованіе новымъ двигателемъ дѣлается выгоднымъ преимущественно при значительномъ повышеніи цѣнъ упомянутыхъ товаровъ въ какой либо мѣстности и вообще при значительной разницѣ въ ихъ цѣнахъ. Итакъ измѣненіе торговли громоздкими и малоцѣнными товарами по однимъ водянымъ путямъ не могло бы быть существенно, какъ потому, что она оставалась бы пріуроченной къ побережьямъ рѣкъ и морей, такъ и потому, что новый двигатель не можетъ считаться болѣе выгоднымъ, чѣмъ прежніе, во всякомъ данномъ случаѣ.

Совсѣмъ иные результаты получились отъ приложенія пароваго двигателя на сухомъ пути, а въ зависимости отъ нихъ развилась торговля и на водныхъ путяхъ. Отдѣльные элементы сухопутныхъ средствъ сообщенія развивались постепенно: дороги выравнивались, орудія перевозки постоянно улучшались, наконецъ во второй половинѣ 16 в. въ Австріи, въ началѣ 17 в. въ Англіи, начинаютъ употребляться рельсы, сперва деревянные, а затѣмъ и желѣзные (въ Англіи въ первой половинѣ 18 в.) именно для вывоза изъ шахтъ руды и угля. Съ начала 19 вѣка въ Англіи уже начинаютъ пользоваться tramways, но для перевозки товаровъ, особенно громоздкихъ, послѣднія не имѣли большаго значенія. Но всѣ сдѣланныя улучшенія оставались необъединенными, были мертвы, пока не вдохнулъ въ нихъ жизнь новый двигатель—паръ, видоизмѣнившій ихъ согласно новымъ требованіямъ и сплотившій ихъ съ собою въ одно органическое цѣлое. Значеніе примѣненія его на сухомъ пути оцѣнить вполнѣ мы не въ состояніи, если мы остановимся только на томъ, что уже сдѣлано; но во всякомъ случаѣ можно сказать, что духовная и матеріальная стороны жизни человѣческихъ обществъ вступила въ новый фазисъ развитія подъ вліяніемъ примѣненія пароваго двигателя къ перемѣщенію вещей и лицъ. Для лицъ стало доступно быстрое безопасное и дешевое перемѣщеніе на далекія пространства, не взирая на препятствія физической природы. Результатомъ этого является большее смѣшеніе отдѣльныхъ лицъ, съ ихъ индивидуальными качествами, изъ котораго вытекаетъ большее уравненіе этихъ качествъ, большее сходство отдѣльныхъ лицъ и затѣмъ на-

родовъ. Это. въ свою очередь, обусловливаетъ большую сплоченность людей съ одной стороны, болѣе быстрое развитіе съ другой, такъ какъ отставшіе народы быстрѣе переживаютъ стадіи, отдѣляющія ихъ отъ опередившихъ ихъ, находясь съ послѣдними въ постоянномъ общеніи, а затѣмъ каждая международная личность способствуетъ коллективному развитію, доводя до высшей степени сравнительно съ другими народами тѣ качества и свойства населенія, развитіе которыхъ въ силу естественныхъ и соціальныхъ въ широкомъ смыслѣ условій явилось спеціальной задачей даннаго народа.

Не менѣе важны результаты перемѣщенія не лицъ, а товаровъ. Изобрѣтеніе пароваго двигателя дало сильный толчекъ для дальнѣйшаго развитія, такъ какъ оно уничтожило физическое препятствіе къ освобожденію человѣческаго общества отъ мѣстной зависимости.

Лишь съ введеніемъ ж. дорогъ и мѣстности, лежащія внутри страны, а не только побережья рѣкъ и морей, оказались въ состояніи развивать свое производство до высшей степени, такъ какъ продукты его они получили возможность сбывать на открывшемся для нихъ обширномъ рынкѣ—притомъ постоянно расширяющемся, мѣняя ихъ на произведенія, которыя они не могли бы получить въ своей мѣстности или вовсе, или такъ выгодно, какъ это достигается ими путемъ обмѣна, или же, наконецъ, которыя имъ были до сихъ поръ даже и вовсе неизвѣстны.

Такимъ образомъ, благодаря улучшенію средствъ сообщенія, становится возможнымъ обмѣнъ произведеній съ болѣе обширнаго пространства, чѣмъ прежде. Для среднихъ вѣковъ и даже для новаго времени, до приложенія пароваго двигателя гипотеза Тюнена—замкнутое государство—была общераспространеннымъ явленіемъ, исключенія представляли лишь побережья морей и рѣкъ. Дальнѣйшее развитіе, обусловленное примѣненіемъ новаго двигателя, состоитъ именно въ томъ, что кругъ постоянно увеличивается, а вмѣстѣ растетъ и центръ, ассимилируя себѣ сосѣдніе пункты, въ то же время расширяются и пояса разныхъ ступеней хозяйства—все это вслѣдствіи постепенной эмансипаціи человѣческаго общества отъ мѣстной зависимости, благодаря улучшенію путей сообщенія. Очевидно, что тѣ писатели, которые желаютъ, чтобъ всѣмъ потребностямъ данной мѣстности удовлетворяло бы мѣстное производство, чтобы земледѣліе и промышленность раз-

вивались бы рядомъ, упускаютъ изъ виду именно значеніе разсматриваемаго фактора культурнаго развитія обществъ—путей сообщенія потому что то, что еще въ XVI, XVII и XVIII вв. могло считаться не далеко отъ центра, теперь слилось съ нимъ, а что считалось далеко и что этими писателями и теперь считается далекимъ (потому что они упускаютъ изъ виду экономическую сторону значенія этого слова, и берутъ его лишь въ прямомъ, а не переносномъ значеніи, мѣряютъ отдаленность двухъ пунктовъ разстояніемъ, раздѣляющимъ ихъ, а не временемъ, необходимымъ для передвиженія изъ одного въ другой), то въ сущности стало подъ рукой, а отдаленными полосами стали такія мѣстности, которыя вовсе не входили въ сферу хозяйственной области въ прежніе вѣка. Результатомъ этого, вполнѣ понятно, является большая спеціализація, усиленіе производства, обмѣна и потребленія.

Однако усиленіе сбыта можетъ обусловливаться и не естественными преимуществами, но соціальными—развитіемъ двухъ другихъ факторовъ производства — капитала и труда, его организаціей, а потому предоставленіе развитію обмѣна полнѣйшей свободы не можетъ быть признано правильнымъ во всякомъ данномъ случаѣ, и по всей справедливости, общественность, вызвавшая къ жизни этотъ живительный обмѣнъ, можетъ и должна привести сама извѣстныя условія, которыя измѣнили бы нѣсколько направленіе въ его движеніи, на первый взглядъ, въ интересахъ отдѣльныхъ мѣстностей, а въ сущности и въ окончательномъ результатѣ—въ интересахъ всего человѣческаго общества.

Чтобы яснѣе представить себѣ прогрессъ въ средствахъ сообщенія, сравнимъ новыя, при помощи пароваго двигателя, съ прежними, не знавшими его.

Достоинство путей сообщенія выражается, какъ было указано выше, въ слѣдующихъ качествахъ: дешевизнѣ, быстротѣ, емкости орудій перевозки, правильности, безопасности и вообще вліяніи перевозки на состояніе перевозимыхъ предметовъ. Посмотримъ, насколько велико преимущество желѣзныхъ дорогъ передъ прежними путями сообщеній.

Перевозка товаровъ на сухомъ пути, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, обходится дешевле, чѣмъ прежде, въ 5, въ 10 разъ и болѣе.

Взимаемая за провозъ по желѣзнымъ дорогамъ плата называется тарифомъ. Но преимущества желѣзнодорожныхъ тарифовъ заклю-

чаются не въ одной большей дешевизнѣ перевозки. Важное преимущество ихъ—это опредѣленность и постоянство въ томъ смыслѣ, что они вообще не измѣняются часто и не находятся подъ вліяніемъ большаго или меньшаго спроса на перевозочныя средства. За болѣе же продолжительные періоды направленіе въ измѣненіи ихъ противоположно измѣненіямъ сухопутныхъ и водяныхъ фрахтовъ; съ усиленіемъ движенія тарифы имѣютъ тенденцію понижаться, между тѣмъ, какъ перевозка водой или сухимъ путемъ на колесахъ становится дороже въ зависимости отъ увеличенія спроса на перевозочныя средства; они не зависятъ отъ времени года, тогда какъ послѣднее играетъ большую роль особенно въ перевозкѣ водою; весной фрахты низки, осенью высоки, въ виду опасности зазимовать не дома и невозможности грузить столько же, какъ весной, вслѣдствіе убыли воды, при неизмѣнности прочихъ издержекъ; далѣе на этихъ путяхъ принимается во вниманіе вѣроятность получать обратный грузъ, что почти не вліяетъ на желѣзнодорожные тарифы; наконецъ, цѣны на хлѣбъ и на кормъ скоту, состояніе дороги, спросъ на скотъ для полевыхъ работъ и т. п., все это отзывается на стоимости перевозки товаровъ водой или сухимъ путемъ на колесахъ и такимъ образомъ обусловливаетъ колебанія фрахтовъ, затрудняющія вѣрный разсчетъ и вслѣдствіе этого тормозящія развитіе торговли. Почти всѣ эти недостатки на желѣзныхъ дорогахъ не существуютъ. Значительно большая дешевизна перевозки по желѣзнымъ дорогамъ имѣла и ту выгоду, что заставила соотвѣтственно понизить фрахты и на прочихъ путяхъ. Напримѣръ, за тонну хлѣба отъ Марселя до Ліона суда брали 40—90 фр. въ 1853—54 г., тогда какъ по открытіи движенія по желѣзнымъ дорогамъ 1856—57 г., по которой перевозка стала обходиться 17 фр. 50 с., и судохозяева должны были сообразно съ этимъ понизить фрахты.

Направленіе въ измѣненіи издержекъ перевозки благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ характеризуется 1) удешевленіемъ и 2) уменьшеніемъ числа опредѣляющихъ, измѣнчивыхъ факторовъ. Благодаря послѣднему обстоятельству находимъ большее постоянство или однообразіе издержекъ перевозки во времени и по мѣсту. Но та же тенденція замѣчается и въ другомъ отношеніи. Отъ XVI вѣка сохранились данныя, изъ которыхъ видно, что при пересылкѣ товаровъ между нѣмецкими торговыми городами фрахты измѣнялись не только подъ вліяніемъ вѣса и разстоянія, но и въ

зависимости отъ цѣнности товаровъ; сохранившіяся отъ начала XVIII вѣка таксы страсбургскихъ корабельщиковъ даютъ весьма подробную классификацію товаровъ. Къ этому должно прибавить, что пока существовали дорожныя пошлины по цѣнности товаровъ, то, понятно, и онѣ являлись факторомъ, вліявшимъ на издержки перевозки товаровъ. Постепенно, однако, цѣнность послѣднихъ начинаетъ играть все меньшую роль въ опредѣленіи издержекъ перевозки, которыя, наконецъ, въ современныхъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ представляютъ намъ величину, сложившуюся подъ вліяніемъ сравнительно весьма небольшаго числа опредѣляющихъ моментовъ. Нельзя не признать права на raison d'être классификаціи товаровъ по цѣнности при установленіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, какъ въ началѣ развитія торговли, такъ и вплоть до того времени, пока, наконецъ, цѣнные составятъ ничтожную долю въ обращеніи товаровъ. Въ Англіи за время съ 1858 г. до 1872 г. количество перевезеннаго каменнаго угля возросло съ $21^2/_3$ мил. тоннъ до 100 мил. (приблизительно), тогда какъ весь остальной грузъ лишь съ 38 мил. до 50 мил.

Развитіе тарифовъ въ указанномъ отношеніи основательно, потому что оно даетъ возможность назначить низшіе тарифы за малоцѣнные товары и этимъ способствовать развитію ихъ производства и торговли. Разъ они уже представляютъ подавляющую массу, то въ интересахъ облегченія обмѣна должно стремиться къ возможному единству тарифовъ, такъ какъ вѣдь въ сущности разница въ тарифахъ для товаровъ также справедлива, какъ была бы разница въ цѣнахъ за письма, смотря по тому, заключаютъ ли послѣдніе въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія или нѣтъ. Наконецъ, замѣна сложной процедуры отправки товаровъ, при различной ихъ классификаціи, болѣе простой, при единообразіи тарифовъ, повела бы за собой удешевленіе и облегченіе обращенія товаровъ, такъ что до извѣстной степени, если не вполнѣ, покрывался бы недоборъ, вызванный пониженіемъ тарифовъ.

Кромѣ указанныхъ, предвидится, а отчасти уже осуществлено, еще и дальнѣйшее измѣненіе въ томъ же направленіи, именно уменьшеніе вліянія разстоянія на стоимость перевозки, такъ что конечной (можетъ быть, недосягаемой) цѣлью представляется установленіе однообразной ставки независимо отъ разстоянія, подобно тому, какъ это теперь практикуется по отношенію къ письмамъ.

Но несмотря на всю значительность выгодъ, представляемыхъ

желѣзнодорожными тарифами сравнительно съ провозными платами на прочихъ путяхъ сообщенія, она не даетъ еще вѣрнаго понятія о преимуществахъ желѣзныхъ дорогъ воообще, о значеніи введенія ихъ въ жизнь народнаго хозяйства; необходимо обратить вниманіе и на другія свойства этихъ путей сообщенія и притомъ разсматривать ихъ всѣ въ совокупности.

Такъ напр. человѣкъ въ пути, если онъ и дешево платитъ за проѣздъ, но долженъ много времени потратить на дорогу, можетъ потерять не только время, но и деньги, истраченныя въ пути на ночлегъ, ѣду и проч. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, быстрота сообщеній увеличилась во много разъ. Дилижансы въ Англіи при своей извѣстной быстротѣ не дѣлали болѣе 15—16 кил. въ часъ, а во Франціи—только 8—10 кил.; поѣзда желѣзныхъ дорогъ въ тотъ же промежутокъ времени пробѣгаютъ во Франціи до 70 кил., въ Англіи—до 85 кил., т. е., оставивъ въ сторонѣ всю потерю времени, которая могла быть вызвана остановками для перемѣны лошадей и проч., не говоря уже о ночлегѣ, который часто оказывался совершенно необходимымъ, такъ какъ было невозможно въ виду плохаго состоянія дорогъ ѣхать безъ остановокъ, въ Англіи тратится, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, одинъ день на то путешествіе, которое прежде требовало 5 дней и даже болѣе. Для Россіи указанное свойство желѣзныхъ дорогъ имѣетъ еще большее значеніе, въ виду обширности территоріи, особенно при той сравнительной недостаточности или при томъ неудовлетворительномъ положеніи, въ какомъ находятся у насъ прочіе пути сообщенія, сравнительно съ западно-европейскими государствами; такъ напр. шоссейныхъ дорогъ во всей Имперіи имѣется всего 21.186 в. Если отнести протяженіе этихъ дорогъ къ пространству и населенію тѣхъ губерній, гдѣ они находятся и сравнить полученныя такимъ образомъ величины съ даваемыми западно-европейскими государствами, то составится слѣдующая таблица:

	Длина шоссе въ верстахъ.	Среднее протяженіе шоссе въ саженяхъ на 1 кв. версту.	на 100 жителей.
Россія . . .	21.186	6	19
Пруссія . .	39.322	64	72
Австрія . .	87.818	80	116
Англія . . .	186.930	338	265
Франція . .	455.635	490	609

*

Относительно водныхъ путей сравнительныя данныя представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Длина судоходныхъ путей въ верстахъ.	На 100 квадр. миль приходится.
Европ. Россія	34.554*)	35 вер.
Австро-Венгрія	7.166	63 „
Великобританія	8.251	145 „
Германія	11.658	119 „
Франція	12.948	135 „

Выше приведенныя данныя достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, насколько важно для Россіи возможно широкое развитіе новыхъ путей сообщенія—желѣзныхъ дорогъ, особенно въ виду той скорости и дешевизны перемѣщенія лицъ и грузовъ, которыя имъ свойственны. Весьма важное преимущество этихъ путей сообщенія заключается въ возможности передвиженія громадныхъ тяжестей одновременно, что обусловливается какъ качествомъ пути, такъ какъ, благодаря рельсамъ, по желѣзнымъ дорогамъ тою же силою можно двигать въ 12 разъ большую тяжесть, чѣмъ по шоссе, такъ и особенностью механическаго двигателя. Также весьма важное свойство новыхъ путей—постоянство, точность, правильность, пунктуальность въ передвиженіи. Оцѣнка этого момента не поддается численному выраженію, но и безъ того всякому ясна та громадная выгода, которая достигается возможностью для лицъ—точно распредѣлить свое время, а относительно товаровъ—въ назначенный срокъ въ данное мѣсто доставить опредѣленныя количества. Весьма сильно увеличилась безопасность при передвиженіи лицъ и сохранность товаровъ отъ тряски, защита отъ атмосферическихъ вліяній.

Во Франціи, если взять даже время начала развитія желѣзныхъ дорогъ (1846 — 55 гг.) то получается, что одинъ убитый при ѣздѣ въ дилижансахъ приходится на 355 тыс. пассажировъ, одинъ раненый—на 30 тыс.; на желѣзныхъ дорогахъ одинъ убитый—на $1^1/_4$ милл. пассажировъ, одинъ раненый—на 400 тыс. Торговля на большія разстоянія свѣжимъ мясомъ, фруктами и т. п. только и стала возможна, благодаря указаннымъ выше свойствамъ желѣзныхъ дорогъ.

---

*) По другимъ источникамъ длина судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ=50.743 в.; одних судоходныхъ—32.353 в.

Еще въ 1830 г. на всемъ земномъ шарѣ было только 381 кил. желѣзныхъ дорогъ. Къ концу 1885 года мы находимъ уже около 485.000 кил.; желѣзныя дороги развивались вездѣ, куда проникала культура, преодолѣвались всевозможныя препятствія: не говоря о небольшихъ желѣзныхъ дорогахъ на сваяхъ (въ Америкѣ) или подъ землей и рѣкой (въ Лондонѣ),—стоитъ припомнить прорытіе туннеля Монсенисскаго—12,2 кил., оконченнаго въ 1871 г., С. Готардскаго—14,9 кил. открытаго 1 іюня 1882 г., Арльбергскаго—10,2 кил., открытаго 21 октября 1884 г.,—чтобъ видѣть, съ какой силой стремятся культурные народы къ проведенію желѣзныхъ дорогъ, несмотря ни на какія препятствія и жертвы.

	ВСЕГО.	Европа.	Россія.	Франція.	Великобританія.	Германія.	Америка.	С.-Америк. Соед. Штаты.
1845 г. . .	16 690 кил.	9.159	144	870	4.082	2.143	7.556	7.456
1855 „ . .	66.277 „	34 052					31.693	
1865 „ . .	145.028 „	75.812	3.819	13.577	21.186	13.900	62.495	56.462
1875 „ . .	296.009 „	143.187					135.339	
1880 „ . .	367.835 „	168 093	22.664	25.620	28.854	33.634	171 688	146.655
1885 „ . .	484.458 „	195 176	25.620	32.491	30.843	36.779	246.073	204.366
ъ1892 „ . .	636.069 „	227.516	30.020	37.933	32.673	43.156	331.071	275.216

Если взять отношеніе длины желѣзныхъ дорогъ въ километрахъ къ населенію и пространству, то получимъ:

	Россія.	Франція.	Великобр.	Германія.	Соед. Штаты.
на 1.000 кв. кил. .	5	71	104	80	36
на 100.000 жит. . .	29	99	86	85	436

На сооруженіе всей желѣзнодорожной сѣти къ 1887 г. сдѣланная затрата оцѣнивалась въ 109 милліардовъ марокъ (около 54 милліардовъ рублей), изъ нихъ на долю Европы приходилось почти 60 милліардовъ марокъ.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ пассажировъ перевозилось по желѣзнымъ дорогамъ ежегодно около 2,1 милліардовъ (ежедневно около 6 милліоновъ), грузовъ ежегодно — около 1,3 милліарда тоннъ (ежедневно около 3,6 милліоновъ); извѣстный французскій ученый Picard вычислилъ (въ 1883 г.), что одно сбереженіе времени, достигнутое при передвиженіи пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ (сравнительно съ ѣздой на лошадяхъ) въ годъ составило 46½ тыс. лѣтъ! По вычисленію извѣстнаго статистика Энгеля, ежегодныя сбереженія въ расходахъ, достигаемыя населеніемъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, составляютъ около 16 милліардовъ марокъ (около 8 милліардовъ рублей)!

Не вдаваясь въ подробности, можно указать на слѣдующій рядъ тѣсно связанныхъ между собою слѣдствій развитія желѣзныхъ дорогъ: раздѣленіе труда усиливается, товары становятся дешевле, цѣны ровнѣе, сфера сбыта, обращеніе и потребленіе растетъ, а вмѣстѣ растетъ и производство, принимающее болѣе интенсивный характеръ; легкость и быстрота передвиженія лицъ и передача извѣстій растетъ, повышается матеріальное благосостояніе и средній уровень образованія массъ; уравненіе различій по мѣсту и состоянію, усиленіе центральной власти, быстрѣе получающей свѣдѣнія и быстрѣе приводящей въ исполненіе признаваемыя необходимыми мѣры; громадное стратегическое значеніе желѣзныхъ дорогъ для сосредоточенія войскъ и вообще веденія войны не требуетъ объясненій.

Только для иллюстраціи сказаннаго относительно вліянія желѣзныхъ дорогъ на обращеніе товаровъ приведемъ данныя относительно оборотовъ по внѣшней торговлѣ Россіи по десятилѣтіямъ:

	1820 г.	1830 г.	1840 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1885 г	1891 г.
Обороты въ милліон. руб.	133,8	132,7	170,7	205,3	335,5	**680,8**	**972,8**	**1.100**

Какъ видимъ, громадное увеличеніе оборотовъ замѣчается въ періодъ 1860—1870 гг., и именно въ это десятилѣтіе, и притомъ во вторую половину его особенно развилась сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ, а именно среднимъ числомъ въ годъ строилось желѣзныхъ дорогъ въ 1861—1865 г.—по 434 в., въ 1866—1870 г.—по 1.376 верстъ; обороты въ первое 5-лѣтіе увеличились на 24 милл., или 8,% во второе—на 316 милл. руб., или 95%.

Однако значеніе новыхъ путей было сознано далеко не вдругъ. Не только народъ, но и государственные люди, какъ напр. Канкринъ и Тьеръ, не видѣли для нихъ будущности, такъ что много препятствій пришлось преодолѣть пару, въ примѣненіи къ желѣзнымъ дорогамъ, чтобы завоевать себѣ то положеніе, которое намъ теперь кажется совершенно естественнымъ, нормальнымъ.

Изъ разсмотрѣнія исторіи желѣзныхъ дорогъ видно, что они въ своемъ развитіи прошли слѣдующія три стадіи: первоначально государство относится къ нимъ крайне осторожно, не понимаетъ ихъ значенія и все дѣло ведется частной предпріимчивостью. Но достаточно было 10—15 лѣтъ, чтобы могла быть произведена болѣе вѣрная оцѣнка значенія новыхъ путей сообщенія для всей жизни народа, и вотъ государство признаетъ необходимымъ вы-

ступить въ болѣе активной роли. Государственная власть является носительницей идеи общественнаго блага, представительницей общественныхъ интересовъ. Вся совокупность функцій, вызываемыхъ къ жизни этой ролью государственной власти, можетъ быть сведена въ двѣ крупныя группы: одни имѣютъ въ виду выполненіе *правовой* задачи государства, другія—его *культурно-экономической* задачи.

Никакое общежитіе безъ установленія извѣстнаго правоваго порядка немыслимо: государство и охраняетъ и устанавливаетъ его, опредѣляетъ, въ согласіи съ нимъ, всѣ правовыя отношенія, изъ наличности путей сообщенія и пользованія ими вытекающія. Уже самое созданіе путей сообщенія почти неизбѣжнымъ дѣлаетъ подчиненіе частнаго интереса общему, признаніе права *экспропріаціи*. Государство, являясь охранителемъ законно пріобрѣтенныхъ правъ, необходимо должно установить правила, при соблюденіи которыхъ экспропріація для общественныхъ потребностей была бы согласована съ началами справедливости и представлялась бы нарушеніемъ частныхъ правъ лишь въ предѣлахъ безусловной необходимости ради удовлетворенія общественныхъ потребностей.

Когда пути уже созданы, государство озабочено обезпеченіемъ *безопасности* пользованія ими, независимо отъ того, оно ли само, въ лицѣ своихъ органовъ, или его подданные, какъ частныя лица, пользуются этими путями. Въ этихъ видахъ государству надлежитъ разсмотрѣть и разрѣшить вопросъ по отношенію къ различнымъ категоріямъ путей сообщенія, слѣдуетъ ли произвести освидѣтельствованіе ранѣе открытія пути для пользованія, допустимо ли это послѣднее вполнѣ свободно или же необходимо его регулировать и потребенъ ли постоянный надзоръ со стороны правительства. То или другое рѣшеніе вопросовъ вызываетъ къ жизни цѣлый рядъ различныхъ органовъ правительства, функціонирующихъ временно или постоянно.

Однако для государства важна не одна безопасность, но и возможное *совершенство* путей сообщенія. Какъ хранитель правъ подданныхъ, въ интересахъ самосохраненія, государство заинтересовано въ хорошемъ положеніи путей сообщенія ради своихъ военныхъ цѣлей. Но и заботы объ охранѣ правъ внутри страны, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, наконецъ о возможно быстромъ и точномъ выполненіи административныхъ рас-

поряженій даже при вполнѣ нормальномъ теченіи дѣлъ естественно вызываютъ вниманіе со стороны государства къ путямъ сообщенія.

И политическое, и экономическое громадное значеніе для страны имѣетъ движеніе населенія въ пространствѣ (эмиграція и т. д.), почему государство и не можетъ относиться къ нему равнодушно, а между тѣмъ оно стоитъ въ самой тѣсной зависимости отъ развитія путей сообщенія.

Рядомъ съ указанными обстоятельствами на дѣятельность государства вліяютъ опредѣляющимъ образомъ весьма разнообразныя условія культурно-экономическаго характера: въ своихъ заботахъ о распространеніи матерьяльнаго благосостоянія, о духовномъ развитіи населенія, государство на каждомъ шагу встрѣчаетъ содѣйствіе, помощь или, наоборотъ, препятствіе своимъ начинаніямъ въ высокоразвитыхъ путяхъ сообщенія. Сказанное едва ли требуетъ подробнаго разъясненія, а потому достаточно одного примѣра для уясненія значенія путей сообщенія въ разсматриваемомъ отношеніи для правительства: хорошіе пути сообщенія, допуская доставку товаровъ въ данное мѣсто даже изъ весьма отдаленныхъ государствъ, могутъ принудить государственную власть, въ видахъ охраны отечественной промышленности, установить пошлины на ввозъ извѣстныхъ иностранныхъ товаровъ или даже и вовсе его воспретить, по крайней мѣрѣ, временно, пока не окрѣпнетъ данная отрасль національной промышленности настолько, чтобы спокойно выдерживать соперничество иностранной.

Насколько велико непосредственное вліяніе развитія путей сообщенія на экономическое и духовное развитіе населенія, — а въ этомъ государственная власть, естественно, весьма заинтересована, — было уже указано выше.

Пути сообщенія могутъ служить источникомъ дохода для своего хозяина, поэтому государству приходится разрѣшить вопросъ, какъ ему относиться къ тѣмъ или другимъ путямъ сообщенія? Оно можетъ оставить частныхъ лицъ извлекать доходъ, облагая или необлагая его въ свою пользу налогомъ; или же государство можетъ взять завѣдываніе тѣми или другими путями сообщенія въ свои руки исключительно или рядомъ съ частными лицами. Въ такомъ случаѣ оно можетъ 1) или предоставить пользоваться его путями безвозмездно, покрывая всѣ доходы на нихъ изъ обще-

государственныхъ средствъ, 2) или можетъ быть за пользованіе путемъ установлена такая плата, чтобы полученной суммою покрывались расходы по содержанію пути въ исправности, 3) или государство можетъ стремиться извлекать возможно большій доходъ, допуская рядомъ соперничество частныхъ лицъ, 4) или же наконецъ, государство можетъ воспользоваться властью—оставить за собою монопольное право эксплоатировать тѣ или другіе пути сообщенія, устанавливая взиманія за право пользованія, въ зависимости отъ различныхъ руководящихъ началъ.

Такъ какъ государство нуждается въ средствахъ для выполненія лежащихъ на немъ обязанностей, то оно, если бы признало пути сообщенія объектомъ, вполнѣ пригоднымъ служить источникомъ дохода, могло бы установить плату за пользованіе ими въ такомъ размѣрѣ, чтобы извлеченіе дохода не препятствовало путямъ сообщенія наилучшимъ образомъ служить своимъ непосредственнымъ цѣлямъ.

Если относительно благотворнаго вліянія развитія путей сообщенія вообще на народное хозяйство не можетъ быть спору, то вся область дорожной политики, касающаяся государства къ отдѣльнымъ категоріямъ путей сообщенія представляетъ массу еще нерѣшенныхъ, спорныхъ вопросовъ. На помощь тоорія необходимо должна быть привлечена практика — все прошлое, вся исторія развитія путей сообщенія, которая, какъ намъ кажется даетъ достаточно ясные отвѣты, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые, наиболѣе жгучіе вопросы.

Согласно вышеизложенному, мы видимъ, что государство во второй стадіи развитія желѣзныхъ дорогъ уже выступаетъ не только контролеромъ, и покровителемъ частной предпріимчивости, но и соучастникомъ въ постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, или же само берется за проведеніе новыхъ путей за свой счетъ; въ то же время рядомъ продолжаютъ существовать и частныя общества, дѣятельность которыхъ, однако, государство стремится все болѣе и болѣе регламентировать, подчинить своему вліянію. Однако, постепенно распространяется и все болѣе силы пріобрѣтаетъ мнѣніе, что такой condominium государства и частныхъ лицъ по отношенію къ желѣзнодорожному дѣлу не долженъ имѣть мѣста и на смѣну его должно выступить исключительно государственное желѣзнодорожное хозяйство, что и осуществляется нынѣ на дѣлѣ во многихъ государствахъ.

Взглянемъ на причины указанныхъ измѣненій. Приложеніе пароваго двигателя на сушѣ уничтожило физическую невозможность для перемѣщенія товаровъ, и притомъ перемѣщенія массами, и такимъ образомъ было устранено первое препятствіе для развитія сухопутной, а въ зависимости отъ нея и вообще международной торговли. Вполнѣ понятно, что по мѣрѣ того, какъ стало выясняться значеніе желѣзной дороги для страны, роль государства необходимо дѣлается болѣе активной; въ тѣхъ же случаяхъ, когда частная предпріимчивость оказывалась недостаточной, государство выступаетъ на помощь или рядомъ съ частными предпринимателями: одной помощью оно не могло ограничиться потому, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ постройка желѣзной дороги хотя и была весьма важна съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, напримѣръ по соображеніямъ стратегическимъ, но не обѣщала непосредственной, или по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, выгоды, притомъ выгоды, не меньшей, чѣмъ въ другихъ предпріятіяхъ, въ такихъ случаяхъ, понятно, на частную предпріимчивость нельзя было разсчитывать и государству приходилось выступать самому предпринимателемъ и строить дорогу на государственныя средства.

Однако, какъ система частнаго завѣдыванія желѣзными дорогами, такъ и смѣшанная система—отчасти частными компаніями, отчасти государствомъ—обѣ оказались несостоятельными. Въ первомъ случаѣ монопольный характеръ желѣзнодорожныхъ предпріятій скоро выяснился и, такимъ образомъ, разсчетъ на благодѣтельныя послѣдствія конкуренціи не оправдался; даже болѣе, тамъ гдѣ являлись попытки на послѣднюю, дѣло кончалось къ невыгодѣ, какъ народнаго капитала, такъ и частныхъ потребителей, почти что отданныхъ на произволъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Мало этого, слитіе отдѣльныхъ обществъ въ крупныя компаніи создало такую силу въ государственномъ строѣ, съ которой необходимо было считаться, которая грозила не въ очень далекомъ будущемъ стать государствомъ въ государствѣ, даже подчинить себѣ послѣднее. Временному (съ 1873 г.) желѣзнодорожному комитету въ Англіи опасаются подавать жалобы на частныя желѣзнодорожныя обещества въ виду ихъ силы, вліянія, не только частныя лица—купцы, фабриканты,—но даже „военное министерство ея великобританскаго величества“, какъ это было заявлено передъ парламентской комиссіей! Невыгоды смѣшанной системы выказались также достаточно ясно для

того, чтобы произнести надъ нею приговоръ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда государство „помогало“, оно это дѣлало по большей части въ формѣ гарантіи извѣстнаго дохода на капиталъ, т. е. брало на себя убытки отъ невыгодныхъ линій, не участвуя въ барышахъ съ выгодныхъ линій; къ этому присоединилось еще соперничество линій за счетъ государства; когда оно „строило“, то это были такія линіи, которыхъ не хотѣли строить частные предприниматели въ виду невыгодности ихъ, т. е. опять-таки государство покрывало недочеты однѣхъ линій не изъ доходовъ отъ другихъ (какъ бы это было возможно), такъ какъ послѣднія были въ частныхъ рукахъ и доходы съ нихъ шли тоже въ частные карманы, но изъ общегосударственныхъ средствъ.

При сосредоточеніи завѣдыванія всѣми желѣзными дорогами въ рукахъ правительства указанные недостатки сами собою исчезаютъ; мало этого, была бы достигнута большая правильность въ развитіи сѣти не только по мѣсту, но и во времени, чѣмъ устранились бы и кризисы, слѣдующіе обыкновенно за желѣзнодорожной горячкой, благодаря которой массы рабочихъ привлекаются къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ для того, чтобы, по минованіи этой горячки, быть выброшенными на произволъ судьбы безъ всякаго заработка. При исключительно государственномъ веденіи дѣла ежегодныя затраты на постройку желѣзныхъ дорогъ можно бы было регулировать и такимъ образомъ избѣжать кризисовъ съ ихъ невыгодными послѣдствіями для рабочихъ и капиталистовъ.

Наконецъ, сверхъ всего этого, должно замѣтить, что централизація въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ представляется естественнымъ шагомъ впередъ въ развитіи путей сообщенія. Цѣль, которой служатъ желѣзныя дороги, опредѣляетъ направленіе въ ихъ развитіи. Цѣль эта достигается перемѣщеніемъ товаровъ изъ той мѣстности, гдѣ они находятся сравнительно въ избыткѣ, туда, гдѣ въ нихъ ощущается недостатокъ, иначе говоря, изъ мѣста, гдѣ они дешевы, туда, гдѣ они дороги. Слѣдствіемъ этого является большее уравненіе цѣнъ, предѣломъ для котораго служатъ издержки перевозки, а потому естественнымъ шагомъ впередъ является дальнѣйшее пониженіе послѣднихъ. Однако, одно пониженіе еще недостаточно, необходимо большее равенство издержекъ перевозки, такъ какъ въ противномъ случаѣ относительнаго равенства цѣнъ вообще нельзя будетъ достигнуть.

Въ самомъ дѣлѣ, если стоимость перевозки одного пуда изъ

А въ два равноудаленныхъ отъ А мѣста—В и С будетъ неодинакова, то весьма естественно ожидать, что и цѣны въ В и С будутъ различны. Онѣ могутъ приближаться къ цѣнамъ въ А, но между собой могутъ разниться, по мѣрѣ такого приближенія, относительно даже больше, чѣмъ до него. И пониженія, и уравненія тарифовъ можно ожидать лишь отъ централизаціи желѣзнодорожнаго хозяйства, притомъ именно въ рукахъ государства.

Въ данномъ случаѣ мы можемъ наблюдать вообще процессъ освобожденія общества отъ мѣстной зависимости: подобно тому, какъ, напр., цѣна хлѣба устанавливается издержками его производства постепенно все на болѣе и болѣе обширномъ пространствѣ, такъ же точно и съ желѣзными дорогами — сперва доходъ и издержки относятся къ небольшимъ линіямъ и соотвѣтственно послѣднимъ на каждой изъ линій оказываются различные тарифы, затѣмъ съ постройкой ли новыхъ вѣтвей тѣми же компаніями, или съ ихъ слитіемъ, вообще съ увеличеніемъ комплекта хозяйства, представляется возможность брать въ разсчетъ общіе для всей компаніи расходъ и доходъ, и сообразно съ этимъ однообразные тарифы могутъ примѣняться уже на большія пространства. Вполнѣ понятно, что при системѣ частной или смѣшанной на различныхъ дорогахъ тарифы различны, но едва ли такой порядокъ можно считать нормальнымъ по отношенію къ развитію страны: если желѣзныя дороги являются орудіемъ культуры, то несправедливо заставлять одну часть населенія государства за услуги желѣзныхъ дорогъ платить дороже, чѣмъ другую, ссылка же на различіе стоимости сооруженія и эксплоатаціонныхъ расходовъ въ принципѣ несостоятельна, такъ какъ то же мы встрѣчаемъ на отдѣльной дорогѣ, однако пудо-верста на перегонѣ, имѣющемъ туннель или мостъ, или представляющемъ значительную крутизну и т. п., не тарифируется дороже, чѣмъ въ другихъ частяхъ дороги.

Объясненіе лежитъ лишь въ различіи собственниковъ дорогъ, сосредоточеніе же всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніи государства устранитъ это препятствіе и дастъ возможность большаго уравненія тарифовъ.

Пониженіе тарифовъ, котораго можно ожидать отъ централизаціи желѣзнодорожнаго дѣла въ рукахъ государства, обусловливается, во 1-хъ, сокращеніемъ издержекъ на центральное управленіе, что могло бы быть достигнуто и одной частной компаніей и во

2-хъ — тѣмъ, что государство будетъ смотрѣть на дороги не съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя, — какъ бы извлечь возможно бо́льшій барышъ, — а какъ на орудіе соціальнаго развитія страны, почему можетъ даже не только не искать равновѣсія доходовъ и расходовъ, но еще приплачивать изъ общегосударственныхъ средствъ, притокъ которыхъ зато можетъ увеличиться въ гораздо большемъ размѣрѣ.

Вообще разсмотрѣніе желѣзнодорожнаго дѣла привело насъ къ выводу, который можетъ быть формулированъ въ слѣдующихъ словахъ: фактическая монополія, которая неизбѣжна должна расти, въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ, рядомъ съ экономическимъ прогрессомъ, обусловленнымъ именно большимъ объединеніемъ, большею централизаціей въ завѣдываніи желѣзнодорожнымъ дѣломъ, не можетъ оставаться въ частныхъ рукахъ: 1) потому что она несправедлива: только *въ интересахъ общественныхъ* допускается нарушеніе права собственности — экспропріація, безъ которой почти немыслимо самое существованіе желѣзной дороги, только *интересами общественными* можетъ быть оправдываема монополія и *на пользу общественную*, по справедливости, должно обращать тотъ доходъ, который возможенъ лишь благодаря этой монополіи; 2) потому что она вредна: желѣзныя дороги, съ точки зрѣнія частнаго предпріятія, никогда *не могутъ* развить своей дѣятельности до той степени, до какой это возможно государству, не ищущему непремѣнно барыша, да притомъ еще возможно большаго, отъ ихъ завѣдыванія, какъ это естественно имѣетъ мѣсто при нахожденіи ихъ въ рукахъ частныхъ обществъ. Въ послѣднемъ случаѣ, поэтому, является задержка для дальнѣйшаго экономическаго и вообще соціальнаго развитія государства; 3) потому что она для государства опасна: многія частныя желѣзнодорожныя общества, подчиняясь въ своемъ естественномъ развитіи экономическимъ требованіямъ, сливаются въ немногія болѣе крупныя общества, которыя представляютъ собою громадную силу, грозящую подчинить себѣ государство, обратить государственную власть на служеніе своимъ частнымъ интересамъ; не можетъ быть оставлена безъ вниманія и та опасность, которая возможна при политическихъ столкновеніяхъ.

Почта, телеграфъ, телефонъ, фонографъ. Передача извѣстій, какъ свидѣтельствуетъ исторія, уже существовала въ самой глубокой древности, ранѣе изобрѣтенія письма, при помощи услов-

ныхъ знаковъ, напр. повязанныя на поясъ гонца веревочки разнаго цвѣта обозначали воиновъ, хлѣбъ, золото и т. п., а узлы на этихъ веревочкахъ число и количество. У Египтянъ гонцы существовали уже за 2.400 лѣтъ до Р. Х. и по утрамъ фараонъ со всѣхъ концовъ своего государства получалъ извѣстія ежедневно; гонцы смѣняли одинъ другаго, но были пѣшіе; это не мѣшало имъ бѣгать быстрѣе лошади, напр. у грековъ нѣкоторые гонцы (гемеродромы) пробѣгали по 90 килом. въ 10 час. За $5^1/_2$ вѣковъ до Р. Х. въ Персіи Киромъ вводится пользованіе смѣняемыми лошадьми для почты. У Римлянъ почта (cursus publicus) при императорѣ Августѣ достигла высокаго развитія, хотя предназначалась, какъ и въ Персіи, исключительно для государственныхъ цѣлей. Придорожные жители обязаны были не только доставлять скотъ, необходимый для перевозки почты, лицъ и грузовъ, но и пищу ѣдущимъ.

Съ паденія Римской имперіи до 11 вѣка почтовыя сношенія падаютъ; только съ развитіемъ торговли, наукъ и промышленности, съ развитіемъ рыцарскихъ орденовъ оживаютъ снова и почтовыя сношенія, но они ведутся особнякомъ: университеты держатъ своихъ гонцовъ, ордена, монастыри, города, князья, мясники—своихъ; и такъ продолжается дѣло въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до 18 вѣка, когда напр. (въ 1719 г.) у Парижскаго университета отнято было право имѣть отдѣльную почту. Вообще же съ середины XV вѣка начинаетъ развиваться государственная почта. Въ видахъ облегченія почтовыхъ сношеній въ 1874 г. учреждается всемірный почтовый союзъ, къ которому въ настоящее время примыкаютъ всѣ сколько нибудь цивилизованныя государства съ населеніемъ до 940 милл. челов.

Въ одной Европѣ въ 1890 г. было переслано по почтѣ болѣе 5,8 милліардовъ писемъ и до 4,8 милліардовъ газетъ и проч., въ Россіи число однихъ писемъ достигало 210 милліоновъ.

Быстрая передача извѣстій на большія разстоянія при помощи сигналовъ существовала уже въ самой глубокой древности: карфагеняне дикарей, съ которыми они вели нѣмую торговлю, извѣщали о своемъ прибытіи столбомъ дыма; у грековъ приближеніе съ моря друзей оповѣщалось поднятіемъ факеловъ, приближеніе враговъ—маханіемъ факеловъ; у персовъ извѣстія отъ самой границы въ одинъ день доводились до свѣдѣнія царя смѣною огней на сторожевыхъ пунктахъ. Уже за 200 лѣтъ до Р. Х. у

грековъ существовала азбука для передачи извѣстій при помощи факеловъ. Также трубные звуки, крики, позже выстрѣлы, на морѣ также цвѣтные паруса служили для быстрой передачи извѣстій; и у насъ, какъ извѣстно, при приближеніи татаръ на сторожевыхъ возвышеніяхъ казаки зажигали засмоленныя „фигуры“, которыя поднимались на высокіе шесты и такимъ образомъ предупреждали о набѣгѣ враговъ.

До конца 17 вѣка усовершенствованій не было, но и затѣмъ до изобрѣтенія электрическаго телеграфа (1848 г.) улучшенія не были особенно существенны, такъ что современное значеніе телеграфъ пріобрѣтаетъ лишь съ середины настоящаго столѣтія, а между тѣмъ уже въ 1890 г. въ Европѣ было послано 197 милліоновъ телеграммъ (въ Россіи болѣе 11 милліоновъ); длина телеграфныхъ проволокъ составляла 3,98 милл. кил.

Во второй половинѣ 19 вѣка изобрѣтается и телефонъ, который пріобрѣтаетъ практическое значеніе послѣ усовершенствованій, сдѣланныхъ въ 1876 г. Бэллемъ (въ Бостонѣ). Благодаря преимуществамъ телефона передъ телеграфомъ (безъ подготовки можно пользоваться, непосредственно сноситься, не довѣряя постороннимъ лицамъ, можно имѣть телефонъ у себя дома, не надо ходить на станціи, подробнѣе и скорѣе объясниться можно), пользованіе имъ быстро развивается, такъ что къ 1888 г. въ главнѣйшихъ государствахъ Европы имѣлось 653 сѣти съ 113.611 абонентами; въ Соединенныхъ Штатахъ (къ октябрю 1888 г.) было 739 сѣтей, протяженіемъ 235.618 кил. съ 158.712 абонентами.

Наиболѣе длинныя изъ существующихъ въ настоящее время телефонныя линіи — между Парижемъ и Марселемъ, протяженіемъ 903 кил. и между Парижемъ и Лондономъ (открыта въ 1891 г.).

Новѣйшее изобрѣтеніе—фонографъ представляетъ собою новый шагъ впередъ въ области техники: телеграфомъ и почтой передаются и пересылаются извѣстія, телефономъ непосредственно передается живая рѣчь, фонографъ же дѣлаетъ возможнымъ воспроизведеніе (хоть 1.000 разъ) и пересылку на какія угодно разстоянія не только живой человѣческой рѣчи, но всякихъ звуковъ. Теперь еще трудно опредѣлить возможные случаи его практическаго примѣненія, но едва ли можно сомнѣваться въ громадномъ значеніи этого изобрѣтенія.

Литература по этому отдѣлу экономической науки, кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій общаго характера, представляется чрезвычайно обширной и по каждому вопросу чрезвычайно обстоятельныя въ этомъ отношеніи указанія можно найти въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften 1889—93 (еще не окончено изданіе). Укажемъ всетаки на нѣкоторыя сочиненія, сюда относящіяся: Tooke-Newmarch Geschichte der Preise (пер. Asher); Böhm-Bawerk Theorie des Güterwerthes (Jahrbücher f. N. und S. 1886); Neumann Die Gestaltung des Preises unter dem Einfluss des Eigennutzes (Z. f. Staatzw. 1880); Zuckerhandl Theorie des Preises 1889 Knies Das Geld. 2 Aufl 1885 Haupt Gold, Silber und Valutaherstellung 1892; Soetbeer Materialien zur Erläuterung und Beurtheilung der wirthschaftl. Edelmetallverhältnisse etc. 1886; Wasserrab Preise und Kriesen 1889; Suess—Die Zukunft des Goldes (1877);—des Silbers (1892). Arendt Die vertragsmässige Doppelwährung 1880; Schäffle Die internationale Doppelwährung 1881; Wagner Für bimetallistische Münzpolitik 1881; Ettinger Einfluss der Goldwährung auf das Einkommen der Bevölkerungsklassen etc. 1892; Wolowski La question monétaire 1867, Laveleye La monnaie bimetallique 1876; Haupt L'histoire monétaire de notre temps 1886, Skarzynski Le bimétallisme 1892; Sewen Studien über die Zukunft des Geldwesens 1892, Hertzka Das internationale Währungsproblem und dessen Lösung 1892; Knies Der Credit 1876—9; Wirth Handbuch des Bankwesens 1883; Courcelle-Séneuil Traité théorique et pratique des opérations des banques (есть русскій переводъ); Wolowski La question des banques 1864; Schraut Organisation des Credits 1883; Lotz Die Technik des deutschen Emissionsgeschäftes 1890; Sattler Dis Effektenbanken 1890; Leonhardt Der Warrant als Bankpapier 1886; Hecht Die Warrants 1884; Rauchberg Der Clearing und Giroverkehr 1886; Kuhlenbeck Der Check 1890. Schraut Theorie des auswärtigen Wechselkurses 1882;

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.